

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://batyushkov.ru/> Приятного чтения!

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов
Повесть о Силославе.

Во времена древних наших князей, до времен еще великого Кия, на том месте, где ныне Санкт-Петербург, был великолепный, славный и многолюдный город именем Винетта; в нем обитали славене, храбрый и сильный народ. Государь сего города назывался Нравоблаг; он был храбрый полководец в свое время, ополчался противу Рима и Греции и покорял многие окрестные народы под свою область. Благоденствие и мудрые узаконения от времени до времени приводили владение его в цветущее состояние; счастье, разум и сила присвоили ему все по его желанию, и он утешался и был доволен, смотря на изобилие и спокойство своего государства, ибо тишина и благоденствие народа составляли все его благополучие.

Он уже приходил в глубокую старость и не имел по себе наследника; того ради жертвовал Дидилии, [2] как богине деторождения, и просил от нее сына для наследования своего престола. Уведав сие, некоторая волшебница, которая имела великое несогласие с сильнейшим некоторым злым духом, вознамерилась мстить ему сим смертным, которого она положила произвести сильным и храбрым. Приняв на себя вид пустытника, предстала Нравоблагу в то время, когда он домашним богам своим возливал на жертву молоко, и говорила следующее:

– Боги-властители над тобою, услышав твою молитву, посылают тебе сына, которого имя со славою возгремит во всей вселенной.

Потом подала ему два плода, коих красота и благовоние было неизъяснительно, с таким приказанием, чтоб государыня, его супруга, оные скушала, и, окончив сие, исчезла. Наполненный удивлением и радостью государь благодарил богов и вскоре исполнил завещание волшебницы. Плоды были употреблены в пищу, и Звенислава (так называлась Нравоблагова супруга) признавалась, что во всю свою жизнь ничего сладостнее их не кушала. После сего зачала она и по окончании обыкновенного времени родила сына, достойного себя и дара богов.

Между тем весь город находился о бремени ее в удивлении, ибо она уже была в довольных летах и так не надеялись от нее плода, а о предстании и обещании волшебницы не ведали.

Когда же Звенислава разрешилась от бремени, тогда князь, по созвании народа на свой двор, объявил ему через провозглашателя следующее:

– Князь Нравоблаг, завсегда считая счастье подданных своих выше своего благополучия, всечасное имел о благосостоянии их попечение. Напоследок при старости, не видя у себя преемника, а у народа покровителя и князя, просил всемогущих богов наградить его сыном. Боги молитву его исполнили и послали к нему святого своего человека, который обнадежил князя их милостью, в знак чего принес из небесного сада два преузорочные плода, невиданные доселе, с таким предложением, чтоб княгиня Звенислава употребила их в пищу, что она и исполнила, и с самого, того дня зачала сына, который ныне родился, с рождением коего князь Нравоблаг поздравляет теперь весь народ славянский.

Выслушав сие, народ воскликнул и восплескал во славу владетеля и наследника. И с самого того часа разлилась радость по всему городу. Государь же приказал во всех божницах приносить жертвы и народу праздновать целый месяц; а княжеский дворец во время сего празднования завсегда наполнен был народом. Во всем городе и окрестностях его ничего, кроме веселья и пирования, не слышно было. Наконец, уступило веселье исполнению необходимых нужд. По пяти годах младенчества Силослава приняли о нем попечение мудрецы тогдашнего времени: все было употреблено к украшению его разума. И по окончании семнадцатого года увидели в юном князе образ необъемлемой красоты и сведения.

Тогда Нравоблаг, видя желание свое в совершенном удовольствии, начал ему предлагать о браке, чтоб тем продлить свое наследие и спокойству государства, чего также желали и его подданные. Почтительный и послушный сын последовал без прекословия воле своего родителя и охотно на все соглашался. Тогда Нравоблаг показал ему большую картину, на которой были малые изображения многих царевен и княжон других владений, ибо тогда было такое обыкновение и все молодые государи должныствовали выбирать себе супругу по сим изображениям. Самый первый образ на картине был завешен. Силослав весьма долго на другие прочие смотрел и не объявлял своего мнения, потом просил отца своего, чтоб показать ему и тот, закрытый. Упорство его родителя вселило в него великое любопытство, и Нравоблаг

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru непременно должен был на просьбу его согласиться. Как скоро открыл он образ, представляющий прекраснейшую девицу, тогда Силослав в радостном восторге объявил ее своею супругою.

Такое восхищение встревожило родителя: он, желая утаить приключение с сею княжною от своего сына, который, как он думал, не преминет за нею следовать и искать во всем свете, объявил ему, что она недавно скончалась.

Сия государыня была дочь Станидарова, который обладал многонародным городом Сонмом. Силослав, имея некогда с нею свидание, влюбился в нее смертельно. Как скоро он сие услышал, смутился мыслию и сделался бессловесен, радость его обратилась в отчаянье, и, не отвечая своему родителю, следовал он в свои чертоги. Неописанная красота Прелепы (так именовалась дочь Станидарова) поразила Силославово сердце. Он начал сетовать и старался быть всегда уединенным; размышления его произвели в нем такую горячность, что уже начал он презирать свою жизнь и старался искать смерти. Крепостан, любимец его, усмотря сокрушение своего государя и соболезнуя равно, предпринял ему явить усердие и уведомить о похищении той государыни, которою страдает Силослав. Итак, предстал ему и говорил следующее:

– Великий государь! Сокрушение твое и долг мой требуют, чтоб я облегчил твою печаль и открыл тебе тайну, которую сокрывает от тебя твой родитель. Прелепа есть дочь великого государя, который обладает многонародным Сонмом. Сей город, как тебе известно, стоит на берегу Варяжского моря к полуденной стороне от Винеты. Для превосходной ее красоты, которая тебе давно уже известна, похищена она некоторым злым духом, который содержит ее у себя в замке. По похищении сем ее родитель призывал из дальних сторон искусных волхвов, которые делали великие заклинания на похитителя и принуждали его возвратить назад Прелепу. Иногда доходили они своим искусством до того, что дух устрасался их власти и, почитай, принужден был возвратить ее к отцу ее. Три целые года беспокоился он такими заклинаниями и, наконец, вооружась всеми своими силами, превратил весь город и все княжеское поколение в каменные истуканы, а волхвов всех погубил неизвестным образом. Государь сей любил изображение змеино, и так весь город испещрен, все его сосуды, и, словом, все вещи имели на себе начертание сего животного и плещущегося по земле. Вне города стена ограждена была великим змеем, которого хвост укреплен был в его челюстях. Дух, обратив людей в камень, дал движение сим животным, которые теперь населяют весь город, и ни один человек не дерзнет вступить в него, страшась ужасного умерщвления от тех гадов. Движение их, свист и смрад, происходящий от них за несколько верст, чувствуют проезжающие; а похищению Прелепы уже теперь пятый год, и я думаю, государь, что она еще здравствует под властью того духа.

Силослав, услышав сие, как будто бы возбудился от сна и, наполнившись великою радостью, которая изображала на лице его надежду, обнял своего наперсника и уверял его вечною благодарностью. Потом объявил, что намерен путешествовать и искать ее по всему свету. Крепостан советовал ему оставить сие предприятие и предлагал, что возвратить Прелепу невозможно, ибо где она обитает, того неизвестно, и каким образом ее сыскать, и то неведомо. Однако советы его молодому и страстно влюбленному юноше еще большее вселяли желание последовать своей страсти, а не отвращали от предприятия. Итак, определено было Силославом странствовать по свету. Ни слезы матери, ни угрозы отца, ни просьбы подданных не могли опровергнуть его желания. В сем случае сделался он преслушен своим родителям и позабыл, чем обязан своим подданным, из чего рассудить можно, сколько любовь имеет власти над нашим сердцем. Всякая минута казалась ему, что увлекает у него время для получения того, чего не было ему приятнее на свете. Хотя нимало не ведал он, где должно ее искать, однако воображал всегда, что уже имеет ее в своих руках; представлялись ему все утехи, которые он воображал иметь по получении Прелепы, и одно ее имя придавало желанию его крылья. Он ни о чем больше не думал, как только отправиться в путь.

Между тем, как рассуждал он, по какой дороге начать путешествие, изготовлено было все к его отъезду; только все сии приуготовления для него не годились. Он приказал привести множество коней и выбирал из оных одного, на котором бы мог отправиться в путь: клал на спину каждого коня руку, и который подгибался под оную, тот ему не годился. Наконец выбрал одного по желанию и, взяв принужденное благословение от своих родителей, оставил город, который провожал его слезами и отчаянным воплем. Крепостан следовал за ним с малою юношескою дружиною, которой Силослав приказал возвратиться в город.

Открытое поле, почувствовав в себе молодого, прекрасного и храброго рыцаря, любовалось на сие украшение смертных; встречающиеся с ним леса, казалось, как будто уклоняли свои ветви и тем оказывали ему должную честь; великолепный вид, блестящая одежда и бодрость его коня представляли действительно, что нет ему противника во всей вселенной. Крепостан удивлялся сам ему, видя его в богатырской одежде, ибо в первый еще раз в оной его видел, а Силослав, наполнен будучи любовью, понуждал только своего коня к скорейшему бегу, не думая нимало, куда и для чего едет. Наконец, будучи немалое время в пути, прибыли они на прекрасные луга города Сонма.

* * *

Сей город стоял на плоском месте и имел вид шестиугольной фигуры, и каждый ее угол оканчивался высокою башнею наподобие египетских пирамид; верхи оных башен покрыты были литою медью, которая вызолочена была аравийским золотом. Всякая башня имела одни ворота и опускной мост чрез ров, который окружал весь город. В середине города блистали превысокие и великолепные палаты; на узком оных верху сидел Атлант и держал на плечах небо в виду шара, который осыпан был рубинами и карбункулом, коих блеск представлял его зрителям другим солнцем. Это был дворец Станидаров. Стены города закрывались тем змеем, который окружал за рвом город, ибо он был преогромной величины и имел движение, испускал притом ужасный рев. Свист и движение животных в городе наводили страх всем приближающимся к нему. Однако Силослав без робости глядел на сие ужасное чудовище и, объезжая кругом, искал способа, как бы быть ему внутри города. Потом увидел превеликий четвероугольный камень, на котором были высечены сии строки:

Город сей примет прежнее свое бытие, когда почувствует на себе земля такого сильного богатыря, который сей камень внесет на раменах в середину города. Силослав, прочитав сие, почувствовал побуждение, кое воздвигал в нем белый его дух, [3] и ударил копьем в камень, который рассыпался на мелкие части. Вдруг из-под оногo предстала пред него обнаженная женщина; тело ее было обожжено, волосы на голове сотлели, кровавые раны покрывали ее лядвеи, лицо и губы от жару все истрескались, и текла из оных кровь; в руках имела она трость с волшебными на ней изображениями. Приблизившись к Силославу, приказала ему сойти с коня; потом, взяв его за руку, повела в подземную пропасть, которой отверстие закрыто было оным камнем, а за ними последовал и Крепостан.

Переступив девять ступеней вниз, увидели они четвероугольную горницу, коей стены составлены были из голов свирепых животных, они растворяли свои пасти и дышали пламенем, который летал по всему зданию. Волшебница могла оное сносить, но на Силославе и Крепостане разгорелись латы и начинало тлеть их платье. Они сказали волшебнице, что скоро сгореть могут, ежели тут останутся. Волшебница ударила тростью в стену, которая немедленно сделала из себя отверстие; они следовали все немедля в оное и нашли там такое же здание, наполненное мерзкими и слизкими гадами, которые облепили их тотчас. Силослав, будучи тревожен ими, говорил волшебнице, что не может пробыть тут ни одной минуты, ибо смрад и прикосновение гадов приводили его в великое беспокойство и ужас. Тогда волшебница опять вывела их на поверхность земли.

– Есть еще и третье здание, – говорила она, – в котором ветры поднимают пыль и, отрывая земляные глыбы, претворяют их в песок, который после, подымая с полу, крутят землю наподобие кипящей воды. В сие здание нам невозможно было бы и глядеть, не только вступить.

Тогда Силослав спрашивал, для чего произведены такие страшные темницы.

– По рождении твоём, – ответствовала волшебница, – я заключена была в оные и шестнадцать лет претерпевала сие мучение за то, что произвела тебя на свет. Тот сильный дух, с которым я имею несогласие, властью своею заключил меня в них: он предузнает свою погибель и желает меня истребить, а тебя лишить жизни; и, конечно бы, сие сделалось, если бы ты не раздробил сего камня, отчего я получила свободу. Он бы дал тебе способ войти в сей город, в котором бы ты превращен был в камень и тут скончал бы свою жизнь. Возвратись теперь в свое владение, в котором ожидай меня, и не дерзай прежде вступить в сей город, который без меня будет тебе гробом; а я также вступлю в мою область, приму на себя прежний мой вид и соберу моих подданных.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
По сих словах она исчезла.

* * *

Силослав размышлял долгое время, что надобно ему делать; потом вознамерился возвратиться в свое отечество по повелению волшебницы; опять желал быть в сем городе, надеялся получить в нем какое-нибудь известие о княжне. Любовь наконец преодолела его рассуждение, ибо презирал он все опасности и следовал своей страсти; итак, вознамерился, не отъезжая от сего места, уведомиться о своей судьбине. Чего ради отъехали они на несколько расстояния от города, чтоб, разогнав своих коней, перескочить через стены. Когда они летели через них, то вдруг сгущенный облак удержал их стремление и сделался подножием их коней, будучи поддерживаем сильфами.

Преврата, явившись им опять на облаке (так называлась волшебница), имея уже прекрасный вид и будучи облечена в белую одежду, говорила Силославу так:

– Дерзновенный! Предприятие твое пагубно, и если б не был ты мною произведен, то б, конечно, за презрение моего совета оставила я тебя на жертву твоему стремлению. Каким образом без моей помощи думаешь ты сыскать Прелепу?

– Прекрасная и могущая волшебница! – отвечивал ей Силослав. – Потерять мою жизнь для освобождения Прелепы почитаю я ни за что; я для нее родился жить на свете, а когда не найду ее, то ни одной минуты больше жить не буду.

– Я вижу твою горячность, – прервала Преврата, – и для того оживотворю на несколько времени ее отца, чтоб он тебя обо всем уведомил.

По сем облак принес их к крыльцу чертогов царских, в которые они немедля и взошли.

Как скоро вступили они в первый покой, то два крылатых змея с великим стремлением бросились на них и вдруг пали на землю нечувствительными от почувствования силы волшебницыной; потом, переходя множество покоев, которые были украшены все золотом по обыкновению тех времен, пришли они в пространный чертог, в коем подле окна на стуле сидел Станидар, а пред ним множество стояло придворных, которые казались все в разных движениях, однако ж были все неподвижны. Волшебница коснулась истукана, который представлял государя, оный вздрогнул; когда ж прикоснулась она еще, тогда начал он иметь движение и получил чувство. Взглянув на них очень быстро, спрашивал:

– Кто вы?

– Я волшебница, – отвечала Преврата. – Я тебя моею силою воскресила на несколько времени, а сей, – указывала на Силослава, – назначенный жених твоей дочери, ежели он будет счастлив и может получить ее.

Услышав имя дочери, Станидар начал рыдать неутешно, однако старанием Превраты и юного князя несколько утешен став, спрашивая был Силославом, не имеет ли он какого известия о своей дочери. Станидар для удовольствования своей горести и его любопытства отвечал ему так:

– Превращение моих людей, меня и всего моего владения, думаю, тебе неизвестно.

– Знаю, государь, о всем твоём несчастье, – перервал побуждаемый жалостью Силослав. – Увы, я ведаю и то, что прекрасная дочь твоя...

– О дочери моей, – перервал Станидар, – я не имею никакого известия и, где она обитает, совсем не ведаю. И только свирепый дух, похитив ее от меня, оставил мне ее изображение, иссеченное из камня, которое представляет ее точно живою. К тому ж я на каждый год в определенное время получаю чувство и, приходя к истукану моей дочери, оплакиваю ее и мое состояние.

По изнесении сих слов пошел он в тот покой, где находилась мнимая его дочь, прося прочих за собою следовать. У дверей оной храмины поставлена была от духов стража; это были два одушевленные истукана с пламенными оружиями. Когда Станидар вошел в чертог, тогда истуканы заградили оружием своим прочим путь, но

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
волшебница, принудив их лишиться чувств и сделаться неподвижными, вошла и сама с последующими в запрещенную храмину.

Сие место было такое, куда дневной свет не входил; оно освещено было четырьмя столбами, которые находились по одному в каждом углу, наподобие раскаленной меди. Посередине покоя стояла кровать с опущенными завесами, на ней сидела девица прекрасного вида. Силослав как скоро взглянул на нее, то тотчас узнал, что было сие точное изображение его любовницы. Бросился к ней и целовал ее, как будто бы точную Прелепу. Против кровати стоял стол, на котором была покрытая чаша из черного мрамора, которая тряслась без всякого прикосновения. Крепостан, любопытствуя, что в ней, хотел ее раскрыть; и как только поднял он крышку, то мгновенно блеснула молния, ударил сильно гром, всколебалась земля и потряслись чертоги. Станидар и Крепостан окаменели, волшебница сокрылась. Силослав лишился чувств и упал полумертвым подле кровати. Немалое время лежал он без памяти; наконец, получив прежние чувства, смотрел на государя и на своего друга, звал их, но они ему не отвечали, осязал он, но они того уже не чувствовали. Тогда в первый еще раз Силослав почувствовал страх, и лишение живота представлялось ему наиужаснейшим; он ни о чем уже больше тогда не помышлял, как о избавлении себя от смерти. Изображение его любовницы не столь уже было для него мило, сколь приятна была ему жизнь своя. У дверей сего покоя стража получила прежнюю свою живость; итак, не было надежды выйти ему из оногo. Он рассматривал в нем очень долго, не сыщет ли другого выхода, однако нигде не находил. Чаша же, стоя на столе, трепетала; он вознамерился открыть ее, ибо он не видел, лобызая свою любовницу, отчего произошло ужасное оное приключение.

Приблизившись к ней, снял он крышку – тогда с превеликим ревом вылетел из нее крылатый и огненный змей и, летавши долго по покою, попалил все встречающееся с ним, потом ударился об стену и сделался человеком великолепного вида.

– Ты мой избавитель! – говорил он, пришедши к Силославу. – Клянусь тебе всем нашим собранием и князем всех духов, что в воздаяние за твою ко мне услугу проси от меня чего хочешь, – я все для тебя исполню!

Силослав, вышел из удивления, в котором он по освобождении духа находился, отвечал ему следующее:

– Я вижу, что ты полномочный дух, и тебе все возможно. Ты заклился мне своим собранием и князем, что когда я стану тебя о чем просить, ты мне ни в чем не откажешь; я предложение твое с охотою приемлю. Послушай же. Дочь сего государя находится во власти одного товарища...

– Он мне не товарищ, – перехватил дух поспешно, – но полномочный наш повелитель и князь духов. Ты желаешь ее освобождения, только это невозможно. Я покусился было и сам овладеть ею, но за то посажен был на вечное заключение в сию чашу, из коей ты меня освободил. Сей видимый тобою образ сделан для того единственно, чтоб я, имея его в моих глазах, больше мучился, ибо взор мой проникает и сквозь мрамор; итак, я всегда, смотря на него, мучился несказанно, но ты освободил меня от сего мучения, я тебе вечно буду друг и помощник, только просьбы твоей исполнить не в силах. В этом месте долго мне быть не можно, итак, выбирай поскорее другую от меня услугу.

Силослав, отчаявшись в своей надежде, не мог ничего избрать, кроме освобождения из сего места. Дух приказал ему взять себя за одежду и тотчас вынес его на поле, потом, уверяя его вторично о своей помощи и дружбе, исчез.

Силослав, расставшись с Крепостаном и потеряв своего коня, весьма сетовал. Незнакомые места и неизвестный путь смущали его мысли; однако ж, уповая на свою храбрость, не оставил своего предприятия и положил идти, но не в свое отечество, а удаляясь от оногo, следовал по неизвестным сторонам. Странствуя очень долго, нашел он многочисленное воинство, порубленное мечом. Обширное и пространное поле все покрыто было мужескими телами. Такое зрелище смутило его дух и вселило в него любопытство. Он очень долго рассматривал трупы, которые находились в разных положениях; наконец, посередине сего умерщвленного ополчения увидел он голову, подле которой находилось тело, которого платье и вооружение показывали его военачальником. Голова сия открывала и закрывала глаза свои истомленно; из чего заключив, что она жива, спрашивал ее, кого она представляла в свой век.

– Я и тело, лежащее подле меня, – ответствовала голова, – назывались вообще

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Роксоланом и составляли несчастливому владельца над несчастными подданными. Государство мое отстоит от сего места не более как на шестьдесят верст; в нем нет уже теперь никого из мужеского пола, а населяют его свирепые звери, которые в нежном теле имеют варварские души, изверги из числа человеков, развратный род, а именно жены; от их злобы и ненависти покрывают тела моих подданных сие поле, и я сам нахожусь полумертвым.

Силослав, услышав сие, пришел в неописанное удивление и ужас и не мог пременить, чтоб не известиться о его судьбине, чего ради просил Роксолана рассказать его походение. Роксолан, или его голова согласилась на сие охотно и начала повествовать таким образом.

Приключения Роксолановы

До десятого года владения моего, – говорила голова Роксоланова, – государство мое находилось во всяком благополучии и тишине. Я часто ополчался противу неприятеля, искусством, силою моею и храбростью моих подданных всегда одерживал над ними победы, отчего распространил границы моего владения и наполнил землю мою богатством и всякими сокровищами. Благоденствие и жизнь моя и моих подданных кончились таким образом.

В мирное время моего княжения в прекрасный летний день вышел я некогда с супругою моею и с несколькими придворными сидеть на крыльце[4] моего двора; тогда подошли ко мне десять человек иностранцев, одетые в белые одежды, украшенные цветами. Девять из оных имели на себе платье из тонкого и чистого полотна, а десятый, которого вид был прелестен и величествен, имел одеяние флеровое, сшитое и украшенное наинежнейшим образом. Сии странники объявили мне о себе, что они купцы и странствуют по всему свету; причем просили моего себе покровительства и дозволения пробывать несколько в моем государстве. Я же, не опасаясь ничего и не предвидя своей гибели, принял их весьма благосклонно и, к плещу моему несчастию, велел им успокоиться в моем дворце. Жена моя потом просила меня, чтобы я сделал им благосклонность и посадил с собою за стол. Любя ее весьма много, не хотел я отказать в ее просьбе. И когда настало время ужина, приказал я пригласить их к моему столу. Влегон предстал мне только один (так назывался одетый во флеровое платье) и объявил, что другие – его рабы, а не товарищи и не могут иметь чести за одним столом сидеть с нами; итак, ужинал он у нас один. Во время стола Влегон говорил столь красноречиво и разумно, что я пленился его достоинствами; он был так прекрасен, что я описать не могу приятности лица его. Горячность и любовь ко мне княгини, супруги моей, нимало не позволяла мне сомневаться в ее верности; итак, я всегда хвалил пред нею Влегона: о разуме и красоте его говорил с великим восторгом, не имея никакого подозрения, не смел обидеть ее и мыслью и думал, что любовь ее ко мне никаким прекрасным предметом разрушиться не может.

Наконец увидел, что я надеялся очень много: сердце ее не столько было твердо, как я об нем думал. Влегон с первого взгляда столько ей понравился, что она почувствовала к нему неизъяснимую горячность. Непритворное ее со мной обхождение претворилось в ласкательство и лесть; я начал получать от нее необыкновенные приветствия, от которых страстное мое сердце раскалилось еще плещу к ней любовью; прельщенные глаза мои не могли разобрать ее притворства; наконец, сия же страсть моя начала производить во мне подозрение, ибо вся беседа, все обхождение жены моей состояли только с Влегоном. Всякая минута соединяла их перед моими глазами, но я, видя сие, думал, что еще начинается между ими любовь. Сколько ж тогда горестное мое сердце почувствовало муки, когда увидел я, что жена моя им до крайности прельстилась. Тогда, пришед в бешенство и ярость, определил всех сих иностранцев казнить; но, рассудя, что это для меня будет бесславно и порочно, выслал их всех из моего владения, чтоб тем удержать стремление моего несчастья; но сколько ж я тогда удивился, что отлучение Влегона не произвело в жене моей никакого смущения. Она казалась всегда быть довольною, и ни малейшего знака не показывалось в ней, чтобы она печалилась об отсутствии его. В таком случае все подозрение мое исчезло, и любовь усилилась еще больше в моем сердце. Я укорял сам себя, что имел подозрение на невинную мою супругу; итак, остался спокоен до того времени, которое открыло мне мутные и ослепленные любовью мои глаза.

* * *

В жаркие дни купывалась жена моя часто в источнике, находящемся в моем саду. С

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
позволения моего пошла она некогда к оному. Я вознамерился, пришед к ней, сделать какую-нибудь любовную шутку, – думал я, что оное будет ей приятно. Но как же я в мнении моем ошибся! Подходя очень осторожно к тому месту, увидел я нагого Влегона, сидящего подле источника и держащего жену мою у себя на коленях также обнаженную; они целовались и делали все то, что бы она должна была делать со мною.

– Немилосердное небо! – вскричал я тогда. – На что ты произвело владеть меня народами, когда позволяешь отнимать у меня честь мою и славу?

Я не могу изобразить, что мной тогда овладело; я думал, что это сонное мое привидение или мечта, происшедшая от возмущенных моих мыслей. На что я тогда ни глядел, куда ни обращался, все места представлялись мне наполнены мерзостью и беззаконием жены моей; она торжествовала в объятиях прелюбодея, а мое сердце обливалось кровью, и я не только что не мог отмщевать моему злодею, но едва достиг до моих чертогов. Пробежав без памяти в спальню, упал в постель и жертвовал моему несчастью горькими слезами.

Потом, мало-помалу выходя из моего уныния, пришел я в огорчение и бешенство. Овладевшая мною ярость побуждала меня бежать в сад и собственною рукою погубить моих изменников и утопить в их крови мою обиду и их неверность. Но стыд расславить себя измененным женою не только владетеля, но и подданного бы чувствительно тронул. Я определил скрывать мое бесчестие, но положил непременно покарать оных злодеев. Влегона приказал я умертвить тайно, а неверную мою жену бросить в темницу до тех пор, пока справедливый мой гнев изберет ей достойное наказание; но притом повелел, чтоб совершители моего мщения содержали все оное тайно. На другой день начальник темничный объявил мне, что Влегон пропал, и нигде сыскать его не могли, а у жены моей во всю ночь в темнице играла музыка и было великое пиршество. Услышав сие, не знал я, что подумать и как растолковать мое несчастье; наконец, по многим для изведывания своего размышлениям определил я будущую ночь самому быть у дверей темничных. Сей день был приношение великой жертвы Чернобогу; [5] немедля велел я изготовить все к моему выходу и поехал в храм. Как скоро я в оный вошел, жена моя стояла в своем месте и в великолепной одежде. Какому бы человеку привидение сие не показалось страшным и кто бы мог, не возмутясь мыслью, смотреть на сие спокойно? В превеличайшем смущении подошел я к ней и стал с нею вместе для того, что должность моя того требовала; и сверх всего, чтоб не подать народу дурного мнения. По окончании торжества возвратился я с нею в дом и принужден был сидеть за одним столом, чтоб скрыть ото всех мое бесчестие; внутренне досадовал я, а она веселилась, и казалось, как будто нимало не думает о своем преступлении. По окончании пира ходил я сам ко дворам темничным, чтоб уведомиться, каким образом жена моя получила свободу без моего приказанья, но двери нашел я заперты и неповрежденную печать; воины же объявили мне, что она в двери не выходила. Тогда овладел мною страх, и я начал проникать в этом приключении нечто чрезвычайное, в чем и не обманулся. По прошествии того дня определил я отомстить моей злодейке. Когда уже настала ночь, и все успокоилось, тогда я, взяв саблю, пошел к ней в спальню. Подошед потихоньку к ее постели, открыл завесу. Но что я увидел? О боги! жена моя лежала в объятиях Влегоновых. Запальчивость мною овладела, и я в превеликой ярости занес мою руку, чтоб их обоих лишить саблюю жизни. Но как только я замахнулся, рука моя окостенела, и весь сделался я неподвижен, язык мой онемел и все окаменели члены. Они проснулись; жена моя, взглянув на меня презрительно, сказала с насмешливым видом Влегону:

– Давно ли этот истукан поставлен у кровати?

После чего вся ночь прошла в язвительных мне насмешках, и при мне происходили любовные действия. Разум мой досадовал, но члены мои не имели движения; тогда мысленно просил я богов или отвратить сие несчастье, или лишить меня жизни. Просьба моя была напрасна, и глас мой бессмертными не услышан. Поутру они расстались, а я остался с моею нечувствительностью на том же месте.

Спустя несколько времени после полуден услышал я плачевные голоса и отчаянные рыдания во всем моем государстве. Влегон, приняв на себя мой вид, ездил в Сенат и подписал смерть всем знатным, окружающим княжескую особу боярам, и в сие-то время производилась им казнь. Воинству моему приказано было выступить из города на сие место, где невидимая сила поразила всех их острием меча, и, словом, в одну неделю во всем городе не стало ни одного мужчины. После чего приведен я был на сие место, и тут снята голова моя со всем ее понятием и живостью с моего

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
тела, которое ты видишь подле меня; и тому уже пятый год, как я пребываю на сем полумертвом одре.

Когда я был веден на казнь, то шествие мое было таким образом. Наперед шли десять человек, но все это были духи в белых одеждах и в таких точно, как представились мне иностранцы, и все, сколько я их ни видел, были в одинаковом платье. Сии десять играли на трубах; за ними следовали шестеро, имевшие на долгих древках по скелету, а за сими выступали двое, несущие на древках земной шар, от половины которого и до другой сделан был круг из звезд пронизательного и блестящего камня на шаре; в середине звездного круга стоял кумир Перунов[6] из чистого металла, который образ взят был из Перунова храма, за ним вели двух белых волов, украшенных цветами. Потом по сторонам дороги следовали два великие коня, имевшие вместо шеи грудь, руки и голову человеческую; [7] у каждого на спине лежал конец не весьма возвышенной радуги, на которой любезная моя супруга и влегон в блестящих венцах и золотой одежде сидели; за ними шествовал я, поддерживая двумя духами, и передо мною и позади несли по два зажженные пламенника; потом все жены шли по две рядом, и у каждой по стороне шел белоодежный дух. Тогда познал я, что не одна жена моя изменница, но что все мое государство сообщалось с духами, и для сего-то истребили они всех мужчин, из коих я был последний. По принесении жертвы Перуну, во время которой, положа проклятие на всех нас, сделали заклинание, чтоб не терпеть в плененном моем городе ни одного мужчины. После сего отняли мою голову и с великим презрением бросили на сем месте.

* * *

Силослав, выслушав сие, сожалел о его судьбине и потом спрашивал у него, как он может войти в его владение, но Роксолан заклинал его и говорил, чтобы он не отважился самопроизвольно идти на свою погибель. Однако ж Силослав не пременил своего намерения и, простясь до возвращения с Роксоланом, предпринял путь в обитание бесплотных любовников с телесными прелестницами. Во время полуден расстался он с ним и на другой день в самое то же время достиг до его города. Он подходил к нему с той стороны, с которой находилось в мраморных и пологих берегах не весьма малое озеро, по середине коего удивительным искусством сделан был остров. Оный не касался воды, хотя и казалось, что четыре плавающие дельфина держали его на спинах своих. На берегу по четырем сторонам озера стояли неописанной величины четыре истукана, которые как будто бы под тяжким бременем нагнулись и имели через спины на плечах железные цепи, и, казалось, как бы они тащили что-нибудь из воды. На сих цепях висел тот остров; посередине его находилось небольшое, однако великолепное здание из чистого и блестящего хрустала; мелкая резьба и частые сгибы делали при солнце вид блестящей планеты. Кругом оног осажено было лавровыми деревьями и истуканами из такого ж, как и здание, состава. Силослав очень долгое время на него смотрел и искал способа подойти к нему, только найти не мог. Он обходил кругом сие озеро; и когда обошел ту сторону, которая была к городу, увидал прекрасное и увеселительное место, на коем стояли порядком миртовые, лавровые и кипарисовые деревья, которые простирались до самых городских ворот; они делали из себя вид такой прекрасной пустыни, где бы и сами боги почли за увеселение пребывать. Силослав поспешил достигнуть в середину оног о, где надеялся найти что-нибудь больше еще достойное любопытства.

Когда Силослав пришел на самую середину оног о благоуханной роци, увидел тут семь великолепных зданий, которые сделаны были необыкновенною рукою и походили больше на божеские храмы, и казались неотверзаемыми смертным. Посередине оног о стоял на блестящем подножии фарфоровый сатир, имеющий в правой руке открытую чашу, из которой бил ртутный ключ. Рассыпающаяся от сатира ртуть по нисходящим скатам делала неописанный блеск и увеселение взору. Великолепные те здания стояли вокруг оног о водомета, и каждое из них имело у дверей по два крылатых истукана, кои имели вид блестящего светила и казались движущимися. Против одного сего божеского храма, который казался выше и великолепнее прочих, стояло на таком же подножии крылатое время, которое в правой руке держало часы, а в левой закрытую чашу. Силослав, побуждаем будучи пытливым своим духом, открыл ее, но как скоро снял он с нее крышку, у всех зданий отворились двери и изо всех истуканов начали бить ключи, которые превосходили высотой первого, а из сей статуи, которая представляла время, превышало стремление ртути все здания. Силослав положил на подножии крышку, хотел войти в то здание, пред которым он стоял, однако воспрепятствовали ему некоторые ограждения, которых он не видал и которые были чище самого воздуха. Итак, вошел он наперед в самое крайнее, которое такое имело

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
украшение: вокруг подле стен стояли седалища для отдохновения, которые были мягче самого пуху; посередине четыре купидона держали на головах аспидную доску, которая имела вид стола; по стенам, начиная от полу, сидели одушевленные купидоны, имевшие в руках сосуды – иные плоские, а другие глубокие; на плоских сосудах лежал виноград и великие превосходные плоды, которые имели свои корни под оным зданием; в глубоких сосудах находилось пресладкое питье, превосходящее божеский нектар. Во втором здании стены наполнены были такими же купидонами, имевшими в руках музыкальные орудия; в третьем купидоны имели на руках каждый по портрету самых наилучших в свете красавиц; в четвертом купидоны же, одетые в разные героические одежды, и, казалось, как будто бы хотели драться с жестокосердыми мужчинами за власть нежного пола; в пятом имели все смешные виды и одеяния, и сколько ни есть в свете пороков, держали оных изображения в руках, выключая роскошь; в шестом блеснуло великолепие, богатство и все земные сокровища. Тут видны были только одни головы купидонов; тело их покрыто было золотом; грудь и препоясания блистали от светящихся алмазов; в руках же имели те сокровища, которых они на себе и подле себя уместить не могли, и казалось, будто сии служили им только для одного насыщения взора. Когда вошел Силослав в седьмое здание, то удивился еще больше, нежели всем прочим: оно было им не подобно. Когда предвестница лучей багряная Аврора отверзает свой храм, испещренный и устланный розами, то и тот сравниться с сим не может. Пол его сделан был из роз, нарциссов и лилий, которые были устланы разводами и делали из себя приятнейшую пестроту. Сей пол был столько нежен, что не мог держать на себе Силослава, чего ради, вышел он в другую храмину, смотрел из оной в сию и рассматривал все ее украшения. На стенах сего здания, как будто бы в рощах, стояли живые деревца, на которых воспевали прекрасные птицы прелестнейшими голосами. Инде горы, инде рощи, в которых бегали малые и приятные зверьки, инде являлась приятная долина, наполненная разных видов и разного благоухания цветами. Ключи и источники извивались по стенам чистым хрусталем, и приятное оных журчание наводило сладкий сон; и сие место именовалось успокоением. Посередине оного находилась серебряная с водою лохань, в которой четыре сирены на поверхности держали большую раковину, на коей постлана была чистая и белая морская пена или облак, сделанный из прозрачного для божеских очей эфира; на оном нежнейшем и прекраснейшем одре, покровенном тонким покрывалом, лежала нагая женщина неизъясненной красоты; тело ее столько было нежно, что ежели бы тончайший Зефир коснулся ему крылом своим, то, думаю, разрушилось бы сие нежнейшее сотворение; она спала, а поддерживающие ее сирены тихим и приятным голосом воспевали божеские дела и тем наводили ей сладкий сон; в головах стояли два купидона и держали раскрытую книгу. Хотя она и недалеко была к Силославу, однако он мог рассмотреть оной письмена. Оглавление книги было такое: «Пожелай – и исполнится».

После оного первое слово стояло в книге «гром», второе «тишина» и так далее. Силослав, по счастью своему, пробежал первое только глазами, а второе произнес тихим голосом: «тишина». Как скоро он сие выговорил, то сирены, птицы, источники, водометы – словом, все утихло. Спящая на облаке красавица спустя несколько времени проснулась, ибо сделавшаяся тишина перервала приятное течение ее сна. Проснувшись, окинула глазами повсюду и, тотчас усмотрев стоящего Силослава, спросила повелительным голосом:

– Кто ты, и как ты дерзнул прийти в сие запрещенное место?

Но разумный его ответ и прелестный голос тотчас переменяли ее гнев на учтивство. После чего выговорила она приятный шум. Вдруг сделалось по-прежнему: сирены и птицы запели, водометы начали свое стремление, на стенах все опять оживотворилось, а перед ней предстали пять купидонов, из коих трое пели, а двое играли на свирелках.

– Войди сюда, – сказала она Силославу приятным голосом, – и успокойся от солнечного зноя.

Силослав немедленно исполнил ее повеление и шел по тому же полу, который прежде не мог его на себе держать не вредя его. Сел с позволения ее на вершину оной горы, которая при подошве стены находилась. Расспросив все его похождения и уведомясь действительно о нем, ударила в ладоши; вдруг предстали две девушки с великолепным одеянием. Одевшись в оное, просила Силослава, чтобы он последовал за нею: она хотела показать ему все свои великолепия. Силослав просил ее, чтоб она дозволила побывать ему в том здании, которое стояло на озере; однако она ответила ему, что этого ей сделать невозможно.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Мое владение, – говорила она, – населено одними только женами, и ты можешь получить в нем всякое увеселение, какое только вообразить можешь. Я буду тебе сама покровительница и буду защищать тебя от всех тех случаев, которых тебе опасаться надлежит. Ежели ты не устроишься и положишься на мое обещание, я открою все тебе приключения, которые происходят в моем государстве.

Неустрасимый Силослав отвечал ей, что ничто его на свете устрашить не может; величественная его осанка и бесстрашие глаз его не позволяли ей больше сомневаться в его ответе.

– В вечеру каждого дня, – говорила она, – посещают мой город духи и, принимая на себя вид смертных, веселятся с нами. Все сие великолепие и все здания поставлены ими для моего увеселения, а то, в котором ты желаешь быть, совсем не в моей власти. Когда приходит ко мне мой любовник, тогда препровождаем мы время в оном; оно совсем этим не подобно, а имеет в себе украшение в пять раз лучше; и когда мы с ним расстаемся, тогда запирает он его сам, и нет мне способу быть в оном. А как ты не можешь иметь с духами сообщения, то я в то время буду сохранять тебя в известном мне месте, где никакого вреда приключиться тебе не может.

Силослав, положившись на ее обещание, последовал за нею в город. Когда они пришли туда, тогда настало уже время ночи; следовательно, Силослав не мог ни о чем известиться, как только о той, с которою он пришел: она была государыня сего места и супруга Роксоланова и именовалась Прелестю. Когда уже надлежало скоро прибыть в город духам, тогда несколько придворных женщин по повелению Прелесты препроводили его в великолепный и огромный дом, который находился в саду и был пуст. В сем доме Силослав препроводил всю ночь и не знал, что происходило в городе.

Он опочивал в превеликой зале на мягком и покойном ложе. В середине ночи некоторый стук прекратил его сон; он происходил в других покоях и отзывался так, как надобно, урываясь, идти человеку. Силослав думал, что кто-нибудь имеет до него дело, чего ради встал и дожидался сидя. Когда подвинулся стук к зале, при помощи слабого сияния от одной лампы увидел Силослав, что вошел к нему ужасной величины скелет; итак, вместо того, чтоб испугаться, лег он опять на свою постель, потому что с одними костяками не надеялся иметь ни дела, ни разговора, лишь только сожалел, что скелет его разбудил. Сие костяное пугалище, подошел к нему, положило на грудь к нему руку и начало его так давить, что погнуло на Силославе латы. Силослав столько на сие подсадовал, что, встав, ухватил его поперек и бросил в двери, из которых летя, растворил он еще трое, кои находились прямо друг за другом. Потом в скором времени увидел он освещенными дальние покои, из коих шли к нему наперед двое в долгих черных епанчах с распущенными на головах большими шляпами, с которых до полу висел белый флер, в руках имели светильники и казались погруженными в глубокою печаль; за ними следовали шесть в таком же одеянии, имевшие в руках книги; за сими четыре в невольничьих платьях; головы их были обриты и посыпаны пеплом, слезы катились по лицам их, и стенания их раздавались по всему дому. Потом престарелый муж и таких же лет жена били себя, идучи, в груди, рвали на себе волосы, кусали свои персты и вопили отчаянным голосом; за ними двое вели обнаженную женщину; она была вся избита, и кровь текла по следам ее; за нею следовали двое, которых вид казался яростью и мщением: в руках имели они кровавые и утыканые иглами бичи, которыми били немилосердно прекрасную ту женщину. За оными следовал человек, одетый в великолепную одежду; за ним несколько обнаженных жен, которых так же терзали бичами, как и первую, которая, увидя Силослава, вскричала в отчаянии:

– Силослав, от тебя зависит мое спасение, и за тебя принимаю сие мучение!

Силослав весьма удивился, когда узнал, что это была Прелеста. В великом будучи изумлении, бросился к ней и спрашивал, что было оному причиною. Но она, будучи изъязвлена, не могла ему ответить. Он подошел к тому человеку, которого надеялся быть повелителем. Это был влгон, но и тот ему также не отвечал и только приказывал мучить Прелесту. Силослав не мог сносить сего варварства и, озлясь на влгона, ударил его столь сильно, что он, собою сделав на полу пролом, в оном исчез, а вместо его явилось мраморное подножие, на котором стояли следующие слова:

– Да будет мщение мое над тобою отныне и до века.

После чего пропали и прочие духи и остался только тот престарелый муж с своею

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru женою. Сии были родители Прелесты, а четверо в невольническом платье – родные ее братья. Все сие приготовление и торжественный ход сделаны были для того, чтоб устрашить Силослава. Бедные сродники прежде всего старались о жизни Прелесты, и все соединенными силами помогали избавиться ей от болезни. Когда несколько начала она себя чувствовать и собирать свои силы, тогда родитель ее благодарил Силослава за избавление их от смерти, ибо назначена была всем им казнь от Влегона, и они должныствовали прекратить свою жизнь в сию ночь.

– Влегон, уведомившись, – продолжал он, – что дочь моя презрела свое совещание и приняла к себе иностранца, к которому вместо смертной казни за его дерзость почувствовала любовь и успокоила его в своем доме, определил лишить ее жизни; а чтоб больше удовольствовать свою ярость, принесли и нас из моего владения, и ты видишь во мне обладателя Ахрона.

Силослав весьма сожалел о несчастье их и радовался, что избавил их от смерти; потом возвратились они в чертоги Прелестины и препроводили всю ту ночь во вспомоществовании ей и в утешении друг друга.

Поутру вознамерились принести великую жертву Чернобогу, яко богу злых духов, чтобы отвратить их гнев, чего ради по рассветании дня предстали они в храм, а за ними и весь город. Сей храм стоял на пригорке, сооружен из черного мрамора, и от вершины до полу простирались серебряные полосы наподобие белой тесьмы. Сии тесьмы сошлись наверху вместе и были завязаны узлом, за который держался крылатый истукан, и казалось, что будто бы готовился поднять его и носить по всей вселенной; вокруг храма насаждена была еловая и кипарисная роща, которая имела вид непроходимой и ужасной пустыни; черные истуканы, жертвенники, посыпанные пеплом, стенание пленников, которых приносили в жертву, представляли ее адом. В преддверии храма, когда вошел в оное Силослав с Прелестю и прочими, увидел стоящих четырех юношей в белых одеждах; они изготовлены были на жертву; внутри на стенах храма изображен был пылающий ад, в котором разными муками и разным видом мучимы были злые смертные дьяволами. Истукан Чернобогов стоял посередине храма между четырех покрытых столпов на престоле, сделанном из металла; под правую ногу лежала у него на боку корона, подле ее мертвая человеческая голова и волшебные таблицы; по левую военные оружия и пламенные адские бичи; перед престолом лежали две фурии и смотрели на Чернобога, показываясь внимающими его повеления и встающими для исполнения его приказов, чтоб мучить беззаконников. Сей кумир сделан был из красной меди, которая имела больше черноты и тем показывала свирепость его гнева; внутренность его была пуста, и из-под престола часто вылетающий пламень наполнял собою кумир, который поминутно являлся воспламененным и тусклым; ужас летал по всему храму, и входящие в оный трепетали от страха и через то завсегда пеклись отвращаться от злых дел.

По учреждении в храме торжества ввели объявленных четырех юношей для заклятия. Сей народ имел обыкновение похищать детей из чужих владений и приносить их в жертву. Закляли из них по одному перед престолом и кровью их кропили храм, а из народа каждый, обмокая в оную перст свой, мазал ею свое темя; потом положили их на костер и зажгли оный. По восхождении дыма узнавали божеские судьбы. В сей день предзнаменование показалось им изрядным, чего ради хвалили бога на разных музыкальных орудиях и голосах.

Силослав по возвращении из храма имел довольно времени рассмотреть все покои дворца Роксоланова, в которых он нашел все, что ни есть наилучшего в свете. Прелеста же помощью лекарств получила столько сил, что могла быть в храме и сидеть со всеми за жертвенным столом, по обычаю тогдашнего времени; во время их пирования объявили Прелесте, что вошло в город многочисленное воинство; и еще вестник не докончал своих слов, как увидели со множеством вельмож вшедшего к ним Роксолана. Он бросился к ногам Силославовым, невзирая на свой высокий сан, и благодарил его за избавление свое и подданных; потом, когда он встал, Прелеста упала перед ним на колени и, облившись слезами, просила отпущения своей вины, о чем также просил и Силослав. Роксолан, будучи в неописанной радости и склоняясь на просьбу своего избавителя, простил великодушно во всем Прелестю и просил ее от сокрушенного сердца, чтобы она последовала добродетелям и, бегая тиранства и пороков, прибегнула к своей должности. Столь великое его великодушие произвело в ней жестокое грызение совести и раскаяние в мерзком ее поступке, и которое напоследок сделало ее верною до гроба своему супругу.

Влегон, когда оставил Прелестю, то оживотворил Роксолана и все его воинство,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru чтоб оные, пришел в город, мстили женам своим за их бесчеловечный с ними поступок; однако ж все подданные последовали примеру своего государя и простили жен своих так же великодушно. Когда происходило восстановление мира в государстве, тогда Силослав препроводил у них еще семь дней, но беспокоился поминутно о возлюбленной своей Прелепе, помышлял всякий час оставить город и ехать искать ее по неизвестным сторонам. Итак, начал приготовляться в путь. Роксолан, не зная, чем служить своему другу и избавителю, просил его, чтобы он согласился что-нибудь взять из его сокровищ в знак памяти и преславной ему услуги. Силослав, не хотя сделать ему неудовольствия, отвечив ему, что он соглашается на его предложение и просит только позволения выбрать самому оный подарок. Роксолан с охотою на то согласился, а Силослав желал себе одного только сильного и крепкого коня. Роксолан был весьма сему рад, ибо он имел у себя славного богатырского коня, на котором сам не мог ездить и который остался ему после отца его; итак, просил он Силослава выйти с ним на некоторое расстояние от города, где обещал служить ему тем, чего он от него требует. Потом пришли они к подошве не весьма возвышенной горы, на которой стояли в окружности девять дубов, посередине которых лежала каменная плита с железным кольцом. Роксолан, подняв оную, просил Силослава следовать за собою. Посем они сошли в некоторое подземное здание, которое все увешено было богатырским снарядам, услышали необычайный топот. Роксолан объявил Силославу, что тут конь, которого он желает подарить ему. Силослав, весьма обрадованный, бросился тотчас к оному и вывел его на поверхность земли. Отвязанный от яслей Солнцев конь не столько бывает бодр и строен, как сей: он вместо пламени дышал черным дымом, и когда бодрился, то зыблилась под ним земля; подымающиеся его ноги не намерились ступить по земле, а казались желающими подыматься в облака; распущенный его хвост и грива служили ему вместо крыльев; сила же столь была велика, что вместо четырех Солнцевых коней мог бы сей и один возить его колесницу, если б был только бессмертен. Силослав благодарил Роксолана и возвратился с ним в город, где, отдав должное почтение ему и всему его племени, к великой их прискорбности и неопisanному неудовольствию на другой день при рассветании дня расстался с ними и оставил сей город, которому он дал прежнее бытие и возвратил жизнь Роксолану и всему его воинству.

Выехавши из города, следовал Силослав по незнакомым местам. Помощью сильного своего коня отъехал он на весьма дальнейшее расстояние от города; наконец, утомясь полудневым зноем, искал прохладения своего под древесной тенью и в том мнении подъезжал к некоторой видимой им роще. Въехав в оную, нашел при рубеже ее реку, которая текла столь тихо, что вода ее казалась маслом, наклонившиеся над нею деревья прикрывали ее воды от солнечных лучей и делали там берег ее приятным местом успокоения. Силослав, прельстясь сей роскошью, вознамерился сойти с коня, жаждущи его напоить водою, сам сел под тенью одного кудрявого и густого дерева, осматриваясь повсюду, любовался на прекрасное строение природы, удивлялся речным берегам, покрытым зеленою травю наподобие разноцветных ковров, по которым утомившиеся от зноя звери, бегая, играли и купались в речных струях. Силослав, рассуждая об их непухливости, заключил из того, что сие место необитаемо и населено одними только дикими зверями и птицами, но в самое то время увидел четырех девочек, которые вели поить четырех овечек на розовых ленточках. Силослав очень тому удивился и спрашивал их, откуда они.

– Мы из замка нашей госпожи, – ответствовали они, – который отстоит отсюда недалеко.

Силослав во всяком месте надеялся получить известие о Прелепе, чего ради последовал за ними. Они очень скоро пришли в тот замок, который стоял почти на берегу к вершине сей реки. Одна из тех девочек побежала наперед и сказала в доме, что хочет посетить их проезжий. Силослав увидел на крыльце двух женщин в богатых одеждах, и сколько платье их было великолепно, столько и они прекрасны были видом; они вышли встретить его и с великой учтивостью ввели в покои и старались угостить его всем тем, чего бы он ни пожелал. Великолепие замка, необыкновенные и превосходящие имение царское украшения подали Силославу некоторое сомнение: он начал думать, что тут обитает какой-нибудь государь, оставивший свет и посвятивший себя уединению; за ужином имел он разговор со встретившими его женщинами, ибо трое только было их за столом. Оные объявили ему, что замок сей называется домом угощения; обладательница оного есть девица, их государыня, которая, имея неисчетные у себя сокровища, употребляет их на вспоможение путешествующим; всякий странник может иметь у нее пристанище хотя до конца его жизни.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Вы теперь в таком месте, где добродетель, снисхождение и милость откроют вам все свои богатства, и если вы желаете, то все, что вы ни видите, можете себе присвоить, – промолвили они.

Силослав, чтоб оказать учтивую благодарность за такое невоображаемое снисхождение, которого нигде получить он не надеялся, благодарил их наичувствительным образом, а объявленные женщины во время всего стола делали ему новые обещания и после ужина, оказав ему свое почтение, равно как своему государю, оставили его; потом два служителя повели его в покой, в котором приготовлена была для него великолепная постель, на коей препроводил всю ночь в неописанной тишине и удовольствии; утомленные дороною и беспокойством его члены тотчас принудили окончить живое стремление мыслей и отдались во власть покрывающего их сна.

Когда настал день, определенные служители принесли Силославу покойное утреннее платье, причем докладывали ему, что не изволит ли он омыться благовонными водами. Силослав на то согласился. Итак, повели его в сад, где стояло небольшое здание наподобие грота, коего стены сделаны были из чистой меди и снаружи умеренно раскалялись пламенем; пол устан был мягкою травою, и для отдохновения стояло усыпанное благовонными цветами ложе. Когда Силослав вошел в него, раздевшись, тогда служитель отвернул ключ, который находился посередине; тогда начал бить благовонный водомет и орошать все стены, отчего поднялся легкий и приятный пар, наполнив все здание теплотою; тогда казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово тело и мягкими своими устами пускали на него полуденную теплоту. В такой покаясь роскоши, почувствовал Силослав нежнейшее расслабление членов и сладкое мление души. Раб отворил другие водометы, из которых полилась на Силослава вода благовоннее и прозрачнее Аврориных слез, от коей распустившееся от пару тело его наместо крепости наполнилось приятством и нежностью. Немалое время лежал он на мягком ложе, которое ему, утомленному нежностью, не позволяло встать на ноги, во время чего наслаждался он приятностью музыки; водяные органы, сделанные удивительным искусством, усыпили Силослава приятным своим звуком. После сего встав он и одевшись в нежное и легкое платье, в котором походил больше на Адониса, нежели на ироя, возвратился в покой, в коих встретили его две женщины в белых одеяниях; они были столь прекрасны, что если б Силослав не отдал сердце свое Прелепе, то, конечно бы, посвятил его которой-нибудь из оных; они его проводили к столу, за которым все было глазами его прелестно: кушанье, разговоры, собеседники, музыка – все наполнено было великолепием и нежностью. После половины дня, когда солнце удерживало свои лучи и больше уже не раскаляло оными землю, тогда предложили ему, не изволит ли он прогуляться в саду. Он с охотою на то согласился; итак, повели его в оный.

Когда пришли они к воротам садовым, тогда увидел Силослав удивительное соплетение искусством человеческих рук. Ворота сии имели в ширину десять локтей, а в высоту пятнадцать; они сделаны были наподобие решетки, которая сплетена была разными узорами и с разными изображениями животных из чистого и прозрачного янтаря; в саду дорожки, цветники, накрыв и истуканы притягивали к себе взор и принуждали оставаться тут до конца жизни. Все сие приводило в восхищение Силослава; а что больше наполнило его удивлением, то было сие. Сад окружен был с трех сторон хоромами, которые построены были в три жилья; в каждом окне сидела великолепно одетая красавица, которых находилось больше тысячи; они были столь прекрасны, что казалось Силославу, будто бы природа старалась собирать приятности со всего света и заключила их в сем месте; он не знал, которой дать из них преимущество; глаза его летали по всем и находили все то, чего не видели они прежде; всякая красавица наполнена была прелестями, и вид ее показывал склонность к Силославу; глядя на него, усмехались с приятностью и казались желающими ему понравиться. Прельщенный Силослав млея и не хотел оставить сего места; чего ради, севши будто для отдохновения на дерновую лавку, спрашивал у своих собеседниц, которые его провожали, какое божество собрало к ним столько прелестей, и какая непостижимая сила наполняет сие место столь невоображаемой нежностью и великолепием?

– Я думаю, – продолжал он еще, – что здешний воздух не услаждает сего места, но сам услаждается, зыбляся, на ваших нежностях. И предвестница Световидова, [8] я чаю, не стыдится, восходя на небо, что усматривает здесь превосходящих себя в красоте. А светоносец Феб непременно останавливает своих коней, когда протекает мимо сего места, и оставляет его с прискорбностью, одним словом, скажите мне – с смертными ли я нахожусь здесь или бессмертными?

– Мы уведомили уже тебя, государь, кто наша обладательница, – ответствовали провожатые. – Замок этот весь населен женщинами, и наша должность – принимать чужестранцев, и оных угощать по их соизволению; и ежели ты имеешь намерение препроводить здесь свой век, то можешь пользоваться всеми этими красавицами, они будут все во власти твоей. Что ж касается до нашей государыни, она повелевает нами, а мы ее подданные; сколько она нас выше саном, столько и красота ее превосходнее нашей; ты не можешь вообразить ее прелестей, и всякий, увидев ее, захочет лучше лишиться жизни, нежели расстаться с нею, для чего и ты увидеть ее не можешь; она не показывается никому в свете; однако ж мы опасаемся, чтоб и одно воображение о ее красоте не встревожило твоих мыслей и не родило бы в сердце твоём непобедимой любви. Но свирепость такая более в ней для того, что она имеет у себя любовника, которому посвятила жизнь свою и сердце навеки, и желает лучше умереть, как учинить ему малейшую неверность; но ты, если только желаешь, то можешь здесь найти довольно красавиц, которые не менее принесут тебе забав.

Силослав, услышав оное, сколько восхитился радостью, столько смутился мыслью, не зная нимало причины своему движению; просил спутниц своих объявить ему имя государыни, однако они на сие не согласились и представляли, что имеют приказание оное таить. Потом, когда пришли они опять в покои, тогда одна красавица оставила его, а другая осталась для сделания ему беседы, что продолжалось во все его пребывание в замке, в коем он препровождал время, получая всякий день новые благосклонности от переменяющихся красавиц. Восхищался роскошами, услаждал зрение свое разными великолепиями сего замка; итак, не оставалось ему ничего иного думать, как только что он во всем свете не может найти увеселения лучшего и достойнейшего; укрывающаяся владельница сего замка подавала ему сомнение и надежду; любовь его к ней усиливалась, и как искал он неизвестного, то не оставил ни одного места, чтоб не уведать все в оном обстоятельно; и сего ради не хотел выехать из одного места до тех пор, покамест не уведает имя госпожи его. Некогда поутру принесли к нему служители весьма богатое платье, которое походило больше на царскую одежду; потом предстали по обыкновению и две красавицы, одетые в белое платье, и казались готовящимися к великому пированию. Чудясь оному, Силослав спрашивал у них, не торжество ли какое будет у них сегодня в замке.

– Так, государь, – ответствовали они, – сегодняшний день будет у нас празднество, которое отправляем мы по окончании каждого года, и на которое обыкновенно приезжает и наша государыня и делает нам честь, кушая с нами за одним столом; сколько ж и ты будешь счастлив, что получишь участие в нашей радости и будешь видеть лицо нашей государыни, на которое ни один еще смертный не удостоился взглянуть, да и видеть его было не можно.

Силослав, услышав сие, пришел в неописанное восхищение и поспешил убрать себя всем тем, что тщеславие и любовь представило его глазам прелестнейшим. Вдавшись в великую роскошь и нежность, не мужество уже сияло на его одежде и не укрепленное силою богатырство, походил он более на Нарцисса, любовавшегося собственной красотой.

Наконец, когда он увидел, что к наряду его более уже ничего не недоставало, пошел в чертоги, уготовленные для празднества. Оные все наполнены были прекрасными женами, и всякая из них усугубляла красоту свою пристойным убранством. Когда вошел к ним Силослав, то все сделали ему поздравление, подобно как любимцу царскому. Вскоре потом вошла и государыня, коя, взглянув на Силослава, быстро вскричала:

– Ах, Силослав! – и упала в руки последующих ей женщин. Удивленный Силослав, не зная, что иное начать, бросился было ей помогать, но вдруг стал поражен удивлением, радостью и восхищением, едва было и сам не упал без чувства; потом, пришед в прежние силы, бросился перед упавшею в обморок на колени.

– О боги, тронутые нашими несчастьями! – возопил он. – Так уж вы перестали нас разлучать? Прекрасная Прелепа! тебя ли я вижу? Твою ли руку лобызают уста мои? Так это ты! ты самая та, которую я, странствуя по всем землям, искал, и теперь вижу, что милосердные боги умилились над нами и возвратили мне тебя, а тебе верно по гроб Силослава!

При названии Силослава Прелепа открыла глаза свои и, увидя его стоящего перед

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
собою, кинулась к нему в объятия.

– Ах, Силослав! – вскричала она. – Которому богу должна я благодарить за свидание твое со мною! Великая Лада! Ты мне его возвратила, а я уже тебя и увидеть не надеялась, любезный мой Силослав! Сколько ж я вам обязана, всещедрые боги! Вы отдали мне то, чего нет для меня драгоценнее на свете.

Наконец, по многим разговорам и лобызаниям пошли они к столу, который их уже давно ожидал. Сколько можно вообразить великолепия и изобилия, то еще не могло сравниться с десятой частью – столько-то был сей пир великолепен. После одного уведомила его Прелепа о своем похищении, о пребывании ее у духа, и как она от того освободилась.

– Я всегда сетовала, – говорила она, – о потере твоей и ни одной минуты во всю мою у него бытность не была спокойною. Дух прилагал все старания утешить меня; он выдумывал разные и невоображаемые забавы, однако они увеселить не могли меня нимало и служили еще к большей мне прискорбности. Он думал получить от меня увеселение, однако получил вместо того одну досаду. И как он не видел от меня ни малейшей к себе благосклонности, и холодность моя всегда его огорчала, то начал презирать меня; любовь его обратилась ко мне в холодность; он уже не искал быть вместе со мною, а старался всегда меня удаляться, и потом, когда любовь в нем совсем уже истребилась, то приказал перенести меня в сей замок, где надеялся истребить тебя у меня из памяти и после получить мое сердце, но только этого никогда он от меня не получит. Итак, уже другой год нахожусь я в этом месте. Прибыв сюда, старалась я всеми силами сыскать тебя, но, несмотря на все мои старания, не могла о тебе ничего и услышать, отчего стенала я повсеминутно, но теперь благополучие мое меня находит, и любовь моя ожидает только одного увенчания. Оставим этот замок, возлюбленный мой Силослав, и, взяв несколько верных моих подданных, поедем в твое отечество!

– Ах, государыня, – вскричал тогда в восторге Силослав, – когда б только учинили боги это со мною благополучие, сколько б я им был за сие одолжен! Счастье сие почитаю я толь высоким и завидным, что сбытия его и надеяться почти не смею.

– Будь несомненно о нем обнадежен, – ответствовала ему любовница, – неужели ты думаешь, что я пред тобою лицемерю?

– Могу ли я это думать, государыня! – перехватил восхищенный Силослав. – Я тебе столько же, как и самим богам, верю.

Разговаривая таким образом, неприметно выходили они из покоев и подвигались к саду, а прельщенный Силослав нимало того не видел – столько-то любовь нас ослепляет! – наконец, пришли они в оный. Тогда Прелепа, ласкаясь к Силославу, раскрыла платье на его груди и, увидя на нем повешенный золотой досканец, спрашивала у него, что бы это такое на нем было.

– Это волшебный талисман, – отвечивал Силослав. – Когда я проехал из моего отечества, чтобы искать тебя по всему свету, тогда родитель мой подарил мне его, обнадеживая притом, что доколе он на мне будет, то никакой наизлейший дух не может осмелиться погубить меня с оным.

– Это очень чудно, – ответствовала Прелепа. – Я еще отроду эдакой редкости не видывала; как бы я хотела и у себя эдакой же иметь!

Силослав при сем слове гораздо смутился: желание любовницы своей хотелось ему тотчас исполнить, но отцов приказ запрещал ему оное.

– Я бы тебе с охотою его подарил, – говорил он своей любовнице, – но родитель мой, отдавая мне сей залог своей любви, заклинал меня никому его не отдавать, уверяя, что сколь скоро я его лишусь, то потеряю тотчас и живот мой.

– Изрядно, – ответствовала Прелепа, – я его у тебя уже не прошу, только скинь его и дай мне рассмотреть.

В сей просьбе Силослав не смел ей противиться, хотя отцов приказ касался и сего.

Итак, подумав несколько, скинул его и отдал Прелепе. Едва успел он ей его отдать, как красавица от него исчезла, и наместо ее увидел он перед собою

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
ужасного исполина, который стремился рассечь его саблей. Силослав затрепетал и, познав свое преступление, готовился уже к смерти, как вдруг, превратясь в сокола, увидел себя парящего в воздухе. В одно мгновение ока исчезли все здания, сады и прелести, которые его населяли, а вместо одного увидел он под собою волнующееся море, коего сердитые и седые валы мчались в черную и кипящую пучину.

– Что со мной сталося? – рассуждал он сам в себе. – Что за приключение, куда девалась от меня Прелепа, и какой злой дух превратил все сие селение в сию бездну вод? О, боги! Никак, это тот проклятый дух, который ее и прежде похитил. Он, никак, узнав наше соединение, позавидовал нашему благополучию и отнял ее опять у меня; но он недоволен был сим и хотел меня еще умертвить, и, конечно б, то сделал, если б я не превратился в птицу. Но кто же меня в оную превратил? Никак, он сам, чтоб сделать жизнь мою горестнее и самой смерти. А, свирепый дух! Ты всему моему несчастью причина, но не надейся, чтоб стал сносить толь поносную жизнь! Сие свирепое море прекратит все мои напасти!

Выговоря сие, устремился в пучину, чтобы в ней потопить и жизнь свою, и несчастье.

Но когда уже находился он от оной не более как на пять сажен, то вдруг из свирепого моря сделалось огромное строение, которого влетел он в середину. Это была большая горница, сделанная из черного мрамора, коей все стены исписаны были гиероглифическими письменами. В углу оной храмины стоял на золотом подножии из слоновой кости истукан Чернобога, который почитался властителем над всеми духами и волшебницами; пред оным кумиром стоял жертвенник из белого мрамора с золотою на нем жаровнею и углями; посередине оной стоял стол, на котором лежало множество волшебных препоясаний и знаков. Другие же украшения комнаты соответствовали прочим.

Спустя несколько времени налетело множество разных видов птиц, которые принудили сокола вылететь в другой покой, из коего мог он смотреть на действие их свободно, которое начала птица, имеющая вид орла. Она, подошед к Чернобому жертвеннику и распространяя свои крылья в знак своего повиновения, дотронулась головою до жертвенника в то место, на котором стояли неизвестные волшебные письмена, отчего вдруг приняла образ человеческий; потом, пришед к столу, сняла с оного свое препоясание и надела на себя и также приняла жезл, коим все в свете управляла. Другие волшебницы, подражая оной, таким же образом получили вид людей. Между оными находилась и та волшебница, которую он освободил из-под камня.

Когда волшебницы приняли настоящий свой образ, тогда всякая, приняв свое место, ожидала главной волшебницы повеления. Она, севши на своем престоле, который весь был из чистого золота и по местам украшен дорогими камнями и устлан багряницею, сделала знак Преврате, чтобы она к ней подошла. Когда она к ней подступила, тогда волшебница говорила ей следующее:

– Преврата! Чего ты от меня желая, побудила меня прибыть сюда из далечайших стран и также все собрание?

– Великая повелительница непобедимых духов! Прости мое дерзновение, что я осмелилась на несколько разрушить покой твой и твоих подчиненных. Призванию тебя и всего сего собрания вина есть следующая. Строптивный и беспокойный дух Влегон, не повинаясь твоей власти и всечасно летая по свету, приключает твоим подданным досады и людям напасти; оный неукротимый дух стремится теперь погубить любимого мною смертного, известного тебе Силослава. Обольстя его очи, он представил на свирепом море дом, где, несколько времени его угощая, пришел, наконец, к нему, приняв образ похищенной Прелепы, в коем виде обольстив его, выманил у него роковой его талисман, который делал его безопасным от смерти, и потом хотел лишить в том свирепом море жизни, что бы и действительно сделал, если б я его не превратила в сокола и не спасла его тем от хитрых его сетей; чего ради, государыня, сей дом совета, по заклинанию моему, на сие место принесен и вы все собраны; я прошу, чтобы позволено было предстать в сие собрание Силославу, при котором я окончаю мою просьбу. Ты увидишь, царица духов, что он милости твоей достоин.

Волшебница на просьбу ее согласилась. Тогда Преврата, вышед к Силославу, взяла его и внесла перед судилище.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Вот, государыня, сей гонимый Влегоном смертный! Вот чем я его принуждена была спасти и прошу теперь, чтоб и ты приняла его под свое покровительство.

Тогда волшебница, махнув своим жезлом на Силослава, сказала:

– Будь тем, чем ты был прежде!

Вдруг все перья слетели, и Силослав принял прежний свой образ; после чего увидел он, что на престоле сидела дряхлая и седая старуха, у которой тряслась голова, и все тело было в движении от глубокой старости; исподнее платье было на ней белое, опущенное багряницею, а сверху покрывала черная епанча; с правого плеча под левую руку лежал голубой зодиак с золотыми небесными знаками наподобие перевязи; на голове была долгая черная с городками шапка, по сторонам одной приделаны были два крыла от больших рыб, наверху стоял знак Сатурнов; в левой руке держала маленький земной шар, а в правой жезл волшебный; подле нее по сторонам стояли по старшинству другие волшебницы в разных и чудных одеждах, но все с волшебными препоясаниями и жезлами. Тогда Силослав, получивший прежний свой вид, благодарил главную волшебницу наичувствительнейшим образом за ее к нему покровительство; а Преврата, поблагодаря оную подобным образом, говорила так:

– Сей смертный, которому теперь сама хочешь быть покровительницею, с твоего позволения произведен столь сильным и храбрым на свет. Угождая его страсти, оживотворила я истукан Станидаров, чтоб мог он уведомить Силослава о своей дочери. В то время Крепостан, любимец его, открыл ту чашу, в которой заключен был Ноннет, тогда князь духов произвел все те страхи, о коих я тебя уже уведомила и коих я, устрасая, не могла тут стоять и принуждена была сокрыться, в оном случае погиб бы и Силослав, если б не успела я, ухватив с головы моей околдованное перо, воткнуть в шлем ему. Оною силою освободил он Ноннета из заключения и чрез него нашел способ выйти из того города, после чего пришел он в то владение, в котором весь мужеский пол истреблен был Влегоном. Силослав изгнал его из оного силою своей руки и тем Влегона озлобил несказанно; чего ради Влегон, желая ему отомстить, выдумал для погубления его ту хитрость, о которой я уже тебя уведомила. В оном месте лишил он его пера, данного мною Силославу, и рокового его талисмана; чего ради я прошу тебя, великая обладательница невидимых, призвать сюда Влегона, чтоб он здесь при всем собрании заклался не иметь впредь на Силослава злобы и не гнать его более и чтоб притом возвратил ему перо и талисман. Такой степени дух, – примолвила она, – каков Влегон, должен повиноваться нам, а не восставать против нас.

Повелительница духов, выслушав Превратину просьбу, махнула по воздуху несколько раз своим жезлом и после того выговорила сии слова:

– Дерзкий дух! По данной мне власти от великого Чернобога и от князя всех духов заклинаю тебя, чтоб ты явился сюда в сие мгновение в таком виде, в котором ты, прельщая юного Силослава, намерился погубить, и чтоб ты принес сюда его талисман, шлем и прочее его вооружение!

Едва она успела окончать свое заклинание, как отворилась дверь и Влегон явился в образе Прелепы, неся с собою все требуемое от него, и как только увидел главную волшебницу, то затрепетал и пал пред нею на колени. Силослав, увидев его, обомлел от удивления и не знал, верить ли ему глазам своим; слышал он, что это Влегон, только поверить этому еще не смел, опасаясь, чтоб не назвать любовницы своей злым духом. В это время главная волшебница, оборотясь к Влегону и кинув на него сердитый взор:

– Дерзновенный! – вскричала ему. – Оставь сей, не принадлежащий тебе, образ и прими твой гнусный вид!

Как скоро волшебница сие выговорила, Прелепа исчезла, и вместо нее явился ужасный исполин, кривой, горбатый и хромоногий, с рогами и козлиною бородою, с змеиным хвостом и с лошадиными ногами, будучи притом весь покрыт свиною щетиною, а на голове вместо волос имел виющихся и свистящих змей.

Тогда начальная волшебница, указывая на Чернобогов истукан:

– Сим повелителем духов, – говорила она, – заклинаю тебя, беспокойный и непокорливый дух, и всем адом, которого трепещу и я, чтоб ты предал вечному

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
забвению злобу твою на Силослава и не осмеливался ему нимало вредить, если не хочешь подвергнуться всем адским истязаниям и потом преобразиться в ничто!

– Великая повелительница духов – ответствовал трепещущий Влегон. – Весь ад знает, сколько я волю твою почитаю, и все, что тебе ни угодно, с охотою исполнить готов.

– Исчезни ж с глаз моих! – вскричала волшебница. Тогда Влегон исчез, а начальница, обратись к Преврате, говорила. – Я все исполнила, что тебе ни хотелось, – и с словом сим исчезла, за нею и все собрание.

Удивленный Силослав едва верил тому, что в глазах его произошло, и, обращаясь к Преврате, которая с ним одна осталась:

– Так это Влегон был, а не Прелепа, могущая волшебница?

– Да, – ответствовала она, – и погубил бы тебя, если б я хоть чуть не ускорила тебя избавить; но теперь тебе опасаться более нечего, ты слышал сам, что главная волшебница приказывала Влегону; повеления ее преступить он не смеет, хотя б еще во сто раз сильнее был. Ну, прости, любезный Силослав, нам должно теперь расстаться, и дом сей не может здесь более получаса пребыть, и я также должна следовать туда, куда зовет меня должность моя; ступай, ищи своей возлюбленной. Если будешь наблюдать должность ироя, получишь все. Более тебе сказать не смею, прощай!

С сим словом она исчезла, дом пропал, а он остался на берегу морском, усыпанном камнями, в которые ярые волны ударяя, производили страшный шум.

Если б не был он славянин, то, конечно, отчаялся бы при случае сем жизни и умер бы от ужаса на сем пустом берегу, причем окружающие оный дремучие леса, неприступные и ужасные пещеры усугубляли его страх. Свирепые звери рыскали без боязни повсюду; и хотя он их и не опасался, однако ж не имел он от них никакого увеселения. Причем восстала ужасная буря, свирепые вихри летали, яряся, по горам, ломали деревья, а иные вырывали с корнем, отчего делался превеликий треск; темные и угрюмые тучи наводили мрак темнейшей ночи и проливали пресильный дождь; молния, гром и град привели Силослава в ужас. Хотя храбрость его была велика, но в рассуждении природы он был не что иное, как ее создание. Итак, начал он искать убежища, но беспрестанный блеск молнии затмевал почти его зрение, а частое сплетение деревьев прекращало его путь; наконец, укрылся он под их ветвями и стал несколько безопасен от суровости погоды.

Когда усмирили ветры и буря начала утихать, тогда багряная Зимцерла взошла уже на небо, а сияющий Световид, следуя за нею, согревал землю. В то время проснувшись, Силослав прогуливался по лесу и услышал идущего человека, который воспевал песнь, сделанную в честь Перуну. Человек сей имел на себе покойное и несветское платье и притом казался больше роскошным, нежели постником.

– Я радуюсь, – говорил он, увидя Силослава, – что нахожу здесь человека, а радость бы моя была еще большею, если б ты был чужестранец.

Такое приветствие весьма удивило Силослава.

– Я, может, этим несчастлив, что ношу на себе действительно такое имя, – отвечал он.

– Никак, а я тем только счастлив, – ответствовал незнакомый, – и прошу тебя последовать за мною.

Потом пришли они в пространное подземное жилище, которое освещено было хрустальными лампадами. Уборы и порядок оно показывали место сие обитанием разумного и добродетельного человека, вид мужа того казался кротким и добродетельным. По приходе в пещеру приказал он тотчас служителю своему переменить на Силославе платье, которое вымочено было дождем. Тотчас подали ему изрядную и покойную одежду. По многих приветствиях с обеих сторон и когда уже они довольно спознались, тогда Силослав спрашивал его учтивым образом о причине его уединения.

– Я охотно рассказать тебе оное соглашаюсь, – ответствовал ему старик. – Из

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
повести моей ты познаешь, что несчастье на того стремится свирепее, кто на
вышей пред прочими степенями и думает о себе, что он счастливее всех смертных; я
могу назваться истинным примером сего льстивого счастья и игрищем его
непостоянства. Все я видел на свете, все пересмотрел и был всему подвержен. От
самого моего рождения был я прежде несчастлив, потом в оном посредстве, потом
благополучен и преблаген, а на конец наинесчастливейший из всех смертных, а
теперь благополучен.

Силослав весьма удивился толь чудесному обращению судьбы его и просил его
нетерпеливым образом рассказать свои приключения.

– С охотою, – отвечив старик, – я тебя уведомлю о всех со мною
происшествиях от рождения моего до сего часа»; потом, несколько подумав, начал
он таким образом.

Похождения Славурона

Я называюсь Славурон, родился в городе, называемом Рус, и произошел на свет от
людей бедных и не имевших почти пропитания; по рождении моем мать моя отдала
меня на воспитание в дом к некоторой боярыне, потому что содержать ей меня было
нечем. Госпожа сия не меньше была скупа, сколько и зла: иметь человека она
желала, а кормить его не хотела; итак, живя у нее, не столько я ел, сколько был
бит; и когда я плакал и просил пищи, тогда она меня била немилосердно, желая
сделать во мне привычку, чтоб я в три дня ел однажды. В таком приятном
упражнении препроводил я восемь лет и от толь изрядного воспитания потерял было
образ человеческий, и начали было уже называть меня тенью; наконец, добродетельная моя
воспитательница преставилась, и я наследил после нее продолжительную болезнь,
которая в изнемоглом моем теле привела было и душу в изнеможение. Домом ее
овладел брат ее родной, гражданин добродетельный и постоянный; причем оный,
зная злой нрав своей сестры, первое имел старание, чтоб осмотреть всех ее
служителей, между которыми и я находился. Вид мой ему понравился, он приказал
иметь за мною смотрение и отдал меня для излечения к одному врачу. По счастью
моему, сей врач не выдумывал тогда никакого лекарства и не испытывал его
надо мною, отчего я поскорее вылечился; и когда собрал уже все потерянные
мои силы, тогда хозяин мой взял меня от него. После чего, нашед во мне
склонность к наукам, послал в Константинополь учиться на собственном своем
иждивении. Я стоил ему на каждый год по целому серебряному таланту. На пятом
году моего в науках упражнения получил известие, что благодетель мой скончался.
Тогда-то, будучи я без всякого призрения и на чужой еще стороне, сделался
прямо бедным и несчастным человеком. Все, что я ни выучил, затмило бы во мне
отчаяние, если б учитель мой не обнадежил меня своим покровительством. Сей грек
был весьма достойный человек и жил очень роскошно. Все его упражнение
состояло в изведывании природы и в узнании сокровенных ее таинств, чему
научал и меня. Я узнал от него философию, математику и историю и совершенно
говорил греческим языком. Тогда учитель мой выключил меня из числа
учеников, сделав по себе наследником всего его имения, и с этих пор
содержал меня как родного своего сына. Итак, я, как будто бы предвидя мою
судьбину, начал щеголять и носил такие платья, в какие одевались в городе
очень мало. Нареченный мой отец вместо того, чтоб запрещать, радовался,
глядя на меня, и случалось часто, что когда я одевался, тогда он сам мне
прислуживал, любясь на мое щегольство. Незлобивый мой нрав и несколько
старанием его просвещенный разум вкоренили в него ко мне любовь; он
почитал меня, как родного своего сына, и имел ко мне прямо родительскую
любовь.

Но несчастье мое недолго мне позволило милостью его пользоваться. Благодетель
мой преставился на третьем году после первого моего милостивца, и хотя я
наследовал все его имение, но немало тому не радовался. Я сожалел о нем так,
как о родном моем отце. Лишение его мучило меня несказанно, и сколько я ни
старался развеселить себя, только никак не мог; он не выходил никогда из
памяти моей, милости его глубоко были начертаны на моем сердце; одним
словом, я столько о нем грустил, что весь город известный стал о том, и
сколько приятели мои ни старались меня развеселить и сколько ни
изыскивали способов к моему утешению, только ничто не могло утишить
моей горести.

Во время сей моей печали объявлено было в городе, что на другой день
будет казнь многим несчастным пленникам. Горесть моя не позволяла мне
идти на такое плачевное позорище; но не знаю, какая-то тайная сила
принудила меня туда следовать; итак, пошел я на другой день на лобное
место, на коем производилась

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru казнь; и едва туда пришел, то вдруг глаза мои и сердце поразились ужаснейшим видением. О боги! и теперь еще без слез вспомнить не могу, между несчастными узниками увидел я моего отца, ожидающего себе лютого окончания жизни. Всещедрые боги! Для чего вы тогда не извлекли и моей души? Прости мне, храбрый незнакомец, что слезы, катящиеся невольно из очей моих, прерывают мое повествование (потом, обтерши глаза, продолжал он следующим порядком). Едва я его в таком состоянии увидел, кровь моя замерзла, и холодный пот, выступя на мое тело, лишил меня употребления чувств; я упал без памяти, и друзья мои вместе со мною, увидя оное, старались мне помогать и привести меня в прежнее чувство. Как скоро я очнулся, то первое мое старание было, чтоб броситься избавлять моего отца, но уже было поздно, лютые звери растерзали тело его на части. Увидя оное, поднял я ужасный крик, клял судьбу, виновницу моего несчастья, проклинал осудивших его на казнь и воплем моим обратил на себя глаза всего народа. Приятели мои, желая меня спасти от большого беспорядка, силою увлекли меня в мой дом. По излианию многих слез и по долгом терзании просил я одного из моих друзей, чтоб постарался он достать мне список всех растерзанных в тот день невольников; он мне скоро оный принес, и я нашел, что все они пленены были в морское сражение, в числе которых и отец мой был. По приведении их в Константинополь приказал кесарь всех тех погубить, которые не примут оружия против славян, его неприятелей. Отец мой, будучи верным сыном отечества, пожелал лучше лишиться жизни, нежели поднять оружие противу своих однородцев, и так умер с прочими, последовавшими в том ему. Тогда-то остатки крепости моей исчезли: советы друзей моих не подкрепляли более моего духа, я вдался в неописанную горесть и дошел до отчаяния, отдал все мое имение бедным людям и потом хотел удалиться в пустыню. Предприятие мое желал я расположить порядочно, чего ради с верным моим приятелем, на которого дружество я надеялся, завсегда хаживал из города в не весьма отдаленную рошу, в коей, прохаживаясь, советовал или располагал мое намерение.

Некогда возвращаясь из оной, услышал я, что кличут меня моим именем; я, оглянувшись назад, увидел почтенного вида старуху, которая, поклонясь мне низко, сказала следующее:

– Не поставь, пожалуй, в дерзновение, что я помешала тебе идти; ты хотя меня и не знаешь, только я тебе всегда была приятельница, которая желала тебе завсегда хорошего; я недавно известилась о твоём несчастье и намерении; отчаяние твое произвело во мне сожаление, и я не могла преминуть, чтоб не сообщить об оном брату моему, о котором уверяю тебя, что он человек, довольно знающий мирские суеты и случающиеся в жизни перемены; он, будучи человек мягкого сердца, тронулся твоим несчастьем и просил меня тебя с ним познакомиться. Я, ведая, что ты людей добродетельных и сведущих считаешь и любишь, обещала ему оное; итак, прошу тебя не оставить моей просьбы и удовольствоваться желанием моего брата.

Я знал действительно, что никакой человек переменить судьбы моей не в силах и возвратить моего отца и двух благодетелей никакой совет не в состоянии, однако, подумав, что, может, он даст мне наставление, каким образом продолжить мне оставшуюся мою жизнь, поблагодарил ее за ее обо мне старание и просил, чтоб она представила меня своему брату.

– Очень хорошо, – ответствовала она, – завтра при окончании дня на этом же месте увидите вы человека, который проводит вас в мой дом; и когда вы из советов его приобретете свое благополучие, тогда судьба ваша переменится и вкоренит в вас благодарность к той, которая была причиною вашего счастья»; потом она рассталась с нами.

Оставшись один с моим другом, рассуждал я, что б было это такое, и наконец подумал, что это какой-нибудь обман; итак, хотел это дело оставить, но мнения моего друга принудили меня то изведать и посмотреть хваленого того мужа; притом же говорил он мне, что есть много таких людей, которые берут участие в несчастьи других и, болезнуя о них от чистого сердца, стараются отвращать несчастье двоякими способами и тем заслуживают на сем свете будущее блаженство; а так как такими людьми Греция славилась издревле, то я больше не сомневался, чтоб тот, который ищет моего знакомства, не пекся о моем благополучии; итак, определил с ним познакомиться.

На другой день, когда уклонялось к западу солнце, и ночь уже готовилась взойти на небеса, тогда, оставив я в доме моем друга, пошел один на назначенное мне место; на оном дождался уже меня человек; он спросил меня о моем имени и, узнав, кто я, просил учтиво за собою следовать. Вскоре дошли мы до одного

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
великолепного дома, который стоял в предградии. Сии дома обыкновенно называются в Греции домами увеселения. Как только мы взошли на крыльцо, то встретила меня та же женщина, которая накануне со мною говорила и звала к своему брату. Сделав мне небольшое приветствие, привела меня через несколько покоев в большую горницу, которая освещена была лампадами; они удерживали лучи находящегося в них огня и чрез то производили слабый свет, при коем образ человеческий не совсем рассмотреть было можно; а для чего так было сделано, оное ты узнаешь в окончании моей повести. Когда я с нею сел, то приказала она служителю доложить обо мне своему брату; итак, в ожидании его препровождала со мною время во взаимных приветствиях.

Вскоре потом вошел к нам и брат ее; вид его показался мне важным и величественным; голова его покрыта была пустынною шерстяною шапкою, которая закрывала лоб его по самые брови, а седая и долгая борода закрывала и другую половину его лица; долгое и беспорядочно шитое платье представляло его презрителем пустого украшения тела. Как скоро я его увидел, то тотчас сделал ему низкий поклон и препоручал себя в его милость при просьбе моей приятельницы. Препоручение мое принял он весьма благосклонно и представлял мне свои услуги, которые его добродетель показать мне определила. Опознавание наше было скорое, и мы тотчас начали весть разговоры дружеские, из коих я увидел, что он был человек преразумный и пресведущий; потом, склоня речь свою ко мне, говорил мне следующее:

– Я стараюсь всегда быть уведомлен о тех людях, которые подвержены ударам превратного счастья и, будучи в горести, не находят ни в чем отрады, кроме отчаяния, а я в таком случае не могу их оставить без утешения... Сестра моя уведомила меня о твоём состоянии; ты лишился двух благодетелей и отца, которых ты всех равно почитал. Что ты печалишься о их кончине, это похвально, и ты тем показываешь чувствительную к ним благодарность; но когда сожаление о них производит в тебе отчаяние, это знак малодушия. Всякое несчастье должны мы сносить великодушно, и человек для того принимает свое бытие, чтоб испытать ему все коловратности сего света, ибо всякое в оном несчастье, чем оно свирепее, тем больше служит человеку к исправлению и, смиряя его, уготовляет ему будущее блаженство. Мы тогда, когда не бываем довольны, воссылаем на небо жалобу, негодуем на определение и сетуем о недолгом нашем беспокойстве, проклиная нашу жизнь и безрассудно ропщем на создателя, не предвидя или не разумея, что он все на пользу нашу строит. Премилосердное и справедливое существо захочет ли для такой бедной твари, каковы мы, быть когда-нибудь свирепым? Гнев его не может уместиться во всей вселенной, если мы раздражим его милосердие нашими неистовствами; но и тогда вседержитель наш отпустит нам грехи наши, а не истребит нас до конца. Итак, приписуя наши несчастья, в которые мы впадаем сами собою, по божьему произволению, или думаем, что оно нас наказывает, погрешаем против его и в заблуждении нашем не видим своего малоумия. Мы всегда стремимся к счастью и просим бога, чтобы он сделал нас его участниками в нашей жизни; но если спросить хотя одного, что есть счастье, и в чем он его заключает, и чего просит, то тогда и откроется, что он и сам не знает, чего желает. На сем свете нет ничего для нас полезного, кроме добродетели и премудрости, но врожденное стремление имеем мы к снисканию благополучия с начала нашей жизни и всякую минуту ищем оно; только оно покажется нам в будущей жизни, а не здесь, да и тому, кто оно того достоин, явится. Начало нашего бытия стремится всякий час к окончанию, а конец сей есть благополучие, для которого рождаемся мы все. Добродетельный и боголюбивый человек достигает оно скорее, нежели тот, который ведет жизнь свою в пороках и отягчает неистовством природу... Ты теперь сетуешь, что лишился своего счастья, которого ты истинно не имел и иметь никогда не можешь, потому что нет его на сем свете. Люди дают имя богатству и тем погрешают сами против себя, ибо, получив оное, получают с ним всякое беспокойство; другие именуют оным высокие степени, а наипаче престол; но сколько великие господа претерпевают печали, о том уже все известны. Мудрейшие дают сие имя мудролюбию и спокойствию души, но сие спокойствие не что иное, как преддверие к счастью, а прямого благополучия ни один смертный не только получить, но и вообразить не может... Итак, неразумно сожалеть о том, чего мы не имеем; такое самопроизвольное страдание не будет согласоваться с мудростью, и этакое сетование может назваться безрассудным. Остатки нашего великодушия исчезают припоминаниями несчастных случаев и приводят наконец в отчаяние, чего ради всеми силами надлежит стараться отваживать себя искать душевного спокойства, ибо одно оно только может сделать нас несколько совершенными. Ты сетуешь теперь о потере отца и двух благодетелей, оплакиваешь их кончину и сожалеешь о них, но мне кажется, ты их тем оживить не можешь; итак,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru надобно радоваться, что они оставили все суеты сего света и наслаждаются сладким упокоением в блаженных Иллисейских полях. Неужто ты желаешь, чтоб они приняли опять здешнее бытие для того, чтоб терзаться столько же, сколько терзались они в прошедшей своей жизни? Это ли знак твоей к ним любви? Поверь мне, что хотя б ты и звал их оттуда и мог их опять оживить, то они сами не захотят этого; итак, следственно, что стенанием своим ты их только оскорбляешь. Пожалуй, оставь ненужную свою печаль и старайся лучше употребить остатки своего века на снискание добродетели и на покровительство бедных людей; прибегай чаще молитвами к творцу вселенной, проси его о ниспослании тебе способов к получению честных нравов, любви к добродетели, коими тщишься приобрести путь к блаженной кончине.

В таких и подобных сим разговорах прошла у нас с ним целая ночь, и первое сие свидание уменьшило несколько моей горести; потом всякий вечер посещал я сего добродетельного и разумного мужа и всякий час получал новые облегчения советами его в моей печали; и наконец не в весьма долгое время искоренил он совсем мою печаль. Я слушал его наставления с великим прилежанием и приятностью и начертывал их в моем сердце; частое мое с ним обхождение вселило в меня неописанную к нему любовь; разум его и добродетель сделали во мне к нему сердечное притязание; я нашел в нем моего отца и обоих моих благодетелей. Напоследок не хотелось уже мне его никогда и оставить; итак, я положил, чтоб препроводить с ним жизнь мою до самого его скончания, что после действительно и сбылось.

Почувствовав в сердце моем необычайную к нему склонность и наполнившись истинною любовью, не бывал уже никогда с ним розно. Некогда вечером, когда я имел с ним рассуждение о переселениях душ, и на какой конец имеет человек свое бытие, и когда мы были в середине одного важного разговора, тогда нечаянно и без всякого примечания взглянул я на его ногу, которая несколько выставилась из под долгой его епанчи. Вдруг овладело мною чрезвычайное удивление, которое привело меня в сильное движение: я не знал, как мне растолковать мое привидение; нога его была обута в женский башмак, да притом же и сама казалась женскою. Чтб скрыть мое смятение, тотчас принял я на себя спокойный вид. Прежде я не инако думал о нем как о пустынноике и не старался примечать того, что не входило совсем в мою мысль; а тогда начал я рассматривать его руки, которые, как помню, прежде он от меня скрывал, а я, не имея нималого подозрения, совсем о том не догадывался. По счастью моему, сделал он тогда, разговаривая, такое движение, что открыл свою правую руку, на которую тотчас любопытные глаза мои устремились. Рука сия показалась мне наипрелестнейшею рукою женскою, и я, увидев оную, затрепетал, не зная сам от чего; и как любопытство мое уже не упускало ничего, тогда и голос его показался мне нежным, хотя пустынноик и старался произносить его с некоторым напряжением, чтоб тем он походил на мужеский. Сколько ни слабо было сияние от лампад, однако глаза мои приметили между белыми бровями и седою бородою такую нежность и красоту лица, которые совсем переменяли мои мысли, и обратили дружество мое к нему в приязнь совсем другого рода.

Сей вечер расстался я с ним не так, как обыкновенно. Собеседник мой, приметя, может быть, во мне смущение, встал, не окончив разговора, и пошел поспешно в свою комнату, а я остался рассуждать еще в пущем смятении. Однако ж недолго в оном находился: знакомица моя пришла тогда ко мне и извиняла своего брата, что он не возвратился ко мне, чему причиною, сказывала, застигшее его великое дело; потом завела со мною разговор, которого хотя начало было постороннее, однако конец клонился к тому, чтоб выведать из меня, не был ли я в кого влюблен и нет ли теперь у меня любовницы. Что не бывало у меня оной, то говорил я ей правду, а на что было такое сделано предложение, того еще тогда постигнуть я не мог. Поговоря она со мною совсем о другом, пожелала мне спокойной ночи и простилась до другого свидания.

На другой день с превеличайшею нетерпеливостью желал я увидеть моего наставника; минуты казались мне без него часами, но и он не менее хотел со мною свидеться; итак, прислал за мною своего служителя прежде обыкновенного времени.

Когда я к нему пришел, то начались у нас обыкновенные с ним разговоры, но которые текли у него смятенно; много раз перерывались они у него неожиданно, и голос его при том трепетал; потом, сделав движение и смятенное восклицание:

– Ну, – сказал он, – пора мне делать превращение и вывести тебя из заблуждения, которое причиняла тебе моя ряса.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Выговоря сие, скинул с себя в мгновение рясу, шапку, бороду и седые брови. Тогда из угрюмого пустытника предстала передо мною наипрелестнейшая красавица. Едва прелести ее кинулись в мои глаза, я обмер, сердце мое трепетало, смущенные мои глаза остановили на лице ее свое движение; мысли мои, прельщенные ее заразами, пресекли вход другим воображениям; и, одним словом, я ничего не слышал и не видел, кроме ее, и сидел окаменелым, устремив на нее торопливые мои взоры. Преобразившаяся моя красавица, приметя во мне сие смущение, прервала сама мое молчание.

– Тебе непременно должно показаться удивительным мое превращение, я этому верю и в том соглашаюсь, но когда ты услышишь причины, побудившие меня к оному, то, конечно, перестанешь тогда ему удивляться; и вот причина, побудившая меня к сему чудному превращению. По славе твоих изрядных качеств и добродетелей узнала я о тебе уже давно и имела к достоинствам твоим всегда почтение, потом уведомилась о всех твоих обстоятельствах, что ты славянин и здесь иностранец, что ты лишился двух благодетелей и, наконец, своего родителя, что ты впал оттого в пресильную печаль, что, возненавидя свет и непостоянное его счастье, пришел в такое страшное отчаяние, что хотел в молодых своих летах, оставя человеческое обхождение, удалиться в уединение, и уже принял к тому меры.

Тогда я, побуждаема будучи человеколюбием и славою твоих достоинств, захотела вывести тебя из твоего заблуждения, но, рассуждая о способах к тому, не находила их, потому что ежели бы я стала тебя увещевать в таком образе, в каком теперь нахожусь, то непременно б ты меня не послушал, а что больше всего, то б могла я впасть чрез сие в оковы злословия, да и ты бы сам не инако оное счел, как признаком или моего неразумия, либо тщеславия, или же знаком моей к тебе любви, которая хотя сама по себе нимало не подвержена порицанию, но злословцы дали бы ей непременно имя беззакония. Итак, видя себя с сей стороны неспособною подать тебе помощь, прибегнула я к сей хитрости из одного сожаления к человеку, чтоб, превратясь в пустытника и человека, живущего под законом строгой добродетели, спознаться с тобою и отвлечь тебя от твоего странного намерения, доказав тебе заблуждения смятенных твоих мыслей. Намерение мое мне удалось; итак, я теперь довольна, исполнила должность так, чтоб заслужить от тебя имя приятельницы, коею хочу я быть тебе от искреннего сердца.

Представь себе, – продолжал Славурон, обратись к Силославу, – каково тогда было мое удивление по выслушании ее речей. Я почти не верил сам себе, что все то слышал и на нее смотрел; я не мог себе вообразить, чтоб женщина в ее лета могла вмещать в себе такую добродетель и разум для спасения ближнего своего от напасти; напоследок, оправясь от моего смятения, благодарил ее наичувствительнейшим образом, прося ее и вперед продолжать ко мне свою благосклонность, за которую обещал ей вовек остаться преданнейшим ее слугою.

Но я уже не одну чувствовал к ней тогда благосклонность: прелесть ее лица, добродетель и разум, летая в удивленных моих мыслях, производили в сердце моем неугасимый пламень; и я уже не тот был больше Славурон, который стремился бежать в пустыню. Все мое сердце и мысли прилепились к прекрасной моей нравоучительнице, разлучение минутное с нею казалось мне ужасным гробом и сборищем всех напастей; итак, определил себя стараться узнать ее обо мне мысли и вывести, не любовь ли была причиною старания ее об удержании меня в свете.

Предприяв сие намерение, вникал я во все ее речи, но противу желания моего находил в них неизъяснимую скромность. Наконец, доведя разговор до ее состояния, просил ее, чтоб она удостоила меня объявлением обстоятельств, касающихся до ее жизни. Просьба моя без отговорок была удовлетворена.

– Я, – говорила она, – уроженница города Афин, отец мой имел там сан священника-паладина. Некогда пришел в дом наш иностранец под видом, чтоб просить отца моего принести Афине обещанную им жертву; но в самом деле желание его было увидеть меня и свесть с отцом моим знакомство, чтоб чрез то получить свободный вход в наш дом. Он был житель здешнего города и начальник легиона; в Афинах был он тогда для некоторого дела по повелению здешнего кесаря; он меня по праздникам видывал в Минервином храме и влюбился в меня. И таким образом, сведши потом с родителем моим хорошее знакомство, зачал за меня свататься. Отец мой, зная его достоинство и добродетель, без всяких отговорок на то согласился. Свадьба наша была сыграна благополучно, и по нескольких после оной днях, отправя муж мой положенное на него от кесаря дело, возвратился в свое отечество; напоследок по полугодном со мною сожитии, будучи в походе против варваров, убит на сражении;

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
итак, я осталась вдовою и наследницею всего его имения, потому что других, кроме меня, наследников у него не было. Вот вся моя история, – примолвила она мне, – и я уже месяца с два вдовою.

По окончании своей повести разговаривала она со мною о вещах посторонних; а я, напротив того, будучи мучим любовью, не думал уже более ни о чем, кроме моей страсти, покушался тысячу раз открыть ее моей победительнице, но робость и стыд и важный ее вид меня удерживали от исполнения оного. По крайней мере, старался я открыть оную околичностями и оными же взаимным образом и от нее получал. Таким успехом хитрости моей будучи ободрен, хотел было ей настоящее сделать открытие, но наступившая глубокая полночь помешала моему благополучию. Обладательница моя, не дав мне докончить начатых мною слов, встала поспешно со стула и, пожелав мне доброй ночи, оставила меня в пущем прежнего смятении, после чего и я пошел домой, кляня несчастливую мою участь, сделавшую меня навсегда игролищем счастья.

Пришедши домой, бросился я в постелю, но не для вкушения сладкого сна, а чтоб отдаться воле моих мыслей, которые всеминутно накладывали на меня крепчайшие любви оковы. Наконец, по долгом размышлении, покрыл меня Морфей своими крыльями; и едва я заснул, как прелестный призрак представил предо мной обожаемую мною красавицу. Сердце мое наполнилось восхищением, я бросился к ее ногам и готовился изъяснить все мое чувство, как вдруг вскрутившийся вихрь похитил ее из глаз моих. Я закричал, и в самое то время вошел ко мне мой служитель и докладывал мне, что незнакомый человек желает со мною видеться. Я его приказал впустить; служитель мой его кликнул, и незнакомый подал мне письмо следующего содержания, которое я еще и до сих пор помню:

– Что я тебя любила, Славурон, оное доказали все тебе мои поступки, но я видела, если только не обманывалась, что и ты ко мне то же чувствуешь. Я было определила скоро уже увенчать нашу страсть и доказала бы тебе, что я стою твоею быть; я не афинянка и не жрецова дочь, как тебя вчера уверяла, а знатного в здешнем городе господина; но жестокие случаи воспротивились моему желанию. Прости, Славурон, я еду, судьба лишает меня твоего присутствия и влечет в неизвестную мне дорогу, но если ты меня прямо любишь, то будешь искать меня и на краю света. Прости! И помни то, что я тебя люблю!

– Ах! – вскричал я тогда; ужасный гром не может сильнее поразить, сколько я был поражен жестоким сим известием. Течение крови моей остановилось, грудь моя спиралась вздохами, лицо обливалось слезами, и я не иным стоял, как приговоренным на казнь. В таком плачевном будучи состоянии, едва через час мог собрать расточенные мои мысли и, оборотившись к письмоносницу, спрашивал его, откуда он это письмо получил и кто ему его дал.

– Я, – отвечивал он, – имел нужду быть сего дня рано в предместье города; и когда, исправя оную, возвращался в город, тогда поравнялась со мною дорожная карета, из коей закричали вознице, чтоб он остановился, а после и меня прикликали к карете; в оной сидели две женщины, одна из них в самом цвете молодости, а другая уже в довольных летах, которая спрашивала меня, знаю ли я тебя. Я отвечивал, что хотя тебе никогда не бывал знаком, только по славе имени твоего о тебе известен. Тогда старая женщина говорила мне, что ты ее племянник, и просила меня отдать тебе это письмо и извинить ее, что она без прощенья с тобою расстается, потому что этого ей сделать не можно, да и подлинно нельзя ей было никак из кареты отлучиться, – продолжал речь свою незнакомец, – потому что окружали оную шесть вооруженных конников, которые и меня насилу допустили к карете и с великой просьбой и слезами старой женщины отпустили меня с письмом к тебе. Вот вся моя история, – примолвил письмоносец и, поклонясь, пошел от меня.

Я остался неподвижен, разум мой меня оставил, и рассуждения мои от меня удалились, лишиться живота в то время почитал я небесным даром; но мне уже и представлялось, что смерть моя ко мне приближается и возносит острую свою косу, чтоб ссечь меня и свергнуть в мрачное Ниево жилище. Напоследок вышел я из моего заблуждения, но чтоб отдаться в жесточайшую печаль; потом в отчаянии моем предпринял я ехать и искать ее по всему свету. Приказал тотчас оседлать себе коня и, не рассуждая ни о приготовлении к пути, ни о снабдении себя нужным, сел и поехал, не зная сам куда. Смятение мое повсюду за мною следовало и не оставило бы меня долго, если б шум, сделавший подле меня, не разогнал его. Я поднял глаза и увидел себя окруженным вооруженными людьми, кои, не медля нимало, схватили меня с моей лошади, посадили в приуготовленную коляску, завязали в ней

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru мне глаза и потом повезли меня; причем запрещали кричать и рваться, если не хочу быть умерщвлен. Сколько жизнь моя была ни несносна, однако ж не хотел я лишиться ее от рук моих похитителей; итак, ехал, нимало им не противясь.

Потом привезли меня в темницу, которая показалась мне ужаснее и самой смерти, и тут заключили. Я препроводил всю ночь в великом ужасе и не знал, что мне начать в моей напасти. Поутру вошел ко мне начальник стражи темничной и объявил, что приказано содержать меня тут наистрожайшим образом. Я спрашивал его, в чем я проступился и за что должен терпеть такое наказание. Но он мне на то отвечал неведением, прибавляя к тому, что он только то ведает, что я обвинен и что казнь совершится надо мною через три дня. Сказав сие, вышел он вон и оставил меня утопать в моем отчаянии. Тогда горесть моя от часу прибавлялася, и неизвестная судьбина терзала мое сердце наилютейшим образом. Я отдался совсем снедающей меня тоске и положил неробко лишиться тревожной моей жизни, нежели ожидать на свете по всякий час нового страдания.

Мало спустя потом услышал я стук у дверей моей темницы; я оглянулся к ним, ожидая, кто войдет; но какой ужас поразил мое сердце, когда узнал я в вошедшей ко мне женщине Вестону, наперсницу моей любезной! Я почти помертвел и не знал, что подумать: она была окружена стражею, печальное ее лицо не предвещало мне ничего доброго, в смятении моем не мог я ничего ей выговорить. Наконец, она, поглядев на меня глазами, изъясняющими отчаяние и страх, «увы!» – возопила, потом:

– Несчастный Славурон! Так и тебя, никак, судьба на то же осудила, на что и невинную Филомену!

– Как! – перервал я скоропоспешно ее слова. – Неужели и Филомена содержится в сих ужасных местах?

– Нет, – продолжала Вестона, – она уже в царстве мертвых.

При сих словах разум меня оставил, и я уже не помнил, где я находился, жестокий обморочил меня всех чувств.

Спустя несколько времени я очуствовался, раскрыл утомленные мои глаза и увидел Вестону и стражу ее, старающихся мне помочь.

– Оставьте ваш труд, – говорил я им ослабшим голосом, – смерть в сем случае для меня не ужасна, а ее почитаю небесным даром. Увы! на что мне жизнь, лишенному Филомены? Она одна ее удерживала, а теперь более она ни к чему не служит, как только к терзанию моего сердца и к преданию тела моего на казнь несправедливого суда.

При сих словах слабость моя опять ко мне возвратилась, и я пришел в прежнее беспамятство, но попечение Вестонино скоро меня опять от того избавило.

– Успокойся, – говорила она мне, – теперь не время тебе отчаиваться, а надобно стараться о избавлении себя от грозящей смерти; потом она дала знать страже, чтоб та удалилась, что она и учинила.

Тогда Вестона, уменьшая свой голос, говорила мне так:

– Если б я не страшилась о твоей жизни, почитая тебя за высокие твои достоинства, и не боялась бы также и себя погубить, так на что бы мне и приходить сюда о том тебя уведомить; но прежде всего хочу тебя уведомить о несчастии нашем. Ты уже ведаешь, что Филомена не афинянка, а дочь знатного вельможи сего города, но несчастье не перестает за людьми гнаться и при великих их санах. Отец твоей любовницы имел у себя давнишнего неприятеля, который всегда старался его погубить. Оно ему третьего дня и удалось: он оклеветал противника своего кесарю, у которого он в великой милости. Итак, вчерашнего дня приказано над ним свершить казнь и умертвить ядом его дочь и всех домашних, а тебя взяли под караул как их сообщника, ибо злодей наш ищет всех тех погубить, которые хоть чуть ему покажутся подозрительны. Я бы и сама уже давно была в царстве Плутонова, если б не удержал жизни моей до сих пор случай, о котором я тебя теперь же уведомляю.

Когда вчера нас повезли на казнь, тогда к окружающему нас караулу прискакал

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru человек, который, пошептав нечто начальнику нашей стражи, опять уехал. Начальник, не медля нимало, велел мне выйти из кареты и, посадив меня в другую, которую велел тотчас сыскать, приказал меня вести в сии темницы, в коих я до вечера находилась, никого не видя. Под вечер пришел ко мне объявленный начальник стражи и приказал мне из темницы за собою следовать. Выведши меня во двор, приказал подвезти карету, в которую севши со мною, приказал ехать в назначенное им место.

Таким образом приехали мы в город и остановились перед самым великолепным домом. Провожатый мой провел меня в оный через потаенную лестницу и, введши в потаенную комнатку, оставил меня одну. Мало спустя потом вошла ко мне девица, которая по виду и платью своему показалась мне дочерью знатного господина, в чем я и не обманулась. Я поклонилась ей очень низко и положила от нее ожидать прервения молчанию. На поклон мой отвечивала она мне своим; потом, севши в кресла, приказала и мне сесть. Я отговаривалась, однако она меня принудила; потом, помолчав несколько, начала она так:

– Поступок мой покажется, может быть, тебе странным, и кто не любил, тот сочтет его безрассудным и непотребным, а знающий сильную руку Эротову найдет его, конечно, извинения достойным. Я, тебе признаюсь, люблю – и любовь причиною твоего освобождения от смерти. Знай, я дочь того, кто причиною несчастья вашего дома: мой отец погубил твоего господина, дочь его и всех сродников и служителей, в котором числе и ты была бы, если б я тебя не избавила.

Услышав сие, бросилась я к ее ногам и благодарила ее за великодушное ко мне покровительство, а она, подняв меня, продолжала так:

– Да, Вестона, ты теперь мне обязана своею жизнью, а я тебе буду своей, если ты пособишь моему предприятию. Слушай, я люблю Славурона и полюбила его с тех самых пор, когда покойная твоя госпожа начала его любить. Я знала, что и он ее любит; итак, не надеясь тогда искоренить из сердца его такой страсти, коя одною смертью изгоняется, старалась и свою к нему скрывать и умерять; но теперь смерть Филоменина воздвигла ее на высочайшую степень надежды, и ласкаюсь, что помощью твоею могу пользоваться его нежною любовью, которую он ощущал к моей совместнице, и кою теперь питать ему к ней бесполезно и поздно.

Окончав свою речь, она замолчала и ожидала от меня ответа, а я не знала, что ей сказать; нечаянное ее открытие смутило меня несказанно; наконец, боясь ее прогневать долгим молчанием, ответствовала ей так:

– Милость твоя, государыня, оказанная мне в спасении моей жизни, столь для меня велика, что я не перестану во весь мой век ее чувствовать и молить богов, чтоб они наградили тебя за нее тьмократно. Что же касается до Славурона, то я хотя охотно желаю тебе услужить, но не знаю, как сие дело начать; первое, то, что я в заключении и не могу его сыскать...

– Нет, – перехватила она, – ты его можешь завтра же найти, ибо он по приказу моего родителя взят и посажен в ту же темницу, в которой и ты находилась; ты можешь к нему завтра пойти и объявить, что я его люблю и что спасение жизни его зависит от ответствования его на мою любовь; впрочем, ни ты, ни он без сего не останетесь живы.

Сказав сие, она ушла и оставила меня в ужасе, жесточайшем прежнего.

Потом вскоре после сего пришел ко мне начальник стражи и отвез меня опять в сию темницу, подтверждая мне слова госпожи своей, а сего дня по приказанию приведена я к тебе, чтоб известить тебя обо всем том и получить на то от тебя ответ.

Окончив свою речь, Вестона замолчала и ожидала от меня оного.

– Представь ты себе, – молвил Славурон, – каково тогда было мое смущение. Мысли мои и так уже были утрачены темницею, а смерть любезной моей незнакомки почти лишила меня разума; но принуждение отдать мое сердце другой, коей отец лишил меня всего того, что льстило мне на свете, показалось отверстым адом. Я пришел в ужасное бешенство, проклинал причинителя общего нашего несчастья, оплакивал смерть моей возлюбленной, негодовал на ее совместницу и выговаривал с укоризною Вестоне за неверность ее к своей госпоже и за подлую робость к смерти; потом приготавливался великодушно умереть. Вестона, со своей стороны, прилагала все

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru способы меня утешить и склонить на свое требование, не оставила ни ласкательства, ни слез, ни вздохов, которыми бы ей тронуть меня было возможно, но ничем не могла поколебать меня и так ушла, угрожая мне скорою смертью. Я остался один и призывал смерть, чтобы она меня сама сразила и лишила бы тем стыда умереть под рукою палача.

На другой день, когда я лежал на моей постеле и наполнял голову мою страшными воображениями о предстоящей моей кончине, отворилась дверь моей темницы и множеством огней осветилось ужасное мое жилище; потом вошли четыре невольника, одетые в великолепное платье, которые несли четыре золотые подсвечника со множеством свеч; за ними следовали несколько других, которые несли пребогатые золотые ковры и оными тотчас устлали пол бедственного моего жилища; потом принесли покойные седалища, покрытые бархатом, а за ними следовали еще несколько и несли серебряную жаровню, которая благоухала разными ароматами, и уставили все оное везде по-надлежащему.

Все это приуготовление показалось мне воображением, которое сон причиняет нам в своих объятьях. Я думал, что это одно только привидение. В сих пребывая мыслях и не избавившись еще совсем от моего смущения, вдруг увидел я новое позорище, представившееся моим глазам. Прекрасная и великолепно одетая девица вошла ко мне в препровождении нескольких женщин; увидя меня, сделала мне учтивое приветствие и села потом в приготовленные кресла; а я, с моей стороны, желая ей ответить, наклонился и упал без чувства на землю. Я не знаю, что они со мною тогда делали, но когда я очуствовался, то увидел, что пришедшая госпожа, Вестона и невольники упражнялись в том, чтоб подать мне помощь.

– Увы! Государыня моя, – возопил я вставши помогающей мне госпоже, – тщетно ты истощиваешь попечения свои, подавая мне ненужную помощь для спасения живота моего. Я не хочу жить более на свете: он для меня несносен и ужасен, когда лишился я в нем того, что мне более жизни моей льстило...

Посем я замолчал и потупил глаза мои в землю, изъясняющие глубокое мое сокрушение.

– Я почитаю твою печаль справедливою, – говорила мне, несколько помолчавши, незнакомая госпожа, – она показывает твое доброе сердце и благодарность к той, которая тебя любила страстно, но теперь не имеешь ты нужды вдаваться в нее столь много. Достоинства твои сыскали тебе другую обожательницу, которая не уступает Филомене ни внутренними, ни внешними качествами. Это я, – продолжала она, несколько покрасневшись и делая вид и голос гораздо нежнее прежнего, – я, которая с усердием хочу заступить ее место, сделать тебя владельцем моего сердца, имения и достоинства. Ты уже знаешь, что я знатного отца дочь и могу сделать все, что только ни захочу, и думаю, что ты мою благосклонность не пренебрежешь, когда найдешь во мне высочайшее твое счастье.

Потом она замолчала и ожидала с жаждающими глазами моего мнения.

Я не хочу тебе изъяснять, – продолжал Славурон, – какими чувствами наполнялось тогда тревожащееся мое сердце; отчаяние, кончина моей возлюбленной, досадное открытие, мщение за смерть моей любовницы и мое заключение разрывали оное на части, и воздвигали чувство мое на всякое бедство. В сем будучи огорчении, взглянул я на нее весьма презрительно и сказал ей с гордым видом, что прелести ее не токмо не в состоянии привести меня в восхищение, но ниже выгнать из сердца моего огорчение, а напротив того, усугубляют во мне желание скорее умереть и тем избавиться от зренья гнусных убийц моей любовницы. Посем бросился я в мою постелю и более ничего не отвечивал на все их ласкательства и просьбы. Итак, окончив бесплодно свое предприятие, она пошла от меня с великим гневом, грозя мне скорою смертью и мучительною казнью. Вестона, оставшись со мною, старалась еще меня уговаривать, но наконец ушла более посрамленною, нежели первая. Спустя несколько времени увидел я Вестону опять со мною вместе; она бросилась предо мною на колени и просила меня еще о том со слезами:

– Когда ты столько тверд в своей любви, – говорила она мне, проливая свои слезы, – то по крайней мере избавь меня, невинную, от мучения; прошу тебя хоть для этого соответствовать на любовь новой твоей благодетельницы. Завтра, конечно, нам умереть назначено. Оставь в сем необходимом случае на время непоколебимую твою верность к Филомене, избавь меня от смерти – извинят поступок сей все люди и самая твоя совесть.

Услышав имя моей возлюбленной, сердце мое окаменело, прогнало сожаление о Вестоне и вложило в меня бесстрашие выступить из сего света.

Наступившую ночь препроводил я всю в превеличайшем беспокойствии; смущенные мои мысли и беспрестанно терзающееся сердце ни на одну минуту не имели отдохновения. Я отваживал себя к смерти, но природное чувство вселяло в меня ужас и трепетание; впрочем, не думал я искать избавления изменою моей возлюбленной. Ужасная и плачевная для меня ночь снимала уже свой покров, и смертоносный день показывал свое лицо: все покоилось к своей отраде, одно только мое страждущее сердце наполнялось большим мучением. На что я ни глядел, куда ни обращался и что ни воображал при близкой моей кончине, мне все казалось мило. Мимоидущие люди, которых мог из темницы видеть, казались мне родными, и я всякого облобызал мысленно; наконец, и страшная моя темница сделалась мне милым обитанием. Я оплакивал и то, что должен расстаться теперь с нею. Когда я был наполнен такими воображениями, отворилась дверь моей темницы и вошли ко мне ненадобная моя благодетельница и противная взору моему изменница Вестона; увидев их, пришел я в беспмятство и упал от превеликого смятения на землю. Что они мне говорили и как старались опять склонять меня, того я уже не чувствовал; они были тут очень долго и наконец так, как и прежде, без всякого успеха оставили меня. Возвратив опять слабые мои чувства и спустя малое время, увидел я перед собою начальника темничной стражи, который говорил мне сквозь слезы, чтоб я готовился к моей смерти, и что уже час тот наступает. Услышав это, затряслись и подогнулись мои ноги, кровь во мне остановилась, бледность покрыла лицо мое; я хотел говорить, однако язык мой не поворотился. Итак, возвеститель моей кончины положил меня, бесчувственного, на постелю.

Потом, когда я пришел несколько в себя, предстал мне жрец и повелел, чтобы я сделал последнее покаяние богу, что я, не медля, и исполнил; и когда настало определенное время, принесли мне белую одежду, в которой обыкновенно водили осужденных на казнь, и в нее меня одели. Когда я уже был совсем готов, тогда Вестона, прибежавши ко мне, упала к моим ногам и просила меня со слезами, чтобы я согласился на их представление и чтобы я остался жить еще на свете; и еще в самое то же время принес невольник мне письмо от новой моей благодетельницы. Я взял его трепещущими руками и, сколько ни слаб был в моем рассуждении, однако прочитал его; оно было следующего содержания, я и теперь еще его помню:

– Когда уже ты не жалеешь себя, то по крайней мере, прошу тебя, пожалей ту невинную, которая теперь терзается твоею смертью. Я чувствую мучение в моем сердце и, может быть, сама умру вместе с тобою.

Прочитав его, взглянул я на начальника темницы и сказал ему отчаянным голосом:

– Ну... уже ли время вести меня на казнь?

При сем слове приказал он воинам окружить меня; итак, повели из темницы и, выведши из оной, посадили в украшенную карету и, закрывши все стекла, повезли в неизвестную мне дорогу.

Наконец, ехав очень долго, остановилась карета, растворили у оной двери и просили меня с великим подобострастием, чтобы я из нее вышел. Как только я выступил, начальник стражи и другой подобный ему господин взяли меня под руки и повели на великолепное крыльцо. Ты меня извинишь, – промолвил Славурон, – что я смятенно это буду тебе рассказывать, потому что я в то время почти сам себя не чувствовал. На крыльце стояло множество господ и встречали меня как большого и надобного человека; потом, сделав мне с некоторым подобострастием дружеское приветствие, повели в покои, которые убраны были весьма великолепно, и у которых все двери растворены были настезь. Когда я через оные шел, провождаем встретившими меня господами, невольники передо мною открывали стоящие по сторонам жаровни, которые благоухали разными ароматами; впереди увидел я преобладающую залу и стол, накрытый на множество особ, весьма великолепный, как надобно бы быть царскому браку. Перешел все покои, как только я переступил через порог в украшенную разными и редкими сокровищами залу, то вдруг огромная музыка перервала мое исступление, мысли мои начали касаться настоящему пути, окамененное сердце начало смягчаться, и некоторое побуждение приводило его в радость, предшествующая глазам моим смерть скрылась от моего взора. В сем великолепном зале собрание было небольшое и показалось мне приятельскою беседою; всякий подходил и поздравлял меня с получением от кесаря милости, чему я весьма

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru удивлялся и не знал, что отвечать на их приветствия. Потом, когда уже все поздравили, начальник темничной стражи просил, чтобы я за ним последовал. Мы пришли в богато убранную спальню, где изготовлено было для меня множество великолепного платья; он спрашивал, которое я хочу теперь надеть, они все к моим услугам. Прежде всего просил я рассказать мое превращение, которое въяве смущало мои мысли.

– Государь мой! – отвечал он мне. – Ты скоро все узнаешь; первый министр теперь в твоём доме, который уведомит тебя обо всем.

Услышав от него, что это мой дом, не знал я, что ему отвечать. Приключение это затворило мои уста, и я положил молчать до времени; удивление рассеивало мой разум, и мне представлялось, что беспокойный сон тревожил мою природу.

Сняли с меня то платье, в котором должен был я появиться в Плутоново владение, и нарядили в богатое, которое предзнаменовало, что жизнь моя опять возвращается. Когда же изумление начало отступать от меня понемногу, тогда, несколько ободрясь, вышел я опять в залу; в оной приняли меня с ещё большим почтением, и сели мы все за стол. Министр сидел начальною особою, а я по правую у него руку. Прочие сидели по достоинству. Всех, сколько тут ни было, сердца и лица наполнены были радостью; очень мало продолжалось между нами молчание. Министр начал мне говорить таким образом, что слушали и все:

– Приятель мой Славурон! Желаю, чтоб ты не счел слова мои лестью, обыкновенною всем придворным людям, которых уверения не согласуются с сердцем; мое признание истинно и непорочно, я хочу объяснить о тебе мое мнение; знаю опять и то, что хвалить персонально – знак посмеяния или нечувствительно язвительной лести, но то должно быть из уст развратного человека, а мое сердце и язык к тому не обикли. Беспорочная твоя добродетель и поступки, о которых знаю я и весь город, толико произвели во мне почтение, что я почитаю себя неудобным сделать тебе за них воздаяние. Я здесь первый министр и сенатор, следовательно, должность моя уведомляться о разумных и добродетельных людях, представлять о них кесарю и возводить на приличную им степень. Я сделал то и с тобою; только не знаю, не покажется ли тебе сие ненадобным. Ты здесь чужестранец; хотя мы и живем теперь в несогласии со славянами, однако с тобою поступить мы не намерены так, как с невольником, в доказательство чего представляю я это. Он вынул из кармана бумагу, подал ее своему секретарю и приказал ему читать. Это был именной указ следующего содержания.

Милостью и произволением богов мы, кесарь, обладатель Греции и повелитель многих окрестных земель и несчетных островов, усмотря отменную и беспорочную жизнь иноплеменника Славурона, жалуем его в наши телохранители сотником. Царское слово ненаруσιμο, и пребудет вечно достоин и почтен Славурон от моих подданных. Повелеваю кесарь Ал.

Как скоро окончил секретарь, министр взял у него указ и отдал мне, потом все начали меня поздравлять, и тут я узнал действительно, что жизнь моя переменилась. Наполнившись великою радостью, бросился я к ногам сенатора и благодарил его, сколько восхищенные мысли позволили моему языку. Потом началось пирование, которого я здесь объяснить не буду; возьми в пример веселых и несколько упившихся людей, но людей благородных и приятелей, то они будут примером нашей беседе. Во все это время слушал я новые от министра обещания. Когда же настало время успокоиться, тогда сенатор и все с ним бывшие из дому моего уехали, и я остался в оном с моими служителями, которые мне определены были не знаю от кого и служили мне с великим усердием.

Когда я был при смерти, то и тогда не выходила из памяти моей Филомена. Проснувшись поутру, рассуждал я о сенаторе и очень много погрешал моим мнением против его добродетели; я думал, что он тот, который истребил отца ее и по просьбе своей дочери сделал меня несчастливим, когда я рассуждал о сем, то прислал министр за мною, чтобы я поехал с ним во дворец. Одевшись очень поспешно, пошел к нему, и поехали мы в царский дом. Кесарь принял меня весьма благосклонно и поздравил сам в новом моем чине. Приглашен я был к столу кесареву и в немногих особах обедал с ним вместе. Во время нашего обеда государь не говорил ни с кем больше, как со мною; я ему понравился столько много, что приказал он мне жить во дворце. Очень в короткое время сделался я у него в великой милости и получил высокую степень. Когда государь наименовал меня своим другом, тогда я сделан был военачальником и имел столько счастья в сем случае, что любимцы государевы, которые были прежде меня и после, не имели такого

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru успеха. Впрочем, при всем моем благополучии сердце мое не находило прямого увеселения, страдая о кончине моей любовницы. В одно время, желая о том действительно выспросить, позвал я секретаря моего в кабинет и требовал от него, чтобы он рассказал мне свержение любимца царского первого министра, но он отвечал мне:

– Государь! Сколько я помнить могу и сколько слышал и знаю всех министров, то в Константинополе такого приключения не бывало.

– Так это неправда? – вскричал я с восхищением. – Министры все здравствуют и ни с одним никакого несчастья не было?

– Справедливо, – отвечал мне секретарь.

Тут мысли мои совсем переменялись, и отчаянная любовь встретила с великою надеждою. С этих пор я стал больше задумчив, беспокоен, ничто уже не могло увеселить меня, и я старался быть всегда уединенным. Некогда, прохаживаясь в придворном саду, встретился я с одним человеком, который подал мне письмо следующего содержания:

Несчастливая Филомена
благополучному Славурону желает здоровья.

Я нахожусь теперь в сем городе и просила бы тебя, чтоб ты меня посетил, ежели еще остатки твоей ко мне любви тебе оное дозволит; но бедное мое состояние и порочная жизнь принуждают меня, чтобы я стыдилась моего неистовства.

Прости навеки.

Как скоро я взглянул в письмо и увидел имя Филомены, бросился облобызать подателя письма, равно как будто бы ту, которая его писала. Прочитав его поспешно, просил я с нетерпением служителя, чтобы он проводил меня к ней о Служитель извинялся передо мною и представлял, что мне в тот дом войти не можно без повреждения моей чести, ибо, говорил он, живет она в вольном доме.

– Я всюду следую моей страсти и ничего не опасаясь, – говорил я ему. – Проводи меня!

Привел он меня в самое бедное и последнее жилище, которое определено было для сраму и бесчестия. Как только я вошел в него, то кровь моя замерзла; бедность и нечестие моей любовницы представились мне во всей своей славе. Потом сел я в размышлении и приказал привести ее к себе, но посланный объявил, что она показаться мне не хочет, причиною чему стыд ее и раскаяние; однако по долгом сопротивлении вошла она ко мне. Премилосердые боги! В каком состоянии я ее увидел! Платье ее состояло из шерстяного и худого рубища. Вместо того чтоб мне обрадоваться, облился я слезами и, сколько возможно, оплакивал ее состояние, потом, освободясь несколько от великой моей горести, начал уверять ее неистребленную мою любовью.

– Бедность твоя продолжалась, – говорил я ей, – по этот час, если еще остались в тебе хотя малые знаки ко мне горячности, то забудь ее и будь со мною вместе благополучна: оставь это жилище и перейди в другое, которое я тебе назначу. Ты несчастлива тем, что жила в таком состоянии, а я еще более тебя несчастлив, что имею злополучный случай видеть тебя в оном.

– Никак, – говорила она, – я недостойна того; я не для того желала тебя видеть, чтобы ты вознамерился переменить мое состояние; жизнь моя порочна, и исправления твои теперь уже не годятся; а желала я видеть тебя для того, чтоб, представаясь в таком неистовом состоянии, омерзеть пред тобою и истребить слабые остатки твоей ко мне любви. Ты не старайся исправлять меня: я определила себя бесчестью, что может и тебе приключиться то же.

– Я все забываю, – говорил я ей, – и желаю видеть тебя со мною.

– Я никак на то не соглашусь, и не старайся, – сказала она.

Ты поверить не можешь, Силослав, сколько стоило мне уговорить ее. Наконец я сказал, что все презираю и желаю быть с нею вместе. Выслушав сие, бросилась она облобызать меня и в великом восхищении говорила:

– Теперь терпение и сомнение мое кончилось, возлюбленный Славурон! Я столько

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
достойна быть твоею, сколько ты мне верен. Я приношу тебе в дар сердце, наполненное непорочностью, я верна тебе, и ничто не может привести меня на другие мысли. Не сожалею о моей бедности: я столько богата, что можно только вообразить, а не иметь. Я в сем доме не затем, чтоб подражать в нем живущим, а предприняла еще испытать тебя; ты верен мне, того я и желала. Боги для меня милостивы, и я получаю тебя такого, которого оставляла на время для изведывания, однако я расскажу обо всем пространно у себя в доме; подожди несколько меня, я переоденусь в свое и приличное роду моему платье». Потом она оставила меня и вскоре пришла одетою великолепно; итак, сели мы в карету и приехали на двор первого того министра, которого старанием и милостью получил я сие достоинство.

– Вот дом моего отца, – говорила она мне, когда мы въезжали в ворота.

Сколько я этому дивился, мне кажется, и без описания всякому вообразить возможно. Потом вошли мы на крыльцо и в покои; в то время хозяина не было дома, и встретила нас ее родная сестра и Вестона. Сестра ее была та девица, которая приходила ко мне в темницу искать моей склонности. Непонятное приключение! Я желал с нетерпеливостью о сем уведомиться, однако просили меня, чтоб я несколько потерпел, а потом желание мое будет удовлетворено. Ожидая их родителя, препроводили мы время во взаимных приветствиях, и сие свидание столько приключило мне радости, что я почитал благополучие мое беспримерным; восхищение и надежда овладели моим сердцем и наполнили желанием.

Когда настал вечер, и время подходило уже к ужину, тогда объявили нам, что хозяин с государем дожидается нас в своих покоях; мы немедленно пошли все трое к нему. Как скоро вошли в ту комнату, где они находились, то кесарь, взглянув на меня с великим восторгом, говорил мне:

– Друг мой Славурон! Тебя я вижу в сем доме; конечно, благополучный этот день хочет увенчать твою добродетель. Скажи мне, сколько ты теперь весел? Благополучие твое совершается; я знал всю вашу тайну и почитаю ее некоторым провидением богов, тебя счастливым, а Филомену благополучною; ты должен теперь оставить все твои беспокойства: прямое счастье тебя находит, будь весел и раздели радость твою со мною.

После сих слов благодарил я его от всей моей искренности. Потом пошли мы за стол, за которым ужинали все приятели, все друзья – и так, как будто бы родились из одной утробы. Я никогда не видывал столько веселым государя, как в это время; он, как мне казалось, забавлялся и тем, что бы в другое время могло привести его на гнев, чего, однако, тут не было. В половине нашего ужина, или к окончанию оною, говорил он мне:

– Славурон! Мне кажется, ты не имеешь причины сомневаться в моей к тебе искренности; я тебе друг, но друг еще такой, который, несмотря на свой высокий сан, почитаюсь меньшим перед тобою; я ищу твоей дружбы, много раз старался доказать тебе мою приязнь, но не имел еще такого случая, который бы открыл тебе мое сердце; теперешнее приключение довольно и предовольно к тому, – потом, оборотясь к Неону (так назывался первый министр) и к Филомене: – С позволения вашего, – говорил он им, – начну я сказывать приключения ваши и мои.

Неон, встав со стула, проговорил:

– Великий государь! Ежели ты принимаешь на себя этот труд, то мы не только что на сие соглашаемся, но и с превеликою радостью слушать будем.

– Мой друг Славурон! – оборотясь ко мне, продолжал государь. – Ни один человек врожденных в нас страстей удержать не может и должен им следовать; я люблю Филомену и, может быть, равно, как и ты, ею пленился; но судьба и ее сердце противятся моему желанию. Я прилагал все старания, какие только представила глазам моим страстная любовь, но все они были без успеха. Чем больше я старался склонять ее, тем больше чувствовала она ко мне отвращение. Признаюсь, что я столько был слаб в моей страсти, что ни в одну минуту не мог успокоиться; страстное мое сердце не позволяло никогда иметь мыслям моим другого воображения, как только обитала в них Филомена. Наконец, по долгом мучении, и когда уже начало рассуждение колебать мою любовь, тогда предпринял я известиться от Филомены, кому она отдала свое сердце. Она мне объявила, что обладает им чужестранец Славурон. В то время безрассудная любовь советовала мне величаться моим саном; я представлял ей, что я государь, а ты человек бедный; но после

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru увидел, что в страсти этой пышно имя царь столько же велико, сколько и простой гражданин. Она не скрывала уже от меня ничего и уведомила меня, что происходило у вас в увеселительном доме, как она воздержала тебя от твоего отчаяния, каким образом с тобою рассталась, и что уже ты находишься теперь в темнице. С сих пор сделался я участником вашей тайны и предпринял осудить тебя на смерть, чтоб тем поколебать твою верность к Филомене и после получить ее сердце. В сей для тебя крайности просил я ее сестру, чтобы она искушала тебя. Все было произведено в действо и шло изрядным порядком, но, впрочем, не имело никакого успеха. Ты отвечал с презрением на любовь новой твоей благодетельницы, клялся верностью к Филомене, несмотря на то, что объявляли тебе, что она уже мертвая; ты хотел принести ей и в царство мертвых верное сердце, шел без робости на смерть и еще желал скорее, нежели тебе назначено было. Все это мучило меня несказанно; самолюбие мое и сан мой советовали мне умертвить тебя тайно; я признаю в моей слабости; но воля богов и врожденное во мне сожаление преодолели такое варварство. Потребно мне было укрепляться, чтоб не опорочить себя; начал наполняться я великодушием, хотя и был к тому неудобен. Силы меня покидали; однако казался я бодр и спокоен, и ныне столько превозмог себя, что желаю совокупить вас браком, чем докажу, Славурон, что я тебе друг. Неон на это согласен, и мы уже с ним условились.

После сих слов я и Филомена бросились к ногам кесаря и Неона, благодарили их, ожидая своего благополучия. В один час все было расположено, и назначен день, в который предстать нам в храме. Все наконец разъехались, а я выпросил позволение как у государя, так и у Неона остаться еще несколько тут, чтоб больше насладиться мне от Филомены желанным известием; также и она не меньшее имела желание уведомить меня обо всем. Итак, когда остались мы двое, то говорила она мне следующее:

– Теперь я столько в тебе уверена, что увериться больше не можно, и с охотою отдаюсь во власть твою; мне казалось весьма страшно поверить себя мужчине, ведая, сколько некоторые из вас ветрены и непостоянны. Они предпринимают все очень скоро, но еще скорее того отстают от своего предприятия, а ты не из того числа, я тебе верю. При первом моем свидании предприняла я изведать, верен ли ты. И так выдумала эту хитрость, сказаться тебе другим именем, и после объявить несчастье моему отцу под прямым моим именем, чтоб вероятнее тебе показалось. После, когда уже ты был в темнице осужден на смерть и не колебался в твоей верности, тогда я торжествовала над всеми, которым мужчины изменяют. После того просьбою моею родитель мой принял о тебе стараться и возвел тебя на высокую степень. Тут еще страстное мое сердце тому не верило. Я думала, что такое великое достоинство и богатство может истребить меня из твоей памяти; итак, предприняла я принять на себя неприличное имя и бедное платье и тем тебя изведать, не возгордишься ли ты передо мною. Однако милостью богов, и больше снисходительной Афродиты, все по моему желанию сделалось. Ну! Теперь уже довольно мы говорили о прошедшей нашей жизни, станем помышлять о будущем.

И так рассуждали мы о наступающей нашей жизни прилично страстным любовникам, располагали ее по нашему желанию, или, лучше, играли веселыми воображениями, и, наконец, расстались.

Неон и государь как возможно спешили, чтоб сочетать нас браком и для того всякий день были с нами вместе и делали приуготовление; наконец настал тот день, и мы пошли[9] в храм с великою и торжественною церемониею. Свадьба наша не меньше была царской. Сколько радовался государь, но вдвое еще его подданные, ибо имел я счастье, получив великое достоинство, понравиться народу. Когда окончились брачные обряды, то первосвященник Венерин в присутствии всего народа прорек мне соизволение богов, что в день моего брака зачнется у меня сын. Услышав сие, упал я на землю перед богинею, благодарил ее и просил от сокрушенного сердца, чтоб после такого великого моего благополучия не претерпеть бы мне какой беды. Сердце мое мне предвещало, однако радость затмевала его предвещание. По окончании всего в брачных одеждах и в венках повели нас в царские покои, где все торжество совершалось. Оно продолжалось не менее как целый месяц, в которое время не только что двор праздновал, но и весь город находился в неопisanном увеселении; а в каком я был восторге, то и в самое время изъяснить бы мне его было невозможно. Все мои несчастья кончились в одну минуту; я их позабыл и исполнился всем тем, что можно вообразить изрядного. Филомена, божественное мне имя, я теперь без сердечного движения вспомнить его не могу, приветствиями и ласканиями, сродными нежному женскому полу, умножала беспредельную мою к себе любовь. Столько благополучие мое было велико, что когда размышлял я о нем один,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
то казалось оно мне страшным, и после уже узнал действительно, что кто
чрезвычайно благополучен, тот скоро потом бывает и чрезвычайно несчастлив.

Время текло очень скоро, и я почти совсем не видал, как кончилось бремя Филомены. Родился мне сын, который был плодом беспримерной нашей любви, божеского снисхождения и началом моего несчастья. (При сем слове Славурон вздохнул с великою прискорбностью и со слезами начал продолжать свои приключения.) Филомена любила его чрезвычайно и для того не хотела отдать в руки нянькам и предприняла воздоить своею грудью, никогда не спускала его с рук и клала с собой на одной постеле. Может быть, определено было судьбою, чтоб начиналось мое несчастье. Некогда поутру, когда она проснулась, то не нашла подле себя своего сына, и после, как уведомилась ото всех домашних, что они не ведают о нем, тогда начала она неутешно рваться. Вопль ее услышал я в моих покоях, который тотчас встревожил душу мою и сердце; я с нетерпеливостью поспешил к ней и, как обо всем уведомился, то пришел в несказанное отчаяние, необыкновенный и нечаянный такой случай встревожил мою природу. Скоро узнал об этом государь и весь двор; жена моя должна была подвергнуться духовному суду за то, что уснула младенца. Жрецы определили ей три ночи в Плутоновом храме, чтобы тем умилостивить богов и получить прощение себе, а младенцу избавление от муки. Довольное время в ожидании сего исполнения[10] позволило родиться еще у меня дочери наместо потерянного сына. Рождение ее несколько уменьшило моей печали, однако смущение меня не оставляло; пробыть Филомене одной целые три ночи в ужасном Плутоновом храме, казалось мне, для женщины было невозможно. Наконец пришло то время, и настал назначенный день; должен я был стараться наполнить ее бесстрашием; итак, целый день не выходил из ее покоя и укреплял, сколько мне возможно было. Уже приблизился и вечер; первосвященник и два жреца посетили мой дом и повели Филомену в храм Плутонов; учредя над нею все обряды, велели мне выйти вон и сами вышли, заперли двери, у которых поставлена была от меня стража; всю ночь находился я в великом беспокойствии; домашняя жертва у меня не угасала, я просил охранителей домов и нашего здоровья, чтоб не приключилось чего-нибудь страшного с Филоменою. Насилу мог я дожидаться утра, и когда ее увидел несмущенною, то несказанно обрадовался. Я желал нетерпеливо знать, не случилось ли ей какого-нибудь воображения. Она мне начала сказывать так:

– Вчера, когда настало время идти мне в храм, то я, забыв все твои наставления, очень много опасалась. Первосвященник поставил меня перед завешенною капищею и окружил на полу мелом, потом, прочитав принадлежащие к тому молитвы, оставил меня, и вышли вы все вон. Напал на меня превеликий ужас, и я думала, что невозможно мне будет перенести его чрез целую ночь. Мне казалось, что весь храм в движении, и всё старается меня утратить, однако мало-помалу ужас мой начал уменьшаться, но в самую полночь пришел он на высшую степень. Завесы капищны тотчас поднялись кверху, и я увидела стоящего подле Плутона другого бога, которого имени я не знаю. Он был в долгом белом платье, смешанном с розовым, на голове его был венчик из разных и редких цветов; он приметил, что я испугалась, и для того говорил мне нежным и тихим голосом:

– Прекрасная из всех смертных Филомена! Красота твоя принудила меня, оставив величество и неописанное небесное великолепие, сойти на землю и пребыть несколько в сей бедной моей капище единственно только для насыщения моего взора несказанными твоими прелестями; ты видишь перед собою Плутона, присутствующего на небеси и во аде бога. Я тот, которому ты должна отвечать за твоего сына; он был в моем владении, но с тех пор, когда обратил я глаза мои на прекрасный твой образ, то отослан он в Зевесово владение в поля Елисейские; ты не должна просить о прощении такого бога, который сам просит тебя о твоём снисхождении. Со всею моею славою почту я себя несчастным, когда не буду иметь участия в твоём сердце.

Потом приближался ко мне и говорил все то, что может страстный и разумный любовник, ласкал меня и целовал мои руки.

– Тронись, прекрасная, – говорил он мне, – и почувствуй в сердце твоём хотя малую ко мне приязнь; я бессмертен, но красота твоя, уничтожая сие достоинство, сделала меня страстным.

Всю ночь препроводил он в таких приветствиях; наконец, когда увидел, что начало уже рассветать, то укорял он Аврору как богиню, господствующую над началом дня, для чего прекращает она его удовольствие, не получив еще и малейшего начала предприятю; ибо не видел он от меня никакой себе ласки и не прежде меня оставил, как ты пришел ко храму и начал отпирать двери. Услышав стук, выскочил

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru он поспешно, поцеловал у меня руку и ушел в каплицу, которой завесы немедленно опустились.

Потом спрашивала она у меня:

– Что ты думаешь о таком привидении? Мне кажется, что это был не бог, а какой-нибудь злой дух, который из обыкновенной к нам ненависти старался искусить меня.

– Всеконечно, – отвечал я ей, – и ты всеми силами должна стараться укреплять себя: погибель твоя тотчас последует, ежели ты вознамеришься с ним разговаривать. Много уже случалось, как ты, я думаю, и сама слышала, что женщины, преступающие в сем случае жреческие повеления, лишались жизни.

Настала другая ночь; я проводил ее в храм и опасался так, как и в прошедшей. Признаюсь, что такое привидение смущало меня очень, и для того ранее вчерашнего поспешил в храм. Тут уведомился я от нее, что Плутон показался ей уже без бороды, в щегольском и обыкновенном платье и что он столько был дерзостен, что она насилу могла от него избавиться. Приключение это встревожило меня, и я не хотел иметь соперником ни самого главного греческого бога Дия, не только Плутона. Греки закон свой наблюдают очень крепко, и что ежели бы жена моя не пошла третью ночь в храм, то непременно сожгли бы ее жрецы, в чем уже и государь не волен; итак, избежать того никоим образом было невозможно. Я пошел к первосвященнику, чтоб открыть ему такое приключение, хотя Плутон и накрепко заказал Филомене, чтоб никому о том не сказывать, однако первосвященника не мог я увидеть. Сказано, что он чрез полгода появится людям, а в в то время будет производить некоторые таинственные жертвы для испрошения милости от богов народу. Предприял я будущую ночь быть в храме, а как бы это сделать, то этого я не знал и для того послал за жрецом, которого надеялся склонить к тому деньгами, в чем и не обманулся; за некоторое число обещал он мне сделать сию услугу.

– После вечерней молитвы проведу я тебя, – говорил он мне, – в потаенное место и там поставлю.

Когда же настало время, то уведомил я об этом Филомену, и жрец меня отвел на назначенное место. Когда храм заперли, то я не выходил к Филомене и дожидался полуночи. Во время оной появился бог в каплице; он, подошед к Филомене, склонял ее ласкою. Но после, когда увидел, что она не соглашается, хотел принудить ее силою. Я не мог того снести и в отчаянии моем дерзнул против бога, предприял лучше лишиться жизни, нежели чтоб сделалось в глазах моих такое мне бесчестье. Как только я подбежал к нему, обнажил мою саблю и одним замахом перенес пополам влюбленного бога, объял меня страх, и я не только что не мог укреплять Филомену, но едва и сам не преселился тогда в царство мертвых. Я боялся божеского мщения и размышлял сам в себе, возможно ли, чтобы мог я умертвить бессмертного. В сем страхе и размышлении прошла уже вся ночь; поутру, вошед в храм, жрецы увидели оный обогранный кровью и меня, стоящего вместе с Филоменою, удивились такому случаю и тотчас побежали уведомить первосвященника. Они его искали очень долго, однако то было напрасно; я его нашел скорее всех, для того что он лежал подле моих ног; и наконец, как узнали это все, сделалась при дворе и в городе несказанная тревога; нигде ни о чем больше не говорили, как судили первосвященника и меня; иной старался оправдать меня, а другие против воли обвиняли, и не прежде умолкло дурное это эхо, как духовный и гражданский суд определили первосвященнику и мне наказание. Просьбы и воля государева тому не помогли, что было мне назначено; итак, в определенный день при собрании народа на публичной площади провозглашатель читал наше определение, которое было следующего содержания:

Первоначальные жрецы, государь, сенат и народ двух степеней, выслушав дело бывшего недостойного первосвященника и Славурона, определяем первого сжечь и прах его рассеять по ветру за то, что он, влюбясь в Филомену и не имея способа к открытию своей страсти, приказал украсть у Славурона младенца. Во время стояния ее в храме принял на себя образ Плутона, обрил бороду и хотел получить ее склонность ласкою, а наконец и силою. Второго, как иноплеменика, за осквернение кровью божеского храма, выслать вон из Греции, не учиня ему никакого озлобления, наблюдая долг странноприимства; а ту Славуранову рабу, которая украла у Филомены младенца и отдала его иностранцам, приехавшим сюда на корабле, уморить в пепельной храмине, [11] что и подтверждаем.

По прочтении сего сожгли тело первосвященниково и повели также рабу мою на

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru смерть, а мне положено было сроку месяц, и по окончании оного чтобы не быть мне в Греции. Я не сожалел, что оставлю Константинополь, но болезновал о том, что должен расстаться с государем, который много меня жаловал; однако он переменял мое соблезнование в печаль другого рода. В тот срок, в который я собирался в свое отечество, он преставился. После его смерти двор совсем переменялся, и не для чего мне было тут остаться, хотя б меня и удерживали. Вступил после его на престол сын его родной, которого мне редко и видеть случалось за частым отсутствием из города; итак, сожалел я только о государе, а из Греции с великой радостью ехал. Простившись с Неоном, когда уже все было готово, отправились мы в путь; в оном находились не меньше месяца. Филомена, оставив свое отечество, несколько об оном тосковала, однако моими разговорами и всякою новостью, встречающейся ее глазам, истребляла помалу свою печаль. Наконец прибыли мы в Русь; с неделю времени старался я сыскивать мою родню, которых всех находил бедными, исправлял их состояние, старался познакомиться с другими, препоручал себя в их милость, некоторых принимал сам и тем старался заслужить славу моему имени. Хотя я и должен был поехать ко двору, однако без позволения сделать того не хотел, а получив оное, немедленно начал собираться и, выбрав удобный к тому день, поехал.

Государь Русский принял меня как военачальника, и, рассмотрев препоручение от константинопольского двора, пожаловал меня и у себя тем же названием. Я имел и тут счастье, чтоб понравиться государю и народу; и так препроводил с лишком десять лет во всяком спокойствии. На пятнадцатом году пребывания моего в своем отечестве посетило меня самое величайшее несчастье: Филомена занемогла и в скором времени преставилась. Сколько этот удар был мне чувствителен, то, вообразя любовь мою, можешь представить и его. С сего времени жизнь моя сделалась превратною, и я уже не находил в ней увеселения. Целые два года мучился кончиною любезной моей супруги; она всегда жила в моих мыслях, и самый сон не мог укрыть ее от моего воображения.

За этим последовало мне другое несчастье, которое нимало не уступало первому. Пришел в Русь молодой человек, называемый Осан. Жрецы, как скоро о нем проведали, то тотчас и взяли его на свое содержание, оттого что он ничего не имел. Человек этот был весьма чудной, то жрецы, уведомив о нем князя, представили Осана оному, где и я тогда находился. Он, пришедши пред государя, говорил ему так:

– Доволен ли ты своим состоянием? Ежели доволен, то желаю тебе здравствовать, а ежели еще чего-нибудь тебе недостает, так желаю тебе умереть скорее, для того что завистливые люди сами себе и другим мучители.

Государь весьма удивился такому приветствию и спрашивал его, откуда он и из какого города.

– Городов проехал я очень много, – отвечал он государю, – только в котором родился, этого не знаю; жил в таком, где очень мало земли, и вся окружена она водою; растут на ней деревья и живут звери, где и я также жил с ними вместе. Некогда подъехали к этому месту люди и меня увезли с собою. Судно то, на котором мы ехали, разбило, и после я увидел себя лежащего на берегу; итак, вставши, пошел искать таких же людей, какие меня увезли с острова. Был во многих городах, однако, не разумея того, что те люди говорят, не хотел там остаться, и здесь нашел я таких, которых разумею, и для того не пойду уже никуда больше и стану здесь жить. Конечно, тот человек был из вашего города, – продолжал он, – которому отдан я был на корабле под смотрение и который выучил меня говорить и всему тому, что я теперь знаю.

Государь желал от него больше уведомиться, однако не мог, ибо он и сам ничего не ведал больше. По приказу князеву оставили его жить во дворце. Осан имел привычку днем спать, а ночью ходить; ел, не дожидаясь положенного между нами времени и всегда, когда ему захочется.

Некогда случилось ему войти в Перунов храм и увидеть там людей, приносящих жертву, к которым он подошел, спросил, что это такое они делают. И как уведомился обо всем, то во всю мочь захохотал и сказал им, что они глупы, что отдают божескую честь нечувствительному болвану. Жрецы тотчас вывели его из храма и после просили государя, чтобы не впускать его ни в какое капище. Государь, выключая сего, веселился его незнанием и предпринял некогда в торжественный день пригласить всех женщин и девиц к своему столу, чтоб тут не

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru было ни единого другого мужчины, а только он и Осан; надобно было ему увидеть, каким образом будет обходиться Осан с женщинами, и как он их примет. День тот настал, и все знатные женщины собрались ко двору. Государь вышел к ним в собрание и вывел с собою Осана. Он смотрел на них с великим удивлением и говорил государю, что он им очень доволен, что показал ему столько прекрасных женщин, говорил со всякою очень ласково, только без всякого ласкательства. Наконец сели они за стол, и дочери моей случилось сидеть подле Осана. Государь над ним издевался, также и все гости. С начала обеда говорили ему, чтобы он с ними разговаривал, на что Осан отвечал им, что время еще будет. После, когда уже он накушался, то говорил государю:

– Я слышал, что ты здесь господин да еще какой-то государь, так, пожалуй, отдай мне эту девушку, ежели она тебе не надобна, я ее очень полюбил, а она мне кажется лучше всех, сколько здесь ни есть женщин.

Это была моя дочь.

– Так тебе она понравилась? – спрашивал его государь.

– Очень, – отвечал Осан, – мне еще ничего в жизни моей приятнее ее не казалось.

Потом говорил он дочери моей:

– Позволь, красавица, поцеловать себя!

– Это дурно, – сказал ему государь, – при людях этого сделать не можно.

– При людях не можно, – говорил он, – так пойдем, красавица, в другую комнату, чтоб люди не видали.

– А это еще и дурнее того, – сказал ему, рассмеявшись, государь.

– Как же это? – вскричал с великим негодованием Осан. – Когда дурно целовать при людях, то это кажется дурнее, чтоб сидеть вместе с женщинами.

– Это делает обыкновение, – говорил государь.

– Для чего же вы не сделаете обыкновения, чтоб целовать при людях женщин? – отвечал он.

– Оно есть, – сказал государь, – да надобно ему научиться.

Осан, как скоро услышал, то неотступно привязался к государю, чтоб он научил его такому искусству.

После уже, когда государь отклонялся всем и долженствовали они ехать домой, тогда любовник ухватил дочь мою за руку и просил государя, чтоб он оставил ее у себя; однако просьба его была напрасна, и он хотя с великим нехотением, однако должен был с нею расстаться. Разнеслось по городу эхо, и все женщины выхваляя разум и лицо Осаново; всякая старалась ему понравиться, но дочь моя, к моему несчастью, затворила всем им путь в добродетельное и непорочное Осаново сердце. Он очень часто приставал к государю и просил его, чтобы он позволил видеться ему с моею дочерью; однако страстная любовь и пылкий его разум, представив обыкновение пред его глаза, дали ему знать, что должен он произвести намерение свое тайно. Он столько сделался в сем случае умен и сведущ, что ни государь, ни я, ниже весь двор не могли приметить, каким образом скрыл он свое желание и показался нам, как будто бы совсем не было в сердце его никакой страсти. Часто ему о том шутя заговаривали, но только он извинялся так, что ни самое малое подозрение не могло быть смешено с его словами. Я радовался, что избавился от такого человека, который казался мне несносным, но радость моя недолго продолжалась. Некогда, очень поздно прохаживаясь в моем саду, услышал я тихое эхо в беседке, к которой я подходил. Подошедши к ней осторожно, начал слушать разговоры, которых хотя начала и не застал, однако конец оных показал мне ясно, что дочь моя любовница Осанова. Они сидели оба вместе и изъяснялись друг другу. Овладел мною гнев, и я хотел очень строго разрушить их веселье, но рассуждение мое мне воспрепятствовало и принудило употребить осторожность. Однако в будущую ночь определил я разрушить их веселье; итак, старался примечать, когда они придут в свое сборище. Наконец, когда уже довольно смерклось, тогда я, стоя в

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
темной аллее, увидел Осана, что он вошел в ту беседку. Очень в короткое время
вошла туда и дочь моя. Я вознамерился, к несчастью моему, лишить его жизни, и,
может быть, уже боги нарочно сделали меня свирепым, чтоб оказать надо мною,
сколько человек может быть злополучен. Обнажив мою саблю, в великой запальчивости
вбежал туда; но сколько ж я удивился, когда их не нашел; овладела мною пущая
ярость, и я начал искать, нет ли где потаенного хода. Нашел его, о котором
прежде не ведал, немедленно туда опустился. Они услышали и искали убежища, но от
ярости моей укрыться не могли. Я поразил Осана, и он при конце своей жизни
выговорил в отчаянии сии слова:

– Прости, мать моя Филомена, которую я только одну знаю!

Услышав имя Филомены, я вздрогнул; рука моя опустилась, и выпала из нее сабля. Я
спрашивал его о причине, но он уже мне отвечать не мог. Прежде нежели принесли
туда огонь, Осан скончался. Раскаяние мое и сердечное чувство устремили глаза
мои на него; и я хотя и не думал, однако начал находить в нем возлюбленного и
потерянного моего сына. Немилосердые боги! Можно ли еще больше наказать
человека? Действительно я поразил того, которого родил. На груди нашли у него
досканец[12] с именем матери его и с его собственным. В сем случае сделалась во
мне великая перемена: разум мой несколько помешался, и приключился некоторый
вред моему здоровью. Сколько я ни великодушен был, однако овладела мною
слабость. С сих пор отворилися пути слезам из глаз моих, и я не осушал уже оных,
подобно как женщина, всегда задумывался и терял настоящий путь мыслей. Несчастья
мои следовали друг за другом по порядку, и чем далее, тем свирепее. Ожесточились
на меня боги и случаи. Едва только я успел похоронить моего сына, объявили мне,
что дочь моя выбросилась в окно и находится уже при смерти. Когда я услышал это,
оставили меня мои силы, и я не мог подвигнуться с места; служители мои принесли
меня почти нечувствительного в ее комнату. Такого плачевного позорища еще во всю
мою жизнь мне видеть не случалось. Дочь моя лежала бесчувственная на кровати,
образ ее не имел прежнего подобия: как лицо, так руки и груди изрезаны были все
стеклами; она не имела голоса и едва испускала дух. По долгом времени моего
исступления пришел несколько в себя, бросился я подавать дочери моей ненадобную
уже помощь, послал тотчас за врачами, и когда их привели, то обнадеживал, что
одарю их великими сокровищами, ежели возвратят жизнь моей дочери. Они приложили
все свое старание и искусство, однако ничто уже не помогло. Ей определено было
судьбою, чтобы она, к моему несчастью, скончалась; а чтобы пуще еще возмутить
мои мысли и встревожить сердце, получила она время чувство и начала со мною
разговаривать. Я просил ее, чтобы она рассказала причину ее и моего несчастья.
Слова ее показались мне самым чудным воображением, которое делает помешательство
наших мыслей. Она рассказывала мне все то за правду, что мечталось ей в
помешательстве разума, и уверяла, что действительно то с нею случилось. Я не
только чтобы верить, но слушать страшился; итак, начала она мне рассказывать
таким образом.

* * *

Осан, любовник мой и брат, никогда не выходит из моей памяти; кончина его
сделала меня совсем неспособною жить на свете. Сегодняшний вечер желала я
отдаться в полную власть моей печали; для того выслала всех моих прислужниц,
села подле того окна, которое прямо противу гробницы Осановой, облилась слезами
и проклинала жизнь мою и мое несчастье. Очень в короткое время увидела я Осана:
он подъехал к моему окошку и звал меня с собою. Не мешкая нимало, выбежала я к
нему на улицу и поехала с ним вместе. Он меня вез весьма по бесконечной дороге.
Наконец приехали мы в лес, который был столько част, что не было способу сквозь
его проехать; однако Осан, несмотря на это, продолжал свой путь. Он ехал очень
скоро, ветви и сучья хлестали меня по лицу, чувствовала я от оных великую боль,
и так лицо мое оттого испортилось. Приехали мы к одному огромному и престрашному
храму, в котором обитают усопшие тени. Двери одного храма были растворены; по
сторонам увидела прикованы на претолстых железных цепях два скелета ужасной
величины, в белом и долгом одеянии. Когда мы подошли к ним, то они встали так,
как бы делали нам почтение. Хотя это были и одни кости, однако печаль написана
была на их лицах. В храме сем обитали страх, ужас и темнота; и я дрожала, когда
вошла в него; подле дверей во храме прикована была тень к столбу, и, как
казалось, человек был этот знатный, злой и завистливый: глаза его наполнены были
кровью, которая изображала его ярость; он скрежетал зубами и рвал на себе
волосы. Наконец увидела я множество теней в сем храме, иные из них ходили,
другие сидели, но, впрочем, все имели печальные виды. Мне казалось, что самое
это здание произносит ужасный стон от вопля в нем находящихся. В сем храме очень

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru было много столбов, и во всяком находилось по одной тени. Осан привел меня к первому, отворив двери, показал тень духовной особы; она стояла подле маленького столика, на котором была с огнем жаровня; правая рука той духовной особы лежала в оной на огне, и он стоя плакал столько горько, что мне еще не случалось видеть толикой печали. В другом столбе стояли жрица, у которой в обеих грудях находилось по кинжалу, и она столько же была прискорбна, как и первый, и очень много видела я как подобных сим наказаний, так и разных образов страшных и неизъяснительных. Наконец перешли мы этот ужасный храм и выступили в приятную и прекрасную долину; в ней цветы, источники и все украшения превосходили искусство человеческих рук; на всякой тропинке и во всяком месте находились блестящие жертвенники, на которых горел неугасаемый огонь. Посередине сей долины стоял храм, совсем первому не подобен, и сделан был из блистательно металла. Я почти смотреть не могла на него, и казалось, как будто бы он горел разного цвета огнями. Я понуждала Осана, чтобы скорее достигнуть нам до того великолепия. На паперти храма по сторонам дверей стояли две кровати, покрытые черными покрывалами, на одной лежала прекрасная женщина, а на другой мужчина, не уступающий ни в чем красоте прежней. У женщины в груди вонзен был кинжал, а у мужчины сабля. Неудовольствие их и прискорбность написаны были и на мертвых их лицах. Я остановилась и рассматривала их очень долго и с превеликим сожалением их оставила. Вошли мы в храм, которого великолепие и красоты объяснить я тебе не в силах. Все, что есть редкое и пленяющее на свете, составляло его украшение; он не казался мне, чтоб сделан был человеческими руками, а какое-нибудь великое божество соорудило сие непонятное здание. Подле передней стены во храме стояла богиня Лада на престоле, украшенном разными камнями и покрытом багряницею; пред нею находился жертвенник – в рассуждении храма, он был умерен, но в рассуждении его величества вся вселенная не удобна была его вместить в себя. Осан принес жертву богине, во время которой просил, чтобы она соединила с ним меня. На что отвечала богиня, что завтрашний день прошение его исполнит. Итак, поблагодарив мы оба ее, вышли из храма на другую сторону и увидели недалеко весьма высокую и крутую гору, на которую всходила с превеликим трудом женщина; любопытство понудило меня пойти туда. Мы также с превеликим трудом взойшли на гору и увидели, что женщина та поливала из маленького ковчежца золотую стрелу, которая воткнута была в самую вершину горы. Такое видение показалось мне удивительным; я спросила ее, что она такое делает. На что ответила, облившись слезами:

– Ты видела на паперти подле храма двух молодых юношей, из которых одна дочь моя родная. Я узнала любовь их между собой, старалась им препятствовать и наконец разлучила, чего снести оба они не могли. Дочь моя лишила себя жизни; молодой тот юноша, услыша о смерти своей любовницы, прекратил также и свою жизнь. Богиня, отмщевая мне их смерть, приказала всякую зорю поливать сию стрелу из находящегося под горою источника; и когда произрастет этот металл, тогда получу прощение, и так пребываю я в сем труде третий уже год.

После, когда мы сошли с горы, то увидела я, подле одного ручейка спала неописанная красавица, подле ее сидел молодой и прекрасный юноша; мы, подошел к ним, смотрели на них. Красавица та улыбалась во сне, и казалось, как будто бы она наслаждается теперь самым лучшим весельем на свете. Юноша тот был очень прискорбен и старался ее разбудить. Мы находились тут часа с три; однако во все это время не мог он разбудить ее. Я спросила у Осана этому причины.

– Красавица эта, – говорил он, – в жизни своей весьма была безобразна, все ее презирали и гнушались ее беседы. Этот юноша в жизни своей был превеликий насмешник; он обладал сердцем сей красавицы; она его любила больше, нежели саму себя; но он всегда ее презирал, смеялся и ругался над нею, чем, однако, не мог он истребить в ней к себе любви. Она жаловалась на его свирепство со слезами людям, но то не помогло; наконец прибегнула к богине и ее просила неотступно. Великая Лада, сжалившись над ее мучением, дала ей образ столь прекрасный, какой ты теперь видишь, и приказала возгордиться перед сим юношей, чтоб тем наказать его. Он, как скоро увидел ее прекрасною, почувствовал к ней великую любовь и всё презрение обратил в большую еще приязнь, начал ласкать ее, просить ее снисхождения и уловлять еще больше похищенное ее сердце. Красавица, будучи снисходительна от природы, забыла наставление богинино и сделалась ему покорною. Как скоро начала она показывать ему благосклонность, то богиня прекратила ее жизнь и приказала принести сюда, где усыпила ее естественным сном, в котором позволила наслаждаться всем тем, что может природа приносить нам приятного. Юноша должен был страдать после ее смерти целые полгода; наконец, богиня приказала также перенести и его сюда. Он нашел ее спящею и так старается ее

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
разбудить и пребывает в сем труде более года.

Он уведомил меня также и о других тенях, которых мы видели в ужасном храме, потом пошел к своей гробнице; пришедши, в оную лег и приказал мне закрыть себя. Я же, не желая с ним разлучиться, хотела вместе с ним закрыть себя смертоносным покровом, но не знаю, какое-то забвение прекратило стройное течение моих мыслей, и мне показалось точно, как будто бы я уснула. Наконец, открыв глаза мои, увидела себя на сем месте и тебя, родитель мой.

Ах, я чувствую великую слабость! Дух мой занимается. Прости!..

* * *

По сих словах начала она кончаться. Премилосердые боги! Я упал тогда в обморок и насилу мог чрез час прийти в чувство. Получив оное, увидел остывшее тело моей дочери; я уже не изъясняю тебе больше моего мучения, ты легко понять можешь, сколько я был прискорбен. По погребении ее тела дом мой начал разоряться, посетили домашних моих многие болезни, они умирали; имение мое со всех сторон грабили неприятели, я в пущее приходил отчаяние, и, словом, разверзлась предо мною ужасная пропасть бедствий; а чтоб пущее произвести во мне отчаяние, то приехал в город тот человек, который учил на корабле моего сына; он уверил меня действительно, что Осан был моего отродья, хотя я то и прежде узнал, потому что на грудном его досканце найдено было имя филомены и его собственное. В сем случае жизнь моя показалась мне ненадобною, и я начал искать способа лишиться оной, но только чтоб не опорочить моего имени. Во время это продолжалась у нас война с Тмутараканским государем; я начал просить моего князя, чтобы отправил он меня на войну. Государь, не видя способа воздержатъ меня, дал мне соизволение, и я немедленно отправился туда.

В самое первое сражение воевал я весьма отчаянно, к счастью моих сограждан, а к моему неблагополучию, осадил я город Тмутаракань. Военачальник тот, который был прежде меня в воинстве, почувствовал за сие ко мне великую злобу. Он был согласен с Тмутараканским государем и хотел изменить своему отечеству; отписал он в Тмутаракань письмо, чтоб тот государь отписал ко мне так, как к изменнику, и, это письмо получив, военачальник положил осторожно ко мне в карман. Я же, не зная совсем такого подлога, скинул то платье и надел поутру другое. Письмо это было найдено воинами и отослано к государю, и после того еще два. Владетель наш начал меня подозревать, также и воинство, о чем я нимало не ведал. В последующее сражение наступал я весьма храбро и в сей запальчивости поразил не ведая сына моего государя. Усмотрев это, воины пришли в великое замешательство и бросились все назад; я старался удерживать их, чтоб тем не потерять всего воинства; но никто уже меня не слушал, почитая изменником. Город растворили, и тмутараканцы порубили многих русов. Наконец по усмирении всего обезоружили меня и заключили в самые тяжкие оковы, привезли в город как злодея, посадили в темницу и приговорили к мучительной смерти.

Когда уже приблизился конец моей жизни, и поутру должен я был идти на казнь, то в самую полночь отворилась дверь у моей темницы, и вошел ко мне прежде бывший мой приятель. Он объявил мне соизволение государя, чтоб последовал я за ним. И так, привезши меня на сие место, сказал, что он подговорил стражу, которых ты теперь видишь, Силослав, в моих услугах, поселил меня здесь и снабдил всем тем, что потребно мне к моему житью. Я пребываю здесь уже пятый год и всякие полгода имею известие о городе от моего приятеля. Время уже то проходит, и я думаю, что он скоро ко мне приедет». Таким образом кончил Славурон свое похождение, которому Силослав очень много удивлялся и благодарил его за его известие.

После сего препроводили они еще два дня в некоторых уведомлениях друг друга. В третий день приехал Славуронов приятель. Новоприезжий уведомил их, что в городе Русе весьма теперь дурные обстоятельства и что оный подвержен великой опасности.

– Кочующий в непроходимых горах Валдайских, – говорил он, – сильный богатырь Полкан просил у нашего государя дочь себе в супружество, но как государь ему в оной отказал, извиняясь тем, что уже она помолвлена, то объявил он войну, и теперь с часу на час ожидают его пришествия под город. Народ находится в ужасном страхе, государь опасается опровержения, и, словом, все в великом беспорядке.

Силослав хотя и не совсем уведомился об обстоятельствах Руса, однако пожелал там быть непременно. Он предложил Славурону и его приятелю, что намерен туда ехать,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru которые снабдили его всем тем, что принадлежит к дороге. Приезжий препоручил ему свой дом в городе и отпустил с ним своего раба. Силослав, простившись с ними, отправился в путь и от половины дороги приказал возвратиться слуге к своему господину, благодарить его за одолжение, а сам продолжал свой путь к городу; ибо он намерен был утаить от Русского государя как свое имя, так и породу; итак, достиг он в скором времени до Руса.

Сей город стоял на берегу озера Ильменя, при устьях рек Ловати и Палы, которое место ныне называется Старая Русь. Он был весьма крепок и сооружен из дикого камня; одну сторону окружало озеро, а еще другие две – объявленные реки. Силослав увидел весьма страшное зрелище: стены сего города, высокие капища и все возвышенные здания покрыты были черными покрывалами, народное стенание услышал он еще поприща за два. Он подумал, что уже господствует тут Полкан, который как природою, так и обыкновениями с людьми не согласен; чего ради поспешал в город. Вошедши в ворота, увидел двух стражей в черном платье, которые сидя плакали, и сколько он ни видел в городе, все были в одной одежде и равно, как и первые, стенали; улицы, дома и люди – все были в трауре. Силослав нетерпеливо желал ведать чрезвычайности такой причину; итак, спрашивал он у многих, однако ни от одного не получил никакого ответа. Наконец видя, что известиться ему никоим образом невозможно, начал искать себе пристанища. Он пришел к одному жрецу и спросил его, который его и принял; но и от того также осведомиться не мог; итак, принужден был смущаться сим неведением до половины дня. Как скоро ударило двенадцать часов, то на всех городских башнях слышна стала городская музыка. В одну минуту город переменялся из печального в светлый и торжествующий; люди показались на улицах в богатых одеждах и с веселыми видами; началось великое торжество; везде радостные восклицания, повсюду разлилась веселость; отроки и девицы плясали в хороводах, старые изъявляли над ними свое увеселение; пошли везде игры и смехи, и, словом, город сей из ада превратился в одну минуту в поля Елисейские. Силослав удивился сему еще больше, нежели преждему, и, видя всех людей в превеликой радости, также и своего жреца, надеялся получить от него известие; итак, спрашивал его о причине оною. Жрец согласился на сие охотно и начал ему рассказывать:

– Дочь нашего государя очень прекрасна, и от чрезмерной ее красоты произошло наше несчастье: помолвлена она за сына Новгородского князя, который теперь здесь. Дело уже подходило совсем к сочетанию, но не знаем, от кого проведал Полкан о красоте нашей государыни. Он присылал к нам своего посла требовать ее себе в жены. Князю нашему сделать это было невозможно для того, что уже она помолвлена, и для той причины, что человеку жить со зверем невозможно. Итак, получив отказ, объявил он нам войну, которой выдержать мы никакого способа не имеем. Новгородский двор дать нам помощи не в силах потому, что Новгород осажден от разбойника, называемого Волхва; итак, сам защищать себя едва может, а не только нам помогать. Поутру, что ты видел нас в печали, это знаменовало, что в такое время должен будет расстаться государь со своею дочерью, любовник, или, лучше, супруг, со своею любовницею, а мы с нашею государынею. Ибо Полкан объявил, что во время восшествия Зимцерлы разорит наш город; а теперь, что ты видишь нас в великой радости, то во время это избавился государь от руки своего сына Аскалона, который хотел лишить его жизни.

– Что ж государь намерен предпринять, – спрашивал его Силослав, – когда придет Полкан под город?

Отдать свою дочь, – отвечал жрец, – ибо другого способа не находит он избавиться от такого сильного неприятеля. Силослав предпринял победить Полкана и написал к государю следующее письмо:

Государь!

Некто из твоих подданных желает тебе благополучия и просит, чтобы ты не отдавал твою дочь, а нашу государыню Полкану, когда подступит он под город, а победить его принимает он это на себя; и ты увидишь в поле одного противника из твоих подданных столь многочисленному и свирепому воинству.

Нашел он способ тайным образом вручить его сенату; сенат объявил государю, который почел его сперва баснею, но наконец, рассуждая очень долго, обнадежился сим уверением и в доказательство своей благодарности разослал повсюду указы, что если обещание свое тот исполнит, то он с позволения народа отдаст ему свое царское сокровище, и притом просил его, чтобы он объявился как государю, так и

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru народу, чтобы они видели своего благодетеля; однако Силослав не хотел показаться. Очень в короткое время покрылось поле подле города полканами; все жители вззошли на стены и смотрели с превеликим ужасом на оных. Они рысали столь быстро по полю, что пущенные изо всей силы ими стрелы догоняли и хватили их на лету, подбегали к городу и смотрели на оный с презрением, почитая игрушкою овладеть оным. Государь почти лишился чувств, увидев таких страшилищ, и ждал непременно своей кончины; весь город отчаялся и не имел надежды к спасению. Это было утро. Силослав, уведомившись о сем, начал призывать Преврату, как охранительницу своей жизни, которая тотчас ему предстала.

– Могучая волшебница, – говорил он ей, – я знаю, что тебе все возможно; подкрепи во мне мои силы и позволь победить Полкана. Я не имею оружия, итак, с твоим повелением ожидаю от тебя оного. Волшебница вывела его из дому и привела в такое место, где не было никого людей, махнула по воздуху волшебным прутиком; тотчас подвели ей два духа коня во всем богатырском снаряде, потом принесли и Силославу одежду; она велела ему перерядиться в оную и сесть на коня, дала наставление и сама скрылась. Силослав как скоро появился на улице во всем воинском и сияющем снаряде, то увидя, люди бежали к нему со всех сторон и провожали с радостными восклицаниями. Тотчас дали знать во дворце, что едет их избавитель к государю, которого видеть, отчаявшись, не имели они никакой надежды. Услышав сие, государь и отчаянная молодая государыня бросились на крыльцо и с нетерпением ожидали его пришествия. Когда въехал Силослав на царский двор, то увидя государь величественный его вид и крепкое богатырское вооружение, исполнился великою надеждою и нимало не сомневался, чтобы такой храбрый полубог не победил его неприятеля. Конь под Силославом был побольше несколько обыкновенных; стройность его, сила, бодрость превосходили все, и не можно найти примера – пламенные его ноздри устрашали всякого, кто бы ни захотел к нему приблизиться. Он имел на себе одинакую кольчугу с Силославом, которая прикрывала его всего по самые колени. Силослав имел на себе шлем из самой чистой стали, которую покрывала золотая решетка; щит и копье сделаны были удивительным искусством из чистой стали. Когда подъехал он к крыльцу, то отдал должную честь государю и говорил ему, что он едет сражаться за честь его и природную вольность княжны, его дочери. Государь хотя и просил Силослава в свои покои, однако он с извинением не пошел в оные и поехал прямо из города в ратное поле. Государь немедленно шел в Световидово капище и приказал возжечь в оном великую жертву, просил бога войны, чтоб рать сия благополучно окончилась. Все жрецы и народ стояли пред кумиром на коленах и с теплым усердием просили его защищения; некоторые из оных почитали Силослава Световидом, потому что еще не видали такого смертного; итак, во время молитвы внутренне его благодарили за его милосердие. Княжна бросилась тотчас на городскую башню смотреть противное ей сражение; она как скоро увидела Силослава, то благодарность к оному преодолела много любовь ее к новгородскому князю, или, лучше, почувствовала она великую к нему склонность: рвалась уже не о том, чтоб избавиться ей от Полкана и соединиться с обрученным женихом, а что Силослав подвергается такой опасности и хочет лишить себя жизни для той, которую, может быть, он и никогда не видал. Вошед на башню, ждала с нетерпеливостью, как Силослав покажется на ратном поле. Когда растворили ворота, то, к превеликому ужасу граждан, показался Силослав на ратном поле. Увидев его, полканы побежали многие с великим стремлением, но не сражаться с ним, а смотреть на его вооружение. Очень в скорое время обсыпали его со всех сторон, но Силослав принял их не так, как зрителей, а так, как неприятелей. Тотчас закипела военная буря, и все ратное поле пришло в великое движение и начало покрываться мертвыми телами. Силослав, обнажив свой меч, сверкал, как молния, в просторном поле, находя везде себе путь сквозь множество освирепевших полканов. Наконец, когда скрыла его густая пыль от глаз Зинаиды, тогда упала она в обморок, отчаявшись его видеть, и, нечувствительную, понесли ее в покои. Полкан, вооружась, поднялся из своего стану. Силослав, вложив свой меч, вооружился копьем. Очень скоро с превеликою яростью съехались они друг с другом; первый удар был очень силен, так что казалось, будто бы зыблилась под ними земля. Полкан упал на землю; Силослав, отъехав от него на несколько, дожидаясь, чтобы он встал, ибо бессильного победить казалось ему бесчестно. Полкан вооружился опять и с превеликою яростью бросился на Силослава, который вонзил ему копье в самую грудь. Вдруг сделался в воздухе превеликий рев; ужасные вихри летели в ярости со всех сторон и с превеликим свистом ломали деревья, подъяли великую пыль и сделали прекрасный день ужасною ночью. В одну минуту всего убитого воинства поднялись тела на воздух, и их стало не видно; вскоре потом просияло опять солнце и ветры утихли. Силослав от сего приключения пришел в превеликий ужас и поспешил как возможно скорее в город. Он уже был подле самых ворот, как вдруг ужасная туча сделалась над его головою, и первый громовой удар растворил

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
под ним землю и сделал ужасную пропасть, которая пожрала столь храброго воина. Отнялось на время его понятие, и он увидел себя в новом свете и в другой атмосфере.

Когда открыл глаза Силослав, как бы после крепкого сна, то увидел себя лежащего под деревом и окруженного страшнообразными и невиданными животными, которых как на дереве, так и около его премножество находилось. Они его беспокоили различными образами и старались утратить. Такое необычайное позорище и действительно представилось ему страшным; он вскочил и желал от них удалиться, но чем больше отступал, тем больше оных ему встречалось; они его утесняли, только не делали ему никакого вреда, отчего пришел он в превеликое отчаяние и не знал, что ему начать должно было. Вдруг увидел перед собою человека, который, не сказав ему ни слова, взял за руку и повел в неизвестный путь. Вскоре появились они в таком месте, которое ежели описывать, то мало станет на это человеческой жизни. Ограда здания, в которое они вошли, сколько была высока, столько и великолепа; удивительное сплетение и разные изображения, сделанные все как будто бы из одного яхонта голубого и прозрачного цвета, представляли его обитанием какого-нибудь первостатейного бога, а не человека. Столбы, их подножия и изображения на них животных сделаны были из красного и также прозрачного камня. Когда вошел Силослав с проводником в растворенные ворота, то благовоние, красота деревьев, порядок стихий, умеренное солнца сияние, цветы и невообразительные фонтаны привели его в великое удивление. Он остановился и не смел идти далее, спрашивал у провожатого, который, однако, ничего ему не отвечал и только принуждал идти далее, которому Силослав предпринял следовать. Встречались с ними птицы, ходящие по дорогам; они имели на головах у себя вместо хохлов блестящие звезды, перья же были на них огненные разного цвета, от которых падали искры, отчего земля пускала благовоние и наполняла воздух наиприятнейшим в свете ароматом; другие, которые столько же были прекрасны, летали в воздухе, колебали оный крыльями и делали тем приятное прохладение. На деревьях малого рода, но великой приятности птички пели самыми нежнейшими голосами. Силослав увидел в пологих янтарных берегах не весьма большой ртутный пруд, который находился весь в движении, наподобие кипящей воды; на поверхности сей ртути стояли тритоны, nereиды и сирены, которые составляли из себя хор; оный столько был приятен слуху, что как скоро Силослав его услышал, то ослабели его члены и приятный сон начал закрывать его глаза. Проводник положил его на мягкую, или, лучше, на воздушную, софу, где Силослав започивал весьма приятно. Как скоро затворил он глаза, то мечталось ему сие.

Мимо того места, где он опочивал, проходила красавица со множеством девиц, не только что неопианная, но и невообразимая; вела она за руку маленького и нагого мальчика; подошед к Силославу и взглянув на него, усмехнулась с самым приятным видом и приказала мальчику сделать то, что ему приказано. Младенец вынул стрелку из колчана, который находился у него за плечами, положил на тетиву и ударил тупым концом в самую грудь Силославу, который и во сне усмехнулся такой приятной шутке. После, спустя несколько времени, когда они шли назад, тот же младенец острою и золотою стрелкою уязвил Силослава чувствительно, который, однако, не проснулся. Красавица, подошед к нему, его поцеловала и пошла прочь.

Силослав, никогда не выпускав из мыслей своих Прелепы, проснувшись, позабыл о ней, встал и пошел, задумавшись, искать подобной той, которая во сне ему мечталась; пленившие его приятности изображены были в глазах его; старая страсть уступала место новой и начала владычествовать над душою его и сердцем. Он уже не удивлялся сверхъестественным прелестьям того места, в котором находился; страшная и непроходимая пустыня была бы ему приятнее с тою, которая во сне показалась. Настала ночь, которая столько была темна, сколько ясен был день. Силослав, не видя нигде никакого здания и не зная, куда идти, принужден был остаться на том месте, на коем он находился. Спустя очень мало времени все деревья неопианного сего сада при корнях загорелись, и разноцветный огонь поднимался от часу выше, даже до самой вершины оных; у стоящих по аллеям статуй открылись урны, которые они в руках держали, и начало из них пыхать благовоние; словом, везде было освещено и везде наполнено ароматами; все играло и все старалось утешить Силослава.

Силослав, сколько ни смущен был любовью, однако не преминул, чтоб не осмотреть деревья, отчего они горели и не истлевали; он, подошед, начал осматривать листы оных и увидел, что на каждом листочке сидело по три огненных червячка, от которых светилось так, как будто бы от свечки; потом продолжил он путь, хотя и не знал куда, и в сем упражнении препроводил время даже до половины ночи.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Наконец впереди увидел великолепное здание, и чем ближе к нему подходил, тем красота и великолепие его умножалось; стены сего здания составляли некоторый неопределенный род сомкнувшихся столбов, которые точно походили на те, из которых на небе бывает явление; они передвигались с места на место и тем делали, как будто бы все сие здание находилось в движении; между оными на голубой стене блистали разные камни наподобие ярких звезд. Верх его, ежели представить сферу, сделанную из небесных зон со всеми небесными знаками из самых прозрачных и разноцветных яхонтов, то это будет он; на нем еще стоял солнцев престол, на котором лежало сердце, пылающее огнем, по сторонам коего сидели два купидона, играющие между собою другими сердцами.

Огромное и превысокое крыльцо, сделанное из полированного и чистого хрусталя, которое всё находилось в превеликом движении, для того что по середине оно под хрусталем опускалась вниз ртуть; от ее движения и от множества огней, от прозрачного стекла казалось оно одушевленным; по сторонам на каждой оной ступени лежали живые и престашные львы, которые в то время спали; и ежели б то был не Силослав, то от одного ужасного их дыхания должно было прийти в превеликий трепет. Побеждаемый любовью Силослав приступил без робости к сему великолепному и ужасному зданию; он ступил на первую ступеньку, не опасаясь сих страшилищ, и когда увидел, что она неподвижна, тогда пошел он в него, и хотя шел не весьма осторожно, не опасаясь львов, однако ни один из них не проснулся. У первого покоя двери были растворены; он в него вошел и увидел все редкое и пленяющее на свете великолепное украшение, порядок, чистоту, и сверх того, освещен он был премножеством свеч и лампад, только не было тут ни одного человека; для чего Силослав следовал еще далее и находил везде растворенные двери. Прошед премножество великолепно убранных покоев, пришел он к зале, которая показалась ему чрезвычайною; стены чем освещены были, того он не мог разобрать, но только превеличайшее было от оных блистание; пола и потолка в сем зале он не видел, но вместо оных ясный и голубой свод, который украшало пресветлое солнце; внизу очень далеко земной шар со всеми на нем обитателями, моря, горы, поля и долины и, словом, всё, что земля на себе имеет; чего ради Силослав не смел переступить в оную. Он начал рассуждать:

– Когда нет в сей зале потолка, и видны небеса, то должно, чтоб показались они мне покрытые ночью, и украшало бы их не солнце, а блестящие звезды; итак, конечно, есть тут что-нибудь такое, которого я проникнуть не могу.

Рассуждая очень долго, увидел столы и стулья, стоящие на воздухе так, как будто бы на полу; он отважился и переступил в нее. Что его держало, того он не знал; однако шел по полу, а это были написаны картины, которых мастера столь были искусны, что водили других стремления глаз весьма собой далеко. Перешел Силослав залу, вошел в покой; в оном стояла кровать с опущенными занавесами, которые он поднял и увидел на ней весьма в крепком сне прекрасную женщину; чтоб не потревожить ее, опустил осторожно опять завесы и следовал далее, где находил еще несколько сонных женщин, подобных первой. Наконец, нашел в одном покое кровать также с опущенными завесами; она была совсем первым не подобна: украшение ее и вид столь пленили Силослава, что он не хотел выйти оттуда целую ночь. Не посмотри еще, кто лежит на кровати, приблизился он к ней, и как скоро открыл завесы, то рука его, держа оные, онемела; страстное его сердце, казалось ему, как будто бы с превеликим стремлением двинулось с места, он обомлел и стоял долго неподвижен. Тут опочивала самая та красавица, которая во сне ему мечталась. Пришел несколько в себя, говорил он мысленно:

– Боги, властители над нами! Вам известно, кого я вижу, кто она и все сии прелести; скажите мне, есть ли в ней что-нибудь смертное, чего я проникнуть не могу, есть ли тут какая-нибудь земная красота, или только одна небесная покрывает ее лицо?

Он бы еще и больше продолжал свое восхищение, но приятный сон начал клонить его голову; и хотя Силослав и хотел выйти вон, как повелевала ему благопристойность, однако утомленные покойною дремотою его мысли принудили его уснуть подле кровати на креслах. Проснувшись поутру, прежде всего бросил он взор свой на кровать, однако уже никого на оной не увидел. Тут пришел он в превеликое отчаяние и укорял сам свою неосторожность, негодовал на нестерпимое свое желание и думал, что она только одна отнимает у него надежду.

– Неробкое и отважное геройство! Тобою потерял я наипрелестнейший для меня предмет; тобою величаясь, вошел я сюда; от твоей дерзости привел на гнев

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
прекрасную из всех смертных богиню! Когда же ты ввело меня в сию погибель, то непременно должно меня и освободить от оной.

Итак, вставши, пошел он вон из сего здания. Пришедши в залу, увидел пол и потолок, которые скрывались к вечеру от его взора; пришел на крыльцо, увидел он страшных львов, бодро стоящих, которые как скоро его увидели, легли и головы преклонили в знак повиновения. Крыльцо не находилось уже в движении; итак, Силослав без робости сошел с него и следовал своему желанию и водящим глазам своим.

Утреннее время довольно было способно к тому, чтобы Силослав осмотрел все сии прекрасные места и уведомился о их неописанной доброте; однако пламенная любовь вела его не к любопытству, а к сысканию того предмета, который, как казалось ему, украшает собою все сие великолепие. Прошел несколько дорог, увидел он впереди трех весьма великолепно одетых женщин; они шли ему навстречу и, сошедшись, сделали ему приветствие так, как чужестранному человеку, и просили, чтоб он сделал им товарищество проходиться по саду, от чего Силослав не желал отговориться. Будучи с ними, со всякою учтивостью спрашивал их, кто они таковы и кому принадлежит все это великолепие, которое он видит; однако ответы их не объясняли ему ничего того, о чем он хотел проведать. Одна из сих женщин, которая казалась побольше других достоинством, с позволения прочих просила с собою Силослава; он за нею последовал, а другие их оставили и пошли в свой путь.

Женщина, прошел несколько, нашла уединенное место, села на софу и просила также Силослава; потом начала говорить ему следующее: «Я знаю, государь, что ты чужестранец и находишься теперь в таком месте, которое, ежели бы я старалась объяснить тебе всеми силами, то и тогда бы не могла; а одним словом скажу тебе, что это место находится не на земле; оно принадлежит некоторой весьма безобразной волшебнице, которая при всей своей гнусности имеет от роду сто двадцать лет. Она, бывая часто на земле, увидела некогда тебя и смертельно влюбилась; и для того, чтоб представиться тебе важною, растворила землю после сражения твоего с Полканом и волшебною силою перенесла тебя в сие место. Она желает с тобою совокупиться. Это правда, что ты увидишь ее красавицею – она имеет этот дар, что может переменять гнусность свою на неизобразимую красоту – но это может она сделать на один час, а после представится тебе столь скаредною и гнусною, что ты проклинать будешь свою жизнь и придешь оттого в превеликое отчаяние. На той кровати, подле которой ты ночевал, опочивала она, имевши на себе столь прекрасный вид, в коем ты ее нашел, и усыпила тебя тут для того, чтобы ты не мог видеть гнусного ее вида, когда по необходимости должна она была оставить прекрасный тот образ. Меня не другое что принудило тебе изъяснить ото, как только одно врожденное во мне сожаление, и ты не подумай, чтоб была причиною тому какая страсть, которая сделала меня к тебе преданною». Выговоривши это, несколько она покраснела и говорить перестала.

Силослав, выслушавши все, не знал, как растолковать ее слова; он был нелегкомыслен, и, сверх того, любовь не позволяла ему верить нисколько такому препоручению; итак, притворясь, будто бы верит всему тому, что она ни сказала, говорил он сие:

– Государыня! Ежели ты берешь участие во всем том, что до меня принадлежит, и ежели малое мне повреждение трогает твое сердце, то прошу тебя, если есть к тому способ, покажи мне ее безобразие, чтоб тем возымел я к ней прямое омерзение и почувствовал бы в сердце моем непримиримое отвращение. Я признаюсь тебе, сударыня, что прелести ее вошли в мое сердце и господствуют над моим понятием. Все мое старание и все труды прилагаю я к тому, чтоб увидеть прекрасный ее образ; я его почитаю божеством, и ничто, кроме очевидного свидетельства, не может привести меня на другие мысли.

При сем слове изобразилась на лице ее досада, и она с превеликим гневом начала выговаривать многие поносные слова той, которая пленила Силослава.

– Это чудовище, – говорила она, – недостойно не только что твоей любви, но ниже одного взгляда; ты очень безрассуден, что одна обманчивая поверхность могла произвести в тебе любовь и наполнить сердце твое нежностью. Эта фурия, от которой должно было бы тебе убежать, сделала то, что ты всюду следуешь за нею.

Выговорив сие, ахнула она и начала неутешно плакать. Силослав бросился утешать ее и думал, что причиною тому ее досада и превеликая ненависть к волшебнице, но

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru он нашел совсем противное своему мнению: ноги ее и тело по самые груди окаменели, бледность покрыла лицо ее, и ужасное трясение вступило в остывшие ее члены.

– Я не каюсь, – говорила она, – что наказана за мою дерзость, потому что я того достойна; но сожалею о том, что не могла пользоваться тем, что мне сделалось милее всего на свете. Это ты, – продолжала она, – за которого я теперь наказана; поди от глаз моих и не умножай моего мучения; больше нельзя мне выговорить тебе ни одного слова, прости...

Силослав, сколько ни старался уведать тому причину, однако не получил от нее никакого ответа. Такая чрезвычайность привела его в великое удивление, и он не хотел оставить ее, не известясь о таком чудном превращении; но расставшиеся с ним женщины, пришед, присовокупили несколько слез к окамененной женщине, повели его с собою в то здание, в котором препроводил он ночь, и тут оставили, не сказав ему ни одного слова. Силослав, будучи тут, принужден был ожидать неизвестного; вскоре увидел он множество идущих к себе женщин в белых и великолепных одеждах, между которыми и та, коя пленила Силославово сердце. Увидевши ее, пришел он в великое замешательство мыслей, сделался неподвижен и, словом, окаменел. Вид ее сколько был важен, столько и нежен; глаза наполнены были неприступным величием, с которым обитало вместе и великое снисхождение. Величественная гордость и врожденная нежному полу приятность разделили Силославово понятие, и он хотя не хотел, однако затворил уста свои и не мог отважиться прежде сделать ей приветствия. Она, подошла к софе, села на нее и говорила другим женщинам так: «Я хочу остаться здесь на несколько времени уединенно: оставьте меня на час и подите, куда каждая из вас изволит». Все женщины, сделав ей с великим подобострастием почтение, пошли немедленно вон, за которыми последовал было и Силослав, однако она удержала его, сказав, что имеет до него великую нужду; итак, остались они тут двое.

– Государь мой, – говорила она ему, – таковую ли я тебе кажусь, какою описывала та женщина, которая была с тобою в моем саду? Я не стараюсь защищать себя.

– Государыня моя, – отвечив ей восхищенный Силослав, – возможно ли, чтобы я поверил такому препоручению и, видя пред собою божество, захотел бы мысленно претворить его в безобразие?

– Много этой чести для меня, – говорила она. – Я не богиня, а смертная, и не волшебница.

Потом, несколько поговоря таким образом, начала она открывать ему свою любовь, от которого открытия Силослав насилу мог удержать в себе восхищенный дух. Сердце его затрепетало, и уста наполнились безмолвием. Он хотел говорить, но возбужденные мысли предупреждали его изречения и делали его бессловесным; словом, восхищения его и пламени изъяснить ему никоим образом было невозможно. Она, вставши, сделала ему знак, чтобы он последовал за нею, куда немедленно он и пошел. Пришед в опочивальню, исполнила она произволение богов и страстную волю; потом, взявши его за руку, пошла вон из сего здания. Как только вышли они на крыльцо, то Силослав услышал по всему саду необыкновенное согласие весьма приятной музыки; неизъясненное веселье летало по всему саду, и от великой радости казалось, что и деревья находятся в движении. Стоящие подле крыльца нимфы в брачных одеяниях запели тотчас песни, одним только богам приличные; и когда она вела его по дороге окруженного всеми небесными прелестями, тогда купидоны бросали под ноги им цветы и пускали всякие ароматы в воздух. Пришли они к той окамененной недавно женщине и увидели ее весьма горько плачущую. Повелительница сказала ей с гордым видом:

– Я тебя прощаю, помни долг и не отваживайся на такие предприятия.

Рыдающая женщина стала тотчас в прежнем своем образе и наполнилась превеликою радостью, благодарила богов и упала перед нею на колени, извинялась в своем прегрешении, которой, однако, приказано было тотчас встать. Любовница Силославова, извинясь перед ним, оставила его с своими нимфами и пошла по неизвестной Силославу дороге.

Потом несколько времени спустя пришел к нему человек, весьма великолепно одетый, и казался больше быть богом, нежели человеком, который сказал Силославу повелительным и величественным голосом, чтобы он последовал за ним. Идучи,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru наполнялся Силослав великим страхом от невоображаемого великолепия, и чем далее он шел, тем больше встречал его великий ужас. Глаза его не находили конца великолепию и мысли воображения. Все, что он ни видел, было для него ново, прелестно и ужасно; по дорогам разные истуканы разного изображения и разных металлов приводили понятие его в замешательство. Деревья, фонтаны, которых никак объяснить невозможно, останавливали его в пути, тянули к себе взор и делали мысли его неспособными к рассуждению об оных. Потом, когда перестало быть в глазах его сплетение древесное, то открылась весьма обширная долина; она исполнена была всеми теми приятностями, какие только человек выдумать может между людьми; но природа украсила ее еще больше своими дарованиями. Сколько была пространна сия долина, столько множество имела в себе и людей, только всякий имел свое место и подругу, и ни один другому в забавах не препятствовал. Женщины украшали мужчин цветами и, украсив, любовались ими, осызали их, целовали, ласкали и, словом, показывали им все те приятности, коими наградила природа нежный пол женский. Со всякою парю присутствовал Купидон, он им всякую минуту представлял новые увеселения, умножая в сердцах их жар любовный, и старался ежеминутно привести любовь их к совершению. Тут присутствовала радость, невинные игры и приятные смехи; у всякого на лице изображено было восхищение, всякий прославлял природные дарования, и всякий охотно старался умножить страсть свою к прекрасному для него предмету и показать, что он от всего усердия старается ей сердцем и всею жизнью. Посередине сей приятной долины находилась преогромная и превысокая гора, вершины которой Силослав увидеть не мог, но только блистало на ней светозарное солнце. Гора эта сделана была вся из слоновой кости с превеликими уступами и внутри с преогромными жилищами; с самого веру по одной стороне ниспадал с приятным и тихим журчанием великий источник и протекал всю долину до окончания, из которого с превеликою жадностью пили все находящиеся в долине люди; но вода его столь была вкусна и приятна, что никогда они насытятся оной не могли. Выход на сию гору весьма был просторен и имел частые ступени. Проводник Силослав повел его за руку; Силослав, идучи, находил всякую приятность, встречал разных и украшенных самую природою животных, разного рода птиц, и, словом, все, чего только вообразить не можно. Потом пришли они на возвышенную площадь, которая устлана была вся золотыми коврами; посередине оной стояло весьма великолепное и огромное здание; стены оного осыпаны были все дорогими и редкими камнями; крупные жемчужные зерна лежали узорами на оных; рубины и карбункулы доканчивали все оное великолепие; двери сего здания находились растворенными. Они вошли немедленно в оное. Силослав как скоро взглянул на сие невоображаемое великолепие и богатство, то не только наполнился удивлением, но и довольно ужаснулся. Все, что есть на земле, все оные сокровища не могли бы составить и половины того, что он видел. Тут сидели и ходили, равно как и первые влюбленные люди; они были так же веселы, как и те, но только некоторое малое неудовольствие являлось на их лицах, и казалось, как будто бы чего-нибудь им недостает. Женщины не так были к ним приветливы, и хотя ласкали их, однако чаще взглядывали на лежащие на столах сокровища. Всякая выбирала лучшее себе украшение и чаще подходила к зеркалу, нежели к любовнику. Тут мужчины больше ходили за женщинами, нежели женщины за мужчинами, хотя долг и природа повелевают женщине повиноваться мужчине.

Оставив сих, следовали они еще выше и, быв довольное время в пути, вышли на просторную площадь, которая обнесена была кругом миртовыми и лавровыми деревьями; также вокруг стояли позлащенные жертвенники, на которых пламенники не угасали; подле всякого жертвенника стояли на коленях, преклонив голову, государи в коронах и в порфирах; посередине сего невоображаемого круга находился храм, сделанный весь из одного изумрудного камня наподобие сплетенных дерев, и был столько зелен, как самая цветущая мурава, между которыми вмещены были розовые яхонты, кои изображали живые цветы; по четырем сторонам храма стояли из чистого золота великие истуканы; они несколько нагнулись и держали на плечах голубые яхонтовые шары, на которых имели движение блестящие звезды, и казалось, как будто бы сии истуканы были одушевлены. На веру свода, который изображен был куполами, стоял престол, из какого металла, об этом Силослав уведать не мог, но только он столь был ясен, что самое Солнце не превышало его блистания; на престоле стоял Купидон из такого же металла и держал в обеих руках сердце, которое пылало необыкновенным пламенем, и летящие от оного вниз искры зажигали на жертвенниках пламенники. Силослав с великим страхом вступил в сей храм и не нашел в нем ничего земного, но одна небесная красота тут обитала. Посередине храма весьма на возвышенном престоле, покрытом багряницею, и выше того, как будто бы на прозрачном и белом облаке, сидела нагая богиня Лада в одном только таинственном поясе, который сплетен был преудивительным мастерством; на нем видны были самые пленяющие прелести, приятности, любовь, желания, веселия,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru тайные переговоры, неповинные обманы, приманчивые улыбки и прелестные забавы, пленяющие дух и мысли самого разумного человека. Вид ее столько был величествен, что Силослав, как скоро взглянул на нее, то упал на колени. Не недоставало в том прекрасном ее образе ни роз, ни лилей, ни смешанных любезнейших вещей, ни потаенной красоты, пленяющей глаза, ниже приятности, превосходящей и самую красоту, и всего он преисполнен был. Радость являлась у нее на глазах, а на щеках смех, и хотя прелести ее оттого не умножились, однако приятнее становились. На каждой ступени перед престолом сидели грации в белом платье, и бог любви Дид[13] играл посередине их невинными забавами. Богиня, взглянув весьма снисходительно на Силослава, говорила ему так:

– Познай, Силослав, ту, которая по произволению богов и по своей воле совокупилась с тобою в моем обитании; для чего это сделано, теперь я еще тебе не открою, и кто от тебя произойдет, и то будет сокрыто до времени. Снисхождение мое приносит тебе великую славу, и ты должен теперь считать себя счастливее всех смертных; оно же не принесет огорчения и любовнице твоей Прелепе, но величайшую славу. Лада, сияющая завсегда бессмертною красотой и небесною славою, сделалась ей совместницей; это ей не досаду, а великое увеселение приключить должно; ибо она владеет тем, что и сами бессмертные иметь бы хотели.

Силослав с великим подобострастием поклонился ей до земли, благодарил за ее снисхождение и просил всемогущего ее покровительства. Что богиня обещала ему с охотою и потом, указав на проводника, сказала Силославу:

– Этот человек откроет тебе все, с тобою здесь случившееся; поди и больше ни в чем не сомневайся!

Силослав, конечно б, не похотел оставить сих прелестей или бы с великим принуждением то сделал, но пленившая его сердце Прелепа по соизволению богини вселилась опять в его память по временном отсуствии.

Потом вышли они на окружающую храм площадь. Свида (так назывался проводник) снял смертную завесу с глаз Силославовых, положил на них бессмертие и показал ему с превысокой той горы землю, на которую взглянув Силослав ужаснулся, ибо все, что ни было на оной, было ему откровенно. Но первое увидел он своих родителей, печелящихся о нем, весь город и все свое владение, потом окамененное царство, государя и своего наперсника, и, словом, все, что только он хотел видеть, выключая одну только Прелепу. Он просил Свида, чтоб он показал ему тот для него прекрасный образ, однако на то не получил никакого ответа. Потом сошли они с той превысокой горы в долину на другую сторону. Свида, идучи долиною, начал говорить Силославу таким образом:

– Великий Чернобог, яко мститель всем за злость, изготовил твою кончину в то время, когда ты убил Полкана; он хотел мстить ему самым мучительным образом в жизни его, но ты предварил его определение и за то должен был низвергнуться во ад. Он растворил под тобою пропасть, которая пожрала тебя, и ты упал в страшную адскую долину; но богиня Лада соизволением великого Перуна искупила тебя из оной; я тебя вывел и привел в ее обитание. Нимфа ее хотела обманом тебя прельстить и за то обращена была в камень. Теперь должен я показать тебе то место, которое назначено было тебе от Чернобога, и рассказать тебе превращение Полканово.

В скором времени вышли они из прекрасной долины и пришли в такое место, где обитали страх и ужас.

Это была престрашная долина: земля ее покрыта была вечным льдом, а деревья инеем, и которую солнце никогда не озаряло плодотворными своими лучами, и на которую небо всегда смотрит свирепыми глазами. Положение свое имела она между двумя превысокими горами; земля сей долины производит одни только ядовитые зелья, и зима бывает там чрез все времена года, так что холодный воздух часто захватывал у Силослава, дыхание и мороз проходил сквозь его одеяния. Вдали видны были мрачные поля, на которых земля вся изрыта была возвышенными поверхностями могил наподобие ужасного кладбища, между которыми шатались усопшие тени; иные казались встающими из гробов, а другие укрывающимися. Густой и замерзлый воздух делал мертвецов еще бледнее, нежели они в самой вещи суть. Из могил выходили ключи и, соединясь вместе, делали из себя кровавую и великую реку, по которой плыли усопшие тела, старые человеческие кости и раздробленные головы. Река сия упала в пространную пещеру, которая весьма далеко вдавалась в гору; отверстие ее

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru обросло сухим тростником и голыми ветвями; вместо тихого журчания слышны были там печальные вздыхания и стон. Свидя повел Силослава в ужасную пещеру, которая при подошве другой горы находилась. Как только они в нее вошли, то превеличайший ужас объял Силослава, и он не хотел далее следовать. Пещера сия была весьма пространна, наподобие какого-нибудь страшного храма; стены ее увешаны были черными и разодранными сукнами, на которых висели пробитые стрелами щиты, изломанные оружия, поврежденные шлемы и кольчуги, которые все покрыты были запекшеюся кровью; освещена она была смоляными факелами, от копоти и дыма которых умножался пуще в оной мрак; посередине и во всех местах стояли раскрытые гробы, подле которых лежали и крышки; в них находились тела тех государей и полководцев, которые проливали в жизни своей всякий день неповинную кровь. Чудовище стерегло двери сего мрачного жилища, у которого истекала изо рта запекшаяся кусками кровь, из раздавленных глаз беспрестанно капали слезы, зубами повсеминутно скрежетало, с языка истекал у него смертоносный яд, платье на нем все было в крови, и около головы шипело премножество змей.

– Вот тут преддверие ада, – говорил Свидя Силославу, – и это еще одно только его начало; по произволению богини должен я тебе показать его весь. Через сию пещеру невозможно тебе пройти, имев в себе бессмертие, итак, пойдем на гору, с которой ты будешь смотреть в сие ужасное обиталище теней.

Потом вывел он его на поверхность горы и показал с оной все адские мучения.

Силослав, как скоро взглянул в ту наполненную всякими мучениями бездну, то как ни храбр был, однако пришел оттого в превеликий ужас. Как скоро обратил он глаза за гору, то открылось ему сие ужасное видение. Небо, земля и воздух столь были мрачны, как самая темная и пасмурная ночь; под низкими небесами ходили превеликие тучи, которые имели цвет наподобие зарева; на оных сидели огненные дьяволы разного и невоображаемого вида; по земле извивалась огненная река, в которой плавали мучающиеся люди; в нее впадала другая кровавая река, и от соединения их происходил великий шум; стенание людей и движение непорядочных стихий производили несносный слух ушам. За сими реками находилась весьма обширная пропасть, которая выбрасывала из себя премножество огня, и который достигал до самых облаков. В сем огне вылетали на воздух люди, кои падали в огненную реку, которая влекла их опять в ту пещеру. Всякую минуту превеличайший и седой бес привозил к устью по кровавой реке по полной лодке беззаконников и выпрокидывал их в огненную реку; со всех сторон сгоняли бесы людей в огненную ту пропасть, и кипели люди, огонь и реки наподобие обуреваемого океана. Впрочем, ни огонь не мог нагреть воздуха, ни мороз преодолеть огня, а всякое находилось в великой силе. На открытых там полях, где стояли под вечным инеем деревья и где были страшные кладбища, обитала ужасная стужа, и люди некоторые бегали из огня в оную, но сносить ее ни одной минуты не могли и так возвращались опять в неугасимое пламя.

Константин Николаевич Батюшков

Предслава и Добрыня [14]

Древний Киев утопал в веселии, когда гонец принес весть о победе над печенегами. Скачет всадник за всадником, и последний возвещает приближение победоносного войска. Шумными толпами истекают киевцы чрез врата северные; радостный глас цевниц и восклицаний народных раздаётся по холмам и долинам, покрытым снегом и веселою апрельскою зеленью. Пыльное облако уже показалось в отдалении; оно приблизилось, рассеялось и обнажило стальные доспехи и распущенные стяги войска, пылающие от лучей утреннего солнца. Владимир, счастливый Владимир ведет рать свою, и красные девы сыплют пред конем его цветы и травы весенние. В устройстве ратном проходит дружина, тихо и торжественно, ряд за рядом, и шумные толпы восторженных киевцев беспрерывно восклицают:

– Да здравствует победитель печенегов, храбрый Владимир!

Герой, по обычаю древнему, преклонил меч свой к земле, благосклонно поклонился народу и сказал богатырским голосом:

– Честь и слава Добрыне! Он избавитель мой!

Богатырь, сидящий на борзом коне своем, отрешил златую запону забрала, снял шолом и открыл голову пред народом и Владимиром в знак почтения и благодарности.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Слезы блистали в очах его; черные кудри, колеблемые дыханьем ветра, развевались по плечам, и правая рука его лежала на сердце. Восторженные киевляне снова воскликнули:

– Честь и слава Добрыне и всей дружине русской!

Цветы посыпались на юношу из разных кошниц прекрасных жен и дев киевских, и эхо разнесло по благоуханной долине, где видны были развалины храма, посвященного вечно юной Зимцерле:

«Честь и слава дружине!»

Супруга Владимира, прекрасная царевна Анна, и дочь ее Предслава, выходят навстречу к великому князю. Он простирает к ним свои руки, попеременно прижимает к стальной броне, под которой билось нежное сердце, то супругу, то дочь свою, и все труды ратные забыты в сию сладкую минуту свидания! Владимир указывает им на Добрыню.

– Вот избавитель мой! – говорит он, обращаясь к супруге, к царедворцам и седовласым мудрецам греческим, притекшим с царевною из Царяграда. – Вот избавитель мой! – продолжает великий князь. – Когда единоборство с исполином печенегским кончилось победою, когда войска мои ринулись вослед бегущим врагам, тогда я, увлеченный победою, скакал по грудам тел и вторгся в толпу отчаянных врагов. Мечи их засверкали надо мной, стрелы пробили шелом и щит; смерть была неизбежна. Но Добрыня рассеял толпы врагов, вторгся в средину ужасной сечи: он спас меня! Чем и как заплачу ему?

Слезы благодарности заблестали в очах прекрасной Анны; она подала супругу своему и Добрыне правую и левую руку и повела их по узорчатым коврам в высокий терем княжеский. Предслава взглянула на Добрыню, и ланиты ее запылали, подобно алой заре пред утренним солнцем; и длинные ресницы ее покрылись влагою, как у стыдливой девы, взглянувшей на жениха своего при блеске брачных светильников.

Прекрасна ты была, княжна киевская! Осененная длиною фатою, ты была подобна стыдливому месяцу, когда он сквозь тонкий туман смотрит на безмолвные долины и на синий Днепр, сверкающий в просеках дубовых. Но отчего сильно бьется девическое сердце твое под парчами и златою дымкою? Отчего белая грудь твоя волнуется, как лебедь на заливах Черного моря, когда полуденный ветер расколыхает воды его? Отчего глаза твои блистают огнем, когда они невольно обращаются на прекрасного витязя? Ах, и Добрыня давно любил тебя! Давно носил образ твой в сердце, в пламенной груди своей, покрытой тщательно стальною кольчугою! Повсюду образ твой, как тайный призрак, за ним следовал: и на потешных играх, где легкие копыта ломаются в честь красных жен и дев киевских, и на войне против ляхов и половцев, на страшных битвах, где стрелы свистят, как вихри, и острые мечи, ударяя по шеломам, наносят глубокие раны. Давно уже богатырь любил красавицу; но никогда не являлась она ему столь прелестною, как в сии минуты славы и радостей народных. Тщетная любовь, источник слез и горести! Все разлучает тебя с возлюбленной: и высокий сан ее, и слава Владимира, и слава предков красавицы, повелителей Царьграда! Ты знаешь сие, несчастный Добрыня, знаешь и – любишь. Но сердце твое чуждо радостей, чело твое мрачно посреди веселий и торжеств народных. Как дерево, которого соки погибли от морозов и непогод зимних, не воскресает с весною, не распускает от вешнего дыхания молодых листков и почек, но стоит уныло посреди холмов и долин бархатных, где все нежится и пирует, так и ты, о витязь, часто мрачен и безмолвен стоишь посреди шумной гридницы, опершись на булатное копьё. Все постыло для тебя: и красная площадь, огражденная высоким тыном (поприще словутых подвигов), и столы дубовые, на которых блещут кубки и златые чары с медом искрометным и заморскими винами; все постыло для тебя: турий рог недвижим в руке богатырской, и унылые взоры твои ничем не прельщаются, ниже плясками юных гречанок, [15] подруг Предславиных, которые, раскинув черные кудри свои по плечам, подобным в белизне снегам Скандинавии, и сплетаясь рука с рукою, увеселяют слух и взоры Владимира разнообразными хороводами и нежным, протяжным пением. Они прекрасны, подруги Предславины... Но что звезды вечерние пред красным месяцем, когда он выходит из-за рощей в величии и в полной славе?

Долго ли таиться любви, когда она взаимна, когда все питает ее, даже самая робость любовников? Тогда сердца подобны двум ручьям, которые невольно, как будто влекомые тайною силою, по покатам долин и отлогих холмов ищут друг друга,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru сливаются воедино, и дружные воды их составляют единую реку, тихую и прозрачную, которая по долгому и счастливому течению исчезает в морях неизмеримых. Счастливы они, если не найдут преграды в своем течении!

Так красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочитали во взорах, в молчании и в словах отрывистых, им одним понятных, взаимную страсть. Они не видели под цветами ужасной пропасти, навеки их разлучающей, ибо она засыпана была руками двух сильных волшебниц, руками любви и надежды! Предслава не помышляла об опасности. Добрыня тогда только ужасался своей страсти, тогда только сердце его заливалось кровью, когда прекрасная Анна, мать его возлюбленной, обращала к нему приветливую речь, или когда Владимир выхвалял послам чуждых народов силу и храбрость своего избавителя. Юноша страшился неблагодарности.

Терем молодой княжны был отделен от высоких теремов Владимира. Длинные деревянные переходы, украшенные резьбой, соединяли сии здания. Вековые дубы, насажденные руками отважного Кия, как говорит предание, осеняли уединенную обитель красавицы. Часто весенние вечера она просиживала на высоком крыльце, опершись рукою на дубовые перилы; часто взоры ее стремились в синюю даль, где высокие холмы, величественно возвышаясь один над другим, неприметно сливались с небесной лазурью; часто, отдалив усердных прислужниц, одна среди безмолвия ночного, она предавалась сладким мечтаньям девического сердца, мечтаньям, которые невольно украшались образом Добрыни. Когда месяц осребрял высокие верхи дубов и кленов, и тихое дыхание полночи колебало листья, перебирая их один после другого, тогда Предславу обнимал ужас. Ей мечталось видеть Добрыню. Она вперяла прилежно слух и взоры; но все было тихо, безмолвно, мечта исчезала, а с ней и тайный, сладостный страх. Так молодая княжна питала тоску и любовь свою, когда Добрыня воевал печенегов с великим князем Владимиром. Она переносилась мысленно на поля, обогранные кровью: опасности, окружающие отца ее, ужасали сердце красавицы; но при мысли, что Добрыня падет под мечом или булавою варвара, сердце ее обливалось кровью, тяжело поднималась высокая грудь, и слезы падали обильною росой на златошвейные ткани.

Теперь сии деревянные переходы, осененные тению столетних дубов, сия тайная обитель невинности, учинились свидетельницею ее радости. Страстный витязь позабыл и страх, и благодарность: все забыто, когда сердце любит.

Витязь, в часы туманной полуночи, приходил к княжне и там, у ног ее, поверял ей сердечную тоску и мучения, клялся в верности и утопал в счастье. Но любовники были скромны. Тих и ясен ручей при истоке, но скоро, возрастая собственными водами, становится быстр, порывист, мутен. Такова любовь при рождении, таковы и наши любовники.

Между тем все народы покорялись великому князю. И воинственные жители Дуная, и дикие хорваты, сыны густых лесов и пустыней, и печенеги, пьющие вино из черепов убиенных врагов на сражении, – все платили дань христианскому владыке. Народы стран северных, жители туманных берегов Варяжского моря, обитатели неизмеримой и бесплодной Биармии страшились и почитали Владимира.

Многие владельцы желали вступить в брак с Предслагою, желали, но тщетно, ибо они были все служители идолов или поклонники Магомета.

Часто на холмах, окружающих Киев, неизвестный витязь становил златоглавый шатер и вызывал на единоборство богатырей киевских. Ристалище открывалось, и пришлец, почти всегда побежденный, со стыдом удалялся в свое отечество. Витязи иноплемменные ежедневно увеличивали двор Владимиров. Меж ними блистали красой и храбростью Горислав Ляхский, юноша прекрасный, как солнце весеннего утра, храбрый Стефан Угорский и сильный Андроник Чехский, покрытый косматой кожей медведя, которого он задавил собственными руками в бесплодных пустынях, орошенных Вислою. Все они требовали руки Предславиной, все состязались с богатырями киевскими и угощаемы были под богатыми наметами гостеприимным Владимиром.

– Не наживу друзей серебром и золотом, – говорил он, – нет, а друзьями наживу, по примеру деда и отца моего, сокровища и славу!

Но ужасная туча сбиралась над главами наших любовников. Радмир, сын князей болгарских, владыка христианского поколения, спешит заключить союз с народом русским и тайно требует руки Предславиной. Владимир принимает богатые дары его и

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru дает ласковый ответ посланнику болгарскому: Радмир вскоре является на берегах днепровских. Десять ставок, одна другой богаче, блистают при восходе солнечном, и сии ставки принадлежат Радмиру, который, окруженный блистательной толпой витязей дунайских, вступает в терема княжеские. Вид его был величествен, но суров; взоры пронизательны, но мрачны; стройный стан его был препоясан искривленным мечом; руки обнажены; грудь покрыта легкой кольчугой, а вниз рамен висела кожа ужасного леопарда. Предслава увидела незнакомца, и сердце ее затрепетало от тайного предчувствия. Невольный румянец, заменяемый смертною бледностью, обнажал страсти, волнующие грудь красавицы. Взоры ее искали Добрыни, который безгласен, бледен стоял в толпе царедворцев; но надменный Радмир толковал в свою пользу явное смущение красавицы и, ободренный своим заблуждением:

– Повелитель земли русской, – сказал он, – тебе известны храбрые поколения болгаров, населяющих обильные берега Дуная. Меч храбрых славян не один раз притуплялся о сие железо (указывая на свой меч); не один раз лилась кровь обоих народов, народов равно славных и воинственных, от которых трепетал и Запад, и поколения северные – ибо где неизвестна храбрость болгар и славян! Храбрые россы унизили надменные стены Царьграда; ты рассеял в прах стены корсунские. Мечом предков моих избиты бесчисленные полчища греков, ими выжжен град, носивший имя древнего Ореста. Мудрые предки мои приняли веру истинного бога, [16] и ты, Владимир, отверг служение идолов, и ты капища претворил во храмы. Я желаю твоего союза, о повелитель земли русской! Соединенные народы наши воедино удивят подвигами вселенную, расширят за Урал пределы твоего владычества... У твоего знамени будут сражаться мои воины. Меч мой будет твоим мечом... Но да введу в дом престарелого отца моего твою дочь, да назову Предславу супругою!.. Владимир! Я ожидаю благосклонного ответа.

Царедворцы и молодые витязи русские с негодованием взирали на гордого Радмира: они с нетерпением ожидали решительного отказа. Но те из них, которые поселились на поле ратном, а в служении гридницы, лучше знали сердце своего владыки: они прочитали во взорах его совершенное согласие, и хитрая их улыбка одобрила речь надменного Радмира. Решительность в битвах, пылкая храбрость и дух величия болгарского владыки, дух, алкающий славы и подвигов, давно были известны Владимиру; гордые слова, гордый и величавый вид его напоминали ему о годах его юности, и, наконец, союз двух народов, доселе неприязненных, но равно храбрых и сильных, союз двух народов, скрепленный браком Предславы, долженствовал возвеличить княжество русское, – и мудрый Владимир подал руку свою в знак согласия. Красавица безмолвна, бледна, как жертва, обреченная року, склоняясь на руку прекрасной Анны, робкими, медленными шагами приблизилась к своему отцу, который подал ей чашу пиршества, исполненную сладкого меда. Совершается древний обряд праотцев: жених принимает чашу из рук стыдливой невесты и выпивает до дна сладостный напиток.

Десять дней сряду солнце киевское освещает радушные пиры в теремах княжеских. Десять дней сряду все торжествует и радуется. Но красавица проливает слезы на лоно матери: единственное утешение в горести! Часто ужасная тайна готова вылететь из груди ее и всегда замирает на робких устах. Анна приписывает к нежности сердечной тоску дочери своей, и слезы ее текут с слезами красавицы. Но гордый Радмир, познавший в первый раз любовь, близок проникнуть ужасную тайну. С негодованием взирает на слезы и силится подавить в глубине сердца своего ужасную страсть – ревность, спутницу пламенной любви.

Между тем настает великий день, посвященный играм богатырским. При восходе лучезарного солнца голос бранной трубы раздается в заповедных лугах, и на возвышенном месте, устланном коврами вавилонскими (похищенными при взятии Корсуна), возвышается высокий намет княжеский. Там восседает Владимир с супругою и прекрасною Предславой. Там, под другими шатрами, заседают старцы и жены киевские. Из них старейшины называются судьями тризны, ибо награда храброго искони принадлежала мудрости и красоте. Народ стекается за ставками, и бесчисленные толпы его покрывают ближние возвышения. Посреди ратного места пешие и конные витязи ожидали знака для начала игр. Грозный Роальд, витязь новгородский, возвышался меж ними, как древний дуб посреди низкого кустарника. Юный Переяславль, богатырь низкого рода, но низвергнувший разъяренного вола, Переяславль, победивший исполина печенегов, гордился чудесною силою. Он был пеш; кожа безобразного зверя, им растерзанного, развевалась на широких его раменах. Тяжелая секира, которую и три воина нашего века едва ли поднять могут, лежала на правом плече богатыря. Он ожидал борца и громким голосом вызывал на поединок

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru всех витязей; вызывал – тщетно! Всякий страшится неестественной его силы. Гордый Свенальд, древле пришедший с отлогих берегов озера Нево, Свенальд, воевода Владимиров, являлся в толпе витязей в броне вороненой, в железном шеломе, на котором ветер разведал широкие крылья орлиные. Израненная грудь его, на которой струилась седая брада, черный шолом, исполинское копье и щит величины необычайной напоминали киевцам о товарище отважного Святослава. Но меж вами, о витязи, находилась славная воительница, притекшая с берегов баснословного Термодона. [17] Высокая грудь ее, где розы сочетались со свежими лилиями, грудь ее, подобная двум холмам чистейшего снега, покрыта была легкою тканью. Черные волосы красавицы, едва удержанные златою повязкой, развевались волною по плечам, за которыми звенел резной тул, исполненный стрел. Нетерпеливый конь ее, легкий как ветер, был покрыт кожей ужасного леопарда, ноги его вздымали облако праха; золотые бразды его, омоченные пеною, громко звенели, и он, казалось, гордился своею всадницею. Меч, кованный в Дамаске, блистал в правой руке ее, а левая покрыта была щитом серебра литого. Все в ней обличало деву – и гибкий стан, подобный пальме или стеблю лилейному, и маленькая нога, обутая в багряный полусапог; но рука ее – страх врагам и дерзким витязям! Киевцы, пораженные новым для них зрелищем, громко выхваляли красавицу, и сердце, гордое сердце девицы, сильно билось от радости.

Но Добрыня явился, и все взоры на него обратились, и ланиты Предславы запылали розами. Витязь вошел в толпу, одетый тонким панцирем, на котором блистала голубая повязка, тайный подарок его любезной. Белые перья развевались на его шоломе. Меч-кладенец висел на широком поясе у левого бедра. По поданному знаку из шатра княжеского юные гридни подвели ему коня, на котором Владимир воевал в молодости. Давно уже никто не седлал его, давно уже на свободе топтал он траву в заповедных лугах киевских. Предание говорит, что конь сей был некогда посвящен Световиду и имел дар пророчества. [18] В знак дружбы своей Владимир его отдает витязю. Добрыня смело вложил ногу в золотое стремя; конь почувствовал седока, преклонил смиренно дикую свою голову и радостным ржанием огласил луга и долины.

Знак был подан старейшинами, и взоры устремились на высокую мету, поставленную на конце поприща. К ней был привязан быстрокрылый сокол.

Стрелки отделились, и в числе их прекрасная воительница. Золотой лук зазвенел в ее руках, и стрела помчалась по воздуху; но тщетное острие ударило в дерево, зашаталось, и уstraшенная птица затрепетала крыльями. Юный Горислав вынул каленую стрелу, и пернатая, пущенная из сильных рук его, рассекла воздух пламенной стезею. Так пролетает молния или звезда воздушная по синему небу! Стрела перерезала нити, которыми был привязан сокол, и птица, свободная от уз, быстро полетела над главами зрителей. Добрыня натягивает лук свой, пускает меткую стрелу... И сокол лежит у ног Предславы, и народ восклицает:

– Честь и слава Добрыне!

А сердце красавицы утопало в веселии.

Изводят на поприще дикого вола, воспитанного на пажитях черкасских: ужасная глава его, вооруженная крутыми рогами, поникла к земле; взоры дикие и мутные обращены были на толпу, которая раздалась в ту и другую сторону. Андроник, дерзкий витязь, желая разъярить чудовище, вонзил в ребра его легкое копье; острие впилося, древко зашаталось, и черная кровь хлынула рекою. Разъяренный вол бросается на толпу; тяжелые ноги его вздымают к небесам облако праха и пыли; пышет черный дым, искры сыплются из глубоких его ноздрей, и страшный рев, подобный грому, оглушает уstraшенных зрителей. Между тем отрок Переяславль исторгается из толпы и сильными мышцами ухватывает за рога дикого зверя. Начинается ужасная борьба. Трижды разъяренный вол опрокидывал богатыря и давил его своею громадою; трижды богатырь опрокидывал зверя, и ноги его, подобные столбам тяжелого здания, глубоко входили в песок. Наконец храбрый юноша, уже близкий к гибели, вскакивает на хребет его, обхватывает жилистыми руками... и чудовище, изрыгая ручьи кровавой пены, падает бездыханно. Богатырь, покрытый пылью и потом, одним махом секиры своей отрубает ужасную голову чудовища, приподымает ее за крутые рога и бросает к ставке княжеской. Прекрасные княжны ужаснулись, а киевцы, удивленные сим новым и чудесным зрелищем, провозглашают богатыря победителем.

Радмир, сохраняя глубокое молчание, стоял близ ставки княжеской. Он желает сорвать пальму победы, требует позволения войти в толпу храбрых и в тайне сердца

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
своего полагает совершить победу над Добрыней.

Начинаются игры не менее опасные, но в которых сила и храбрость должны уступить искусству; всадники разделяются на две стороны; каждый из них выбирает соперника; Радмир назначил Добрыню, и витязь благословляет сей выбор! В руках его и жизнь и слава соперника; в руках Предславы награда победителю – золотой кубок, чудо искусства греческих художников.

Разъезжаются по широкой равнине: легкие кони летят, как вихри, один навстречу другому, копья ударились в щиты. Добрыня удвоит удары, и Радмир, простертый на земле, глотает пыль и прах! Русский витязь покидает коня своего, меч сверкает в руке болгара, удары сыплются на доспехи любовника Предславы, звонкие иверни летят с кольчуги, – мщение и гнев владеют рукою витязей, равно храбрых и искусных... Но Владимир подает знак – и витязи остановились. Ибо внезапно воздух помрачился тучами. Зашумели вихри, и гром трижды ударил над главами зрителей. Сердца малодушных жен и старцев, которые втайне поклонялись мстительному Чернобогу, исполнились ужасом. Празднество кончилось; мечи и копья витязей опустели; но дождь и снег беспрестанно шумели и наполняли внезапными ручьями путь и окрестную равнину. Порывистый вихрь сорвал воткнутые древки и разметал покровы с главы, дыхание ее прерывалось от скорого бега, и она, изнемогая, почти бездыханна, упала на пути, в дальнем расстоянии от Киева. Анна и Владимир спешили к ней на помощь, и Радмир предложил ей коня своего. Сердце Добрыни, в свою очередь, запылало ревностью: он желал бы сам проводить княжну, желал бы... Тщетное желание! Ненавистный болгар, жених ее, он один имеет сие право. Между тем служитель Радмиров подводил коня за звучащие бразды; Предслава приблизилась к нему... Она увидела беспокойство Добрыни, прочитала в глазах витязя глубокую печаль его, и горестный вздох вылетел из груди прекрасной девицы. Жених ей подал свою руку... О счастье! Нетерпеливый конь, утраченный шумною толпою, вырвался из рук клеветы и стрелою исчез во мраке. Болгарский князь, снедаемый гневом, бросился вслед за ним: тщетны были его старания, и ревность на крылах ветра заставила его возвратиться к Предславе. Но Добрыня, по приказанию Владимира, сидел уже на коне с княжною; уже борзый конь вихрем уносил счастливую чету, и великое пространство поля отделяло любовников от ревнивца. Сладкие минуты для Добрыни! Красавица обнимала его лилейными руками, сердце ее билось, билось так близко его сердце; нежная грудь ее прикасалась к стальной кольчуге, дыхание ее смешивалось с его дыханием (ибо витязь беспрестанно обращал к ней голову свою), и лицо ее, омоченное холодными ручьями дождя и снега, разгорелось, как сильное пламя... Конь мчался вихрем... И витязь в первый раз в жизни сорвал продолжительный, сладостный поцелуй с полуотверстых уст милой всадницы. Гибельный поцелуй! Он разлился, как огонь, глубоко проник в сердце и затмил светлые очи красавицы облаком любви и сладострастия. Она невольно преклонила голову свою на плечо витязя, подобно нежному маку, отягченному излишними каплями майской росы. Благонные волосы ее, развеваемые дыханием ветров, касались ланит счастливого любовника; он осыпал их сладкими поцелуями, осушал их своим дыханием, и упоение обоих едва ли кончилось, когда быстрый конь примчался к терему Владимира, когда он трижды ударил нетерпеливым копытом о землю, и прислужницы княжеские вышли им навстречу с пылающими светильниками.

Владимир возвратился в высокие терема и там нашел печальную и бледную Предславу. Ах, если бы мать ее, которой ласковые руки осушали омоченные волосы дочери, если бы мать знала, какая буря свирепствовала в ее сердце, отчего лилии покрыли бледностию чело и ланиты, отчего высокая грудь красавицы столь томно волнуется под покровами!..

Но вскоре княжна, окруженная подругами, скрылась в терем свой, ибо глубокая ночь уже давно покрывала землю. Добрыня, увлеченный любовью, забыв и долг, и собственную безопасность, Добрыня, пользуясь ночным мраком, поспешил к терему красавицы. Все начинало вкушать сон в чертогах княжеских, но буря не умолкала. Ужасно скрипели древние дубы, осеняющие мирную обитель красоты, и град шумел беспрестанно, падая на деревянный кров терема. Тусклый свет ночной лампы едва мерцал сквозь густые ветви, и богатырь, стоящий на сырой земле, сохранял глубокое молчание. Он желал отличить образ Предславы, мелькающий в окнах терема,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru приблизился и увидел ее. Там, в тайном уединении, освещенная лучом лампы, являлась она посреди своих прислужниц, подобно деве, посвященной служению Зница, подобно жрице, когда она в глубокую ночь, уклонившись в Муромские убежища, медленно приближается к жертвеннику, на котором пылает неугасимое пламя, медленно снимает пред тайным божеством девственные покровы и совершает неисповедимые обряды.

Как билось сердце твое, храбрый юноша, когда красавица, отдалив подруг, отрешила узлы таинственных покровов! Как билось сердце твое, несчастный и вместе счастливейший из смертных, когда рука ее обнажила белую грудь, подобную двум глыбам чистейшего снега, когда волосы ее небрежно рассыпались по высокому челу и по алебастровым плечам! Нет, не в силах язык человеческий изобразить страстей, пылающих в груди нашего рыцаря! Но вы, пламенные любовники, перенеситесь мыслями в те времена страстей и блаженства, когда случай или любовь, властительница мира (ибо и случай покорствует), когда любовь открывала пред вами свои таинства; вы, счастливыцы, можете чувствовать блаженство Добрыни!

Робкий голос его назвал имя Предславы, и ветер трижды заглушал его. Наконец красавица услышала: встревожена, приблизилась к окну и при бледном луче светильника узнала его. Долго смотрела она, как ветер развевал черные его кудри, как снег сыпался медленно на открытую голову возлюбленного; долго в недоумении глядела она... и, наконец, сожаление (предание говорит: любовь), владея робкою рукой, тихонько отодвинуло железные притворы терема – и витязь упал к ее ногам!

– Что ты делаешь? – сказала прекрасная. – Что ты делаешь, несчастный? Беги от меня, сокройся, пока мстительный бог... Ах, я навеки твоей не буду! Небо разлучает нас.

– Люди разлучают нас, – прервал ее Добрыня, – люди разлучают два сердца, созданные одно для другого, в один час, под одной звездой, созданные, чтобы утопать в блаженстве или глубоко, глубоко лежать в сырой земле, но лежать вместе, неразлучно!

– Удались, заклинаю тебя...

– Ах, Предслава, ты моя навсегда... Жених твой, сей болгар, должен упасть от меча храброго!

– Ах, что ты хочешь предпринять? А судьба матери моей, а гнев, неукротимый гнев великого князя?

– Так, Предслава, я вижу, ты меня не любишь. Брак с повелителем обильных стран дунайских льстит твоему честолюбию. Вероломная женщина, ты не любишь Добрыни, ты забыла священнейший долг, клятвы любви... Но смерть мне остается в награду за верность!..

Сияющий меч висел при бедре героя, правая рука его лежала на золотой рукояти; но Предслава, слабая и вместе великодушная, Предслава бросилась в его объятия; горячие слезы текли из глаз ее, слезы любви, растворенные сердечною тоскою. Любовники долго безмолвствовали. Сама любовь запечатлевала стыдливые уста красавицы; вскоре слезы сладострастия заблестали, как перлы, на длинных ее ресницах, розы запылали на щеках, грудь, изнемогая под бременем любви, едва-едва волновалась, и прерывистый, томный вздох, подобно шептанию майского ветерка, засыпающего на цветах, вылетел из груди ее, вылетел... и замер на пламенных устах любовника.

Быстро мчится время на крылах счастья; любовь осыпает розами своих любимцев, но время прикосновением хладных крыл своих вскоре и самые розы сладострастия превращает в терны колючие! Все безмолвствовало в обители красавицы. Светильник, догорая, изредка бросал пламень свой... и она проснулась от очарования среди мрака бурной ночи. Напрасно витязь прижимал печальную к груди своей, напрасно пламенные уста его запечатлевали тихое, невольное роптание: рука ее трепетала в руке любовника, слезы лились обильными ручьями, и хладный ужас застудил последний пламень в крови печальной любовницы.

Наконец, горестный поцелуй прощания соединил на минуту души супругов. Красавица вырвалась из объятий витязя. Добрыня надвинул сияющий шолом свой, открыл двери терема, ведущие на длинные переходы... О ужас! он увидел при сомнительном блеске

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru месяца, который едва мелькал сквозь облака, увидел ужасный призрак... вооруженного рыцаря! – и сердце его, незнакомое со страхом, затрепетало – не за себя, за красавицу. Предслава упала бездыханная на праг светлицы. Но меч уже сверкал в руке незнакомца, страшный голос его раздавался во мраке:

– Вероломные, мщение и смерть!

Добрыня, лишенный щита и брони, вооруженный одним шлемом и острым мечом своим, тщетно отбивал удары; тайный враг нанес ему тяжелую рану, и кровь ударилась ручьями. Богатырь, пылая мщением, поднял меч своей обеими руками; незнакомец уклонился – удар упал на перилы; щепы и искры посыпались, столпы здания зашатались в основаниях, и сердце незнакомца исполнилось ужасом. Красавица, пробужденная от омака, бросилась в объятия Добрыни; тщетно дрожащая рука ее удерживала его руку, тщетно слезы и рыдания умоляли соперника: ревность и мщение кипели в лютом его сердце. Он бросился на Добрыню, и витязь, прижав к окровавленной груди своей плачущую супругу, долго защищал ее мечом своим. От частых ударов его разбился шлем соперника, иверни падали с кольчуги, гибель его была неизбежна... Но правая нога изменяет несчастному Добрыне, он скользит по помосту, омоченному ручьями дождя и крови, несчастный падает, защищая красавицу, и хладный меч соперника трижды по самую рукоять впивается в его сердце.

Светильники, принесенные уstraшенными девами, стекающимися из терема, осветили плачевное зрелище... Радмир (ибо это он был, сей незнакомец, завлеченный ревностью к терему Предславы), Радмир довершал свое мщение. Добрыня, плавая в крови своей, устремил последний, умирающий взор свой на красавицу; улыбка, печальная улыбка, потухла в очах его, и имя Предславы вместе с жизнью замерло на устах несчастного.

Нет ни жалоб, ни упрека в устах красавицы. Нет слез в очах ее. Хладна, как камень, безответна, как могила, она бросила печальный, умоляющий взор на притекшего Владимира, на отчаянную мать и, прижав к нагой груди своей сердце супруга, пала бездыханна на оледенелый его труп... как лилия, сорванная дыханием непогод, как жертва, обреченная любви и неизбежному року.

Михаил Иванович Попов

Старинные диковинки,

Или удивительные приключения славенских князей, содержащие историю храброго светлосана; вельдюзя, полотского князя; прекрасной милославы, славенской княжны; видостана, индийского царя; остана, древлянского князя; липоксая, скифа; руса бориполка, левсила и страшного чародея карачуна. [19]

Прелестные игры забавных воображений
Суть отдых от забот и важных упражнений,
Противовесия печалей, скучных дней,
Которых не уйдет никто во жизни сей.

Славен, родоначальник и праотец первых славянских князей, знаменитый именем и преславными делами, был первый, по нашим древним летописцам, который преселился со своим народом из Азии в Европу и построил в память имени своего город Славянск, поблизости того места, где потом построен нынешний Новгород. Сей государь, утверждая новую свою столицу покорением соседственных народов» получил имя великого воина и славного обладателя. Неизвестно, имя ли его собственное или слава дел его снискала подданным его нарицание славян; ведомо только это, что как при нем, так и при Потомках его храбрые славяне подтверждали имя свое множеством преславных побед и подвигов.

Потомство сего князя процветало завсегда славою храбрых дел и распространило свои завоевания наподобие древних римлян. Все государи искали их союза и почитали Славянск таким городом, где самая храбрость обитает. Один из сих потомков Славеновых, именем Богослав, любя мир и ненавидя брани, прославился более всех своих предшественников, ибо он был столько добродетелен, что подданные его еще вживе начали его обожать, думая, что человек не может иметь таких высоких качеств, какие имел сей князь. Со вступления своего на престол не пролил он ни одной капли крови подданных своих, ниже воевал со своими соседями, почитая такое дело зверством и думая, что человек более бесславится сим, нежели прославляется. Благочестие его было примером его подданным: он был со всеми искренен, кроток и приветлив, но наипаче всего правосуден, щедр и страннопримлив, любил науки и художества и украшал свою столицу всякими

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru великолепиями и достопамятностями, награждал достоинства и заслуги щедро, а пороки и преступления человеколюбиво наказывал; повседневно пекся о пользе и тишине своих подданных, которых почитал не невольниками, но чадами своими; и наконец до того довел благоденствие их, что не находилось ни одного такого человека во всей его державе, который бы жаловался на скудость.

Ибо в государстве его заведено было премножество разного рода заводов и фабрик, на коих делали всякие вещи, какие только были в употреблении в тогдашнее время. Инде ткали парчи, бархаты, штофы и другие шелковые материи; там делали сукна, полотна и все то, что человеку для одевания потребно; в других местах выкапывали из земных недр разные металлы и по очищении их делали из оных всякие дорогие сосуды и орудия для великолепия и пользы всенародной. Одним словом, не было такого искусства, которое бы в сей благополучной державе могло уйти от рук тщательных ее обитателей: и малый и старый были тамо в деле, которое сходствовало с их силами и знанием. Все содержатели таких заводов и фабрик платили государю подать, которая весьма увеличивала его сокровище, а им была нимало не отяготительна. Люди там не имели нужды в чужестранных товарах, ибо все нужное имели дома, а иностранцам тогда только давали деньги, когда от них хотели научиться какому-нибудь новому мастерству. Мод и откупов между ими не было, роскоши там не знали и также лености, ибо людей, впадавших в сии пороки, жестоко там наказывали. И так всякий у них, работая, наживал себе довольный хлеб и не имел нужды в чужой помощи. Одни только увечные и дряхлые прибегали ко княжеской щедрости и, получив себе от него довольное пропитание, отсылались в больницы и пустынножительство.

Всякий житель сей благополучной страны любил Богослава искренне и почитал его богом – подателем благ, а он, судя их малые распри (ибо редко там, сказывают, случались большие), становился им еще любезнее, разбирая их ссоры, как отец, и старался их паче примирить, промышляя им тем безмятежную и блаженную жизнь.

Сей добродетельный государь лишился своей жены на десятом годе по браке своем с нею; он столько ее любил и почитал ее память, что не хотел уже по смерти ее никакой другой красавице дать места в своем сердце. Супруга его оставила ему сына и дочь; сын занимал все черты его лица, а дочь сходствовала во всем с прекрасною своею матерью. Богослав их столь любил, что просиживал иногда по нескольку часов, смотря и любясь на них. Любви своей между ими он не разделял так, как делают сие некоторые отцы и матери: они ему оба равно были любезны, и он все свое старание в то только употреблял, чтобы разными науками просветить их разум и понятие и сделать их тем достойнейшими любви своей и подданных своих.

Наконец сын его, именем Светлосан, достигнув семнадцатого года своего возраста, показал в себе совокупно все те качества, которые в состоянии украсить витязя: остроте его разума удивлялись все остроумнейшие мудрецы того времени; понятие его постигло почти все те науки, которые тогда известны были. Что ж касается до телесных его достоинств, то стройность его стана, красота его лица, осанка, взор и приятные телодвижения всякого приводили в восхищение и заставляли, видя его, говорить: «Вот прямо княжеский сын!» Напротив того, и Милослава, сестра его, не меньше приводила в удивление смотрящих на нее: высокий и стройный ее стан, украшенный княжескою багряницею; самая прелестнейшая голова, поддерживаемая шею, подобной в белизне снегу, которую украшали темно-русые волосы, вьющиеся колечками и пущенные на игру ветрам; цвет лица, белейший лилей, оживотворявшийся восхищающим румянцем; ясные и быстрые глаза, блистательнейшие солнечных лучей и украшенные темными тонкими бровями, извившимися полукругом; и снятый с самых приятностей нос, под которым атели уста, наподобие развивающихся нежнейших роз, и бесчисленные тьмы прелестей, повсюду ее окружавших, не иначе ее представляли зрителям, как самую Ладю, богиню любви. Разум ее столько же был прелестен, как и красота ее; словом сказать, Светлосан и Милослава почитались чудом тогдашнего века.

Счастливым их отец несказанно утешался, видя у себя таковых детей, которым во всем свете не сыскивалось тогда подобных ни в красоте, ниже в разуме. Не оставалось ему иного счастья им пожелать, кроме приличного и приятного союза. И едва только о сем дал он знать, что желает сына своего женить, а дочь выдать замуж, то вдруг из окрестных государств наехала к нему тьма царских и княжеских детей, льстяся каждый получить за себя княжну; напротив того, для Светлосана навезли столько лицеизображений красавиц разного рода, что наполнили ими все стены кабинетов.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Богослав, пришед от того в недоумение, не знал, что начать в таком обстоятельстве; наконец, велел кликать клич, что тот из женихов получит себе Милославу в жены, кто учинит такое дело, которое всех удивит и коего никто другой превзойти не возможет. Обнародование сие привело всех женихов в движение: каждый начал помышлять из них, чем бы превзойти своего соперника, дабы соделаться счастливым обладателем прелестей Милославиных.

Для сего важного случая был назначен день, в который все требователи Милославины долженствовали съехаться на княжеский двор, который был великого пространства и украшен самыми разными истуканами; на оном долженствовали они оказывать свое превосходство над прочими. Накануне того дня провозвестник объявил всему городу, что в будущий день станут препираться Милославины женихи о первенстве, и чтоб народ сходился на княжеский двор их смотреть.

По наступлении назначенного дня почти весь город стекся на определенные места к смотрению; вскоре прибыли и женихи Милославины, а за ними и Богослав, сопровождаемый Светлосаном, Милославою и многими вельможами своего двора. Когда все сели по местам, тогда паки провозглашатель объявил препирающимся в подтверждение прежнего, что Милославу получит тот, кто покажет себя достойнейшим прочих. Тогда женихи, ободренные снова, составляют круг и совещаются, какое им избрать действие к своему прославлению. Многие были предложения, возражения и споры; напоследок, по господствовавшей тогда повсюду страсти к военным делам, положили препираться оружием и победителю уступить неоцененное обладание прекрасной Милославой.

Итак, разделясь на части, мечут жребий, кому начать славное сие сражение; оный пал на Вельдюзя, Полотского князя, и на Лепозора, Печенежского государя. Тогда все прочие рыцари, раздавшись, оставили пространное место сим противоборцам. Но они, сперва подъехав к крыльцу, с которого смотрел Богослав на их препирание, преклонили пред ним свои копья в знак своего к нему почтения и преданности, а потом отъехали на место сражения. Все зрители устремили на них свои глаза и приготовились восплескать победителю. Рыцари, разехавшись и отдав честь друг другу, приготовились защищать свое право на княжну до последней капли крови. Печенег первым начал сражение: взяв от оруженосца своего дротик, пустил им в своего соперника сильным махом. Полотчанин, приняв его в стальной свой щит безо всякого себе вреда, взял копьё и, потрясая им, грозил скорою смертью Лепозору, который, упреждая свое несчастье, напряг лук и испустил из него вдруг три стрелы. Но Вельдюзь, отразя и их своим щитом, поразил печенега тяжелым своим копьём и одним ударом ниспроверг его в ад.

Все зрители заплескали в честь победителю и осыпали его похвалами, но Богослав, увидя льющуюся человеческую кровь, вострепетал и отвратился от сего ужасного позорища. Победитель между тем подъехал к княжескому крыльцу для получения чаемых им похвал, которых он несомненно себе надеялся. Но Богослав, встревоженный сим зрелищем, дал знать рукою народу, чтоб оный умолк. «О храбрости твоей не можно сомневаться, – сказал он потом, обратись к полотскому рыцарю, – сей несчастный печенег – ясный тому свидетель; но я не могу терпеть при глазах моих убиения неповинных и благородных сих князей. Совесть меня уже терзает, что я допустил тебя до сражения с сим юным государем и попустил тебе его умертвить. Ужасный Чернобог, конечно, отомстит мне сие погрешение. Скипетр мой до сих пор не обагрался ничьею кровью, и боги за сие всегда ко мне были щедры. Итак, храбрый князь! Ежели ты хочешь показать себя достойнейшим прочих, так покажи таким делом, которое бы другим не вредно было». По окончании слов своих сделал знак, чтоб и другие рыцари подъехали к нему, которых он увещевал подобным образом и советовал им явить свое достоинство не вредным, а полезным человечеству действием. Когда князь перестал говорить, тогда гордящийся своею победою Вельдюзь, сняв свой шлем, начал так говорить славенскому владетелю: «Государь! Небезызвестно, я чаю, тебе, что славяне с начала пришествия своего в полуночные страны сыскали себе земли, богатства и славу одним своим оружием и храбростью. Войною укрепили сии свои владения, войною укротили своих врагов и учинили из оных себе подданных. Храбрость их известна не токмо по пространной России, но Греция и Рим трепещут от их оружия. Не самая ли сия храбрость укрепила и возвеличила предков твоих державу? Когда б они уничтожили сию толь нужную добродетель, давно бы уже сей преславный город свирепые угры превратили в пустыню. Да и в сем ли железном веке, живя между дикими и хищными народами, думать нам об оставлении оружия? Если ты мне противоположишь, что двое княжение течет без кровопролития, то и на сие нетрудно мне тебе возразить. Держава твоя предками твоими толико укреплена и возвеличена, что трепещет ее весь Север;

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
окрестные народы области твоей все тебе покорны, дальние племена не имеют времени тебя тревожить, ибо ведут они промеж собою кровопролитные брани и притом не избавились еще от ужаса, который на них навели твои предшественники. Следственно, ни с которой стороны государству твоему не грозят опасности; итак, кровопролитие теперь тебе еще не нужно. Но когда строптивые твои соседи брани свои окончат и в праздности своей усмотрят изобилующее твое всем государство, тебя, престарела и ненавидяща войны, то кто мне поручится, что не дерзнут они помутить тишины твоего владения и не прострут алчных своих рук на твои сокровища? Кто тебя тогда защитит? Подданные ль твои, которые в нынешней своей тишине позабыли, я чаю, и название оружия, употребляемого во брани? Новопокоренные ль твои области? Но оные, помня прежнюю свою свободу, конечно, не преминут при несчастье твоем свергнуть с себя иго рабства и на тебя ж устремятся, сколько для отомщения, столько и для утверждения своей вольности. Теперь остаются к защите твоему союзные тебе государи. Но ты сам ведаешь, много ли таких людей на свете, которые счастливым противятся, а злополучным помогают! Вступая за тебя, побоятся они потерять своих венцов или бесполезно отяготить свои народы. И что еще! Обольстятся добычею, не согласятся ль они скорее с твоими неприятелями на совокупное княжества твоего расхищение? Вот, миролюбивый князь, какое мое мнение о нерадении оружия и храбрости, что в супостатах наших может к нам родить презрение и навесть на нас неожиданные бедства. Итак, пока еще счастье твое тебя не оставило, пока близкая твоя древность тебя не застигла, соблаговоли храбрейшего из нас почтить твоим свойством и именем зятя: сие титло заставит его вечно защищать твои права, какие бы напасти судьба на тебя ни послала. Кто ж из нас благоволения твоего достоин, сие тебе покажет наша храбрость».

Сия речь, которую все слушали с превеликим вниманием, склонила всех на сторону Вельдюзеву: все ему плескали, все его похваляли; и сам Богослав, будучи от всех Милославиных женихов преклоняем, принужден был мнение Полотского князя подтвердить и дозволить поединок.

Тогда паки юные ратоборцы, собравшись, кинули жребий, кому из них противоборствовать храброму Вельдюзю, который ожидал противников своих храбро и готовил им неминуемую смерть. Тарарай, Касожский князь, осужден был жребием потерять в тот день надежду и жизнь, но, подкрепляемый еще упованием, думал одним взглядом утешить полотчанина, который, ударом своего копья исторгнув у него жизнь, прекратил его гордость. За ним следовал Трухтрах, князь Козарский, который, будучи жребием принужден к сражению, трепетал и предпочитал охотно бесславный мир славной драке, однако ж не хотел перед глазами всего народа показать себя трусом, чего ради и поехал, приняв бодрый вид, на ужасного своего соперника. Подъехав поближе к Вельдюзю, изъяснился ему трепещущим голосом, что он жизнь свою предпочитает Милославе и уступает ее ему охотно, а в воздаяние за то хотел пощады своей жизни; но чтоб не обесславить своего княжества трусостью, то просил Вельдюзя ударить себя полегоньку тупым концом копья, после чего хотел, признав себя побежденным, отъехать на прежнее свое место и провозгласить его победителем. «Ступай, ступай, – отвечивал ему с насмешкою Вельдюзь, – ты действительно не достоин быть поражен острием онога». И в самое то время ударил его ратовищем, что в такую трусость вогнало козара, что он упал без памяти с коня и вынесен был без памяти с княжеского двора. Все те, которые могли их слышать, захохотали и проводили с плеском храброго Трухтраха. После него выступил Тарабан, брат его, который, горя негодованием за насмешку его брату и чувствуя в себе более онога сердца, хотел отмстить ужасному Вельдюзю, но, устремясь на него, прекратил свой гнев вместе со своею жизнью.

По таковым ужасным примерам его храбрости, мало осталось ему противников, а которые еще осмелились на него напасть, те заплатили жизнью за свою дерзость. Напоследок, никто не смея больше ему противиться, все согласно уступили ему право требовать руки Милославиной. Сии многие победы снискали Вельдюзю не токмо плескания, но и почтение от всего множества зрителей. Сам князь Богослав, несмотря на соболезнование свое о смерти толиких князей, возымел к нему почтение, удивлялся великой его храбрости. Вельдюзь, усмотря к себе благосклонность от князя и от всего его двора, благодарил всем учтивым и ласковым образом за поздравления, которыми осыпали его со всех сторон. Посем, подступя к Богославу, препоручил себя в его милость, прося припомнить о том обещании, которым он хотел почтить победителя. Богослав, выслушав благосклонно его просьбу, подтвердил ему паки свое соизволение и приказал в то же время провозвестнику провозгласить его своим зятем, а торжествование брака его с княжною Милославою отложил на месяц.

Весь народ, придворные и вельможи похваляли и радовались сему выбору, ибо храбрость у древних славян почиталась высочайшим достоинством. Милослава не менее прочих была довольна женихом своим, что показала она ясно своим удовольствием, слушая весьма благосклонно приветствия, которые делал ей по победе своей Вельдюзь. Приметив оное, Полотский князь старался еще более его умножить, угождая ей при всяком случае, и наконец беспрестанными своими ласканиями и неотступными просьбами получил от нее откровенное признание, что выходит за него без всякого принуждения.

Напоследок назначенный день к их браку настал. Двор и город в великих были движениях, приуготовлялся к оному; каждый наперерыв старался показать свое великолепие в платье и прочих убранствах; наружность домов украшена была картинами и коврами; улицы усыпаны цветками; но храм Ладин и Полелин, в котором надлежало отправляться браку, был всего великолепнее украшен.

Когда уже все было приуготовлено, тогда князь Богослав, последуемый сыном своим Светлосаном и сонмом вельмож и придворных, препроводил в храм жениха; за ними вскоре приехала и невеста в препровождении многих знатных девиц и госпож. Народ бежал со всех сторон, чтоб насладиться зрением новобрачных; улицы и кровли наполнены были всякого возраста людьми; все возносили желания в пользу сочетающихся, и весь воздух наполнен был обетами и мольбами.

По таковым счастливым расположениям ничего не можно было ожидать, кроме веселья; уже первые обряды брака были совершены; сочетающиеся связаны были брачным поясом, и залог их верности положен на жертвенник. Первосвященник, прочтя приличные молитвы, изрек на них свое благословение, прося Ладу и Полеля ниспослать им мирное и благословенное супружество, после чего готовился приступить к жертвоприношению. Окропя жертву, состоявшую из ста волов, чистительною водою, ударил первого представленного ему быка священным топором; бык взревел преужасным голосом и, ударясь о жертвенник, издох. В тот самый миг Полелин истукан поколебался, возгремел претрашный гром, молния возблистала со всех сторон, небо покрылося претемными облаками, а волы все пали мертвы. В то же мгновение Полелин кумир произнес сии ужасные слова:

Ты к браку приступить, Вельдюзь, дерзнул свирепством;

В бедах тебе с княжной потоль быть рок судил,
Поколь ты не спасешь гонимых стольких бедством,
Колико ты князей невинных умертвил.

Сии претрашные слова поразили всех ужасом; весь храм наполнился воплем и стенаниями. Все пали на колени и готовились умоливать разгневанное божество плачем и воздыханиями, как вдруг нисшедший густой облак, с громом и молниями, похитил Милославу; и в то же время пораженный первосвященником вол превратился в ужасную химеру, подхватил Вельдюзя и унес у всех из глаз. После того вострепетала вся земля: гром, молния, вихрь, град и дождь, совокупясь, такое движение произвели в воздухе, что ни видеть, ни слышать ничего невозможно было. Богослав и многие из народа упали без чувства; другие бежали, не зная сами куда; иные, упав на колени для принесения молитв, не могли ни слова выговорить, ниже пошевельнуться. Всех объял ужас и трепет, и один только Светлосан стоял непоколебимо, принося молитвы Перуну, Чернобогу и прочим богам.

Напоследок, по нескольких минутах, землетрясение окончилось, и небо утихло. Тогда мало-помалу начали все приходить в чувство. Несчастный Богослав, пришед в себя и вспомя, что лишился дочери и зятя, залился слезами и, испуская стенания, приносил жалобы богам и человекам. Светлосан, жрецы и вельможи старались всячески его утешить, представляя ему, что божественный глас не совсем их лишал надежды и что со временем можно надеяться увидеть погибших паки. К тому же Светлосан, утешая его, обещевал сам ехать повсюду для сыскания их, но опечаленный Богослав лишением дочери отверг его предложение и не хотел ни для чего согласиться, чтоб потерять в нем последнюю свою надежду и утешение, отпустя его в неизвестный путь.

Юный князь, любя и почитая несказанно своего родителя, согласился охотно на его желание: оставшись при нем, пребывал с ним непрестанно и утешал его своим собеседованием. В сем упражнении провел он целый год, посещая между тем храмы и принося жертвы богам, раздавая милостыни и искупая пленных и заключенных в темницы, тщася тем преклонить богов на милость и возвратить помощью их Милославу

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru и Вельдюзя. Чаще всего посещал он капище Чернобогово и многочисленными жертвами и подаяниями старался умиловить сие божество, ибо сей бог почитался от древних мстителем злодеяний и властителем над беззаконными и бедствующими людьми.

Некогда жертвуя сему богу Светлосан и проливая пред ним теплейшие молитвы, почувствовал в себе пресильное волнение крови и дрожание жил: в то самое время ощутил он, что бодрость и крепость его сил умножились в нем. В восторге своем простерся он пред кумиром, принося ему благодарность и обращая к нему взоры, увидел, что истукан окружен был блистательным сиянием; угрюмый его вид пременен был в приятный и ласковый; в самое то время он поколебался и произнес следующие слова:

Моления твои прияты небесами,
И грех ваш заглажен молением и слезами;
Но в праздности ли ждут лаврового венца?
У смерти в челюстях ищи бедам конца.
Светлосан паки пал пред кумиром, принося благодарение за подание ему божественного сего совета, но, не возмогши понять его совершенно, просил Чернобогова первосвященника истолковать себе сие проречение. Нутрозор, рассмотрев внутренности принесенных жертв, объявил, что божество советует ему самому искать сестру и зятя, которых он непременно обретет по претерпении многих трудностей. Младой князь повиновался его объявлению, обещав ехать. После чего, одаря жреца и учиня обеты Чернобогу и прочим божествам, отбыл к себе из храма в княжеский свой дом.

Прибыв туда и призвав к себе своего любимца, который имел при нем чин оруженосца, объявил ему слова Чернобоговы и жреца его; Бориполк, будучи усерден к своему государю и опасался повергнуть в печаль Богослава, советовал ему не скоро полагаться на толкование Нутрозорова, но ожидать вернейшего изъяснения от времени или от первосвященников прочих богов, славнейших в прорицаниях. Притом представлял ему, что нечаянным таким отъездом причинит он великое сокрушение своему родителю. Сими и подобными представлениями склонил он Светлосана отложить свое путешествие до времени.

Впрочем, не совсем советы его истребили из мыслей молодого князя божеское изречение: до самого вечера твердилось оно в уме его, и один Кикимора, божество сна и ночи, пресек его о сем размышление. Но едва сомкнул он свои глаза, как смущенному его воображению представилось ужасное сновидение: явилась ему прешрашная гора, на которой вместо деревьев стояли копыя и мечи вверх острием. Промежду ими пресмыкалось бесчисленное множество всякого рода змиев, которые испускали ужасный свист и рев. Над сею горою летела блестящая колесница, влекомая зияющими пламенем аспидами; в ней сидела несчастная Милослава, испускающая прешрашные вопли. Гнусный и прешрашный Болот держал ее в своих объятиях и угрожал ей скинуть ее на землю. Напротив их летел на крылатом коне Вельдюзь и стремился поразить сего чудовища копьем; но в самое то время исполнил зинул на него пламенем – конь от того исчез, а Вельдюзь полетел стремглав на утыканную копыями и мечами гору.

Сие ужасное позорище столько испужало и встревожило Светлосана, что вдруг отогнало от него сон и принудило его сильно вскричать. Бориполк, который спал в другой от него комнате, пробудясь от сего крика, пришел к нему уведать того причину. Испужанный князь рассказал ему свое сновидение трепещущим голосом и, вздохнув, продолжал: «Что мне сим сновидением возвещают боги? Неужели объявляют они мне кончину сестры моей и зятя? Праведные боги! Ежели сие истинно, так к чему вы нам льстили, что со временем мы их еще увидим? О несчастливый родитель мой! Каким ударом поразит тебя сие сновидение! О боги! Он умрет...» – «Не сокрушайся, государь, – перехватил речь его Бориполк, – еще сие не подлинно; может быть, боги совсем другое сновидением сим тебе являют. Но чтоб сомнение тебя о сем не терзало, я тебе сыщу средство от него избавиться. Недалеко живет отсюда пустынный, который почитается ото всех великим прорицателем и искуснейшим толкователем снов. К нему стекается со всех сторон народ для испрошения в недоумительных делах совета и объяснения, и приносят ему в дар стрелы, без чего, сказывают, не исполняет он ничего прошения. Итак, государь, ежели угодно тебе испытать свою и сродников твоих судьбу, поедем к нему; я его жилище знаю; а чтоб более ему угодить, постарайся сыскать для него стрелу из металла, ибо он тем ни в чем не отказывает, которые к нему такие стрелы приносят». – «Я на все готов согласиться, – отвечивал князь, – только чтоб узнать судьбу бедной моей

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
сестры и зятя; что ж касается до стрелы, я ему дам золотую, которую подарил мне древланский князь, имевший нужду в помощи моего родителя».

По окончании слов своих, нимало не медля, приказал оседлать коней и, принеся молитвы богам и забрав нужное для пути, пустился в оный с одним Бориполком. Путешествие их продолжалось до самого восхождения багряной Зимцерлы; и когда уже Световид испустил первые свои лучи на землю, тогда они прибыли к жилищу пустытника, которое находилось посередине густого леса.

Светлосан и Бориполк, сошед с своих коней, привязали их к дереву и пошли в пещеру, в которой жил прорицатель. Они его застали спяща; вид его представлял самого древнейшего старика, коего седая борода простиралась далее пояса; лицо его суше было самой мумии; он опутан был весь цепями, которых один конец был прикован к стене; перед постелею его стоял остов, который имел вознесенную руку с кинжалом, а в другой держал черную мраморную дощечку, на которой были изображены блистающими буквами неизвестные письма. Позорище сие привело Светлосана в превеликое удивление; он спрашивал у своего спутника, что бы сие все значило, но тот и сам не мог ему на то никакого учинить изъяснения.

От разговоров их пустытник пробудился; тогда Светлосан, подступя к нему, извинялся учтивым образом, что нарушил его покой, и после, рассказав причины своего приезда, вынул из колчана золотую стрелу, которую поднося ему, просил его истолковать себе свой сон. Лишь только пустытник увидел стрелу, как, схватя ее поспешно, вскричал: «Ах, государь мой, ты мне возвратил мою жизнь!» И в то же время ударил стрелою в дощечку, держимую остовом, который в тот же миг исчез. После чего цепи, которыми был отягчен пустытник, тотчас с него спали, длинная его борода пропала, ряса его превратилась в лазоревое одеяние, а он сам в молодого прекрасного человека.

Пока еще Светлосан с оруженосцем своим стоял от удивительного сего приключения в недоумении, в то время превратившийся пустытник, махнув стрелою, проговорил несколько странных слов, за которыми последовал преужасный шум и стук молотов, по окончании коих пещера превратилась в великолепную колесницу, запряженную шестью единорогами. Пустытник, обратись к Славенскому князю и его наперснику: «Не дивитесь, – говорил им, – сему чудному происшествию; когда вы узнаете, кто я, то не станете более ничему удивляться. Услуга, – продолжал он, – оказанная мне вами, обязывает меня возблагодарить вас достойным образом за оную, чего ради и везу вас теперь в прежнее мое жилище».

Между тем колесница столь быстро везена была, что чрез несколько часов очутились они в Индии, посередине великолепного замка, коего все здание было сооружено из белого мрамора, а внешние украшения оного состояли из чистого золота. Пустытник, вышед из колесницы, просил их следовать за собою. Лишь только они взошли на великолепное крыльцо оного здания, как загредела вдруг преогромная музыка, и превеликая толпа молодых людей обою пола вышла к ним навстречу. Все сии люди пали пред пустынником на колени и бросились потом целовать его руки и платье, а он им отвечал на то ласковым видом и поклонами. После чего с беспрестанными и радостными восклицаниями препроводили они его в залу, в которой находился престол из розового яхонта. Пустытник, восшед на оный, просил Светлосана сесть по правую, а Бориполка по левую себя сторону; потом, обратись к предстоящим своим подданным: «Вот кем, – говорил им, указывая на князя и оруженосца его, – возвращен я вам, любезные мои друзья! Их благодеяние возвратило мне свободу и прежнее мое могущество и власть, которые похитил было у меня лютей карачун, сей гнусный карло, который все свое счастье и силу получил от моей щедрости. Но дерзость его без наказания не останется: все мои силы употреблю я на его погубление, и никакая власть не удержит меня быть ему вечным неприятелем. Но прежде всего, – продолжал он, оборотись к Светлосану, – обязан я тебе, великодушный мой избавитель, благодарить так, как требует великое твое одолжение».

После чего, приказав подданным своим торжествовать день своего избавления, просил своих гостей следовать за собою во внутренние покои дворца. Прошед несколько комнат, которые всем тем были украшены, что только природа и искусство могут произвести наилучшего, вошли они наконец в удаленный чертог, который примыкал к саду. Стены сего покоя украшены были янтарными иероглифами; посередине оного стоял круглый стол, коего доска вылита была из смешения всех металлов и поддерживаемая гениями из эбенинового дерева; на оном стояла сфера, земный круг, зрительные трубы, несколько книг и золотая скрыня, украшенная

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru дорогами каменьями. Подле стола стояли кресла из слоновой кости, а подле стен софы и столики, на которых лежали блистательные орудия, коих употребление одним волхвам известно. «Это моя тайная комната, – сказал владетель замка, обратись к гостям, – где я прежде завсегда упражнялся, и откуда могущество мое досягало во все концы вселенной, пока неблагодарный эфиоп не лишил меня сей драгоценной стрелы, в которой все мое счастье заключается и которую щедрость твоя мне возвратила, прехрабрый Светлосан, а с нею и все мое прежнее могущество. Я тебе расскажу, любезный мой избавитель, сие приключение, которое столько тебя удивляет; для сего-то и привел я вас обоих в сие место, чтоб никто не нарушил нашей беседы. Ибо никакая сила не может проникнуть сего чертога и узнать, что здесь делается; сии неизвестные тебе письма препинают всякому сюда вход, какую бы кто силу ни имел, и защищение всего моего замка от сего одного покоя зависит». Потом, сядши сам в кресла, а их попрося сесть на софы, начал им рассказывать свои приключения следующим порядком.

История Видостанова

Я называюсь Видостан; отец мой был царь некоторой части Индии; царствование его текло весьма спокойно, и все его увеселения составляли книги, которых он собрал превеликое множество, да еще я, ибо он любил меня тем наипаче, что не имел других детей, кроме меня. Охота моего родителя к чтению как будто бы по наследству вселилась и в меня, но с большим его пристрастием. Некогда, будучи в нашем книгохранилище и пересматривая книги, нашел я такую, коей письма были для меня незнакомы, хотя я и много знал языков. Любопытство мое, будучи прельщено сею новизною, понудило меня искать в других книгах сей изъяснения. Я начал снова перебирать все книги и по счастью моему нашел скоро другую в подобном ей переплете.

Развернув ее, увидел я, что это словарь ассирийского языка, которого я не знал. Буквы его сходствовали во всем с теми, коих я в объявленной книге не разумел. Сей случай заставил меня искать такого человека, который бы мог меня научить сему наречию, что мне в скором времени и удалось.

При дворе отца моего находился один халдеянин, который совершенно разумел этот язык; он охотно соглашался меня ему учить, но объявил мне притом, что сей язык весьма труден и скучен для учения. Сие несчастное объявление, хотя от желания моего меня и не отвратило, но для охотнейшего в нем упражнения подало мне мысль пригласить к тому сего мерзкого карла, которого щедрость моя извлекла из бедности и из самого низкого состояния в великолепнейшее, ибо он был сын конюха моего двора; он мне понравился по причине малого своего роста и черного цвета, ибо он был родом эфиоп. Сей мурянин, став осыпан моими благодеяниями, заплатил мне наместо благодарности злом. Но я, любя его чрезвычайно, не примечал злобных его склонностей и старался его делать соратником во всех моих упражнениях; и так начал с ним учиться вместе и ассирийскому языку. Я учился ему не более года и завсегда перестигал Карачуна, который, от лености ль то или имея тупее моего понятие, весьма учился медленно.

Первые плоды моего учения употребил я на прочтение объявленной мною книги; и хотя по причине малого моего в нем упражнения не мог я разуметь в ней всех слов, но недостаток сей награждал я помощью найденного мною словаря. Первые мои взгляды упали на приложенный к сей книге лист, который различествовал от прочих золотым начертанием букв; в оном предлагал первый книги сей хозяин, который, как видно по его изъяснениям, был весьма добродетельный человек, что книгу сию и с нею объявленный мною словарь нашел он в земле, копая колодезь, и, усмотря в ней великую важность, скрыл ее и пользовался ею при нужных только случаях. Напоследок, усмотря приближение своей кончины, не рассудил за благо оставить ее своим детям, в которых видел он более пороков, нежели добродетели, опасаясь, дабы они не употребили ее во зло, ибо она заключает в себе науку кабалистику, которая владетелю ее подает способы делать все то, что ему ни вздумается. Сия-то причина и побудила было его сжечь ее, но, усмотря, что огонь ее не вредил, бросил он ее в свинцовом ковчеге в море; но когда и вода отказалась ее потопить, то он определил ее, и с нею вместе словарь, закопать в пустом месте в землю, присовокупив к ней свое завещание тому, кому по случаю попадет она в руки, чтоб он не употреблял ее во зло другим, а в противном случае угрожал наказанием, которого просил ему от богов.

Сие объявление, – продолжал Видостан, – заставило меня с жадностью и великим вниманием прочесть сию книгу. Я нашел в ней наставления делать всякие

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru невозможности, какие только можно вздумать, и покорять природу своим хотениям. Узнав о сем, захотелось мне учинить некоторые малые опыты; видя же, что все стихии воле моей покоряются, уверился я совершенно в стариковом объявлении. Сие понудило меня скрывать ее ото всех; побуждение такое весьма спасительно для меня было, но невоздержность моя и несозревший разум в тайне сей мне изменили.

Некогда вздумалось мне сделать из куска мрамора обезьяну, которую, оживотворя, заставил я прыгать и забавлять себя природными сим животным резвостями. Шум, причиненный ею, побудил войти ко мне Карачуна, который случился в другой от меня комнате. Прыгание каменной обезьяны привело его в такое удивление, что он остолбенел и спрашивал меня с трепетом о причине сего чуда. Самолюбию моему приятно было видеть его в таком удивлении, к чему присовокупившееся тщеславие заставило меня сказать ему, что я ее творец. Сие объявление привело его в пущее недоумение; он меня начал усиленным образом просить, чтоб я ему открыл сию тайну. А я, чтоб больше еще его удивить, приказал ей перед глазами его превратиться в золотого попугая. Тут уже удивление его пременялось в страх: закричал он благим матом и побежал от меня вон, но я, его удержав, приказал тайну сию скрывать от всех.

Между тем Карачун, лишаясь мало-помалу страха, наполнялся вместо того любопытством; желая ж от меня уведать о сем таинстве, начал умножать ко мне свои ласкательства, кои полагал я истинными знаками его ко мне любви. Вскоре лукавствами своими достиг он до своего желанья: объявил я ему мою тайну, да столько еще был слаб, по любви моей к нему, что дозволил ему прочесть несколько статей из той книги, которую надлежало было мне всеми силами от него скрывать. Усмотря важность ее, Карачун предприял пользоваться ее наставлениями, но, дабы не показать мне своего намерения, притворился, что будто он не столько еще ассирийский язык узнал, чтоб мог разуместь совершенно смысл прочитанного им. Чего ради просил меня дозволить ему читать ее со словарем и делать из нее для себя переводы, дабы лучше мог успеть в оном языке. Сия его просьба вселила было сперва в меня к нему подозрение, но лукавство его, совокупясь с моею щедростью, преклонили меня на его желание: я ему дозволил делать на себя оружие, то есть переводить волшебную мою книгу, помощью коей приключил он мне потом наилютейшие бедствия. Он бы воспользовался ею и без моего позволения, если б не заключала она заклятия на похитителей своих, что кражею своею лишат они ее всей силы.

Получивши ж дозволение переводить ее, начал он выписывать из нее все то, что могло удовольствовать корыстолюбие его и злость, ибо он чрезвычайно был скуп и зол, хотя казался чивым и кротким, и уже списал он ее более половины, как пришло мне на мысль, что он знание сие может употребить не токмо ко вреду других, но и к моему собственному, ибо я проведал, что он многие делал пакости тем, которые имели несчастье хотя мало ему досадить. Сие побудило меня книгу мою запереть, а ему выговорить суровым образом, что он доверенность моей тайны употребляет во зло. Карачун старался передо мною оправдаться и лукавством своим дошел до того, что уверил меня в мнимой своей невинности. Впрочем, книги моей не дал уже я ему более списывать, опасаясь от того худых последствий. Карачуну весьма сие досадно было, однако ж он сокрыл от меня свое огорчение. Притворство его долго бы, может статься, продолжилось, если б не случилось вскоре после того следующее обстоятельство.

Отец сего бездельника впал в некоторое важное преступление, за которое родитель мой приказал его наказать. Сколько Карачун ни старался за своего отца, однако ж не мог отвратить от него наказания, хотя оно по просьбе его и уменьшено было. Сие столько огорчило карла, что он отважился мстить моему родителю и умертвил его наилютейшим ядом. Врачи, бывшие при его кончине, объявили мне, что он отравлен. Я не знал, на кого подумать, ведая то, что все родителя моего любили, ибо он ко всем был милостив и к одним только законопреступникам являл гнев, наказывая их иногда строго. Итак, в недоумении моем прибег я к помощи моей книги, которая подтвердила мне, что родитель мой скончался от яда, но что ядотворца не может она объявить, ибо он наложил на нее молчание своим волшебством. Сие объявление подало мне сомнение на Карачуна; я приказал его тотчас к себе позвать, в намерении извлечь от него признание в том муками. Однако гнев мой уже был бесплоден, ибо не могли его нигде найти. Побег его подтвердил мое подозрение и притом заставил меня опасаться, чтобы злость его не простерлась и на меня. Тогда-то раскаивался я, но уже поздно, что подал ему на себя оружие, открыв ему мою тайну. А дабы не подвергнуть себя нечаянному от него нападению, принял я прибежище в драгоценной моей книге, которая научила меня сделать сию бесценную стрелу, которой никакое волшебство противиться не может и

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
коя владетеля своего защищает от нападения духов и людей, а притом не имеет она никакой силы в других руках, и не можно ею овладеть без моего согласия.

Таким способом сделав себя безопасным от злоумышления Карачуновых, предпринял я и книгу свою такую же оградить безопасностью, дабы опять не попалась она кому и не произвела нового мне супостата. Сия-то самая причина побудила меня построить этот замок и в нем сей кабинет, который обороняет весь сей дом и в нем живущих, как я уже вам сказывал. Вскоре потом преселился я сюда и перенес сию драгоценную книгу, которая теперь находится в сей скрыне. Переселил я также сюда часть моих придворных, которых верность испытал я наперед таким образом: приказал им объявить, что преселяюсь я для житья в пустыню и что желающие следовать за мною не могут ожидать ни чинов, ни наградений, кроме спокойной жизни, а которые не последуют мне и останутся в городе, тем определяю я вечное жалованье, вдвое больше получаемого ими, и повышаю каждого чином, в чем уверяю их моим словом. Сия хитрость, по желанию моему, имела свое действие: из десяти тысяч придворных, которые при дворе моем находились, согласилось только сто человек за мною следовать, которых вы давеча и видели. Сии честные люди верностью ко мне своею ничего не потеряли, ибо довольствуются здесь такою пищею и платьем, каких они сами пожелают, а в увеселениях также не имеют недостатка и почитают себя блаженнее сто крат богачей, живущих в мире. Напротив того, беглецы мои, хотя и получили по обещанию моему все, но недолго оным пользовались, ибо лютый Карачун, лишась способа мне вредить, но желая чем-нибудь мне отомстить, погубил их всех с прочими моими подданными, превратив их город в ужасную гору, на коей вместо деревьев растут копыя и мечи, а обитают самые наисвирепейшие змеи. Я сколько ни старался привести в прежнее состояние сих бедных людей, но только все мои старания были бесполезны.

– Ах, государь мой! – вскричал в сем месте Светлосан. – Позволь мне прервать твою речь: никак, эту самую гору и видел я во сне, о коей объявлял я тебе в пустыне, и несчастного моего зятя...

– История его мне уже известна, – перехватил речь его Видостан, – и ты об ней сей же час услышишь, не мешай только мне рассказывать. Итак, сей свирепый урод, сей лютый Карачун, недоволен будучи мщением над бедными моими подданными, предпринял стараться всеми силами и о моей гибели. Но, видя, что я от всех сторон безопасен от его ухищрений, умыслил достичь до того коварством, чего не мог совершить открытым образом.

Сделал он силою своего волшебства привидение, подобное ему во всем, которому приказал он пойти в мой замок и раздражить меня до того, чтоб я его предал смерти. Что, как он мыслил, так и совершилось: привидение поражено было мною саблею и по поражении своем сохранило вид разрубленного Карачуна, коего мнимый труп приказал я сжечь, и счел тогда себя избавленным от всех гонений его. В таком мнении пробыл я до тех пор, пока несчастье мое не уверило меня, что он еще жив.

Между тем, по прошествии двух месяцев после сожжения мнимого Карачунова тела случилось мне быть на охоте; пущенные гончие собаки в лес для поднятия из нор пугливых зверей подняли в малом расстоянии от меня большой лай, что, побудив меня и охотников моих думать, что они нашли зверя, понудило нас к ним скакать. Проехав несколько сажень, увидели мы на дереве красного цвета мартышку, на которую смотря, лаяли мои собаки. Таковой цвет на обезьяне показался мне чудным, а наипаче умножилось мое удивление, когда сей зверек начал кидать на меня печальные взоры и телодвижениями своими старался мне показать, что он требует моего покровительства. Будучи от природы жалостлив, согласился я охотно помочь обезьяне, вследствие чего приказал я собак отогнать, а ее снять с дерева. Когда ж ее сняли и принесли ко мне, то начала она взглядами и движениями своими изъяснять мне свою радость и благодарение, что меня столько тронуло, что определил я иметь ее первым моим увеселением. Получив такую хорошую добычу, не хотел я продолжать более звериной ловли и поехал в свой замок.

Приехав в оный, первое мое старание было велеть ее покормить. Сия милость удвоила веселье ее и благодарность, которые старалась она мне показать знаками; при всем том казались мне оные принужденными, и задумчивость ее, которая за ними последовала, дала мне приметить ее грусть. Я старался ее утешить, но она, прижав лапы к своему сердцу, вздыхала и, показывая на моих придворных, трепала себя по груди. Сии знаки заставили меня рассуждать, что бы такое хотела она мне ими изъяснить, и наконец, по многих размышлениях, пришло мне в голову испытать

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru помощью моей книги, не человек ли какой превращен в нее. Сия мысль столь утвердилась в моем воображении, что я тот же час предпринял ей сделать опыт. Чего ради, приведя ее в сей кабинет, взял я мою книгу и, сыскав в ней ту статью, которая поучает, какими должно словами разрушать очарование, прочел их над ее головою. Лишь только я окончил чтение, как обезьяна исчезла, а вместо ее предстал передо мною человек в подобном вашему одеянии; он бросился к моим ногам, благодаря меня наичувствительнейшими словами за подание ему прежнего вида. Сие превращение весьма меня удивило и побудило любопытствовать, кто его привел в такое уничижительное состояние. Он охотно согласился рассказать мне свою повесть и объявил, что он Вельдюзь, Полотский князь.

– Как, государь мой! – вскричал с восхищением Светлосан, прервав его речь. – Так это был мой зять?

– Он, точно, – отвечивал Видостан, – и вот что, по унесению его химерою, с ним случилось.

Приключения Вельдюзевы

Сие крылатое чудовище, – продолжал Видостан, – подхватя его, поднялося столь высоко, что он потерял из виду землю, и летело столь быстро, что скорое стремление воздуха и притом ужас захватили у него дыхание и лишили чувств. Напоследок, когда он опаматовался, то увидел себя на пространной каменистой степи, коей конца не мог он усмотреть. Сие зрелище в таковой привело его страх, что он опять упал в обморок. Наконец, пришед паки в чувство, стал он рассуждать, что ему зачать в сей крайности; сие размышление завело его в глубокую задумчивость, из которой извлекло его стенание. Он оглянулся туда, откуда оно происходило, но только не мог ничего усмотреть, что страх его еще более умножило. Между тем стенание продолжалось, к коему мало-помалу Вельдюзь привыкая, осмелился напоследок уведать его причину.

Чего ради, следуя на сей жалобный голос, пришел он к зеленому камню, на котором сидела преужасной величины ядовитая жаба. Камень, который она покрывала, трепетал под нею и, испуская стон, произносил иногда жалобы человеческим голосом. Сие чудо опять привело в ужас Полотского князя, однако ж любопытство его одержало над оным верх. Отважился он изведать сию тайну, но не знал, каким образом то учинить; сомневался он спрашивать о том у камня, думая, что он ему отвечать не может, хотя и произносил некоторые слова на персидском языке, но другой дороги к узнанию сего чуда ему не оставалось. Персидский язык он разумел, и так не трудно ему было на оном изъясниться, чего ради, приступая к нему, спросил у него, что он такое и о чем приносит жалобы.

– Я был подобный тебе человек, – отвечивал ему камень, – и жалею на несчастное мое состояние, в которое привел меня лютый волшебник со всеми моими подданными. Ежели сердце твое, – присовокупил он, – удобно к жалости, если человеколюбие природно тебе, незнакомец, так избавь несчастного владетеля от сего ужасного бремени, которое его терзает и очарование его удерживает.

– Как же я могу это сделать? – спросил его Вельдюзь, коего робость при каждом камневе слове усугублялась.

– Это нимало не мудрено, – отвечивал ему камень, – вооружись только бесстрашием и сбрось с меня ужасную сию жабу.

Просьба сия весьма поколебала смелость Вельдюзеву: боялся он отважиться на столь опасное предприятие, которое самому ему угрожало смертью. Он бы скорее покусился на, оное, ежели б имел при себе оружие, но похищение его случилось в такое время, когда он к браку, а не к сражению готовился; следственно, и вооружаться не имел причины. Долго сожаление его боролось с робостью; выискивал он разные способы погубить лягушку; иногда хватался за камни, которыми усыпана была степь, но и те отказывали ему в помощи, ибо не мог он никак отделить их от земли. Между тем камень не переставал его просить об избавлении своем словами и стенанием, что в Вельдюзю умножало сожаление и терзание совести, которая укоряла его медлением во вспомоществовании несчастному. Приходило ему на мысль, что бедная его Милослава и он сам могут подвергнуться подобному же злоключению; вообразилет ему и то, что хотя он и не подает сему несчастному помощи, однако ж не избудет смерти, которую бесплодная сия пустыня ему приуготовляет; припомнилось ему и пророчество Полелино, которое по тех пор не обещало ему с

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
невестю его благополучия, пока не спасет он столько же несчастных князей от смерти, сколько лишил жизни своим свирепством. Сии размышления начали напоследок укреплять его смелость и ласкать надеждою, что он поступком сим может несколько умиловить разгневанных на него богов.

Утвердившись в сих мыслях и призвав на помощь Чернобога, подошел он смело к жабе, дабы сорвать ее с камня. Лягушка, усмотрев его намерение, начала ужасным образом дуться и, бросая на него пламенные свои взгляды, устрашала его изблеванием на него яда, которым она вся была наполнена. Сие несколько было его поостановило, но белый его дух, приставленный к нему на добрые дела, умножая в нем сожаление, возбуждал его к бесстрашному исполнению сего предприятия. Воспаленный поощрением его, Вельдюзь бросился без страха на жабу и, схватя ее, начал тащить с камня, за который она весьма крепко держалась. Сколько употреблял полочанин силы на сорвание ее, столько она его грызла и зияла на него пламенем, дабы его отогнать. Однако же Вельдюзь, сколько ни был ею терзаем, не оставлял ее и наконец, ополчась всеми силами, сорвал ее с камня. Тогда лягушка, превратясь в превеликого слона, вскричала к нему преужасным голосом: «Ты победил, несчастный, и разрушил очарование сего персиянина и его подданных, но за то сам от повелителя моего претерпишь месть, лютейшую сто крат его наказания». Окончив сии слова, слон схватил его своим хоботом и помчался с ним весьма быстро.

Великодушный Вельдюзь хотя и обманулся в своем мнении, что, спасая другого, уменьшит свое несчастье, однако ж не каялся, что избавил государя с целым его владением от вечного стона, и соглашался охотно потерять свою жизнь за спасение многих несчастных. Едва сие он подумал, как услышал следующие слова, нисшедшие от пламенного облака: «Злоба привлекает наказание, а добрые дела награждение» – и в самое то время слон исчез, а он очутился в прекрасной долине, которая усыпана была благовонными цветами и окружена плодоносными деревьями. При виде сего приятного позорища страх его исчез и наступила радость; пал он на колени и приносил благодарность свою всем богам, а наиболее тому, который его столь чудесным образом исторгнул из челюстей смерти.

По принесении своей молитвы, сел он под дерево для отдохновения и начал наслаждаться оною плодами; вскоре после того застиг его сон, ибо солнце склонилось тогда уже к морю. Отдохновение его продолжалось спокойно до самой зари, и уже фев начал показывать блистательные свои лучи, как он почувствовал, что нечто за пазухою у него шевелится; проснувшись от того, увидел он, что это кролик, который искал у него спасения от волка, гнавшегося за ним и бывшего от них уже недалеко. Храбрый Вельдюзь, почувствовав к сему малому зверьку сожаление, встал тотчас и вознамерился его защищать, но, не имея оружия, принужден был схватить камень, который, по счастью, ему попался. Оным поразил он столь сильно хищного зверя, что растянулся тот мертв перед его ногами. В то самое время избавленный кролик превратился в прекрасную девицу, имеющую зеленые волосы, а платье лазоревого цвета.

– Я чрезвычайно много тобою одолжена, великодушный иностранец, – сказала она Полотскому князю, – и потщусь за услугу твою тебе заплатить, представя тебя моей тетке, которая недалеко отсюда живет; она волшебница и может услужить тебе при нужном случае.

– Я уже довольно заплачен, сударыня, – отвечал ей удивленный превращением ее Вельдюзь, – услужив такой прекрасной особе, какова ты, и почту себе за большое одолжение, ежели ты удостоишь мне сказать, кому я имел счастье помочь, смертной или богине, ибо по виду твоему нельзя тебя иначе сочесть, как бессмертною.

– Ты не совсем ошибся, – отвечала она, – я русалка недалеко текущего отсюда источника, а этот волк, от которого ты меня избавил, был сатир здешних лесов. Ты сам ведаешь, – продолжала она, – сколь сии животные влюбчивы. Этот урод беспокоил не токмо одну меня, но и всех моих подруг своею любовью, однако ж ни одной из нас не мог прельстить гнусною своею харею; все его презирали и ругались козлиными его прелестями. Это столько его рассердило, что он определил достать то силою, чего не мог получить по склонности. Я была из всех та несчастная, над которою вздумал он оказать свое свирепство. Завсегда искал он случая найти меня одну, что ему и удалось было сего дня, но храбрая твоя рука спасла меня от его наглости.

По сих словах нимфа начала было снова благодарить Вельдюзя, но он просил ее

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
досказать ее приключение, на что она в угодность его и согласится.

– Сего дня проснувшись, я, – продолжала нимфа, – против обыкновенного очень рано, вздумала прогуляться, пользуясь утренним воздухом, как сей мерзкий сатир, который беспрестанно меня караулил, дав мне удалиться от моего источника, напал на меня нечаянно. Я, дерзость его заплатив наперед пощечиною, предприняла от него спастись бегством; а чтоб лучше от него скрыться, приняла я на себя вид кролика и бросилась в кустарник. Но леший, приметя мою хитрость и превратясь сам в волка, погнался за мною и, конечно б, меня поймал, ежели б помощь твоя не предускорила его дерзости.

– Я очень рад, сударыня, – сказал ей Вельдюзь по окончании ее повести, – нашед случай тебе услужить, только дивлюсь, какая сила помогла мне лишиться жизни сего полубога.

– Я и сама этому дивилась, – присовокупила нимфа, – да и теперь сего не постигаю.

Потом, подумав несколько, спросила у Вельдюзя, не имеет ли он при себе какой вещи, которая силу его умножает.

– Нет, никакой, – отвечивал полочанин.

– Постой! – вскричала она, увидев на руке его перстень. – Покажи мне свою руку. Вот он-то тебе помог, – продолжала она, указывая на перстень. – Где ты его достал?

– От матери моей, – отвечивал князь.

– Он мой прежде был, – сказала нимфа, осматривая его прилежно. – Я не скажу тебе, – примолвила она, покрасневшись, – откуда я его получила, а скажу только то, что, играя в нашем источнике с моими подругами, уронила я его с руки. В самое то время пришли к нам на берег промышленники искать жемчужных раковин, кои в источнике нашем рождаются; они, видно, нашед мой перстень, продали, который, переходя из рук в руки, достался напоследок твоей матушке. Я бы от тебя стала его требовать, ежели б ты не услужил мне столь много, ибо перстень сей, кроме того, что подает чрезвычайную силу тем, которые им владеют, имеет еще и другое дарование. Обороти его к ладони своей камнем, – продолжала она.

Вельдюзь ей повиновался и в самое то время увидел перед собою крылатого коня, который его спрашивал, куда прикажет он ему себя везти.

– Никуда теперь, – отвечивала ему нимфа, прося притом Полотского князя, чтоб он опять поворотил камнем кверху, что когда было учинено, то конь паки стал невидим.

– На этой лошадке довольно я поехала, – сказала нимфа удивленному Вельдюзю, улыбаясь, – а теперь ты на ней можешь разъезжать, сколько изволишь.

Полочанин возблагодарил ее за толь важное для него уведомление, на что нимфа отозвалась, что мало бы она ему возблагодарила, если б одним только сим объявлением ограничила свою благодарность.

– Я хочу тебя познакомить с моею теткою, – присовокупила она. – Поезжай ты теперь к ней на своем крылатом коне, ибо он всюду сам дорогу знает, лишь только назначь ему, куда ехать. Я тебя стану у нее дожидаться, ибо я прежде тебя к ней поспею.

Проговоря сие, наяда исчезла, а Вельдюзь, удивлялся сему приключению, остался рассуждать, ехать ли ему к волшебнице, которая была ему совсем незнакома. Наконец, подумав, что нимфа не преминет его ей препоручить и что волшебница может ему при нужном случае помочь, вознамерился к ней ехать, чего ради оборотил свой перстень камнем к ладони, как русалка его научила, чтоб вызвать из него крылатого коня.

Конь тотчас явился и спрашивал у него, куда прикажет он себя везти.

– К тетке сей нимфы, – сказал Вельдюзь, – которой ты прежде служил и которая

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
давеча со мною разговаривала.

– Очень изрядно, – отвечал ему конь, – ты будешь там в минуту.

Вельдюзь сколько удивлялся его разговорам, столь не менее и виду, ибо цвет его шерсти подоился белизною своею снегу; стан имел он полный и статный, голову гордую и украшенную густою гривой, состоящею из золотых волос и которая перевита была голубыми лентами и по местам блистала дорогими камнями; хвост его из таких же был волос, как и грива, и украшен был подобно; крылья имел он весьма пространные, состоящие из белых, розовых и золотых перьев, весьма прекрасно расположенных; копыта были у него золотые же; а глаза его блистали так, как звезды; узда, чепрак и седло его усыпаны были крупным жемчугом и бриллиантами.

– Скажи мне о своем происхождении, – спросил его Полотский князь. – В рассуждении твоего вида и свойства и богатого убора, должно быть оно немаловажно.

– Ты не обманулся, – отвечал ему конь. – Я внук того славного коня, который родился из крови Медузиной, когда Персей отрубил красавице сей голову. Музы меня весьма возлюбили, чему позавидовав, Фортуна лишила меня их милости самым странным образом... Некогда поехала на мне Калиопа, – продолжал конь, – к некоторому славному витязю на поклон с одою, приказав мне как можно поскорее скакать, желая застать его дома. По несчастью моему, дорога к нему была очень крута и бугриста, на которой я, споткнувшись, упал и сшиб с себя музу, которая, в падении своем вывихнув себе ногу, не осмелилась поехать к своему ирою, боясь быть осмеяною там. Сие столько ее рассердило, что оду свою в тот же час она изорвала, а меня заключила на вечное жилище в этот перстень. Вот сколь опасно и малым раздражить рифмотворное животное! Сей перстень подарила она потом своему любовнику, а тот этой нимфе, которая давеча с тобою говорила. Далее истории своей я не знаю, потому что с тех самых пор, как нимфа в последний раз велела мне войти в сей перстень, не видал я света до самого этого дня и не ведал, в чьих руках я находился. Теперь я твой слуга, – продолжал он, – ибо рок мой таков, что кто этот перстень имеет, тот мною один и повелевает.

По окончании своей повести просил он Вельдюзя, чтоб он на него сел и испытал его быстроту. Полотский князь не умедлил желания его исполнить, а конь помчался быстрее всякой стрелы и принес его через несколько минут в волшебницын замок, который в красоте, по описанию Вельдюзеву, – присовокупил к тому Видостан, – малым чем моему уступает.

Волшебница и племянница ее, которая тут уже была, встретили его очень ласково и осыпали учтивостями за храбрый его поступок с сатиром. Проводя в покои, старались они угостить его всем тем, что вкус и обоняние могут изобрести наилучшего. После чего просили Вельдюзя, чтоб он объявил им, какому человеку одолжены они столь великою службою, каковую он им оказал, в чем он их тотчас и удовольствовал. По выслушании его повести изъяснили они ему свое сожаление о его несчатьях, причем волшебница обещалась ему во всем том принимать участие, что до него касаться не будет. Во исполнение чего тот же час разослала она сильфов для разведывания о судьбе его невесты, и что ежели они ее найдут, то бы принесли ее немедленно к ним в замок.

Сильфы тотчас полетели, а Вельдюзь остался благодарить Преврату за ее попечение, которое она о делах его воспринимала.

– Благодарность моя очень бы умеренна была, – сказала на то волшебница, – ежели б я ее ограничила одною сею службою. Нет, я хочу тебе услужить так, чтоб по крайней мере мог ты завсегда памятовать, что, услуга моей племяннице, а тем и мне, услужил не неблагодарным.

После того топнула она ногою, проговорила несколько слов, отчего тотчас пол в комнате раздвинулся, а из отверстия явился пред них арап, имея в руках вооружение из чистого золота, то есть броню, щит, копье, лук и колчан со стрелами. Указывая на оное, Преврата:

– Вот чем, – сказала Вельдюзю, – хочу я свидетельствовать тебе мою благодарность: это вооружение защитит тебя от поражения всякого человека, если только противник твой выше человеческой силы чего при себе иметь не будет. Это все принадлежало бедному моему мужу, которого погубил лютей волшебник, наш

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru неприятель. Этот злодей никогда б не мог одолеть моего супруга, ежели б у него не украли препоясания и меча обвороженного, которые принадлежали к сему доспеху и имели в себе сверхъестественную силу и сохраняли его от всякого волшебства. Впрочем, не совсем еще вооружение сие лишилось своей силы: кроме того, что не пронзительно, возбуждает оно великую храбрость в том, кто его на себе имеет, и притом умножает весьма силу. Итак, пожалуй, прими его от меня, – продолжала волшебница, – в знак моей к тебе благодарности и надень его теперь же на себя для предосторожности от всякого неожиданного случая.

Вельдюзь, поблагодарив ее за подарок, надел на себя вооружение, и когда они готовились описывать его в нем пригожество, то в самое то время прилетевший один из посланных сильфов привлек их на себя внимание.

По смущенному виду его заключили было они, что он Милославы не нашел, чего ради волшебница начала уже было ему и выговаривать за его неисправность, но ответ его привел их всех в такое удивление и ужас, каких они не ожидали, ибо он объявил, что Милославу сыскал было он на острове, узнав ее по тому описанию, какое ему об ней сделали, и, рассказав ей о своем посольстве, хотел было ее взять и к ним понести, как в самое то время приехал к ним в колеснице, запряженной аспидами, ужасный исполин, который, вырвав у него из рук Милославу, увез ее с собою, а он, не имея силы ей пособить, принужден был лететь назад, чтоб уведомить их о сем печальном приключении.

Когда сильф окончил свое повествование, то Вельдюзь, возбуждаемый любовью и негодованием, предпринял гнаться за сим похитителем. Волшебница старалась его уговорить, чтоб он не вдавался без размышления в опасность, и обещалась наперед разведать, кто таков сей похититель, и потом уже приобрести хотела приличные способы к освобождению Милославу. Но полочанин, горя нетерпением, не внимал ее словам и, поблагодарив ее приличным способом, пошел от нее. После чего, сев на крылатого своего коня, приказал ему гнаться за исполином, которого и нагнал он вскоре над сею ужасною горою, в которую превращены мои подданные.

Неустрасимый сей князь, увидев любезную свою Милославу у страшного сего Болота, устремился на него с копьем, думая его оным сразить, но в самый тот миг исполин зинул на него пламенем, которым обжег у него ту руку, на коей был перстень. Вельдюзь, почувствовав боль, отдернул ее к себе, отчего, повернувшись у него перстень камнем вверх, принудил крылатого коня скрыться, а всадник полетел стремглав на утыканную копьями и мечами гору.

Стенание и вопль печальной Милославы, последовавшие за его падением, представили ему смерть ужаснейшую: страшная гора готовила ему неизбежную кончину, которая бедную его невесту оставляла навек во власти у лютого Волота. Низверженный Вельдюзь почал призывать на помощь и богов и людей, но все его слова погибали в воздухе бесполезно. Уже падение его оканчивалось; свирепые змеи подняли головы и разинули свои пасти, чтоб его растерзать, уже коснулся он остриям копий и мечей, как множество сильфов, подхватив его, отнесли к волшебнице, его приятельнице, которая, увидев его, стала ему выговаривать ласковым образом за его стремление и дерзость, с каковою он отважился напасть на такового врага, коего и сама она трепещет.

Едва окончила волшебница сии слова, как ужасный гром и молния сорвали с покоя, в коем они находились, крышу, и в то самое время с превеликим вихрем слетел к ним исполин, который, обратясь к Вельдюзю, сказал ему страшным голосом: «Дерзновенный! ты осмелился отнимать у меня мою невольницу и напасть на меня посередине воздуха, но, будучи мною свержен, убоился умереть. Ты не стоишь по трусости твоей смерти, но за дерзость твою не стоишь и жизни; и за то и другое должен ты претерпеть такое состояние, которое заставит тебя ужасаться и живота, и смерти». По окончании сих речей засвистал он преужасно; тогда предстало пред него шестеро премерзких карлов, которым приказал он ободрать с него вооружение, а перстень его взял к себе. После того, прошептав нечто, взял Вельдюзя за ногу и бросил в отверстие покоя.

Устрашенный Вельдюзь, летя из покоя в рошу, коею окружен был волшебницын замок, почувствовал в себе легкость и, обратя на себя глаза, увидел, что он более не человек, но обезьяна. Сие горестное превращение столь его опечалило, что он охотно соглашался тогда потерять и жизнь свою, но животолюбие принудило его схватиться за ветви дерев, между коих он упал. По счастью его, схватился он за

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru них так удачно, что падение его они остановили. Свойство нового его состояния способствовало ему безвредно слезть с дерева на землю, на которую сошел, вдался он в превеликую печаль, но страх воспрепятствовал ему быть долго в таком месте, подле коего находился ужасный его неприятель. Побежал он оттуда, проклиная исполина и тужа о бедной своей приятельнице, коей волшебник не преминет мстить за его избавление. Напоследок, бегая около двух месяцев по лесам, добежал он до моего замка, где, напав на него, мои собаки принудили его взлезть на дерево и дожидаться моей помощи. Вот все приключения твоего зятя, – продолжал Видостан, говоря Светлосану, – а окончание им я уже тебе рассказал прежде; теперь осталось мне досказать тебе мою историю.

Окончание истории Видостановой

Несчастья Вельдюзевы тронули меня и возбудили во мне к нему любовь и сожаление. Я вознамерился ему помочь, чего ради и прибегнул к кольцу, которое ты видишь у меня на руке; я его сделал помощью моей книги; оно заключает в себе такого духа, который уведомляет меня обо всем, о чем я ни спрошу. Сей дух, будучи мною вопрошен о неприятеле твоего зятя, отвечал мне, что, хотя об нем он и ведаёт, но не смеет мне объявить. Я хотел уведать о сем от моей книги, но и она мне то же отвечивала, прибавляя к тому, что сделано на тайну сию такое заклятие, которому и сам князь духов противиться не в силах. Не мог я подумать на Карачуна, ибо привидение его, заколотое и сожженное мною, обнадеживало меня, что нет его более на свете, почему я и заключил, что это был другой какой-нибудь волшебник.

Между тем дня через три после моего приключения некто из придворных моих объявил мне, что, прохаживаясь в роще вне моего дворца, сошелся он с молодым человеком, который, выпросив у него о господине замка, просил его уведомить меня о себе и испросить дозволения пред меня предстать, объявляя притом, что в помощи моей имеет он превеликую нужду. Человеколюбие мое склонило меня тотчас согласиться на его просьбу; я приказал его привести к себе, что в тот же час и исполнено было. Как скоро он ко мне вошел, то, повалясь ко мне в ноги, просил себе моего покровительства. Я, его подняв, обнадеживал мою дружбою и просил его сказать мне, в чем ему могу услужить. На что он мне отвечивал, что историю свою желает мне рассказать наедине, чего ради, приведши его в свой кабинет, просил его вторично рассказать мне свою повесть, в чем он меня тотчас и удовольствовал.

Повествование Хитраново

Я называюсь, – говорил он мне, – Хитран; отечество мое Китай, а жизнью моею одолжен я богдыхану. Я был один сын у моего отца и был бы завсегда благополучен, ежели б не имел у себя сестры, которая всему моему несчастью причина. Не удивляйся, государь, – примолвил он, – моим словам: последствие моей повести докажет тебе, что я имею причину так говорить.

Сестра моя, – продолжал он, – именем и свойствами Леста, имела у себя многих женихов подданных и союзных нам государей, но только не хотела ни с кем из них вступить в брак. Я вопрошал ее иногда о причине ее отвращения к замужеству, на что она отвечивала мне одними только слезами. Но некогда, вздыхая, мне говорила, что она и сама любит, но не из тех кого-либо, которые к ней сватаются, а такого, который о любви ее к себе ничего не знает и, может быть, сам прельщен уже другою. Я, не зная совсем, о ком она говорила, спрашивал ее, кто он таков, и дозволяет ли его состояние вступить ей с ним в супружество. «О, я-то и причина моей горести, – отвечала она, – что не могу я ласкаться иметь его моим мужем, но что касается до его состояния, то он такого же знатного рода, как и я, и столь прекрасен, как ты». По сих словах она покраснелась и потупила глаза свои в землю. Я старался дойти мысленно до того предмета, которым сердце ее воспламенилось, но не мог ни на кого помыслить по тому описанию, какое она мне сделала.

Между тем проходил тот день, в который мысли ее, к моему несчастью, открылись. Я был влюблен в дочь первого министра моего родителя; любовь моя была до тех пор тайна, но тогда открылась она к неблагополучию нашего дома. Некогда прохаживался я с моею любовницею в саду нашего дворца; наконец, походя довольно время и устав, вошли мы в пещеру, которая разделялась на несколько покоев. В одном из оных отдыхая, начал я любовницею моей изъяснять жар моей любви: обыкновенные речи любовников, ласкающихся к своим любезным. Долго бы я пробыв в сем упражнении, если бы причинившийся стук в другом покое пещеры не пресек моих удовольствий и

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru не принудил туда пойти, дабы уведать одного причину. Немало я удивился, увидя сестру мою, лежащую там в обмороке. Не приписывая ничему, кроме болезни, сей ее припадок, стал я помогать ей и стараниями моими привел ее вскоре в прежнее чувство. Когда она опаматовалась, то, пролив наперед несколько слез, начала мне выговаривать нежным образом за приключение ей сего припадка, приписывая оный любви моей к такой особе, которая недостойна моей горячности, имея ниже моего состояние. Слова ее не инако я счел, как действием ее честолюбия и гордости, но оные были действием наипозорнейшей страсти, гнуснейшей обоих сих пороков.

Сие приключение принудило нас оставить сад и возвратиться в покои нашего дворца, куда должен был я проводить по благопристойности сестру мою. Во время нашей дороги старалась царица отвратить меня от моей обладательницы всеми силами, то опорочивая любовь мою к ней, то оуждая качества ее и поступки. Напоследок видя, что я не соглашаюсь с ее желанием, сказала мне сердитым голосом, что она не потерпит, дабы я посрамил нашу породу толь низким союзом, и тот же день откроет нашему родителю о моей любви. Сказав сие, ушла она от меня поспешно и точно в самый тот день объявила богдыхану о моей страсти. Но родитель мой, призвав меня к себе и услышав о сильной моей любви, смягчась притом моими слезами и просьбами, соизволил на мое желание, чтоб я совокупился браком с моею любезною, хотя и вознамерился было сперва женить меня на дочери некоторого союзного нам государя.

Принеся ему тысячу благодарений, вышел я от него в превеликом восхищении и побежал к моей любовнице для сообщения ей сей радостной ведомости. Препроводив с нею несколько минут в непрерывных восхищениях, вздумалось мне пойти к моей сестре, чтоб огорчить ее сею ведомостью и наказать за то, что она хотела меня разлучить с моею любезною.

Пришел к ней, объявил я ей с радостным лицом соизволение моего родителя. Вестсия столько ее поразила, что она упала без памяти. Я старался ей помочь; сестра моя, отворяя смутные свои глаза, смотрела на меня долго, проливая слезы. Потом, выслав своих служительниц из комнаты, просила меня сесть подле себя и, пожимая мою руку нежным образом, окропляла ее слезами, вздыхая притом непрестанно.

– Ах, – вскричала она напоследок, – для чего твое сердце не таково же, как и мое? Не тем ты мне, жестокий, платишь, – продолжала она, – чего достойна любовь моя к тебе! Я не пожалю пролить всей моей крови за один твой взгляд, за одно мое ласковое слово, которыми пользуется от тебя непрестанно недостойная твоя любовница. Любовь моя к тебе такова, каковою никто и ни к кому еще не воспламенялся. Постой! – продолжала она, видя мое удивление и желание прервать ее речь. – Дай мне выговорить тебе все, что чувствует моя душа. Так, ты не обманываешься, ежели усматриваешь в словах моих такую к себе любовь, каковую сестрам не позволено иметь к братьям. Я ее чувствую к тебе, и столь сильну, что ни сами боги не в силах вырвать ее из моего сердца. Она одна составляет все мое в свете блаженство, без нее и жизнь бы моя была мне несносна, и смерть мою останавливает одна только надежда получить когда-нибудь твое соответствие. Вот моя тайна, которую тебе никогда б я не открыла, ежели б сам ты не принудил меня к этому. Теперь не остается мне иного тебе сказать, как просить твоего ответа, который ты можешь учинить, вонзив в меня сей кинжал – или в сердце недостойной моей соперницы.

Сие нечаянное ее открытие привело меня в такое недоумение, от коего долго не мог я освободиться; напоследок начал я ее уговаривать, чтоб она оставила сию безумную страсть, которая, кроме стыда и бесчестия, ничего не может принести. Слова мои, которые лишили ее всей надежды, привели ее в ужасное бешенство: она начала рыдать, проклинать мою любовницу и делать все то, что свойственно в таких случаях бешеным женщинам. Напоследок, выхватив у меня кинжал, хотела пронзить себе грудь, до чего, однако ж, я ее не допустил, сколько она ни старалась намерение свое исполнить. Я угрожал ей, что позову ее служительниц и уведомяю родителя о беззаконной ее страсти, ежели она предприятия своего не оставит.

– Изрядно! – сказала она мне, бросая на меня яростные взоры. – Я его оставлю, но не для того, чтоб влачить бесполезную и горестную жизнь, терзаясь мучительнейшим пламенем к неблагоприятнейшему из людей, а чтобы пронзить оружием сим ту, которая осмелилась отнять у меня такое сердце, коего сама недостойна.

Сказав сие, кликнула своих служительниц, а меня просила удалиться. По желанию ее я вышел от нее вон, не надеясь в тогдашнем состоянии привести ее в рассудок.

На другой день пришел к ней, чтоб повторить ей мои советы, дабы она оставила беспутную свою страсть, нашел ее совсем спокойной и согласной на все мои рассмотрения. Столь скорую перемену ее чувствий нимало не вздумал я тогда подозревать, сочтя оное действием ее размышлений и страха, дабы не обесславиться таким пороком, который от всех людей в презрении находится и почитается беззаконным. Обрадовавшись счастливой сей перемене, хвалил ее, что она так разумно сделала, победив такую страсть, которая, кроме позора и бесплодного мучения, ничего ей не обещала. Потом, утвердя ее в мыслях сих наиболее, пошел я от нее весьма спокоен, не предвидя себе никаких напастей.

Вскоре после того женился я на моей любовнице. Весь наш двор радовался сему браку, ибо первый министр всеми был любим за добродетель свою и правосудие. День нашего брака торжествен был со всевозможным великолепием: все знатные бояре приглашены были к столу, который продолжался до полуночи. По окончании оного препровожден я был с молодою моею супругою в брачную комнату и оставлен на произвол любви и нежности. Какое ж было тогда мое веселие, когда я увидел себя полным обладателем той, которая любезнее мне была всего на свете! Будучи от радости вне себя, бросился я перед нею на колени, целовал стократно ее руки и клялся ей вечною верностью. Но в самом жаре моих восхищений застучались у дверей; сей стук произвел в моем сердце некое устрашительное волнение: тайный страх и прервание удовольствия, вкушаемого мною тогда, встревожили всю во мне кровь и произвели во всех моих жилах трепетание. Подошел ко дверям, спрашивал я, кто стучится; на вопрос мой ответствовано мне тихо, чтоб я отворил дверь, ибо имеют до меня крайнюю нужду, которая не терпит ни малейшего промедления. Сие еще более встревожило меня; я отпер тотчас двери и увидел вошедшую ко мне мою сестру.

– Я пришла сюда, – говорила она мне с ласковым лицом, – оказать тебе такую услугу, какую может сделать такая токмо сестра, какова я.

Потом, отведав меня к стороне, сказала мне, что она принесла такое питье, которое предохраняет жен от неверности.

– Сим напитком, – продолжала она, – хочу я услужить молодой твоей супруге, что предохранит ее от всяких соблазнов. Пускай она теперь же его выпьет, – примолвила она, вынимая из кармана сткляночку и подавая ее мне, – ибо завтра оно никакого уже действия иметь для нее не будет.

Сказав сие, начала она ласковым образом принуждать меня, чтоб я заставил мою жену выпить сей напиток, предвещая мне от того непоколебимую ее верность. Сие лестное обещание, побуждения ее и благопристойность с моей стороны, дабы не огорчить толь ласковой сестры за ее усердие ко мне, склонили меня ее просьбу исполнить, на что и жена моя согласилась.

Сестра моя, видя ее пьющую, метала на нее радостные взгляды, кои толковал я тогда усердием ее ко мне.

– Теперь я торжествую! – вскричала она потом, увидев, что жена моя все допила. – Напиток сей, конечно, сохранит ее от вечного непостоянства, ибо это столь лютый яд, что никакое лекарство не может его одолеть. А чтоб исполнить все то, – продолжала она яростно, – чем я ей должна, так вот ей мой подарок на свадьбу!

По сих словах вонзила она в грудь бедной моей супруги кинжал, который она до тех пор в сокрытии держала.

– Рвись теперь, мучитель мой! – возопила она ко мне в бешенстве. – И заплати терзанием за то мучение, которое ты мне причинил!

Представь себе, государь, – говорил мне печально незнакомец, – каково было тогда мое состояние. Я думаю, что молния, нисшедшая с небес, не привела бы меня в такое изумление и ужас, в каких тогда я находился. Наконец, гнев, преодолев все прочие движения, объял меня; я не мог в тогдашнем состоянии ему воспротивиться и поразил тем же кинжалом лютую мою сестру, которым она умертвила несчастную мою супругу.

– Уми и ты, – вскричал я ей, – беззаконница! и ступай во ад под область фурий, которых ты злобою своею превосходишь!

На стук падения пораженных и крик наш вошло к нам несколько людей, а за ними вскоре и родитель мой. Два окровавленные трупы поразили всех удивлением и страхом, а наипаче богдыхана. Я, бросившись перед ним на колени, рассказал ему все сие начальное происшествие и, будучи объят горестью и отчаянием, просил его лишить меня жизни как смертоубийцу.

– Ах! – сказал мне родитель мой, проливая слезы. – Ты неповинен, хотя и лишил жизни свою сестру; всякий брат это ж бы сделал, увидя погибающую свою супругу.

Несчастлив один твой отец, – продолжал он, – который и к беззаконным детям не может истребить вдруг горячности, вселяемой в сердца наши природою.

Приближенные бояре старались утешить как родителя моего, так и меня и приказали вынести вон тела супруги и сестры моей, дабы не умножать наших сокрушений печальным сим зрелищем. Я, препроводя императора в спальню, старался его утешить, хотя и сам не в меньшем утешении имел нужду. Вся ночь почти прошла во взаимных вздохах и стенаниях; наконец, уже на заре родитель мой успокоился сном, что и мне советовали сделать. Я бросился в постелью не столько для сна, как чтоб отдаться свободнее моей горести, которой тогда ничем не мог я преобороть.

Долго не мог я заснуть, терзаясь разными ужасными воображениями, то представляя себе плачевную смерть моей супруги, то воображая лютость моей сестры и мщение мое, учиненное ей. В сих мыслях постиг меня сон, но не для успокоения, а для лютейшего моего страдания. Приснилась мне сестра моя в таком точно виде, в каком она лежала, будучи от меня поражена: платье ее было всюду окровавлено, волосы растрепаны, на лице ее присутствовали гнев и ярость. Она влекла за волосы несчастную мою супругу, испускающую стон и вопли, и пронзала ее беспрестанно кинжалом. Я бросился к ней на помощь и хотел поразить саблею ее мучительницу, как сестра моя, поднявшись с нею на воздух:

– Нет, мучитель мой, – вскричала ко мне яростным и ужасающим голосом, – ты не отнимешь у меня моей жертвы, но сам страшишь мщения моего, варвар! Ужасная моя тень повсюду станет следовать за тобою и отомстит тебе за мое убийство.

По сих словах вонзила она в меня кинжал и стала невидима. Сей удар так меня встревожил, что я проснулся и, не опаматовавшись еще совсем, осматривался, где я ранен, но не видя никакого поражения, опомнился, что это во сне мне представилось. Однако же страх мой нимало тем не уменьшился; я трепетал и ужасался, думая, что сновидение сие грозит мне новым каким ни на есть несчастьем. Одевшись поскорее, пошел я к моему родителю и объявил ему о сей устрашительной мечте. Сон мой и его немало встревожил; он также думал, что мечтание сие заключает в себе тайность, чего ради приказал позвать к себе первосвященника, к советам коего прибежал он обыкновенно во всяких недоумительных случаях.

Хейхоам, так назывался сей первосвященник, по выслушании моего сновидения объявил причину оного неочищение мое от убийства, чего ради советовал поскорее очистить меня по законным обрядам, что в тот же день и исполнено было. Но мучение мое тем не умалилось: в наступившую ночь опять сестра моя мне явилась, кляла, терзала меня и угрожала не давать мне вечно покоя. Сей ужасный сон и другие следовавшие за ним заставили моего родителя, коему об оных объявлял я и жаловался, приносить моления и жертвы, но ничто не могло отогнать от меня привидения. Напоследок стало оно мучить меня уже и наяву, представляясь мне в ужаснейших видах. Все способы были употреблены к его отогнанию, но ничто не могло освободить меня от сего призрака. Наконец, присоветовал родителю моему Хейхоам, чтоб он отпустил меня путешествовать и объехать все славные прорицалища для истребования от оных совета, как освободиться мне от устрашающего меня сновидения.

По получении дозволения от моего родителя поехал я немедленно, и по довольном странствовании прибыл я в Дельфы, желая узнать от Аполлона мою судьбу, о коей все боговещалища темно изъяснялись. По очищении себя и по принесении жертвы вошел я во храм, ожидая ответа от Пифии, которая, вскоре пришед за мною, села на священный треножник и, наполняясь вдохновением, неистовясь и скрежеща, произнесла мне следующее прорицание:

Пришел ты, трепеща, отойдешь, ужасаясь,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
И век свой повлачишь среди всегдашних зол,
Доколе не найдешь, по Индии скитаясь,
Из крепких вечных роз сияющий престол.

Сие пророчество привело меня в недоумение: я не знал, куда ехать и где искать престола из роз, от которого прорицание обещало мне помощь; напоследок, не зная лучшего средства к освобождению от привидения, предпринял ему повиноваться и проехать всю Индию для сыскания обещанной помощи. Итак, взяв твердо сие намерение, выехал я из Дельф, принеся еще жертву Аполлону. Потом, приехав к морю, нанял я корабль, на котором пустился в море, льстясь надеждою скорого освобождения от беспрестанных моих утрашений. Мореплавание наше было несколько дней спокойно, но потом восстала преужасная буря, которая, продолжаясь более месяца, носила наш корабль по своей воле и наконец оный разбила. Тогда всякий из нас старался токмо спасти свою жизнь, как кому можно было; я схватил доску, которая, по счастью моему, мне попалась, и, держась за нее крепко, отдался на произвол волнам. Я не помню, сколько времени меня носило на море, ибо ужас, воследовавший по разбитии корабля, лишил меня всех чувств, и я опаматовался уже на берегу, на который меня выбросило.

Благодаря небо за сохранение моей жизни, пошел я оттуда, желая сыскать какое-нибудь жилище. По счастью, попалась мне вскоре деревня, в которой я отдохнув и укрепясь пищею, отправился в ближний от того места город. Пристав в оном у торгующего пряными кореньями купца, спрашивал у него, не знает ли он такого государя, у коего престол сделан из роз.

– Нет, – ответствовал он, – об эдаком я не слыхивал, хотя и путешествовал по всей Индии.

Я спрашивал о том у других, однако ж все неведением мне отзывались. Сие безызвестие лишило меня всей Надежды в искании моем, однако же предприятия своего я не оставил, льстясь напоследок сыскать то, чего искал. Долго путешествие мое продолжалось, ибо, будучи лишен кораблекрушением всего, принужден был странствовать пешком и, наконец, по многих трудностях достиг до сего замка, в котором страдание мое надеюсь окончить. Ибо я слышал, государь, – примолвил он, – от твоего придворного, что у тебя находится престол из розового яхонта, на коем вырезаны цветки, упомянутые прорицателем.

По окончании своей повести, – продолжал Видостан, – бросился он опять мне в ноги, прося меня о помощи. Я его поднял, обнадеживая мою приятню и обещая употребить все в его пользу, что только будет состоять в моей власти. Сие обещание переменяло печальный его вид в веселый; он просил меня поскорее ему помочь, ибо «ужасное привидение моей сестры, – говорил он, – завсегда лишает меня приятностей сна, а нередко и наяву меня ужасает». Я согласился охотно на его желание и в тот же час, взяв мою книгу, сыскал в ней ту статью, в коей описаны были заклинания на привидения, и, написав пристойное к его обстоятельству, отдал Хитрану, чтоб употребил оное в оборону от привидения. Хитран, поблагодарив меня, просил дозволения жить в моем замке до тех пор, пока он совершенно освободится от призрака. И я на то без всякого отрицания согласился. После чего, вышел с ним из кабинета, представил его Полотскому князю, который находился тогда в зале с моими придворными. Все его приветствовали и получили от него равномерные ласки. Он столько нам разговорами своими понравился, что сочли его все человеком самым честным и достойным всякого почтения, хотя он оказался напоследок обиталищем адской злобы и всяких беззаконий.

Остаток того дня препроводил я с моими гостями весьма весело, не предвещая себе никакого зла. На другой день Хитран, пришед ко мне, объявил, что он все исполнил по предписанию моему, дабы прогнать привидение, но нимало в том не мог успеть и еще более раздражил его на себя. Я весьма сему удивился, ибо до тех пор книга моя никогда не обманывала меня в своем действии. Сие побудило меня спросить в том изъяснения у моего кольца, в котором заключенный дух ответствовал мне нижеследующими словами, произнесенными с ужасом и смятением:

Берегись, Видостан: мечтание хоть тщетно,
Но может навлещи напасти неприметно;
Храни свою стрелу: злодей ее дрожит,
А привидение заклятий не бежит.

Сии слова привели меня в недоумение: я никак не мог доразуметься их смысла; слышал, что дух советовал мне беречься и в то же время объявлял, что мечтание

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
тщетно и может навести беды, что есть у меня злодей, что надобно хранить стрелу и что привидение от заклятий не бежит. Сие побудило меня опять спрашивать у духа об изъяснении его слов, на что отвечивал он мне следующее:

Едва мои уста бесплодно отверзаю,
Преслушаться его заклятий не дерзаю:
За речь одну навек во ад могу ниспасть.
Страшись его, страшись! Ты можешь сам пропасть.
Сей ответ привел меня в пущее недоумение и ужас; гость мой также встревожен был сим ответом, да и причину имел к тому.

– Конечно, то, – говорил он, – не сестра моя представляется мне привидением, а какая-нибудь адская фурия, испущенная на меня богами за мое смертоубийство. Я бы не стал тебя, государь, – продолжал он, – просить еще о помощи себе, слыша и о твоей опасности, ежели б дельфийское пророчество не обнадежило меня, что ты точно помочь мне можешь. Да и по ответу твоего духа видно, что этот злодей, то есть привидение, которое не боится заклятий, страшится твоей только стрелы. Итак, сколько для моей, столько же и для твоей собственной безопасности надобно это проклятое страшилище прогнать опять во ад.

– Да как же это можно сделать, – сказал я ему, – когда оно не боится заклятий?!

– Помощью твоей стрелы, – отвечивал он, – о коей дух твой тебе говорил.

Слова его показались мне в тогдашнем моем смятении довольно справедливыми. Я согласился действовать моей стрелою, против которой никакая сила устоять не могла.

Но понеже привидение являлось ему одному, то я не знал, каким образом ему помочь. Китаец просил меня вверить стрелу его рукам на одни сутки, обещая прогнать ею свое привидение, когда оно ему представится. Просьба его показалась мне справедлива: отдал я ее ему, не воображая себе никаких от того бедствий.

Но едва он принял ее от меня, как схватил меня в охапку, топнул ногою в пол, который от того расступился, и бросился со мною в сие отверстие. Во время нашего падения вскричал он ко мне страшным и сердитым голосом:

– Наконец я торжествую над тобою, гордый неприятель! Познай по действиям сим Карачуна, которого ты думал побежденным тобою, и научись наказанием своим почитать сильнейших и разумнейших тебя!

По окончании слов его очутились мы в той пещере, в коей вы меня нашли.

– Вот какое великолепное жилище тебе я приготовил, – сказал мне карло, насмехаясь, прияв свой прежний вид. – Ты в нем до тех пор будешь, пока твоя стрела возвратится к тебе опять.

Проговоря сие, дунул на меня и исчез, а я превратился в тот образ, в котором вы меня нашли, и увидел себя прикованна к стене, под стражею у остова, коего приставил ко мне Карачун и которому приказано было всех тех умерщвлять, кто ни покусится меня освободить из неволи. Вы, я чаю, заметили, – говорил Видостан своим гостям, – что остов держал мраморную дощечку: на ней было написано заклятие, удерживавшее мое очарование; оно не могло ничем разрушиться, кроме моей стрелы. Впрочем, ни оков моих, ни остова никто не мог видеть, кроме тех, кои должныствовали принести ко мне сию стрелу.

Представь себе, государь мой, – говорил индеец Светлосану, – какое было тогда мое удивление, увидя живого Карачуна и низверженного себя в бездну, из коей не имел я почти надежды выйти! Горесть и бешенство овладели моим сердцем, что дал себя обмануть моему злодею. В крайности моей не знал я, к чему прибегнуть; все способы к избавлению моему были закрыты, и не оставалось мне никакой помощи, кроме моего духа, находящегося в моем кольце. Я нажал оное, ибо сим образом вызывал я его из кольца. Дух предстал передо мною в унылом образе, ожидая моего приказанья. Я спрашивал его сердитым и с печалью смешанным голосом, для чего он допустил обмануть меня Карачуну и не предупредил об его хитрости. Дух отвечивал мне на сие следующей речью:

Несчастья сего ты сам себе причиной:

Ты легковерием обманут, не судьбиной.
Не ясно ли тебе ответ мой объявил,
Чтоб ты стрелу свою со тщанием хранил?
Злодей твой вымыслил свое повествованье,
Чтоб лучше получить успех в своем желанье.
Одна твоя стрела причиною была,
Что злость его тебя столь поздно пожрала:
Ее боялся он, ее он ужасался
И всеми силами о том одном старался.
Чтоб волей от тебя ее себе достать,
Не могли кражею сей вещь завладеть.
Не можно было мне сказать тебе то ясно,
Что посещение его к тебе опасно;
Едва я вымолвил, чтоб ты стрелу хранил,
Как он на мой язык оковы наложил.
Заклятия его я должен был бояться,
Когда ему сам ад не смеет противляться.
Теперь молчанье хранить я свободен:
Уже его обман жестокий совершен.
Он и меня б своей подверг свирепой власти.
Когда б не сохранил меня от сей напасти
Преславный книги сей волшебный творец,
Котору у тебя хотел похитить льстец.
Мой рок меня тому лишь только подвергает,
Кто сей книгу волшебной обладает.
Вовеки буду я под властью твоей,
Коль сам не подаришь кому ты книги сей,
Котора смерть твою теперь останавливает
И злобу твоего тирана притупляет.
Спокойся: скоро уж его минется власть,
Уж близится его свирепая напасть,
Злодействами его разгневанные боги
К гибели его устроили дороги.
Младый герой и князь, холодных житель стран,
Назначен сокрушать сей грозный истукан.
Тебе советую назвать себя пророком:
Ты можешь им прослыть при знании глубококом,
Которое мне судьбам угодно было дать
И коим я тебе потщуся помогать.
Пророчеством к себе ты привлечешь народы
И можешь ожидать от них себе свободы,
Которую тебе тот может возвратить,
Кто согласится сей стрелю подарить,
Котору погубив теперь, ты стал несчастен,
И над которою тиран твой ныне властен;
Но вскоре сей стрелой престанет он владеть,
Престанешь бедствие и ты сие терпеть.
Послушай лишь сего спасительна совета.
Всем, вопрошающим от уст твоих ответа.
Вели себе стрелу за оный приносить,
Какую кто тебя возможет подарить.
Стрела твоя одним сим гложет возвратиться,
И благоденствие твое восстановится.
Сии его слова ободрили унылое мое сердце и наместо ужаса и отчаяния вселили в него упование и радость. Переспрашивал я его неоднократно о всем том, о чем он мне ни говорил.

Наконец, будучи удовольствован во всем его ответами, вздумалось мне узнать, для чего он говорил все стихами, а не прозою. На сей вопрос дух мой улыбнулся и отвечал мне так:

Пока еще твоей не предан был я власти,
Начальником я был людей немалой части,
У коих завсегда стихов исполнен рот,
И для того и сам я прозван Рифмоглот.
Сей род людей почтен названьем стихотворцев,
Провозвещателем судеб, порокоборцев.
Однако я не тех начальник был умов,

Которы таинство нашли волшебных слов
Свирепство укрощать и претворять в геройство.
Раздоры прогонять и водворять спокойство.
Необходимых, свирепейших зверей
Собрать и укротить и претворить в людей.
Владычество мое над теми простиралось,
У коих разума на пядь не протягал ось,
Которы дар нашли, не думавши писать
И враками народ нещадно отягчать,
Гордиться больше всех прегнусными стихами
И похулителей их врак считать скотами,
Достойны сами чем назваться прежде всех
И заглаждать таким признанием свой грех.
С такими обходясь жужжащими сверчками,
Привык я говорить на рифмах и стопами,
В чем также мне моя и должность помогла,
Котора в пущее их бешенство влекла.
Дыхания мои их кровь воспламеняли
И мрачную их желчь с безумьем съединяли,
Негодные стихи и злобу в их позор
Являло их перо перед народный взор.
Из рук их ничего вовек не выходило,
Которо б не смешно и не поносно было.
Мне должно было их всечасно посещать
И к рассуждению их ум не допускать,
Вселять в них вздорные и злые воображенья
И возбуждать стихи марать без рассужденья.
Но наконец их род, к несчастью моему,
Распространился так к позору своему,
Что, метя в нищего, бродягу, крючкотворца,
Попал бы уж всегда ты прямо в стихотворца.
Хоть был неутомим, досужен я и дух,
Но сладить не возмог с толпой сих гнусных мух,
Название людей великих похищали.
За небрежение такое князь духов,
Другому власть отдав над шайкой сих скотов,
Подверг меня навек несчастной сей судьбине,
В которой нахожусь невольником я ныне.
Повесть его весьма меня увеселила; я расспрашивал его о других разных
обстоятельствах, на что он мне также стихами отвечивал. Таким образом утешал
он меня до самого того дня, в который вы, ко мне пришел, кончили мою неволю
возвращением моей стрелы, коею разрушил я очарование, чему меня научил мой дух.
Что же касается до происшедшего шума и стука, по изречении мною некоторых
волшебных слов, оный произошел от делания духами колесницы, в коей вы очутились
в то время, когда исчезла пещера. Вот вся моя история, о которой хотел я вас
уведомить.

* * *

Светлосан и Бориполк, по оказании своего удивления, возблагодарили его за повествование, после чего Славенский князь спросил его о своем зяте. «Ах! – вскричал индеец. – Я хотел было сие от тебя сокрыть, дабы не нанести тебе сокрушения; я уведомился от моего духа, что по несчастии моем пропал он из моего замка, и думаю, что похитил его Карачун, но, впрочем, дух мой в сем меня не уверяет, ибо и сам о том не ведает, сколько он ни проникателен; тайна сия и от него сокрыта».

Ведомость сия весьма опечалила Светлосана и разрушила его надежду, которую было сперва он возымел. Индеец старался его утешать, обещая осведомиться о его зяте в тот же день. Вследствие чего, взяв свою книгу, прочел в ней нечто, отчего восстал пресильный ветер, от коего отворились в кабинете окна. В оные влетел с превеликим шумом вихрь и, превратился в ту ж минуту в молодого крылатого человека, предстал пред Видостаном. Индеец, поблагодарив его за поспешность, приказал ему облететь весь круг земной и искать Вельдюзя, коего принести к нему в замок, ежели он его найдет. Вихрь повиновался, а Видостан, попросив гостей своих следовать за ним в столовую комнату, объявил им идучи, что посланный им есть дух, имеющий под властью своею ветры.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Стены столовой комнаты были украшены живописью, представлявшею золотое время. На одной стороне изображена была роща, украшенная плодоносными деревьями, коих плодами питались первые люди. В стороне видима была небольшая горка, усыпанная цветками и по местам украшенная виноградом. На сей горке сидела чета молодых людей разного пола, в самом цвете их молодости; положение их и лица изображены были лучше всей картины. Львы и тигры лежали у ног их, играя с ягнятами и малыми зверьками, изъясняя тем невинность первых времен. Робкие зайцы и олени мешались между слонов и медведей, не опасаясь от них ни малого себе вреда.

Другая стена изображала разные забавы тогдашнего века людей: одни играли на дудках и свирелках, другие пели, иные плясали и возбуждали друг друга к непорочному веселью, некоторые из них наслаждались плодами, а прочие по уединенным местам утопали в любовных прохладах. Малые ребята резвились также между собою и с такими зверьями, коих лютость и самых нахрабрейших устрашает ныне. Третья стена представляла конец золотого века и отшествие на небеса Астреи, а потолок украшен был изображением Олимпа.

Видостан, приведши в сию комнату своих гостей, просил их сесть за стол, на котором, кроме приборов и при них книжек, ничего не было. Светлосан и Бориполк весьма сему удивились, но пришли в большее еще удивление, когда волшебник, сев с ними за стол, просил их то кушать, что им угоднее покажется. Между тем, разогнув свою книгу и прочтя в ней нечто, кинул свою тарелку в воздух; тарелка исчезла, а перед ним явилось самое прелестнейшее кушанье. «Я не удивляюсь, – говорил индеец своим гостям, – что вам приключение сие кажется странно; я нарочно так сделал, чтоб вас удивить и показать могущество моей власти и знания. Сии книги, предложенные пред вас вместо кушанья, содержат в себе названия всего того, что вымыслила человеческая роскошь для питания людей богатых. Находятся в них и такие еще кушанья и плоды, о коих и до сих пор не знает свет и ему не будет известно. Ежели воображению вашему понравится которое из них, то стоит вам только прочесть название его и пожелать. Пожалуйте, – примолвил он, – сделайте сему опыт, выбрав такую пищу, которая вам наилучшей покажется».

Светлосан и оруженосец его, посмотрев в свои книжки и прочтя имена тех кушаний и плодов, которые им наилучшими показались, пожелали их; в тот самый миг пустые их тарелки исчезли, а вместо оных явились исполненные того, чего они желали. Прикушав одного, усмотрели они, что одно человеческое искусство не может их столь изрядно приготовить, в рассуждении их вкуса и вида. Удивление их возрастало при каждом их пожелании. В напитках также недостатка не было, и вкус их не уступал нимало нектару, питию богов. Напоследок, когда голод их и жажда совершенно удовольствовались, тогда Видостан ударил три раза об стол рукой – в тот миг оный исчез, а они очутились в садовой беседке.

Сколько дворец великолепием своим и богатством привлекал внимание, столь сад редкостью деревьев и цветков и прочими украшениями приводил в удивление зрителей. Не было в нем ни одного простого дерева: абрикосовые, семеничные, миндальные, масличные, персиковые и прочие плодоносные деревья составляли его рощи; кипарисы, лавры, мирты, пальмы, винограды составляли просеки и чащи; цветники были наполнены всякими наилучшими цветками, какие только находятся в поднебесной; истуканы, водометы, беседки и пещеры были наилучшее подражание природы и достопамятность прения ее с искусством. Одним словом, вертоград сей превосходил описанные стихотворцами Елисейские поля.

Видостан, видя удивление своих гостей, старался умножить оное, показывая им все редкости оною. В самое то время водяные органы, птицы и дриады, совокупя свои голоса, составили такое пение, какое человеческому воображению невестно. Тьма других разнообразных предметов, в коих искусство казалось превосходящим природу, приводили славян в приятное восхищение: казалось им, что они находятся в царстве Нии, в жилище блаженных теней, или в прелестном обиталище божественной Лады. И когда старались они насыщать свои взоры одною привлекавшею их редкостью, то красота других отвлекала к себе их зрение и переводила их из удивления в удивление.

Еще не могли они обозреть и сотою части удивительных украшений сего сада, когда вихрь, посланный Видостаном искать Вельдюзя, прилетел к ним, неся с собою железную бочку.

– Вот где, – сказал он индийцу, положи свою ношу на землю, – ваш Вельдюзь: он заключен в этой бочке; я ее нашел на той страшной горе, в кою превращены твои

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
подданные.

Сей неожиданный случай привел всех в удивление и ужас, кои приумножил еще голос, происшедший из бочки в следующих словах:

– Избавь поскорее меня из сей вечной темницы, великодушный Видостан! И возврати мне паки прежний мой вид, которого лишил меня лютый Карачун. Избавление мое обратится тебе самому в превеликую пользу, ибо с освобождением моим соединена врага нашего гибель. А сие тебе нетрудно: вонзи только, – продолжал голос, – волшебную твою стрелу в очарованную сию бочку, после чего увидишь такое действие, какого ты никак не ожидал.

Видостан немедля ударил стрелю своею в бочку, которая в тот же миг превратилась в железную колесницу, запряженную двумя зияющими пламенем саламандрами, кои, ухватив Видостана, бросили в оную и помчали с необычайною скоростью по воздуху.

Светлосан и Бориполк при виде ужасного сего приключения оцепенели и в самое то время увидели пред собою малорослого эфиопа (это был Карачун), одетого в пламенного цвета одежду, на коей вышиты были золотом знаки небесного круга.

– Вы освободили моего врага, – сказал он им грозным голосом, – и за то должны претерпеть вечное наказание!

Проговоря сие, хотел он ударить Светлосана дубиною, коею был вооружен, но в самое то время затрясся и, пременя свой грозный вид на ласковый, сказал учтивым образом Славенскому князю:

– Извини меня, государь, что я осмелился испытать твою храбрость. Я вижу теперь, что никакая напасть поколебать ее не может. Мое намерение было только увериться, истинна ли та слава, которая о храбрости твоей носится по всей подсолнечной; и теперь, к удовольствию моему, познаю, что она не довольно еще возвеличила твои достоинства. К великим людям имел я завсегда почтение, – присовокупил он, – и всегда старался им услуживать, а как ты заступаешь между ими первое место, так прошу мне сказать, чем могу тебе услужить. Не сомневайся, государь, хотя бы это стоило гибели всей вселенной, то и она по желанию твоему в сей же час разрушится.

Удивленный приключением сим князь не ведал, чему приписать кротость сего страшного уroda, и во время Карачунова приветствия старался проникнуть сего причину. Думал он сперва, что ласковость его заключала в себе какую ни есть кознь, но трусость, с каковою сей злодей говорил свою речь, склонила его думать, что скрывается тут какая-нибудь тайность, которая защищает его от наглостей сего волшебника. Ободрясь сими мыслями, отвечивал он Карачуну твердым голосом, что он согласится скорее потерять тьмократно жизнь свою, нежели приключить свету малейшую напасть, а ежели он хочет ему услужить, то ничем ему более удовольствия не сделает, как ежели возвратит ему его сестру, зятя и Видостана.

Во время Светлосановой речи Карачун стоял потупясь, как будто бы ужасался чего, а при именах Милославы, Вельдюзя и Видостана затрепетал пресильно и, произнеся стенание, исчез.

Славяне, избавясь вида сего страшного чудовища, ободрились и принесли благодарность свою богам за столь удивительное их избавление от предстоявшей опасности. В самое то время предстал пред них дух в образе юноши, одетого в лазуревое платье и вооруженного пламенным копьем.

– Познай теперь, – говорил он Светлосану, – сколько благочестие и праведное сердце приятны богам: никакая сила не избавила бы тебя от лютой Карачуновой, если б богобоязливость твоя и милосердие к бедным и несчастным людям не преклонили богов поборствовать по тебе. Но наипаче всех покровительствует тебя сильный Белбог, щедрый заступник милостивых и человеколюбивых людей. С младенчества неизменяемое твое усердие к добродетели склонило его защищать тебя от всех напастей. Он, видя твою опасность, послал меня к тебе на помощь; сего пламенного оружия и претящего моего взора устращась, Карачун пременял свою свирепость на робость и покорство и исчез для того, чтоб ты не принудил его, вспомоществуем мною, исполнить твое приказание. Но сие не первое тебе благодеяние от богов: они твою умножили силу и храбрость, возбудили тебя к путешествию, послали к тебе сон, которым уведомили тебя о бедствиях сестры твоей

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru и зятя; они внушили тебе мысль подарить волшебную стрелу Видостану, дабы, избавив его оною от узилища, обрел ты в нем себе помощника. Ступай теперь искать твою сестру, которую ты вскоре найдешь и освободишь из плена ее тирана, превозможешь все препятствия и победишь общего вашего врага. Но притом помни всегда, что не иначе ты сие можешь учинить, как удовлетворением правде и добродетели.

Окончав сие, дух исчез, а князь и оруженосец его пали на колени и принесли благодарение свое Белбогу и прочим божествам.

По окончании молитвы начали они советоваться, куда им ехать и где искать Милославу, ибо ни дух, ни Видостан не открыли им о ее пребывании. В сем недоумении согласились они положиться на счастье. Утвердясь на сем мнении, пошли они к Видостановым придворным, чтоб объявить им о несчастье их государя. Однако ж не сыскали из них ни одного, а вместо их нашли толикое ж число хамелеонов, которые, увидя их, старались им всячески изъяснить свою горесть. Славяне познали из сего, что это несчастные Видостановы служители, приведенные непременно Карачуном в сие жалостное состояние. Сей предмет наипаче умножил их горесть. Между тем не могли они понять, как возмог Карачун пресилить очарованный Видостанов кабинет, который защищал, по объявлению индийского государя, весь замок и жителей его от всякого неприязненного нападения. Сия причина возбудила в них любопытство пойти в кабинет и посмотреть, нет ли в нем какой перемены. Сомнение их было правильно: блестящие янтарные письма на стенах кабинета были черны, как уголь, а все вещи, находившиеся в оном, были похищены. Сие жалкое зрелище опечалило еще более славян: они подумали тогда, что приятель их погиб невозвратно. Соболезнования сии продержали их долго в сем здании; наконец, по довольном сетовании, определили они, ища Милославу и Вельдюзю, стараться помочь и Видостану, ежели еще можно будет подать ему какое вспоможение. После того пошли они искать своих коней, которые также перенесены были в Видостанов замок; оседлав оных и запасшись на дорогу съестным, дали коням своим на волю ехать туда, куда они захотят.

Чрез несколько дней путешествия своего никаким приключением не были они встревожены. Путь их продолжался по степям и лесам, коими замок Видостанов был окружен. Напоследок в один день застигла их ночь в густом миртовнике, посередине коего был небольшой лужок. Светлосан и Бориполк, слезши со своих коней и расседлав оных, пустили их на луг, а сами, поужинав и помолясь богам – своим покровителям и защитникам тех мест, отдались в объятия Морфеевы для получения сил к дальнейшему путешествию.

При окончании первой стражи сон их был прерван печальным и ужасающим пением. Славяне встали и, осматриваясь во все стороны, дабы увидеть, откуда оное происходило, усмотрели они сквозь деревья сияние многих пламенников. Странное сие приключение возбудило в них любопытство узнать оного причину. Взяв свое оружие, пошли они к тому месту, откуда происходил свет; подошед к оному, увидели они торжественное шествие жрецов и нескольких последователей за ними; в руках у всех у них были свечи и пламенники. Посередине сей толпы шел человек в белом одеянии и в венке из цветков; руки у него были загнуты назад и связаны. Печальный его вид и воздыхания и прочие признаки показывали его осужденным на жертвоприношение, что и неложно было. За жертвою несли препоясание и меч, украшенные золотом и дорогими камнями, потом веден был конь, на коем лежало варяжское платье и оружие.

Светлосан и оруженосец его, дивясь странному сему позорищу и желая узнать его окончание, шли за ним до того времени, пока шествие остановилось при некоторой пещере, в коей, по освещении ее, увидели они великолепную гробницу, а на оной истукан, представлявший молодого индийца. Перед гробницею стоял украшенный цветками жертвенник. Жрецы, вошед в пещеру и положи на жертвенник дрова, развели огонь, окурили истукан благовониями, окропили пещеру и предстоявших священной водою, поя между тем гимны в честь богам. Потом первосвященник, взяв осужденного на жертву, привел к жертвеннику и, постановя пред оным на колени, прочел над ним молитвы, окропил его чистительною водою и, окурив благоуханием, вознес жертвенный нож, чтоб им пронзить его. Тогда Светлосан, исполнен будучи человеколюбия и желания спасти сего неповинного, бросился к жрецу и вырвал у него нож.

Сие великодушное его действие привело жрецов и народ, пришедший с ними, в великое смятение: первое, потому, что они его не заметили и не ожидали от него такого нападения; второе, что они сочли сие дело ужаснейшим злочиением, чего

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru ради в превеликой ярости бросились на него все с кинжалами. Светлосан, нимало не усташась их свирепства, обнажил свой меч в сопротивление им и начал отворачивать нападения их бесчисленными ударами, причем присовокупился к нему и Бориполк. Немного стоило им труда разогнать сию кровожадную толпу, из коей перерубили и переранили они большую часть.

Оставшись победителями, первое их старание было, чтоб разрешить от уз осужденника, который, получа свободу, пал им в ноги и приносил свою благодарность наичувствительнейшими словами. По изъяснению его узнал Светлосан, что он варяг, чего ради почувствовал к нему большую приязнь, по причине соседства их земель и некоторым образом единоплеменства, спросил у него, кто он таков, и каким образом попался в руки сих свирепых людей. Варяг с охотою согласился в том его удовлетворить и начал повесть свою следующим образом.

Приключения Русовы

Я называюсь Рус, отечество мое Винетта; родитель мой приобрел себе в сем городе довольную славу, обучая молодых людей словесным наукам; наипаче всего искусен он был в истории, которая вселила в меня охоту к странствованию. Я просил дозволения у моего отца путешествовать, но он, имея во мне одного у себя сына, не хотел на то никак согласиться; однако ж желанья моего нимало тем не уменьшил. Я вознамерился уехать от него тайно, что и учинил, запасшись деньгами, кои у него похитил.

Сей краже и недозволению родителя моего на тайный мой побег приписываю я все несчастья, которые со мною потом случились. По выезде моем из Винетты пустился я наперед в Славянск, оттуда в Киево владение, потом в земли Чеха и Леха, а наконец в Грецию. В сей стране пробыл я довольное время, не более для приятности сей земли, как для научения себя словесным наукам. Нашел я в ней довольно разумных людей, однако ж не менее и глупцов, из коих один принудил меня оставить сию страну, славную семью мудрецами. Оттуда пробрался я в Вавилон и принужден был в сем городе быть мертвым, с прочими его жителями, немалое время. Сие непременно вам странно покажется, – примолвил Рус, – великодушные мои избавители, и для того расскажу вам об этом приключении, пропуская другие маловажные, дабы не наскучить вам моею повестью.

Государь сей страны называется Вараран; он, будучи человек молодой, жертвовал нередко любви. Сераль его содержал в себе более трехсот красавиц, но наипаче всех одна полоненная италианка привлекла на себя его взоры и владьчествовала над ним более, нежели он над своими подданными. Она была маленькое его божество, коего прихотям жертвовал он всем, делал для нее беспрестанные пиршества, маскарады, концерты, всенародные игры и проч. Словом, не было такого увеселения, какого бы он для нее не выискал, хотя б оно стоило годовых его доходов.

Некогда сей владетель в день ее именин представил городу позорище, на коем и сам присутствовал с нею; великолепии оного привлекло множество народу отсюду. Все устремили на него свое внимание, но в самом жаре оного разрушило его ужаснейшее приключение. Вдруг появилось на небе густое облако, которое летело по горизонту с необыкновенной скоростью; поравнявшись с позорищем, начало оно спускаться на землю и, вдруг разверзнувшись, представило нашим глазам самого гнусного карла, одетого в великолепную и странную одежду. Пока сие явление, объяв всех умы, привлекало на себя народные взоры, в то время карло, принесен будучи облаком к тому месту, где сидел Вараран со своею любовницею, схватя ее, поднялся с нею на воздух, произнеся многие ругательства и насмешки персидскому государю. Язвительные его слова и похищение любовницы, утушив страх и удивление в Вараране, возбудили в нем великий гнев; схватив у одного из стражей копье, поразил он им карла в лядвию, чему последуя, придворные и народ начали в него бросать веем тем, что кто имел в руках. Сие нападение столь разъярило воздушного путника, что он обратил нас всех в камни, а город со всем уездом в степь, сказав притом, что до тех пор не отделимся мы от земли и не получим прежнего вида, пока не снимет кто с Варарана, обращенного также в зеленый камень, голыми руками ядовитой жабы, родившейся от плевка, изверженного сим гнусным волшебником на персидского владетеля.

– Но сего вы вечно не дождетесь, – примолвил карло, – ибо сего не может учинить одна человеческая сила.

Да и действительно остались бы мы навек в сем горестном состоянии, ежели б не

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru послали боги к нам избавителя, которому сие стоило, я чаю, жизни, ибо когда он сорвал с Варарана жабу, то она, превратясь в великого слона, унесла его тотчас у нас из вида. Вараран и подданные его, получа прежний свой образ, принесли общую благодарность богам, а избавителю своему в честь воздвигли золотое изваяние, ибо ничем другим, кроме сего, не могли они засвидетельствовать ему своей благодарности.

– Ах! – вскричал при сих словах Светлосан. – Это был несчастный мой зять, который, возвратив вам жизнь, лишился, может быть, своей от лютого Карачуна!

Сие восклицание вселило в Руса любопытство; он просил Славенского князя рассказать ему о себе, кто он таков. Светлосан, уведомив его о том в коротких словах, просил его доканчивать свою повесть, на что Рус, с охотою согласись, продолжал ее следующим порядком.

Получив таки жизнь, старался я поскорее выехать из Персии, опасаясь вторичного превращения. Слыша много похвального об Индии, поехал я в нее, желая узнать о стране сей обстоятельно. Объезжая многие места, достойные любопытства, наехал я наконец на такое, которое паки лишило бы меня жизни. Некогда в весьма жаркий день, проезжая лавровую рощу, захотелось мне под тенью ее отдохнуть, чего ради, привязав моего коня к дереву, лег сам на траву и, отдыхая на ней, нечаянно заснул. В самом почти начале моего сна пробудился я от рева и треска ветвей; проснувшись, увидел я, что преужасной величины барс нападал на моего коня, который от него всеми силами отбивался. Желая помочь ему и себя спасти от опасности, схватил я копье и поразил им хищного зверя, коего удвоившаяся тем ярость обратилась на меня. Сколько храбрость и досужество мое ни употреблял я себе в помощь, однако ж не возмог себя защитить от всех его нападений и напоследок непременно стал бы его жертвой, если б не помог мне Аевсил, славный страны той волшебник, который случился тогда на ловле подле самого того места. Барс был тотчас убит, а я отнесен в его замок для излечения от ран.

Искусством его был я в тот же день от оных освобожден и хотел было от него поехать, принеши наперед мою благодарность за вспоможение его; однако ж был им удержан. Вид мой и образ моих изъяснений столько ему понравились, что захотел он меня иметь при себе вечно и разделять со мною все выгоды своего состояния, а я, видя его к себе приязнь и любя его также, согласился на то охотно. Напоследок, познакомившись более и сделавшись тесными приятелями, не стали мы скрывать друг от друга ничего: я ему рассказал мои приключения, а он мне свои, кои состояли в следующем.

Природою был он армянин и сын богатого купца; искусству волхвования научился он от своей бабки, которая была родом из Египта. Оставшись после отца своего весьма молод, получил он богатое наследство и употребил его на обучение себя каббалистике, для которой странствовал он по всем частям света и достал себе помощью ее преудивительные вещи, из коих препоясание и меч, которые вы здесь видите, были всего важнее. Прибыв в Индию и проезжая теми местами, в которых напоследок построил себе замок, влюбился он по случаю в нимфу, увидав ее спящую подле источника, мимо коего проезжал. Приятный его вид и ласки, к чему, может быть, наиболее послужило его искусство, склонили ее скоро на его желание, с таким притом условием, чтоб он женился на ней и остался жить в той стране, ибо она ее оставить не хотела. Левсил на все с радостью согласился: женился на ней и построил великолепный замок поблизости от того места, где обитала прежде нимфа.

По любви их и согласию надлежало жизни их продлиться ввек благополучною: любили они друг друга, как любовники, искренни были, как друзья, и верны, как супруги. Левсил открыл ей все свои таинства и сделал ее столько ж искусною в чернокнижии, сколько был и сам. Согласие их и любовь можно б было поставить примером, ежели б они жили в нынешние веки, а в древние времена оных довольно было. Жизнь свою проводжали они в непрерывных весельях и забавах, всякая малость делала им удовольствие; одним словом, век бы их пролетел, как одна минута, если б ненависть и злоба лютого волшебника не дала им почувствовать горестей сего мира. Волшебник сей был Карачун, и самый тот, который превратил Варарана и всех его подданных в камни. Он был весьма влюбчив и корыстолюбив: всех прекрасных женщин похищал он в свой сераль, а дорогие и редкие вещи собирал отовсюду в свои сокровищницы. Об этом известился я от Левсила, ибо он по причине с ним ссоры и также по искусству своему знал о нем обстоятельно, а ненависть его навлек он на себя от следующего приключения.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Построив свой замок и желая великолепно торжествовать свой брак с нимфой, позвал Левсил на оный всех знаемых ему волшебников, которые одарили новобрачных редкими и важными вещами по их науке. Свадьба их торжествована была великолепно и весело; уже сопившиеся вином, запели песню в честь новобрачных и, утопая в веселии, ни о чем ином не помышляли, кроме роскоши, как вдруг огненный клуб, провождаемый громом и молниями, влетев к ним в комнату, пресек их восхищения и обратил на себя взоры всех.

Это был Карачун; сделавшись из огня человеком, подошел он к Левсилу и сказал ему с надменным и насмешливым видом:

– Я очень сожалею, что ты сочел меня ниже всех и не удостоил меня иметь своим гостем; однако ж, я чаю, ты ведаешь, что знание мое и власть могут поколебать вселенную и с самым твоим замком.

– Милостивый государь! – перехватил речь его Левсил. – Это не от презрения произошло, а оттого, что я, не имея чести быть тебе знаком, не осмелился тебя просьбою моею трудить, не надеясь притом, чтоб ты удостоил меня своим посещением.

– Извинение не худо вздумано, – вскричал Карачун, – однако уже поздно да и несправедливо, потому что я и незванный сюда приехал, дабы доказать тебе, что я не горд и не сердит.

Левсил, вспомоществуемый прочими волшебниками, старался всячески пред ним извиниться и напоследок, казалось, умягчил его совершенно, как то изъяснял тогда Карачун притворным своим видом.

Левсил посадил его в первое место, а прочие гости сели по своим. Веселье опять повсюду разлилось, и всяк думал об одном вине и пировании. Карачун также показывался следующим общему желанию, однако ж непрестанно задумывался, почасту взглядывая на нимфу. Прочие, быв отягощены вином, сего не примечали, но Левсил, будучи трезв и приемля в том больше всех участия, не пропускал ни одного его взора, коих частые и страстные обороты уверили его вскоре, что он имеет себе в нем соперника. Чего ради получив на него подозрение, предпринял его остерегаться, опасаясь от него себе нападения. Однако ж Карачун, сколько ни был дерзостен, не отважился ничего тогда предпринять при собрании волшебников, коих совокупная сила превышала его могущество. Чего ради, по окончании стола, поблагодаря с притворною ласкою Левсил а, поднялся на воздух и исчез от всех в минуту.

Левсил, оставшись один со своими гостями, изъяснил им свои подозрения на Карачуна и просил их всех помочь себе в таком опасном для него обстоятельстве. Волшебники, будучи им угощены, охотно согласились на его просьбу и сделали между собою совет, каким образом отвратить от новых супругов нападения Карачуновы. По довольном их о том рассуждении, придумали наконец сделать такое ожерелье для Левсильной жены, что когда она будет иметь его на себе, то всяк, кто бы к ней ни прикоснулся, ожжется от нее так, как от раскаленного железа. А чтоб и муж ее не претерпел того ж, прикасался к ней, то положили сделать ему золотую цепь, на которую повесить из такового ж металла талисман, на коем начертанные волшебные слова учинят прикосновение его к нимфе невредным.

Выдумка сия весьма показалась новобрачным; они просили волхвов исполнить ее поскорее самим делом, что они и учинили совокупными силами в тот же час и вооружили ими молодых супругов. После чего, по учинении с обеих сторон учтивостей, расстались. Волшебники разъехались по своим жилищам, а новобрачные удалились в объятия любви и сна.

Карачун, заразившись любовью к нимфе, предпринял ее похитить, вследствие чего, вооружившись всеми своими силами, и полетел к ним под вечер, уповая их всплощить и найти неспособными к обороне. Вид принял он на себя семиглавой гидры, дабы страшнее показаться, и в сем образе примчался в Левсильн замок.

Молодые супруги находились тогда в саду, наслаждался приятностью воздуха, а более своими нежностями. Малорослый чародей, увидя их в сем расположении, воскипел сильнейшею завистью и бросился на нимфу, дабы ее похитить из рук нежного ее супруга. Но лишь только прикоснулся к ней, то взревел, как леший, будучи уязвлен пламенем, происшедшим от волшебного ожерелья, которое на ней было. В ярости своей хотел было он растерзать Левсила, думая, что он сему был

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
причиною, но армянин, имея на себе волшебное препоясание и меч, коих силе ничто не могло противиться, поразил его сим оружием и отсек ему одну голову, что так взбесило Карачуна, что, бросясь всем своим телом на Левсила, хотел его разорвать в куски, но, получа еще себе удар, который лишил его другой головы, принужден был ярость свою удержать и прибегнуть к отступлению. Чего ради, приняв прежний вид и вспомоществуем будучи злыми духами, поднялся на воздух, крича притом Левсилу:

– Ты победил теперь, бездельник! Однако ж недолго станешь гордиться своим злодейством: праведная моя месть вскоре тебя накажет и уверит тебя, что Карачун больше имеет силы армянина!

Левсил, будучи ободрен своею победою, смеялся его угрозам, однако ж положил с тех пор завсегда ходить в сем спасительном препоясании и иметь при себе меч, а супруге своей советовал носить также завсегда ожерелье. На ночь заграждал он свою спальню волшебными словами, коим научили его волхвы, а днем защищал его меч; и так от всех сторон находился он безопасен от Карачуна. Но от чего не можно ему было ожидать несчастья, от того оно ему приключилось – то есть от меня, от наилучшего его приятеля. Сим именем могу я величаться, ибо подлинно был я ему искренний друг и причинил ему бедствие не с умысла, но будучи обманут кознями лютого Карачуна.

Вскоре после победы моего друга над сим чародеем приехал я в Индию и вошел в Левсиллов замок объявленным мною образом. Подружась с сим любезным человеком, не отставал я от него ни на минуту – так, как и он от меня. Все увеселения, какие можно было найти в замке, служили к нашему удовольствию; чаще всего ездили мы на охоту, кою весьма страстно любил мой приятель и которая напоследок учинилась нам бедственной, а наипаче Левсилу.

Некогда будучи на оной и гоняя довольное время зверей, разбились мы по разным местам: иной гонял из нас вепря, другой барса, а мне попался олень, какого ни я, ни кто другой отроду не видывал. Рога у него были золотые, ноги железные, на шее блистало жемчужное ожерелье, в ушах бриллиантовые серьги, а станом столь был пригож, что не всякий бы живописец мог верно положить на картину его красоту. Таковой удивительный олень всякого бы зрителя склонил к вниманию, а я такое почувствовал желание к овладению им, что поскакал за ним в ту ж минуту и положил не возвращаться прежде, пока его не поймаю или не застрелю. Мне весьма хотелось похвастаться перед Левсилом сею добычею, каковой не случилось ему никогда и видеть.

В сих мыслях проскакав за ним довольное время по долинам, горам и лесам, пригнал его напоследок к весьма крутой и каменистой горе, в коей находилось множество пещер. В одну из них вбежал гонимый мною олень, а я, надеясь способнее его в оной поймать, оставил мою лошадь и вошел за ним в пещеру. Она разделялась на многие другие вертепы, в коих, заблуждая несколько времени, увидел я наконец в недалеком от меня расстоянии свет и блистание металлов и камней. Побуждаем любопытством, пошел я туда, откуда зрение мое они поражали; чем ближе я к ним подходил, тем более они увеличивались; и напоследок, по приближении моем туда, представилась глазам моим великолепная зала, украшенная серебром, золотом и драгоценными камнями. Освещена она была многими хрустальными паникадилами, от которых сияние разливалось повсюду. Напротив дверей стоял престол из чистого золота, усыпанного бриллиантами; на нем сидела девица в белой, розами усеянной одежде. Красота ее столь была велика, что затмевала все украшения, находившиеся в пещере. Руки и ноги ее скованы были алмазными цепями, кои прикреплены были к престолу.

Сие удивительное зрелище столько меня поразило, – продолжал Рус, – что я, пришед в изумление и в некоторый род боязни, не мог ни одного выговорить слова и только что смотрел на скованную красавицу. Она первая прервала молчание.

– Ты удивляешься, Рус, – сказала она мне, – сему чудному позорищу, но еще более удивишься, когда узнаешь мою историю. Я царская дочь; в несчастное сие состояние приведена я Карачуном: он меня похитил от моего родителя и заключил в свой сераль, желая иметь меня своею любовницею. Все богатства света отдавал он в мою власть, все хотел покорить моей воле, но ничем не возмог снискать склонности моей к себе. Угрозы его также нимало не подействовали надо мною, ибо способом некоторого моего знания в каббалистике умела я отвращать все его насилие. Сие столько его огорчило, что, заключив меня в вертепе, оковал сими волшебными

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
цепями, коих ничто пресечь не может, кроме волшебного Левсилова меча, и никто другой, кроме тебя. Первому причине заклятие Карачуново, а другому мое соизволение, – продолжила она, покрасневшись. – Ты вина сей моей неволи, жестокий! Для тебя я презрела Критского царя, для тебя возгнушалась Карачуном и ввержена в сии оковы. Вспомни Лакедемон и в нем несчастную царевну Гориаду, на которую зрение твое навлекло на тебя от ревнивого моего жениха несколько ударов и принудило тебя оставить Грецию. Я самая та Гориада, прельщенная тобою: я за тебя поссорилась с Критским царем и, будучи потом похищена Карачуном, отвергла его предложение и осуждена за то в вечную неволю. Терзаясь любовью к тебе всякий час, послала я искать тебя по местам сего оленя, сотворенного моим искусством, который и привел тебя в сию пещеру. Теперь желание мое исполнилось: я вижу тебя, а о любви твоей ко мне стану судить по твоему ответу. Но знай наперед: ежели ты из оков моих меня освободишь, то Карачун тебе мстить не будет, он мне клялся в этом, заключая меня в цепи, князем духов и всеми богами. Сверх того, будешь ты обладать вечно мною, ежели только любовь моя тебе приятна; будешь царствовать со мною на престоле и поведешь спокойную и приятную жизнь в моих объятиях.

По сих словах она умолкла, ожидая моего ответа.

А я, будучи поражен прелестями ее и словами, пришел в пущее недоумение и не знал, что говорить. Сердце мое наполнилось снова к ней любовью, которую почувствовал я в Лакедемоне, а удовольствие, слыша ее к себе любовь и лестные ее обещания, помутило все мои мысли. В восторге моем бросился я пред нею на колени и, будучи вне себя, схватил ее руку и, целуя ее страстно, вскричал:

– Ах, прекрасная Гориада! Возможно ли, чтоб Рус был столько счастлив? И лъзя ли, чтоб наипрекраснейшая особа в свете удостоила толь бедного человека почтить своим взором и согласилась для него претерпевать напасти? Нет, я скорее сам тьмократно умру, нежели допущу тебя страдать еще в сем подземном жилище. Но ах, желание мое освободить тебя есть больше, нежели способы его исполнить. Меч, от коего, по словам твоим, зависит твое освобождение, в руках Левсила, моего приятеля, который, как я ему ни друг, не смеет и мне его ни на минуту поверить, опасаясь Карачуна, лютого твоего похитителя, который беспрестанно ищет случая его исплощить без волшебного сего меча.

– Как! – перехватила Гориада. – Когда я для тебя презрела царя, лишилась всех утех света, подверглась с радостью вечным оковам, ты не находишь тогда средства освободить меня от уз, отрекаешься быть моим супругом и сидеть со мною на престоле? Неблагодарный! Сего ли я от тебя ожидала? Таковой ли цены горячность моя стоит? Я бы, для освобождения твоего из подобного несчастья, предала жизнь мою всем мучениям, пожертвовала бы тебе отцом, матерью, всем моим родом и наилучшею моею приятельницею. Ты не находишь средства освободить меня, и для того только, что твой приятель обладает сим мечом, и что он тебе не вверит его, опасаясь Карачуна. Я согласна на сие, но разве нет других способов его получить? Неужели ты не находишь в себе столько досужства, чтоб похитить его тайно для спасения той, которая тебя обожает?

– Ах, государыня, – вскричал я, – могу ли я сие учинить, не подвергая себя презрению всего света, отваживая моего приятеля нападкам Карачуновым?

– Нет, – перехватила окованная красавица, – себя ты презренным не учинишь, избавляя от вечной темницы несчастную царевну, тебя любящую и впадшую для тебя в толь недостойное состояние своего сана. Жестокий!

Смотри на льющиеся мои слезы, на томление мое и трепет; вообрази лютое страдание моего сердца, пылающего к тебе неограниченную любовью! Освобождением моим не одной ты мне учинишь благодеяние – ты избавишь от горести двух несчастных родителей, которые непрестанно о мне сокрушаются и изрывают себе гроб ежечасными вздыханиями. Ежели ты пресечешь мои оковы и возвратишь меня им, то какую благодарностью не воздадут они за твое благотворение, какую похвалою не возвеличат они твое деяние! Они тебя поставят выше смертных, отдадут тебе престол свой, учинятся твоими рабами, божеством тебя своим поставят и живого почтут тебя жертвами, а я, пылающая уже и к жестокому, каким тебя почту в моем сердце, когда ты учинишься моим избавителем? Ты мне священнее Олимпа будешь, ты мне будешь...

– «Государыня! – вскричал я тогда, став ею чрезвычайно тронут. – я готов тебя избавить от сей неволи, но научи меня, как мне сие учинить. Ты ведаешь, конечно,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru – присовокупил я, – по своему искусству, что Левсил препоясание свое и меч имеет при себе непрестанно, а ночью спальню свою, в которой их хранит, заграждает волшебными словами, которых никакая сила победить не может.

– Я знаю это, – сказала мне с приятностью моя прелестница, – но неужели любовь твоя ко мне не может обрести какого средства к получению их? Левсил тебя любит; изыщи какую-нибудь хитрость, которая бы тебе вспомоществовала овладеть его мечом. Хитрость сия будет тебе простительна, и Левсилу никакой от того гибели не приключится, ибо как скоро ты меня избавишь, то я сама, вместе с моею благодарностью, потщуся возвратить ему его оружие. Любезный мой Рус, поспеши освободить страждущую твою супругу от пленения; я тебя инако уже не считаю, – примолвила она, кидая на меня страстные взоры, – как любезным моим супругом, ибо коль скоро ты меня освободишь, ту ж минуту и я, и престол отца моего тебе принадлежать будут... Что же касается способа, – продолжала она, – каким тебе достать Левсилев меч, то я тебя оному научу, ежели ты сам не хочешь принять на себя труда вымыслить его. Вот, – говорила она, подавая мне малую золотую коробочку, – сия волшебная вещь может тебе послужить в предприятии сем самым легчайшим способом. Она имеет силу, когда ее раскроют, приводить природу в расстройство, возбуждать бурю, гром, молнию, град и вихрь. Возьми ее и ступай в Левсилев замок. Когда настанет вечер, то ты, имея ее всегда у себя в кармане, раскрой ее: от сего единого действия смутится вся природа, восстанет пресильная буря с беспрестанным громом и молниею. Ты их не страшись внутренне, ибо они никакого тебе зла не приключат, но притворись пред Левсилом, будто ты сего весьма боишься; таким образом дай пройти целой ночи и следующему дню. По прошествии их и по наступлению вечера скажи Левсилу, приняв на себя испуганный вид, что ты весьма страшишься сей непогоды и не можешь ночевать в своей спальне; примолви, что ты и прошедшую ночь не спал, находясь в повсеминутном страхе от беспрестанного грома и блистания. И по сем проси Левсила, чтоб он позволил тебе ночевать в своей спальне, огражденной волшебными словами, которые сохраняют ее не токмо от насилия человеков, но от огня, железа и бурь и не допускают никого в нее войти без его позволения... Когда же он дозволит тебе в ней переночевать, то уже нетрудно будет тебе овладеть его оружием: ты можешь во время ночи его похитить и приехать сюда для моего освобождения. Ибо трудно только войти в его спальню, а выйти из нее никакого уже труда тебе не будет стоить. Вот как тебе надобно поступить, любезный мой Рус, – продолжала она говорить, кидая на меня ласковые и распаленные взоры. – Не отринь просьбы пылающей к тебе Гориады, извлеки меня из ужасной сей темницы и, возвратя моим родителям, учинись нашим царем и повелителем храбрых спартанцев.

Последовавшие за сим ласкательства ее и слезы в такое колебание привели мой дух, что я склонился бы тогда предать и Левсила, и самого себя Карачуну, лишь бы только освободить ее от уз и темницы, не токмо похитить меч у моего приятеля. Возвращая ей за ее ласки тьмою равномерных ласканий и бесчисленными коленопреклонениями, обещал ей с клятвою исполнить ее повеление. Вследствие чего, простившись с нею, и поехал от нее к Левсилеву замку, поблизости коего упражнялись в ловитве наши охотники.

Я их нашел всех собравшихся уже в одно место и между ними Левсила, заботящегося о моем отсутствии и приказывающего искать меня. Прибытие мое весьма его обрадовало; он спрашивал меня о причине отдаления моего от них, а я, желая скрыть от него настоящее приключение, принужден был ему лгать, что будто, гонясь за зверем, заплутался и насилу мог найти прежний путь. Левсил, почитая меня искренним своим другом, нимало не вздумал подозревать меня во лжи и поверил всем моим словам охотно. После чего поехали мы в замок, ибо начало уже смеркаться. А я между тем, спеша начать порученное мне от Гориады дело, раскрыл в моем кармане волшебную коробочку, и как только сие учинил, то и начал воздух колебаться и мало-помалу восставать вихрь. Вскоре показались темные облака, которые, совокупляясь между собою, покрыли над нами небо и, будучи понуждаемы ветром, начали спираться друг с другом и напоследок произвели такой сильный гром, молнию, дождь и град, каковых ни я, ни Левсил отроду не видывали. Сие принудило нас убираться поскорее в замок.

Следуя Гориадину учению, принял я на себя вид боящегося человека и движениями моими и словами старался уверить моего приятеля и Преврату, его жену, что я весьма сей бури устрашаюсь. Они старались мне доказать, что она ничего страшного в себе не имеет, и что сие естественно и не должно так устрашать разумного человека. Я и сам это ведал, но, желая умысел мой произвести в действие, не давался им на уговор и час от часу притворялся боязливейшим. Представляя таким

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
образом робющего лицо, весьма мало ел во время ужина, вскакивая и содрогаясь при всяком ударе грома. По окончании стола простился я с ним гораздо ранее обыкновенного, поставляя причину робость мою, для уменьшения которой, говорил я им, хотел зарыться в мою постелью. Они охотно склонились на мое желание и, простившись со мною, пошли в свою спальню, а я побежал в мою. Без всякого притворства провел я без сна большую часть ночи: образ моей прелестницы поминутно упражнял мои мысли; все ее слова и взгляды представлялися моему воображению; наипаче обещания ее услаждали мое честолюбие: я воображал себе, что будто уже сижу на Лакедемонском престоле и повелеваю спартанскими народами. Но высокомерию моему не довольно и сего было: я предпринял учиниться обладателем всей Греции и напоследок хотел окончить власть гордых персов. По недолгом наслаждении себя сими мнимыми победами вздумал я показать силу моего оружия индийцам. Подвергнув их моему игу, предпринял я увеличить державу мою покорением Африки. Но может ли удовольствоваться великий дух столь мелкое пространство земель! Я видел не повинующихся еще моему скипетру целую Европу и бесчисленные острова океана. Чего ради вознамерился я и их всех подвергнуть моему оружию и учиниться единоподержавным обладателем всей подсолнечной. Так заблуждаясь моими помышлениями, радовался я несказанно, воображая себе, как я стану величаться, когда все части света будут предстоять моему престолу, и с каким трепетом станут внимать все мои слова. При сем общем повиновании всей земли одни только планеты не признавали моей власти, но я бы и их, конечно, уже покорил себе, когда б немилосердый Кикимора, божество сна и ночи, не исторг у меня скипетра и не оковал тягостными своими оковами обладателя вселенной, или, лучше сказать: сон пресек глупые мои размышления.

На другой день, по пробуждении моем, одевшись, пошел я к Левсилу, который находился уже в зале, разговаривал со своею женою о чрезмерности бури, коя час от часу умножалась. Хотя он и был искусен в угадывании причин, однако ж не мог постигнуть моей тайны, готовившей ему гибель. А я, приняв на себя вид устрешенного и обеспокоенного человека, объявил им, что будто не спал всю ночь, в повсеминутном находясь страхе от молнии. Старался им выразить, как можно наилучше, боязни мои и трепетания и напоследок довел их до того, что они сами начали изыскивать средство к безопасности моей от бури и наконец, не сыскав довольного к ободрению мнимой моей робости, согласились, по просьбе моей, дозволить мне ночевать в их спальне. В благосклонности сей наипаче утвердили их мои благодарности, которые, однако ж, не из того проистекали источника, из коего мнили их они. Весь остаток того дня препроводил я с ними, притворялся непрестанно нужающимся и прося их о сдержании своего обещания.

Наконец настал вечер, и по окончании ужина пошли мы все трое в Левсилу спальню, куда приказали перенести мою постелью. Искренняя приязнь и собеседование моего друга чрезмерно терзали мою совесть; я покушался несколько раз, повергнувшись к нему в ноги, открыть ему мои умысел и отказатья совсем от моей прелестницы; но воображение о красоте ее и о спартанском престоле, совокупляясь с глупою надеждою завоевать все части света, утушали в ту ж минуту мои угрызения и утверждали меня паки в беззаконном моем предприятии. Недолго я ожидал его исполнения: приятель мой вскоре заснул со своею женою, а я, пользуясь их успокоением и темнотою ночи, похитил роковое препоясание его и меч и ушел из спальни, определяя в тот же час ехать к Гориаде, дабы удобнее от всех скрыть мое похищение.

В самом деле, нимало я и не медлил: того ж часа пошел в конюшню и оседлав моего коня, поехал я из замка, не будучи никем усмотрен, ибо сон и сильная буря, объявше замок, скрывали мой отъезд от взоров каждого. Выехав из замка, поскакал я во всю конскую прыть для освобождения от уз моей прелестницы и для восшествия моего на спартанский престол. Во время продолжения сего пути размышлял я, радуясь наперед, сколько удивлю Аевсила и Преврату, когда явлюсь им в порфире и венце, ибо я принял тогда намерение наперед воцариться, а потом уже показаться моим приятелям. Сими и подобными услаждаясь мыслями, к чему также способствовала и темнота, сбился я с дороги, ведшей меня к пещере, и принужден был проехать целую ночь, хотя напоследок и закрыл волшебную коробочку, дабы утишилась буря и воздух принял прежний свет, но со всем тем не мог сыскать горы, в коей находилась Гориада, прежде солнечного восхода.

Наконец, при помощи солнечных лучей, нашел ее, но какое было мое удивление, когда я вместо отверстия, ведшего во внутренность горы, нашел только не весьма широкую расщелину, в которой увидел картину в человеческий рост, на коей был изображен деревянный истукан, точно похожий на меня, с ослиными ушами, в

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
дурацкой шапке и с детскою побрякушкою в руках. Я остолбенел при сем виде и устрешил удивленные мои глаза на картину, на коей изображенное мое подобие окружено было малыми ребятами, представлявшими разные пороки, и точно те, которые показал я в себе при измене моему приятелю. Они все представлены были указывающими и ругающимися моему изображению, над которым начертаны были следующие слова:

Прелестник Гориадин,
Премудрый Рус,
Спартанский обладатель.
Исторгнувший у всех земных владык венец,
Завоеватель всех небесных звездных стран,
И наконец

Всем титлам сим даст толк вот эта образина.

– На подножии коей, – продолжал, воздыхая и стыдясь, Рус, – написаны были красными буквами следующие строки, соответствующие на верхние стихи:

Невольник Ладин,
Лукавый трус,
Предатель,
Льстец,
Болван,
Глупец,
Скотина.

– По сему двойственному изображению, – говорил варяг, – нетрудно мне было узнать самого себя, и то, что я был обманут и одурачен, и что это был Карачун, враг моего приятеля, который сыграл со мною сию шутку. Досада, стыд и угрызение совести привели меня в бешенство; ярость моя, понуждавшая меня к отмщению моего позора, возбудила меня первее всего пожертвовать моему гневу предметом моего посрамления. Я выхватил меч, чтоб изрубить в куски сию проклятую картину, как в самое то мгновение изображенные на ней ребята поднялись на воздух и, смеясь изо всей силы, ухали мне и кричали: «Э, брат, взял! Э! Э! А! О! У!»

А болван, представивший мое лицо, в то же самое время повалился с картины на меня и чуть было не сшиб меня с ног; между тем, пока удивление мое и ужас держали меня, как окамененна, он вскочил и погнал меня взащей своею побрякушкою, приговаривая притом:

– Не прельщай Гориады! Не воюй на планеты! Не побеждай света!

Сей одушевленный урод прибил бы меня до смерти, ежели бы не было при мне волшебного меча, коего помощь употребил я к своей обороне и тем принудил исчезнуть сие мое привидение. Сии насмешничества утвердили наиболее мои подозрения, что я обманут Карачуном под видом Гориады и что послужил ему орудием для погубления моего друга. Горесть и стыд, объявшие мое сердце, склонили бы, может быть, меня тогда покуситься на жизнь мою, ежели б опасность, в каковой я чаял тогда быть моего приятеля, не понудила меня поспешить ему на помощь. Сыскав моего коня, поскакал я к Левсильову замку изо всей силы и приехал к оному весьма скоро, но уже прибытие мое было бесполезно.

Лютый эфиоп, воспользовавшись моим отсутствием, напал на обезоруженного мною Левсила без всякого себе опасения. И уже при возвращении моем сей гнусный чародей летел из замка на ужасном аспиде, влача за собою любезного моего приятеля, окованного цепями и терзаемого множеством ястребов. Бедная его жена, окруженная служителями своими, бегала по середине замка с растрепанными волосами, имея развращенное печалью лицо, вопия и терзаясь отчаянно и призывая на помощь богов-мстителей, но все ее моления погибали втуне: свирепый карло вскоре увлек у всех из вида несчастного Левсила. Сие привело бедную Преврату вне себя: она упала на землю без памяти. Я хотел бежать к ней на помощь, но, вспомня, что я всему сему злу причина, не осмелился перед глаза ее показаться и поехал прочь от замка, терзаясь угрызениями совести и проклиная Карачуна, а наипаче себя, что причинил гибель наилучшему моему приятелю, ослепленный вредною страстью и прельстившись суетным привидением.

Будучи волнуем раскаянием, горестью и сожалением, воображая себе печальное приключение моего друга и отчаяние бедной его супруги, дал я коню моему волю и не помнил сам, куда ехал. Конечно б, не опомнился я во весь тот день, ежели бы, споткнувшись, моя лошадь не сронила меня с себя. Падение сие возвратило мне

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru память, но горесть моя пушю оттого получила надо мною силу, к чему также присовокупилась и болезнь, ибо в падении моем ушибся я весьма больно о камень. Сие понудило меня искать поскорее жилища, на которое, по счастью моему, вскоре я и наехал. Это была небольшая деревенька, в коей не мог я сыскать хорошего лекаря, который бы пользовал меня, и по сей причине принужден я был пробыть в оной весьма долгое время, потому что полученный мною при падении удар, присовокупясь к горести моей и скуке, произвел во мне весьма сильную горячку, от которой насилу в год возмог я оправиться.

Во время пребывания моего в сей деревне пришло мне некогда на мысль несчастье моего приятеля и проклятая хитрость, употребленная на то Карачуном, причем вспомнилась мне и золотая коробочка, послужившая к тому наиболее. Я было о ней совсем позабыл, однако вздумалось мне при тогдашнем случае рассмотреть ее получше, а притом же, помогая тогдашней великой моей бедности, вознамерился было я продать ее кому-нибудь из проезжавших мимо сего места купцов; и для того приказал я вынуть ее из кармана моего платья, в котором она лежала, радуясь, что по крайней мере, по лишении моего друга и по потере с ним всего моего благоденствия, осталась у меня сия драгоценная вещь. Но каким поражен я был удивлением и стыдом, когда вместо ее принесли ко мне кусок дикого камня, клянясь мне, что ничего больше, кроме сего, в карманах моих не нашли! Долго я не мог поверить ни им, ни собственным моим чувствам. Но поворачивая камень, увидел начертанные на нем письмена; с жадностью принялся я их читать и вот что, к посрамлению моему, нашел ими изображенно:

Не льстись корыстию от незаконных дел
И благодарен будь, что сам остался цел.
Сии справедливые слова поразили меня, как громом, и произвели во мне лютейшее терзание: измена моя представилась мне во всей своей гнусности, и я почитал себя наипозорнейшим из смертных, изменяя такому приятелю, каковых ныне чудом почитают. Сии сокрушительные размышления растравили весьма сильно мою болезнь, от коей начал уже было я выздоравливать, и едва не повергли меня в гроб. Но, может быть, болезнь моя и лишила бы меня жизни, если б не избавил меня от нее сильный Белбог, которому обещался я, что по выздоровлении моем употреблю все старания подать помощь Левсилу, ежели он еще жив.

Для исполнения моего обета, по выздоровлении моем, предпринял я объездить все части света, наведываясь о Карачуне и о приятеле моем. Странствование мое продолжалось более двух лет, в которые, однако ж, весьма мало достопамятного со мною приключилось. Напоследок приехал я в Агру, столицу Индии, где бытие моего тела совершенно бы исчезло, ежели б помощь ваша не исторгнула меня из рук бесчеловечных жрецов. Случай сей достоин вашего внимания, и для того расскажу я вам о нем обстоятельнее.

По прибытии моем в сей город спросил я у одного мимоидущего, где могу найти гостиницу, в которой бы я мог переночевать.

– А ты разве не здешний? – спросил меня индеец.

– Так, я иностранец, – ответил я ему.

– Изрядно! – вскричал он с восхищением. – Я тебя провожу в такую, коею ты совершенно доволен будешь.

Посем, взяв моего коня за узду, провел меня чрез несколько улиц и напоследок, остановясь пред великолепным домом.

– Вот здесь, – сказал мне, – самая наилучшая, где ты можешь не токмо одну ночь, но целый год ночевать и всем будешь доволен.

Я благодарил его наилучшим образом за сие, не ведая того, что он мне сим погибель устраивал, а не благоденствие показывал. Между тем коварный сей услужник, постучавшись у ворот, которые тотчас ему отперли, просил меня въехать на двор, на котором встретило нас несколько людей и, осведомясь обо мне, кто я таков и зачем приехал, просили меня слезть с лошади и войти в покои, обещая мне всякие удовольствия.

Я повиновался их просьбе и последовал за ними, из коих один пошел наперед, чтоб уведомить обо мне хозяина того дома. Оный был первосвященник в сем городе, что я

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru в тот же день от самого его узнал. Сей коварный святоша вышел ко мне навстречу и, приняв меня весьма ласково, просил следовать в покои. По приходе нашем в оные, старался он угостить меня наилучшим образом, а между тем выспрашивал меня обо всем, что до обстоятельств моих ни касалось. Я, будучи от природы откровенен и притом же им обласкан, рассказал ему обо всем, о чем он ни желал узнать. Ответами моими казался он быть доволен и, обласкав меня снова, начал передо мною извиняться, что он не может иметь удовольствия долее разговаривать со мною, будучи отзывает своею должностью для некоторых важных дел; того ради чтоб я отпустил ему его неучтивость и пробыл до тех пор один, пока он отправит свои дела. А я, нимало не понимая из сего, что он шел сговариваться с подобными ему бездельниками о моей гибели, воздавал ему за притворные его учтивости искренними ласканиями и, оставшись один в комнате, употребил его отсутствие на отдохновение.

Будучи утружден путешествием, лег я на софу и проспал до самой ночи. По наступлении оной, меня разбудили, прося от имени первосвященника отужинать с ним. Я тотчас встал и пошел туда, куда меня звали. Ужин был уже готов, и хозяин ожидал меня за ним с двумя жрецами, которых он, видно, нарочно пригласил. Стол был великолепен, и ни в чем не было недостатка, а наипаче в вине, которым хозяин старался всех употчевать. Напоследок, когда увидел он, что я охмелел, то, поднеся мне кубок вина, просил меня выпить его весь, обнадеживая, что я сделаю великую тем угодность, ежели его выпью. Я повиновался его просьбе и выпил оный до дна. Но как скоро я сие учинил, то и начал клонить меня сон и по прошествии немногих минут столь меня одолел, что я, не выходя из-за стола, заснул.

Я не помню ничего, что сделалось со мною во время моего сна; но когда я проснулся, то увидел себя окован – на цепях и в сем одеянии, в котором вы меня теперь видите. Я весьма сему удивился и спрашивал вокруг стоящих меня служителей, какое учинил я преступление, что сделали меня невольником из свободного человека и иностранца. На вопрос мой ответствовано мне, что сие учинено по приказу первосвященника, который сам мне объявит причину сего со мной поступка.

Вскоре пришел к нам и первосвященник в богослужительном одеянии, провождаемый многими жрецами, одетыми в подобные же одежды.

– Злодей! – сказал он, приступая ко мне. – Ты умертвил наследника нашей державы и похитил младую нашу государыню, его супругу; возврати нам их обоих – или сию же ночь окаянное твое тело поест и попалит священный огонь.

Грозный его вид и возводимое на меня беззаконие, о котором я не помышлял, привели меня почти в безумие. Целую минуту стоял я вне себя и не знал, что ему ответствовать; напоследок, вышел из смятения, спросил его, мне ли он сие говорит.

– Ты довольно знаешь, – продолжал я, – по изустному моему тебе повествованию, что я ниже когда-либо видал вашего наследника державы и его невесту, не только чтоб учинить над ними приписываемое мне злодейство.

– Нечестивый! – вскричал на то первосвященник.

– Твое извинение не оправдит тебя, когда небесный глас в том тебя изобличает. Зиан, – сказал он посем, оборотись к одному жрецу, – прочти ему описание плачевного сего приключения, воспоследовавшее на то божеское изречение и указ Великого Могола, повелевающий предавать огню всех злочестивых сюда пришельцев, которые, под видом странствования, приключают здесь вопиющие на небо злодеяния.

Жрец повиновался ему и прочел указ Моголов, в котором описано было сие приключение, воспоследовавшее на то пророчество и государское повеление сожигать чужестранцев. Содержание оно было следующее:

Индийский государь имел у себя сына, именем Селина, весьма изрядных качеств и превосходного разума. Сего юного князя вознамерился было он женить на Чердане, девице, украшенной всеми прелестями ее пола и одаренной многими добродетелями, к тому ж дочери некоторого подвластного Моголу владетеля. Уже брак сих юных супругов был совершен и торжествован; но на другой день, когда пришли их поздравить с благополучным совершением их союза, то младого князя нашли без

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru чувств лежаща, а Черданы и совсем не обрели. И сколько потом ни прилагали стараний, чтоб юного сего князя привести в прежнее состояние и возвратить ему дыхание и жизнь, а супругу его сыскать, однако ж ни в том, ни в другом не успели. Моголов сын остался бездыханен, хотя и казался сохраняющим в себе жизнь, а Чердана осталась неизвестно погибшею. Сего ради возымели прибежище свое к славному индейскому боговещалищу, чтоб испросить у него изъяснение в сем недоумительном приключении. Пророчество изрекло им следующий ответ, который, – говорил Рус, – остался у меня в памяти, как я тогда ни испужан был:

Когда вонзится в грудь иноплеменицу нож,
Алкающий огонь поест злодейски члены,
Разрушатся тогда мечты, коварства, ложь,
А бедствующих дни получают перемены;
Черданин минет плен, воспримет жизнь Селин,
Увидит мир посем, кто был творец сих вин:
Неверный то пигмей, коварный исполин.

Сие проречение, – продолжал Рус, – означало, как видно по всему, какого ни на есть волхва-иностранца, которому боги предсказывали казнь, а по ней освобождение всем бедствующим от него, но ясно сего не объявляли, конечно, по воле высочайшей их судьбы. Хитрые индейские жрецы сие поняли, но, будучи лукавы и корыстолюбивы, кто как растолковал Моголу сие проречение, дабы воспользоваться именем несчастных иностранцев. Что понеже сей причинитель смерти государева сына и хищник его супруги должен быть иностранец и волхв и что не прежде окончится очарование юного князя и возвращение Черданы, пока не истребится железом и огнем сей злотворец, тогда ради всякого приезжающего к ним иностранца предавать, по священному обряду, железу и огню пред истуканом младого князя, пока не сыщется настоящий виновник и смертью своею не возвратит наследника государству.

Прельщенный словами их, Могол согласился на сие варварство по любви к своему сыну и повелел сему нечестивому первосвященнику, который, как видно, в умысле сем был первый, чтобы всякого иностранца предавал он в сей пещере, созданной для сего нарочно, железу и огню, а имение их брал на собор жрецов, которые проклятую сию должность отправлять станут.

После, как окончил жрец сие чтение, – продолжал варяг, – то первосвященник паки начал меня увещевать, чтоб я оживил Селина и возвратил его супругу, но когда я отрекся, что никак сего учинить не могу, не будучи сему злу причастен, тогда бесчеловечный сей жрец приказал готовиться к жертвоприношению, которое определено было производить ночью, оттого что несчастье императорского дома произошло в ночное время. Шествие и обряд оногo, – говорил варяг славянам, – я чаю, вы сами видели; и я бы непременно в сию ночь погиб, ежели б боги не послали вас ко мне на помощь, великодушные мои избавители. Вот вся моя история, о которой вам угодно было от меня уведать. Теперь не остается мне иного вам сказать, как представить мой совет, чтоб оставили вы наискорее сии страшные места, ибо разгнанные вами жрецы не преминут нам мстить, объяв в городе о разбитии своем, и, конечно, собрав воинов, погонятся за нами и предадут нас всех смерти.

* * *

– Нет, – сказал ему Светлосан, – совету твоему не могу я последовать: возможно ли мне без угрызения совести оставить человеческий род в опасности, когда имею способ ему помочь? В словах твоих нашел я неоспоримое доказательство, которым легко могу разрушить заблуждение Великого Могола и вывести наружу жреческое корыстолюбие, проливающее неповинных кровь. Я намерен теперь же поехать к индийскому государю и представить ему ясно его лютость. Ежели же он, несмотря на истины, кои я ему предложу, вздумает еще и нас предать несправедливому своему осуждению, то я употреблю тогда на отмщение гостеприимства и правосудия данную мне от Чернобога силу и Левсилов меч, который прошу тебя мне вверить и оставить его у меня потуда, пока мы найдем несчастного твоего друга.

Сказав сие, приказал он Бориполку сыскать своих коней, а Русу одеться в прежнее свое платье; между тем сам скинул с себя свой меч и отдал варягу, а Левсилов препоясал на себя. Когда Рус переоделся, а Бориполк привел коней, то, не медля нимало, поехали они все трое в Агру. Во время их пути освобожденный от пламени варяг, удивлялся Светлосановой храбрости и великодушию, обещался вечно за ним последовать и принимать вкупе беды и трудности. Славенский князь со своей стороны обнадеживал его своею дружбою и обещал ему разделить с ним равномерно и счастье свое, ежели окончит благополучно свое предприятие и взойдет на престол

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru своего родителя. Обещание сие усугубило к нему преданность Русову и вселило в него великое желание прилепиться навеки к Светлосану. В сих и подобных сим уверениях проехали они большую часть дороги; и когда солнце испустило семицветные свои лучи на половину земного круга, тогда подъезжали уже они к столице индийской, из предместья коей выходила насупротив им превеликая толпа вооруженных луками и копьями людей.

Это была погоня, посланная за ними от Могола и предводимая жрецами, которых славяне разогнали. Сия толпа окружила вскоре северных жителей и хотела было употребить наглость, чтоб принудить их к сдаче, но Светлосан объявил сей дерзновенной куче, что он никого не оставит из нее жива, ежели осмелятся малое сделать им огорчение, но что своею волею поедут они сами в город и предстанут пред их государем. Индийцы немедленно согласились на его предложение и, окружа отвсюду славян, пошли за ними в Агру.

По вступлении их в сей город, народ сбегался со всех сторон, чтобы увидеть таких особ, которые вдвоем одолели и разогнали великое число людей. Наиболее всех привлекал к себе народные взоры Славенский князь: благородный его вид и величественная осанка не иначе его им представляли, как богом, начальствующим в бранях. Индийцы с первого на него взгляда почувствовали к нему великую любовь и почтение и внутренне желали иметь его своим государем. До самого Моголова дворца проводили они Светлосана, не спущая с него глаз, прося богов покровительствовать его и умягчить в пользу его Моголово сердце.

До приезда славян ко дворцу уже индийский государь предуведомлен был об их прибытии и повелел представить их пред себя. Он назывался Абубекиром; нрава был кроткого, но легковверного; разгорячался за ничто и ничем также и смягчался; впрочем, был любитель достоинства и добродетели. Когда славяне предстали пред него, тогда сей император, осматривая их одного за другим, ощутил к Светлосану подобные народным чувствования, ибо внешние сего князя качества представили ему оного витязем, и таковым, каковых он между человеками не видывал, а разве знал по описаниям бытийным. Сие удивление и любовь, которые мы чувствуем к достоинствам, пременили его гнев, которым было он сначала распалился, в приязнь к Славенскому князю и в сладостное удовольствие на него взирать. Пребыв таким образом некоторое время в рассматривании его, напоследок, пресекши молчание, сказал ему:

– Иностранец! Какое ты имел право прервать священный порядок жертвоприношения, исторгнуть от потребления жертву, коей заклинание ласкало меня оживлением моего сына и возвращением его супруги, а сверх того, уничтожая почтение к священному сану (указывая на предстоявших жрецов), разогнать дерзновенно сих богослужителей и умертвить из содружества их великое число?

Посем он умолк, ожидая ответа у Славенского князя, который, нимало не будучи смущен его вопросом, отвечал ему бодро следующей речью:

– Великий обладатель Индии! Многие случаи являют отвне совсем противный вид, нежели каковой имеют во внутренности своего существа; наше приключение сего есть рода. Но я потшуся явить его твоему правосудию таковым, каково оно есть в самой вещи. Я не имел никакой причины досадовать на сих священнослужителей и не с тем проезжал пространную твою державу, чтобы нанести тебе в особе их оскорбление; но бесчеловечное их зверство раздражило мое терпение и неволею исторгло мой меч на защиту неповинно умерщвляемого моего единоплеменника. Ты бы сам, государь, будучи на моем месте, учинил то же, ибо какое варварское сердце может спокойно смотреть на умерщвление неповинного человека и не подвигнуться на сожаление и гнев? Вот сия несчастная и непорочная жертва, которую стремилось предать пламени корыстолюбие сих святош. Не удивляйся изречению сему, государь! Чистосердечие мое докажет тебе ясно все их коварство и лицемерие, какими исторгли они у тебя соизволение на погибель неповинных, дабы утучнять себя корыстями с оных. Ты сам представь, государь, свойственно ль быть богам лютее людей? И возможно ль, не погружаясь в беззаконие, приписывать божеству такое повеление, чтоб для сискания единого беззаконника умерщвлять тьмы неповинных людей? А ежели без воли их предавать человека смерти, не имея на него ни малейшего подозрения в злодействе, и для единой токмо надежды обрести в нем, по погублении его, виновника злу, то какая уже несправедливость может превзойти адское сие правосудие? Но ты в этом неповинен, государь! Извиняет тебя в сем родительская твоя горячность к сыну и хитрослепенное жреческое коварство, скрывающееся под видом твоей пользы и облекшееся силою мнимого божеского повеления, чтоб истреблять неповинных

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru иностранцев. Всему этому виною есть сей варвар (указывая на первосвященника) и нечестивые его сообщники: их алчность к собранию имени употребила во зло неповинным человеком несчастье твоей породы, божеское проречение и твое чадолюбие. Не сомневайся в истине моих слов, государь: извет мой окажет тебе ясно, что небесное проречение иной заключает в себе смысл, нежели каковой ему дало гнусное их любоимение. По сему их адскому коварству и поносной к тебе верности и о прочих суди их поступках. Но чтобы долее не подвергать неповинных несправедному умерщвлению, и душу твою избавить от обольщения сих ненасытимых гарпий, так ведай, государь, что божеский глас избличает в умерщвлении твоего любезного сына и в похищении прекрасной его супруги гнусного чародея эфиопа, лютого и коварного Карачуна, а в яснейшее доказательство моих слов прочти заглавные буквы прореченных семи строк боговещалищем, которые изображают точно имя Карачуна.

Индийский государь сраженный истиною сих слов и проклятым коварством своего первосвященника и его сообщников, обратился к ним, чтоб истребовать от них оправдания в сем ясном на них доказательстве, но уже более не увидел из них никого. Сии злодеи, почувствовав всю опасность, какую угрожала им Светлосанова речь, ушли тайно друг за другом из дворца, дабы не подвергнуться в ту ж минуту раздраженному правосудию и чтобы предупредить оно новыми коварствами. Отбытие их открыло наиболее глаза императору и уверило его совершенно в точности их плутовства. Воспылал он гневом и повелел в ту ж минуту начальнику своей стражи забрать под караул первосвященника и сообщников его.

– Злодеи! – вскричал он. – Они не довольны были умерщвлением такого числа неповинных людей, но хотели еще, продолжая мое ослепление, пожертвовать своему неистовству и сего премудрого иностранца, без спасительного уведомления коего не престал бы я никогда облагрять моего скипетра неповинною кровью и учинять моего царствования примером наилютейшее тиранство!

По сем восклицанию обратился он к Светлосану и, благодаря ему наичувствительнейшим образом за истолкование стольких важностей, просил его объявить, кому он одолжен столь великим благодеянием. Когда ж Славенский князь объявил ему, что он родом и саном ему равен, тогда Могол в пущее пришел воспаление против злокозненных своих жрецов, описавших ему Светлосана самым злочестивейшим человеком и старавшихся его уверить, что он учинит самое богоугоднейшее дело, ежели повелит умертвить сего иностранца самым мучительнейшим образом.

– О, как несчастлив государь, – возопил он, – окруженный толикими чудовищами! Прости мне, знаменитый князь, – говорил он, обратившись к Светлосану, – варварство, к которому привели меня сии беззаконники; я потщуся его омыть пролитием всей их крови.

Так говоря, старался он оправдать себя перед Славенским князем и учтивостями, оказуемыми славянам, загладить несправедливость поступка против чужестранцев. А к совершению доказательства своей невинности и истинного раскаяния повелел сей день включить в число торжественных и праздновать его ежегодно. Между тем, желая наградить причиненную славянам досаду весельем, приказал учредить в тот день великий пир, к которому приглашены были все знатные вельможи его двора. Между тем Могол, говоря непрестанно со Светлосаном, просил его паки рассказать свою историю обстоятельнее, в рассуждении его путешествия в Индию. Славенский князь во всем его удовольствовал, объявляя ему подробно все обстоятельства своей жизни, похищение сестры своей и зятя и ужасные злодейства малорослого чародея.

Император весьма был удовлетворен его повествованием и восприимал к нему час от часу более любви и почтения. А в доказательство своей к нему приятности повелел принести богатые и великолепные дары для Светлосана и для спутников его; однако ж сей князь от них отрекся учтивым образом, представляя Абубекиру, что в рассуждении его путешествия будут они для него отяготительны. Во время препирания их о сем донесли Моголу, что первосвященник и сообщники его не повинуются его указу и, сверх того, возмущают на него народ и что уже великая оного часть приведена ими к бунтованию. Сие объявление привело императора в великую ярость на первосвященника.

– Неблагодарный и дерзновенный раб! – возопил он. – Вот как он платит мне за несчетные мои к нему щедроты! Но сие его злодейство не останется без наказания; я вскоре заставлю его раскаяться в сем беззаконии! Силостан, – продолжал он

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru говорить, обратившись к страженачальнику, – сей же час вооружи всех моих телохранителей и верных мне распутов и накажи немедленно безумную чернь, дерзнувшую на меня восстать, а неверных жрецов потщися поймать живых. Я хочу казнь их показать пример мучениям, каковым должны предаваться таковые изменники, которые дерзают восставать на своего государя.

Силостан со тщанием повиновался повелению Могола и отбыл произвести оное в действие, а индийский владетель продолжал говорить так, обратись к Светлосану:

– Ты не поверишь, любезный мой гость, коль велики были мои благодеяния к сему неверному жрецу, а коль безмерна его ко мне неблагодарность, сие ты видишь теперь сам. Он был бедный ученик и понравился мне способом своего красноречия, коим владеет он довольно в нарочитой степени. Сие побудило меня возвесть его в некоторый духовный сан и отверсти ему мои милости, которые напоследок открыли ему путь к первосвященничеству. Обманчивое его красноречие извлекало ему повседневно мои благодеяния; однако ж я и во время оных примечал в нем нередко такое сердце, в котором царствовали властолюбие и корысть. По благости моей к нему не старался я выводить следствий из сих моих примечаний, хотя иногда и доходили до меня жалобы на чрезмерную его жадность к любоимению и власть. Лукавое его красноречие всегда исторгало сего лицемера от моего правосудия. И могу сказать, что при всех его злых намерениях он бы еще и ныне пользовался моими щедротами, если бы его коварство в рассуждении иностранцев и теперешнее его бунтование не открыли мне ясно, что он злодей, стремящийся похитить, может быть, самый мой венец.

Едва успел он окончить последние сии слова, как крик поражающих и поражаемых возбудил во всех внимание и принудил обратиться туда, откуда оный происходил. Они увидели в окна, которые были на площадь, окружающую дворец, что народ в ярости гнал и побивал стражу, посланную от императора на утишение бунта. Первосвященник и сообщники его, сидя на конях, держали священные знамена и побуждали неистовящуюся чернь к кровопролитию. Сие ужасное зрелище привело Абубекира и всех его придворных в великое устрашение.

– Ну, – вскричал он, – теперь мы погибли! Лютый жрец достиг до желания своего; теперь я вижу ясно, что он предпринял похитить у меня жизнь мою и венец. Спасайся, любезный мой князь, – сказал он потом с торопливостью Светлосану. – Пускай я один погибну, а ты не должен принять участия в моем злополучии.

Проговоря сие, приказал он принести себе отраву и вооружение, чтоб употребить к своему спасению то или другое, смотря по обстоятельствам.

– Постой! – вскричал к нему тогда Светлосан. – Венценосцу не отраву надлежит оканчивать свою жизнь и не унывать в крайности так, как и не подвергать себя прельщениям в благополучии. Пребудь в чертогах сих, государь! – продолжал он ему говорить. – Мы одни сего возмущения причиною, так мы его и окончать долженствуем.

Проговоря сие, повелел он Бориполку и Русу следовать за собою.

Как пущенная стрела из лука сильною рукою летит визжа, пронзает все и не находит себе нигде в течении своем препон, так и Славенский князь, по исшествии своем из чертогов, бросясь в кучу яростной черни, пронизал всюду, как молния, пронзал все, как Перун, и по всем местам отверзал себе пространный путь. Вскоре дошел он до бунтующего первосвященника, который при виде его пламенных очей затрясся и побледнел.

– Помогите! – возопил он к народу. – Вот сей волхв, прельстивший императора и желающий воцариться над нами!

– А, бездельник! – вскричал ему Светлосан. – Я познаю твое коварство, но оно последнее в жизни твоей будет: сей же миг освободится Индия от заражающего ее чудовища и опустошающего вселенную!

Проговоря сие, бросился он на трепещущего жреца и рассек его пополам.

– Ну, индийцы! – вскричал он по сем громогласно.

– Тиран, возмущавший спокойствие ваше, уже погиб, а вы воспользуйтесь его

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru погибелью и возвратитесь к должности вашей и повиновению, которыми обязаны вы Великому Моголу. Что ж касается до меня, я не волхв, так, как видно, оболгал меня пред вами коварный сей жрец, и нимало ничем не прельщал императора, но только истолковал ему пророчество, гласящее о Селине и Чердане, и доказал ему ясно, что сей злоторец есть гнусный эфиоп Карачун, похитивший и у меня сестру и зятя. А сей коварный первосвященник обнес меня вам и искал моей смерти для того только, что я исторг из насытых его челюстей неповинных иностранцев, которых он предавал огню, а имением их бессовестно наполнял свои сокровища и делился ими с сообщниками своими. Он, увидя, что Великий Могол ясно разобрал нашу неповинность, а его коварство, ушел тайно из дворца со своими соумышленниками и, опасаясь достойного наказания, возмутил вашу против меня храбрость сим нелепым обманом, дабы тем избыть своей казни. А хочу ли я над вами царствовать, так, как он старался вас в сем уверить, то это вы теперь сами видите, ибо, поражая сего беззаконника, не себе я вас покоряю, но законному вашему государю. Впрочем же, хотя бы вы и сами пожелали воцарить меня над вами, то и тогда бы я не согласился, потому что великие боги не простым человеком на свет меня произвели, но сыном сильного владетеля над храбрыми славянами. А в доказательство истины моих слов допросите сами сих бездельников, – говорил он, указывая на жрецов, – они вам ясно объявят все свое злодейство так, как и первоначальника своего.

Во время сей речи народ внимал его спокойно и, будучи поражен его видом, храбростью и истиною его слов, весьма удобно преклонился к вероятию и бросился на жрецов, которые хотели было предаться бегству. Индийцы, поймав их всех, привязали перед Светлосаном и принуждали их признаться в их грехе, в котором обличал их Славенский князь. Устрашенные и терзаемые совестью жрецы недолго в сем колебались, но, бросившись на колени пред князем и народом, признались во всем, в чем их Светлосан ни обличал, и только просили себе единой пощады их жизни. Но народ, раздраженный их злодействами и тем, что они его преклонили к бунту против Могола, бросился на них с остервенением и растерзал их на мелкие части.

По сем кровопролитном действии возгласили индийцы:

– Да здравствует наш Великий Могол и да живет несчетные лета!

Славенский князь, обрадованный столь скорым утишением бунта, похвалил чернь, что она столь скоро вышла из заблуждения своего и обратилась к должности. Народ, со своей стороны, благодарил его, что он разрешил его ослепление и наказал причинителя всего сего смятения, причем просил униженно Светлосана, дабы он предстательствовал за него у Великого Могола, что он ему охотно и обещал, обнадеживая всех государскою милостью. Также присовокупил к сему увещание, чтобы впредь и народ остерегался от подобных сему возмущений и пребывал непоколебим в верности к своему государю.

Прельщенные храбростью и разумом его индийцы препроводили его с плесканием и похвалами до императорского дворца и остановились пред оным, ожидая себе от Могола милости или казни. Между тем Светлосан, последуемый своими спутниками и лучшими людьми из народа, пошел во дворец, на крыльце коего стоял уже Могол, дабы встретить победителя. Как скоро вошел на оное Светлосан, то и бросился в его объятия Абубекир и, проливая радостные слезы, возопил к нему:

– Непобедимый защитник мой! Чем воздам тебе за великую твою мне услугу? И какими похвалами возвеличу тебя за высокие твои подвиги? Царства моего тебе мало, ибо я не токмо его, но и жизнь мою от тебя ныне получаю. Разве назову тебя по старости лет моих сыном, но и сим не тебе, а себе учиню я славу. При столь знаменитых твоих подвигах остается мне единое сие, чтоб, соорудив тебе жертвенник, воскурить на нем фимиам, яко божеству, спасшему престол и жизнь мою.

– Государь! – отвечивал ему смиренномудро Светлосан. – Не мне приписуй славу за усмирение бунтующих твоих подданных, но богам, действовавшим моею рукою.

– О добродетельная душа! – возопил император в восхищении. – Неложно я сказал, что ты более царства моего стоишь, но ради богов, продолжи благодеяния твои ко мне и хотя из единой милости удостой меня называться твоим отцом и иметь честь оставить тебе мой престол.

При сем слове восплескал весь народ и, бросившись на колени, возопиял:

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Да здравствует наш юный Могол Светлосан и да живет к благоденствию нашему многие лета!

Услышав сие, Абубекир продолжал говорить с приятнью Славенскому князю:

– Ты слышишь глас народа – он есть глас божий; преклонися хотя бессчетными его желаниями и воцарись со мною. Я знаю, что ты великодушен и не захочешь лишить моего сына его наследия; но, может быть, судьба навеки его от меня похитила, а ежели, по счастью моему, возвратится он к жизни, то он и тем весьма доволен будет, когда ты отдашь ему половину моего царства и будешь ему вместо отца, защищая и наставляя его, как сына.

Во время сего предложения Светлосан стоял смиренно, потупив в землю свои очи, по окончании ж Абубекировой речи отвечал ему так:

– Желание твое и народа твоего, государь, делают мне более чести, нежели стоят мои дела, ибо я уже тебе объявил, что усмирение бунтующих не моею силою учинено, но промыслом Всесильных богов, и так все похвалы за сие принадлежат им, а не мне. А за доброжелания твои и твоего народа ко мне потщусь я во всю мою жизнь воздавать всех тем, чем силы мои дозволит. Но skipетра твоего себе я не желаю: хотя земля твоя великолепною всеми щедротами природы, а мое наследие отдано в жертву жестоким хладам, но оно мне приятнее всякой страны. Весьма я счастлив буду, когда научусь и оным управлять достойно. Итак, государь, оберегай великолепную сию страну любезному твоему сыну, которого боги, конечно, тебе возвратят, а премудрость твоя наставит его, как оною править.

Сие бескорыстие наипаче восхитило индийцев, которые услышав его отрицание, наиболее воспламенились желанием иметь его своим государем. Абубекир равномерные имел с народом мысли и неотступно просил Светлосана, чтоб он хотя до оживления его сына пробыл в Индии и царствовал с ним совокупно. Но Славенский князь противопологал ему на то непреодолимый свой долг, повелевавший ему искать сестру и зятя. Сими и прочими убеждениями склонил он наконец Могола согласиться на его отъезд, но чернь, будучи во всем пристрастнее и нерассуднее просвещенных умов и во всем чрезвычайна, возопияла к императору, что она откажется от повиновения ему, ежели он отпустит Славенского князя и не воцарит с собою, а Светлосана убеждала тем, что ежели он добровольно не склонится на желание народное, то приставят к нему стражу и принудят неволью над ними воцариться.

Сие обстоятельство смутило Абубекира и Светлосана: первый принужден был убеждать другого согласиться на желание индийцев, а другой уговаривать народ, который, однако ж, на все его рассмотрения был непреклонен. Сие принудило Славенского князя склониться на то притворно, не возмогши иначе от сего освободиться. Соизволение его наполнило всех радостью: все пали пред ним на землю, принося ему тьмы благодарений и воссылая за него богам неисчетные моления. Посему всяк из народа пошел в свой дом, дабы провести тот день с домашними и приятелями своими в веселье и пировании, обещая себе наперед благоденствие под властью добродетельного сего князя. Но придворному празднеству ничто не могло сравниться: подобного великолепия и веселья никто из индийцев два раза в жизни своей не видывал, ибо оное походило не на обыкновенное, но на волшебное. Все вельможи и знатное дворянство имели в нем участие. Продолжалось оно до самой почти утренней зари и кончилось для того только, что уже пирствующие не в силах были вкушать его веселья.

Во время сего пира славяне, по приказанию Светлосанову, старались во всем наблюдать умеренность, и когда, отбив, прочие гости предались сну, тогда они, переодевшись в индийское платье, которое нарочно для того заготовили, вышли вон из города, не будучи ни от кого примечены в своем намерении, но, быв пешие, недалеко бы могли они уйти, ежели бы, по счастью их, не попался им купец, торгующий конями, коих он вел в город для продажи. Славяне, купив их тотчас, пустились от столицы по проселочной дороге, дабы в случае погони не быть паки возвращенными в город.

Путешествие их несколько дней было нарочито спокойно. Они уже не весьма далеко были от персидских пределов, как остановило их путь следующее приключение. Подъезжая к пространному лесу, увидели они над оным летающего ворона, который как скоро их увидел, то и устремился к ним лететь, каркая притом непрестанно, а полетав около них некоторое время, возвратился опять на вершины леса. Путешественники несколько были сим удивлены, однако ж не остановили своего пути

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru и продолжали оный. Но как скоро поравнялись с лесом, то ворон паки к ним возвратился, каркая изо всей силы, и, летая около славян, делал такие повороты, которыми нечто старался изъяснить, и после опять полетел от них в лес. Славяне, пришед от сего в большее удивление, начали рассуждать о сем приключении, продолжая, однако ж, свой путь. Приметя сие, ворон опять к ним возвратился и уже не только летал вокруг них, но, подлетая к ним, щипал их за платье и старался всячески вразумить их, чтоб они возвратились по его следам. Светлосан понял, что скрывается тут некая тайность, и что птица желает их возвратить в лес; он сообщил о том свои мысли спутникам своим, которые охотно согласились увидеть окончание сего приключения.

Как скоро ворон понял их желание, то и полетел потихоньку пред ними; славяне последовали за ним и въехали в лес по небольшой тропинке. Недолго следовали они за ним в густоту леса, как усмотрели вдали привязанного к дереву человека. Ворон в самое то время закаркал и, обращаясь то к славянам, то к привязанному человеку, вдруг повалился с воздуха на землю, как бы такое животное, которое не имеет крыльев, и когда путешественники ожидали с падением его убоя, тогда птица, упав на землю, превратилась в зайца и тотчас от них сокрылась.

Сие приключение в большее привело их удивление; и когда они находились от сего почти в недоумении, тогда привязанный к дереву человек вскричал к ним:

– Помогите несчастному, великодушные незнакомцы!

Славяне, возбужденные его просьбою, немедленно подъехали к нему, дабы избавить его от уз. Как скоро Светлосан поближе к нему подъехал, то и узнал в нем того древлянского князя, который подарил ему золотую стрелу, принадлежащую Видостану. Он слез тотчас со своего коня и, отвязывая его, сказал ему:

– Я очень рад, любезный мой князь, что нашел случай отслужить тебе несколько за твой подарок.

Удивленный древлянин сими словами осматривал жадно Светлосана и сам познал его вскоре.

– Ах, государь! – вскричал он, будучи уже отвязан и обнимая Светлосана. – Подарок мой гораздо меньше теперешнего твоего благодеяния.

– Никак, – ответствовал другой, – он для меня очень был важен, и стрела твоя, возвратя свободу Видостану, снискала мне притом такие сведения, каких бы я никогда без нее не получил. Но прежде, нежели узнаешь ты от меня о сем, оставим поскорее сии места, которые жизни твоей были столь опасны. Бориполк, – сказал он потом своему оруженосцу, – отдай князю твоего коня, а ты можешь ехать с Русом вместе, пока попадетсся нам и для тебя купить лошадей.

Оруженосец исполнил по его приказанию, и Светлосан просил древлянина сесть на оставленного ему коня, после чего оставили они немедленно лес и пустились по той дороге, которая вела их к Персии. Во время пути Славенский князь, желая узнать о всех приключениях древлянина, просил его рассказать подробно свою историю, к чему и прочие присовокупили свои просьбы. Древлянский князь, помолчав немного и вздохнув, начал так свою повесть.

История Останова

Начало печальной моей жизни ты довольно ведаешь, государь, – сказал он Светлосану, – но сии господа, может быть, о том не знают, чего ради и начну ее с самого ее происхождения. Я называюсь Останом, – продолжал он, – и происхожу от древнего поколения древлянских князей, которых княжество находится в Червонной России между Днепром и Припятью, пространными водою реками. Я родился от последнего князя нашего рода, именем Любослава; и едва я увидел свет, как смерть моей матери, приключившаяся ей от моих родов, возвестила мне несчастную жизнь, на которую сужден я роком. Родитель мой, любя свою супругу весьма страстно, вскоре за нею последовал, препоруча меня в опеку ближнему своему боярину, от которого все несчастье моей жизни устроилось.

Обыкновенно неблагодарность неистовствует наиболее тогда, когда присовокупляется к ней любочестие и корысть. Сей вельможа, именем и нравами Презол, пользовавшийся паче всех милостями моего родителя и снискавший ласкательствами

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
своими его доверенность, употребил ее во зло, прияв по нем во власть правление княжества, и позабыл вскоре, чем он должен сыну своего благодетеля. Сияние венца ослепило его очи; он предприял не токмо лишить меня того, но даже отнять у меня и жизнь мою, чтоб безопаснее потом воспользоваться плодом своего злодейства. Вследствие адского сего предприятия начал он истреблять, под разными предлогами, приятелей нашего дома, а своих ласкателей и любимцев возвышать на их места, отдавая им всю власть в государстве. Напоследок, укрепясь таким образом на престоле, повелел меня, еще младенца бывша, отравить тайно ядом. Но кормилица моя, узнав о сем варварском намерении и будучи верна родителю моему и по смерти его, возгнушалась неслыханным сим злодейством, презирая и обещанное ей за сие великое награждение, и отнесла меня тайно к Славомыслу, Чернобогову первосвященнику, который равномерно сохранял великое усердие к нашему дому.

Сей добродетельный муж сокрыл меня и с кормилицею моею в тайнике Чернобогова храма, куда никто, кроме него и старого его служителя, не ходил, и где сей первосвященник получал вдохновения и пророчества от сего божества. В сем жилище пробыл я до пятнадцати лет моего возраста, в которые Славомysl старался научить меня всему тому, что может человека моего состояния просветить и наставить в добродетели. В должности сей мог он успеть тем наипаче, что сам был весьма учен, чем и снискал себе сан первосвященничества. По вступлении моем на шестнадцатый год, верная моя кормилица умерла, а за нею вскоре и первосвященник скончался. Тогда-то прямо остался я несчастным человеком, о коем ни солнце, ни земля не ведали.

Перед смертью своею первосвященник открыл мне род и сан мой и все мои несчастья, надеясь сим возбудить во мне ревность к благочестию и добродетели.

– Сими одними средствами, – говорил он мне, – можешь ты возратить себе погибший твой престол; благочестием твоим боги, а добродетелью люди подвигнутся к тебе на сожаление; старайся об них паче и жизни твоей, ибо ежели и жизнь твоя для них прекратится, то земные твои имения останутся на земле, а душевные вознесутся с тобою на небо. Но прежде, нежели, – продолжал он, – отыду я ко праотцам моим, хочу тебя наградить наследием отцов моих так, как сына и питомца моего, ибо, кроме тебя, нет по мне наследника. Желая только того, чтоб сие наследие употреблял ты во благо, а не во зло и во спасение твоей жизни так, как употребляли отцы мои и тому же и меня научили. А тебе оно будет потребнее нас всех: ты имеешь себе врагом сидящего здесь на престоле, который не преминет искать твоей смерти, когда узнает о тебе, что ты жив. Сего ради советую тебе удалиться по смерти моей из отечества твоего и просвещать твой разум познаниями света, пока боги, по усмотрении в тебе достойного венценосца, соблаговолят возратить тебе престол твоих предков. Сие вещаю я тебе, – промолвил он, – по повелению самих богов.

Сказав сие, взял он меня за руку и повел во святилище храма; оно было четвероугольно, сооружено из черного мрамора; на стенах оно изображены были всякого рода мучения и казни, коим подвергаются во аде беззаконники. Посередине святилища стоял на медном подножии Чернобогов кумир, сотворенный из эбонитового дерева; глава его была золотая, украшена алмазным венцом; он был препоясан змеею и покровен черною епанчою с пламенными пятнами; лицо имел свирепое и грозящее казнию; в правой руке держал меч и скорпию, а в левой весы; десною ногою попирал увенчанную голову, зияющую пламенем, а шуею – городскую стену, усыпанную деньгами.

Войдя в святилище, Славомysl пал ниц пред кумиром, чему и я последовал; потом, прочтя потихоньку молитву, отпер он потаенную дверь у подножия божеского истукана и вынул оттуда сандалии[20] и кошелек с деньгами.

– Вот наследие моих праотцов, – сказал он, обратись ко мне. – Прими его и употребляй в единых только нуждах, могущих тебе случиться; сии сандалии имеют силу носить человека по водам и воздуху, а кошелек сей хотя немного содержит в себе златниц, однако ж вовеки не будет истощим, ежели ты станешь из него брать на единые твои нужды и на спомоществование неимущих и страждущих неповинно. Храни сии вещи и не вверяй их никому, ниже поведай.

Посему, обратись к Чернобогу, простерся пред ним паки и, встав на колени, что и мне также повелел учинить, возгласил к нему:

– Мстительное и защитительное божество! Призри сего знаменитого сироту;

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru способствуй ему, ежели будет он добродетелен, и накажи его, ежели он порокам предастся и наследие сие станет употреблять во зло.

Таким образом добродетельный сей муж, вручив мне летающие сандалии и неистощимый кошелек, отвел меня паки в прежнее мое жилище. Вскоре после сего он скончался: о сем уведомил меня старый его служитель, который, как я уже объявил, о тайне нашей ведал и приносил мне пищу. Сие печальное известие ввергло меня в неизреченную горечь и недоумение: я не знал, что мне с собою начать и каким образом явиться свету, коего я не знал. Сие мое недоумение открыл я сему усердному служителю, который, сообразуясь с увещаниями моего благодетеля, советовал мне удалиться поскорее в другие славенские области и путешествовать по оным, сколько для научения моего, столько и для сокрытия себя от изменника, похитившего мой престол, пока милосердные боги не возвратят мне оногo. Я охотно последовал его мнению и просил его сотовариществовать мне в сем моем странствовании, на что Добрыня, ибо так он назывался, охотно и согласился.

Таким образом, наше путешествие, определили мы выйти ночью из храма и Искореста, [21] столицы нашего княжества. Произведение сего предприятия благополучно было окончено; вышел в рощу, окружающую сей город, рассудили мы, в которую сторону прежде всего нам отправиться. Разговаривая о сем, пришли мы в середину сей рощи, которую освещало тогда сияние луны; помощью сего света увидел я несколько стоящих тут столпов, из дикого камня весьма искусно сооруженных, и на оных поставленные сосуды из черного мрамора.

– Остановимся здесь, государь, – сказал мне Добрыня. – На сих столпах опочивают прахи твоих родителей; я нарочно привел тебя сюда, дабы ты, прежде отшествия твоего из сей страны, простился с ними и воздал им поклонение, когда уже не можешь им отправить тризны.

Я пал на колени и вместо воспоминования принес им жалобы и слезы. По довольном моем пред ними сетовании, препровождавший меня Добрыня советовал мне оставить сие место и искать убежища до восхождения Зимцерлы. Во время пути спутник мой старался меня развеселить, рассказывая мне о приключениях своей жизни, которые состояли в том, что в молодости своей он учился вместе с покойным первосвященником, которому понравясь и будучи бедным человеком и сиротою, согласился всю жизнь препроводить при нем и по сей причине жил всегда в его доме не так, как служитель, но как домашний. При сем также объявил он мне и о других обстоятельствах своей жизни, которые довольно означили грубость и зверство древлян и их соседей. Обычай сожигать усопших тела и прах их полагать в сосуды, ставить на столпах при больших дорогах и вместо порядочного бракосочетания хватать девиц у воды и иметь оных себе вместо жен переняли древляне, по сказкам его, от соседей своих радимичей, кривичей, вятичей и северян.

Таким образом, повествуя мне о нравах древлян, старался он уклоняться от Искореста в сторону и при восходе зари привел меня в небольшую деревню, в которой мы, отдохнув и купя себе коней, пустились в путь. Добрыня советовал мне прежде всего ехать в область дулебов и бужан, у коих в стране было славное пророчество, названное Золотою Бабою.

– Сие прорицающее божество, – говорил он мне, – должно тебе спросить о успехе нашего путешествия и о будущей твоей судьбе». И охотно последовал сему его совету, желая узнать о себе предбудущее, к чему все почти пристрастны люди.

Итак, направляя путь наш в сию страну, через несколько дней прибыли мы в нее, и еще издалека увидели мы в оной стоящий великолепный храм Золотой Бабы, сооруженный из чистого белого мрамора и обнесенный такою же оградю. Чем ближе подъезжали мы к сему храму, тем более увеличивалось его великолепие в наших глазах. Ограда оногo содержала в себе покойные и приятно расположенные жилища для жрецов сего божества; по обеим сторонам ворот построены были гостиницы для приезжающих, изобилующие всем тем, что к пропитанию, одежде и уврачеванию человекам потребно.

Как скоро объявили мы приворотнику желание наше поклониться и жертвовать богине, так скоро и отпер он нам железные ворота, которые непрестанно были заперты для опасности от разбойников, ибо в сем храме сохранялось великое сокровище, возросшее от щедрых приношений молебщиков, потому что, из почтения к сему божеству, не дерзал ни один проходящий отойти от него без принесения ему

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru какой-либо вещи, а ежели ничего не имел, то, вырвав из платья своего волос, приносил оный в дар, кланяясь в землю.

По въезде нашем в монастырь, нижние служители храма с великою учтивостью помогли нам слезть с лошадей; одни из них повели их в конюшни, а другие препроводили нас самих в гостиницу, где мы угощены были по-княжески. Через несколько часов объявили нам, что первосвященник сего храма желает нас видеть. Мы тотчас пошли к нему и уговорились на дороге сказаться купцами из Коростеня. Первосвященник принял нас весьма ласково и угощая вопрошал о вине нашего прибытия. Мы ему объявили, что желаем принести жертву и спросить о нашей судьбе Великую Матерь Богов. Жрец с охотою обещался со своей стороны удовлетворить наше желание, спрашивая нас притом, какую мы хотим избрать жертву, чтоб почтить богиню. Я, вынув десять золотых, просил его, чтоб он избрал за сии деньги такую, какую ему заблагорассудится. Предложением сим Жирослав (так он назывался) наипаче был доволен.

Тотчас после сего, позвав своего служителя и приказав ему привести для жертвоприношения непорочную юницу, овна и двух агнцев, просил нас следовать с ним во храм. Оный был осажден кедрами и буками, украшен отовсюду мраморными багряными столпами, коих главицы вылиты были из меди и позлащены весьма крепко; притвор храма, где приносили жертву, сооружен был также из мрамора и украшен подобными столпами. Жертвенник, на коем сжигали жертву, и другой, на котором жарили некоторые ее части для пожранья, были стальные и по местам украшены серебряными с золотом цветками. По сторонам их стояло на таганах несколько медных котлов, в которых варили также некоторую часть жертв. Секиры, ножи и другие жертвенные орудия состояли из блистательного и крепкого камня и серебра; также сосуды, умывальницы и другие подобные сему вещи были все из драгоценного вещества и преизбраннейшей работы.

Вскоре привели к нему жертву, украшенную венками из цветков. Первосвященник и вспомоществующие ему жрецы, облекшиеся в богослужительные ризы, начали службу пением и молитвами, по окончании коих Жирослав, возлагая на каждую жертву свою руку, приказывал их убивать и приготавливать к жертвоприношению. По повелению его вскоре все было уготовано: лучшие части были оставлены для трапезы жрущих, а прочие сожжены в честь богини.

По совершении таким образом жертвоприношения, Жирослав уверял нас, гадая по колебанию огня и по течению дыма, что жертва благоприятна богине, и что можем мы ожидать события благополучного нашим желаниям. Посем повел он нас во внутренности храма. Стены его украшены были живописью, представляющею дела и приключения богини. Кумир ее, вылитый из чистого золота, стоял посередине храма; на руках у нее сидела маленькая девочка, которую почитали ее внучкою. На богине и внучке ее были венды из дорогих камней самой высокой работы и цены. Подножие их явлено было из чистого серебра и украшено было вылитыми из золота цветками и разноцветными камнями. Стоящий пред ними жертвенник был подобно сооружен и украшен. Истукан сей окружен был отовсюду разнообразными музыкальными орудиями. По вшествии нашем во храм, первосвященник приказал нам пасть пред жертвенником на колени и предложить на нем то, чем мы обрелись богине. Повеление его немедленно мы исполнили; я, став с Добрынею на колени, положил несколько горстей златниц на жертвенник, а Добрыня несколько пенязей. В тот миг все музыкальные орудия, окружающие кумир, возгремели и произвели во храме превеличайший шум; богинин истукан поколебался, а мы, быв утрашены сим действием, пали ниц на землю. После сего шум мало-помалу начал утихать, и при конце одного услышали мы глас богинин, подобный трубному гласу:

Как твоя невинность страдает,
Как его злодейство жаждет,
Боги видят то давно:
Вскоре злых не наказуют,
Косно добрых испытуют
И посем делят равно.

Сие проречение жрецы тотчас записали и подали мне одного список, за что ответствен я им некоторым числом червонцев. После сего просил нас к себе первосвященник на вкушение жертвы со всеми бывшими при том жрецами. Мы за ним последовали, а Жирослав, обращая ко мне речь, говорил мне так:

– Богиня наша правосудна, приятный гость! Она невинных защищает и поборают по ним, а злодеям завсегда противится и рано или поздно наказует их. Я тебе при

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
трапезе нашей расскажу о происхождении и делах ее. Я не испытую, – продолжал он, – о состоянии твоей жизни, но токмо вижу по изречению божества, что ты добродетелен и несчастлив; но как злодейство гнать тебя ни станет, не ослабляй своего терпения: боги с удовольствием взирают на борющуюся с несчастьями добродетель и напоследок увенчивают ее.

При продолжении им подобного сему нравоучения прибыли мы в его обитель. Стол уже был уготован; Жирослав просил нас за него сесть; и когда несколько уже насытились, тогда он, паки обращая ко мне речь, вещал мне следующее:

– Я обещал тебе рассказать о начале и происхождении нашего божества, зовомого чернью Золотою Бабою, по причине золотого ее изваяния. Вот каковое повествование о том нам предано: первоначальное существо Эфир, совокупяся с нестройностью стихий, произвели на свет великую нашу богиню, царицу земли и мать всех богов, а она, сочетавшись со Световидом, или солнцем, равным ей по древности божеством, породила миру Перуна, строителя громостреляний и всех воздушных явлений; потом Волоса, бога скотов, по нем Купала, бога всякородных плодов древесных и земных, и прочих богов и богинь, как-то: Ладу, Зимцерлу, Белбога, Чернобога, Нию, Похвиста, Догоду, Услава, Кикимору и им подобных. Сын ее Перун, совокупяся с сестрою своею Ладою, богинею любви, произвел Сиву, богиню жит и растений. И сию-то любезную внучку, питательницу человеков, держит богиня наша непрестанно в своих объятиях и любит ее жарче всех своих детей и внучат; а наши праотцы, желая означить свойство и достоинства сих богинь, изобразили их золотыми, украсив венцами из драгоценных камней, ибо от них проистекают нам и золото, и серебро, и вся благая сей жизни. А окружение музыкальными орудиями образа нашей матери богов уставлено в знак того, что восставшую между детьми ее распрю о державе земли она пресекала и восстановила между ними согласие правосудным оной разделом, и для того еще, что она многие из сих орудий изобрела сама и любит ими услаждаться и завсегда свои пророчества произносит во гласе трубном.

Посем Жирослав, – продолжал Остан, – рассказывал мне о многих ее чудесах и о делах ее чад, о чем, однако ж, я умалчиваю, как о таких вещах, о которых и ты, государь, я чаю, ведаешь, а приступлю теперь к повествованию других моих приключений.

Я пробыв несколько дней в священном жилище, наслаждался беседами первосвященника, которому подарил я пятьдесят червонных и еще сто дал на содержание их гостиницы. Посем, совещавшись с спутником моим, поехал я в державу полян, у коих столицею был Киев, построенный сего же имени князем. Полянами владел тогда князь Ковар; у него вознамерился я просить себе помощи противу похитителя моего престола.

Путь наш даже до сего города был благополучен; мы нашли Ковара, не доезжая до города, в бору, окружающем Киев, забавляющегося с придворными своими звероловством. По прошению моему я был ему представлен; ласковый его прием обнадежил меня открыться ему в моей нужде. На просьбу мою отозвался он благосклонно, да и столько еще явил мне благоприятели, что просил меня жить во своем дворце во все то время, которое пробуду я в Киеве. Таковые ласки совсем поколебали мое легковерие, и я уже почтал себя сидящим на престоле моего родителя. Но увы! как мало я разумел политику властолюбивых государей, внемлющую более своим прибиткам, нежели человеколюбию!

Несколько дней старались забавлять меня пустыми надеждами, как между тем пересылался с моим злодеем, коему дали знать о моем пребывании в Киеве и просили от него себе уступки некоторых городов, если не желает он зреть себя воюема в мою пользу. Похититель моего венца, желая отвратить от себя сию бурю, охотно на требование их согласился с таким, напротив, варварским условием, чтоб меня ему выдали мертва или жива. Судя по коварству Киевского князя и его вельмож, может быть, и был бы я несчастною жертвою властолюбия Презолова, ежели б некто из Коваровых бояр не продал мне сей тайны за некоторую сумму денег.

Как скоро я известился о сем проклятом ухищрении, так скоро и уехал из Киева. По совету Добрыни, слыша о добродетелях и благостыне твоего родителя, государь, – говорил древлянин Светлосану, – вознамерился я ехать в Славенск, дабы пасть к ногам великодушного Богослава для испрошения у него той милости, о коей тщетно умолял я Полянского князя. Во время сего моего путешествия занемог я сильно огневицею, чего ради и остановился в столице кривичей, где находился храм Зница, сего священного огня, подающего болящим исцеление и советы на врачевание

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru болезней. Я послал Добрыню к первосвященнику сего божества, дабы он, вруча ему от меня сто златниц, попросил его принести жертву сему неугасимому пламени для испрошения от него мне врачевания. Жрец, повелев ему прийти наутрие, дал такой ответ Добрыне, который, по словам его, само божество изрекло ему ночью:

Обуй в сандалии трепещущие ноги.
И безбоязненно ступай во все дороги:
Ни воздух, ни вода тебя не повредит,
Ни самый тартар в них тебя не победит.
Сей глас боговещалища возвратил мне память о забвенных мною сандалиях, данных мне в наследство Славомыслом, первосвященником Чернобогом, моим воспитателем. Я приказал Добрыне вынуть их из сумки, в которую они мною были спрятаны, и обуть меня. Как скоро он на меня их надел, так скоро и начал я чувствовать распространяющееся по всем моим жилам стремление крови, с окончанием коего жар стал во мне утухать и силы мои чувствительно стали приходить в прежнее состояние. Одним словом, чрез час сделался я так здоров, как будто не бывал никогда болен. В тогдашнем моем восхищении бросился я на землю и принес священному Зничу благодарственное моление, сопровождаемое радостными слезами. После сего пошел я в храм оного, желая принести ему великолепную жертву.

Храм его стоял на высокой горе, сооружен из дикого камня и огражден высокою и крепкою стеною наподобие замка. Стены его состояли из двух ярусов небольших покойцев; в нижних содержались пленники и скоты, определенные на закляние в жертву сему священному огню, а в верхних жили служители храма и некоторые жрецы. По входе моем в сию ограду, слух мой поражен был стоном пленных, испрашивающих себе от богов и мимоидущих свободы от напрасной смерти. Жалость объяла мое сердце: я не мог понять причин сему зверскому обыкновению, чтоб предавать огню неповинных человек, в жертву такому божеству, которое подает нам исцеление и печется о нашем здравии.

– О боже! – вскричал я тогда. – Конечно, не ты виною варварскому сему уставу, но жадность к корыстолюбие немилосердых твоих жрецов.

Сия мысль заглушила во мне почтение, которое было возымел я к первосвященнику сего божества. Я вознамерился с ним увидеться и употребить всю мою возможность к освобождению невольников и к уничтожению адского сего обыкновения.

Жреца сего нашел я готовящимся к приношению сей кровавой и бесчеловечной жертвы. Поблагодарив его за предстательство о мне у божества, просил я его принести от меня благодарственную жертву.

– Изрядно, – отвечивал он, – сие я охотно учиню по принесении законной жертвы.

Я его спросил о ее роде и услышал, что она-то и состоит их сих несчастных пленников, возмутьивших только мои чувства.

– Честный отец! – сказал я ему. – Неужель и боги столько ж мстительны и жестокосерды, как и мы, люди? И какая причина побуждает их желать столь варварской жертвы? Нельзя стать, чтоб они услаждались человеческим мучением и кровью. И разве не о всех людях равно они пекутся и не равно их любят?

Жрец отвечивал мне весьма смутно на сии вопросы, из коих ничего другого я не понял, кроме пустых его отговорок. Я употребил все силы моего смысла, чтоб доказать ему бесчеловечие и незаконное заблуждение сей службы. Но он противопологал мне на то, что сие заведено издревле, и что сею жертвою божество их, конечно, услаждается.

– О, люди! – возопил я тогда. – Вы и зверей в ярости и невежестве своем превосходите. Отче честный! – говорил я ему. – Будь ты первый исправителем сего варварского и адского злоупотребления: боги, конечно, не требуют от нас столь проклятой жертвы, но отвращаются и мерзятся ею!

Лютый жрец не внимал моим рассматриваниям и готовился исполнить сие варварское дело. Но я, отозвав его на сторону, обещал ему дать за всякого пленника по сту червонцев, ежели он освободит их от закляния и отпустит на волю.

При сем обещании корыстолюбивый жрец улыбнулся и умягчил суровый свой вид и

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
голос.

– Чадо мое, – сказал он мне, – я вижу, что великий Знич, подав тебе здравие, хочет тебя прославить щедротою; воле его я повинуюсь; исполняй его желание, а я сего же вечера освобожу пленников, когда ему сие угодно. Но не поведай сего народу, – продолжал он, – сему неумолимому чудовищу, которого единые чудеса к покорству преклоняют». Я обещал ему содержать сие тайно и в тот же день принести ему цену на искупление неповинных.

По сему нашему условию, жрец пошел во храм и, по совершению некоторых жертвенных обрядов, притворился вдруг ужаснувшимся и дрожащим голосом, кривляя глазами и устами, возопил к народу:

– О неизреченного божия к нам милосердия! При самой пропасти великий Знич воспящает нас от падения. Народ, обладающий кривическими землями! Священный огонь освобождает тебя от истребления, которое соединено было со смертью сих плененных тобою врагов. Он мне открыл теперь, что коль скоро прольется кровь сих печенегов, то чрез три дня, по непременному определению всемогущей судьбы, падет наше государство и искоренится невозвратно нашими врагами, и что для избежания сего бедства нет другого способа, кроме освобождения сих пленников.

По сих словах он умолк, а народ, ввергнутый им во смятение и страх, возопиял и требовал их освобождения немедленно. Хитрый жрец, радуясь успеху своего обмана, обещал народу освободить их в следующую ночь, ибо, присовокупил он:

– ...сего требует само божество, дабы они во тьме оставили нашу страну, ибо тьма сия послужит им омрачением во всех их предприятиях на нашу землю. Но сие значило, – продолжал древлянин, – что он хотел наперед увериться в деньгах, обещанных ему мною, прежде нежели освободит сих печенегов. Народ на все согласился, чего ни желал от него первосвященник, который, по принесении обыкновенных жертв, возвратился в свою обитель, а я пошел к себе на постоянный двор, дабы приготовить ему деньги.

Дорогою встретился со мною Добрыня, который отлучился от меня для некоторой нужды и ничего не ведал о переговорах моих с жрецом. Я ему рассказал сию историю и не мог с ним надивиться жадности сего первосвященника, которая побуждает его не токмо народ обманывать, но и проливать человеческую кровь под предлогом благочестия и богопочитания.

– Ах, государь! – сказал мне тогда Добрыня. – Так, никак, и ответ, данный им тебе от имени Знича, его же коварства есть вымысел, ибо я признаюсь тебе, что он ласкательством своим выводил от меня несколько о нашей тайне и о сандалиях, врученных тебе Славомыслом. А что они помогли тебе освободиться от болезни, так сие, конечно, произошло от сокрытия в них для сего силы, а не от Знича, коему приписывает жрец исцеление болезней.

Рассуждение сие почел я справедливым, соображая его с жреческим коварством. Познавши же тогда всю цену удивительных моих сандалий, предприял я носить их на себе всегда, а Добрыне приказал не объявлять впредь никому о сей нашей тайне.

Между тем, желая спасти неповинных пленников, вынул я из неистощимого моего кошелька деньги, по числу пленников, которых было около двадцати человек, и пошел под вечер к корыстолюбивому жрецу, которому вручив сей выкуп, просил его исполнить свое обещание, что он в тот же час и учинил, приказав их освободить. После чего ласкательства его доказали мне ясно, сколь подла была его душа. Я оставил его скоро, возмев к нему презрение больше еще прежнего. Идучи на мое подворье, рассуждал я, как праведные боги таких гнусных и беззаконных тварей оставляют без наказания, но, вспомняв произречение Золотой Бабы, что бессмертные медленно наказуют злодеев, оставил сие на промысел небесный, который наутро же мне доказал, что он справедлив. Ибо на другой день Добрыня, ходивший за нуждою на рынок, объявил мне, пришед, что сего первосвященника зарезали воры, в числе которых был его келейник, и пограбили все его имение. Услышав сие, воздал я хвалу небу за избавление земли от сего чудовища, пожиравшего человечество, и просил прощения в моем роптании на его правосудие.

После сего приключения вскоре оставил я сей город и продолжал мой путь в Славенск. На сем пути скончался добродетельный мой спутник. По обыкновению нашему, тело его я сожег и, собрав в сосуд оного пепел, поставил в храме того

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
села, в котором приключилась ему смерть. По совершении над ним тризны, отправился я паки в мой путь, который даже до Валдайских гор был довольно спокоен, но на оных разрушило его следующее приключение. Не доезжая несколько до сего урочища, наехал я на приказного человека, ехавшего также в Славенск с молодою своею женою, с кою ездил он для свидания к ее родителям и возвращался в столицу славян, имея в оной свое жилище. Мы оба весьма были рады, что наехали в пути своем сотоварища; он со мною тот час познакомился и рассказал мне о себе, кто он таков, а я объявил ему о себе, что я древлянин и, желая видеть достойные примечания места, путешествую. Таким образом разговаривая, уменьшили мы скуку, соединенную с путешествием, даже до объявленных мною гор.

По въезде нашем на оные и по продолжении некоторого по них пути, переломилась ось у его коляски, что и принудило его и жену его из оной выйти. Я также сошел с моего коня, дабы им сотовариществовать, и, между тем как люди его старались привести в прежнее состояние коляску, мы все трое пошли вперед для прогулки. Взошед на стоящую пред нами гору, превосходившую высоту все прочие, удивлялись мы природе, аки бы игравшей в сем месте собранием в совокупность толикого числа гор, наметанных одна на другую. Во время сего нашего удивления увидели мы летящее к нам облако от пределов славенских; летение его было весьма быстро, и казалось нечто на нем сидящее. Позорище сие привлекло на себя наши взоры; по приближении его к нам, увидели мы на нем сидящего малорослого эфиопа в китайском платье; сие наипаче удвоило удивление и любопытство наше, которое нам всем троим причинило бы пагубу, ежели б не имел я на себе преудивительных моих сандалий. Ибо, коль скоро сей карло, подобный лицом своим и злостью дьяволу, увидел нас, то и устремился к нам лететь. Сие его стремление столь испужало молодых супругов, что Милостана (так называлась сия женщина) упала в обморок в руки своего супруга, а Завид, ее муж, в такую пришел робость, что ни слова не мог выговорить и стоял как изумленный.

Между тем эфиоп, спустившись к нам, выхватил ее из рук ее мужа, который, упав от страха, закричал из всей силы: «Ах, помилуй, помилуй, государь мой! Пусти душу на покаяние!» Но карло ему не внимал и, посадя женщину на облако, устремился от нас с нею лететь; но я, будучи не столь робок, как ее муж, и подвигнувшись сожалением, вознамерился отнять у волшебника несчастную сию женщину, которая, испуская стенание и вопль, призывала меня и мужа своего на помощь. Итак, имея на себе летающие сандалии, погнался я за карлом и достиг его вскоре, ибо сандалии мои несли меня быстрее птицы. Мурянин, увидя меня бегущего за собою, бросил в меня золотую стрелою, кою был он вооружен, но я, от удара сего увернувшись и поймав его стрелу, устремился паки за ним, дабы самого его поразить ею. Уже вознес я руку мою на поражение его, как гнусный сей чародей, видно устращась сего удара и почтя меня сильнеею себя, бросил бедную Милостану долой с облака, а сам устремился от меня лететь.

Желание мстить ему не столь было во мне сильно, как стремление помочь сей бедной женщине, которая с окончанием своего падения ожидала себе смерти. Я бросился за нею и едва успел предускорить ее падение, схватив ее за одежду. Между тем проклятый ее похититель от нас исчез. Завид, лежавший во все время полумертвым, услыша подле себя шум, происшедший от нас, паки закричал:

– Ай! Ай! Помилуй!

Но я его начал уверять, что враг его уже исчез, и Милостана благополучно от него избавлена. Тогда он, приподняв немного голову и увидя нас одних, сказал:

– Ах, проклятый чародей! Как он меня испугал! Однако ж, – продолжал он, прибодрившись, – ежели б у меня давеча что-нибудь случилось в руках, то я бы доказал ему себя!

В спокойнейшее время расхохотался бы я его храбрости, но тогда старался я только помогать бедной его жене, которая не могла еще оправиться от ужаса, причиненного ей волшебником. Наконец, по старанию моему и ее мужа, получила она паки спокойствие духа. После чего принялись и муж и жена осыпать меня благодарностями, просили меня усердно не токмо сотовариществовать им в пути, но и по приезде в Славенск жить в их доме во все то время, которое пробуду я в сем городе. На учтивости их ответствовал я подобными ж учтивостями и согласился охотно на их желание. Между тем прибежали к нам Завидовы служители, которые весьма довольно были от нас отделены. Они усмотрели издали случившееся с нами приключение и бежали нам помочь по своей возможности, но уже дело окончено было

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru до них. Любопытство побуждало их всех тогда просить меня, чтоб я им рассказал, каким средством возмогу я победить столь страшного врага и летать, подобно ему, по воздуху. По неосторожности моей открыл я им, что это учинилось помощью моих сандалий, имеющих силу носить по воздуху и воде и притом еще и от болезней излечивать.

Сие объявление возбудило во всех моих слушателях немалое удивление, которое напоследок произвело в одном из слуг Завидовых вредное для меня желание. Он вознамерился похитить у меня драгоценный залог моего воспитателя, что в следующую ночь и произвел он в действо на ночлеге, обокрав со мною вместе и господ своих во время нашего сна. По пробуждении нашем на другой день, узнали мы о сем злодейском его поступке, и я еще благодарил небо за сохранение неистощимого моего кошелька, о коем никто не ведал и который и во время сна хранил я у себя в кармане, и по сей-то причине грабитель наш не мог его у меня похитить. Бедные мои спутники тем более горевали о сем несчастье, что не имели больше чем доехать до Славенска, ибо вор украл у них все деньги; но я их скоро вывел из сей грусти, обещав им помогать во всех их нуждах. Сие наипаче умножило ко мне усердие их и приязнь: они осыпали меня тьмою благодарений и даже привели меня в стыд своими учтивостями.

О сем странном с нами приключении, – продолжал Остан, обращая слово к Светлосану, – не имел я случая ни тебе объявить, государь, ни твоему родителю, ниже кому-нибудь другому во время пребывания моего в Славенске и не ведаю поднесь, забвению ль сие приписать я должен или волшебным хитростям сего же чародея, которого с посрамлением обратил я в бегство.

– Я скорее это припишу ему, – отвечив на то Светлосан, – ибо по стреле познаю я в нем Карачуна, сего лютого волшебника, который по всему свету причиняет великие бедствия многим людям, в числе которых находятся сестра моя и зять, что я тебе по окончании твоей повести подробнее объявлю. Итак, я думаю, что сей волхв, надеясь отбыть коварством от достоуважаемой себе казни, старается все свои злодейства сокрывать от людей, но только от всемогущих богов сего утаить он не в силах, которые непременно покажут его когда-нибудь за неисчетные его беззакония.

Сказав сие, просил он паки Остана продолжать свое повествование, что древлянин и учинил следующим порядком.

После сего случая, – продолжал Остан, – путь наш был уже успокоен до самого Славенска, коего великолепие превышало все виданные мною города; красота храмов его и башен издали поразила мои очи и удостоверила меня о подлинности славы, носящейся о нем по отдаленным странам. По въезде в оный, глаза мои не знали, куда обратиться: всюду встречались здания, достойные особого рассмотрения; удивление мое продолжалось по пространству всего города, который обширностью своею, занимающею несколько верст, не менее удивляет, как и огромностью прекрасных своих зданий; и не прежде успокоилось мое внимание, как уже по приезде в Завидов дом, стоящий почти по конец города.

По некотором отдохновении в сем доме, пошел я во дворец, чтоб исходатайствовать себе счастье предстать пред твоего родителя, коего человеколюбие прославлялось по всем славянским странам. По благодати его, вскоре получил я к нему доступ: я ему объявил мои несчастья, прося его о покровительстве и о помощи себе. Добродетельный сей князь, умилившись на мое злополучие, но ненавидя брани, проливающей без всякого сожаления человеческую кровь и расторгающей спокойствие цветущих областей, обещал исходатайствовать мне то миротворством, чего другие доискиваются кровопролитием. Во исполнение своего обещания послал он вскоре посольство в Искорест с таким приказанием, чтоб оное старалось преклонить хищника моего престола уступить мне без расторжения мира принадлежащий мне венец; а ежели в требовании сем не успеет, то хотя бы преклоняло его уступить мне половину Древлянской земли с таким условием, чтобы другую оставил он мне по своей кончине. Но сей злодей не токмо не склонился на сие миролюбное и выгодное для него требование, но предпринял еще отнять у меня и жизнь, каким бы то способом ни было. Для сего варварского исполнения избрал он самых наипозорнейших людей из своих прислужников, от которых едва нечаянный случай возмог спасти мой живот.

Известно тебе, государь, – продолжал древлянин, – что по милости твоего родителя перешел я жить из Завидова дома во дворец, где ни в содержании, ни в

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru удовольствия не имел я никогда недостатка; но оскорбленное мое сердце злополучием не могло иногда ими услаждаться и погружало меня в глубокое уныние. В сии печальные для меня часы любил я прогуливаться по прекрасным долинам Славенска или по берегам реки Мутной, прозванной Волховом, в память Славенова сына Волхва, или Волховца, который по сей реке разбойничал, превращаясь в лютого крокодила. Некогда в вечернее время прохаживаясь по берегам сей реки, довольно далеко от города, увидел я на реке сидящего в лодочке престарелого человека, упражняющегося в ловлении рыбы. Упражнение сие привлекло на себя мои очи; я впал в приятную задумчивость, представившую мне состояние рыболова и стоящего человека на высокой степени, гонящегося за счастьем; единого из них беспечную и сладкую свободу и другого обманчивый блеск, совокупленный с беспрестанными заботами и с изнуряющею тягостью его звания. Посреди сих дум происшедший вопль исторг меня из моих размышлений; я обратил мои глаза туда, откуда оный происходил, и увидел бедного старика утоающего. Не медля нимало, бросился я в реку и, хотя с великим для меня трудом, однако ж освободил его напоследок от утопления, воспоследовавшего ему от собственной неосторожности и от вертлявости его лодки; и он бы непременно погиб без моей помощи, ибо, по несчастью сего рыбака, ни одного человека, кроме меня, не случилось тогда на берегу.

Бедный сей старик лишился при сем случае лодки своей и снастей, принадлежащих к его промыслу, но он об них тогда не сожалел, освободясь от неминуемой себе смерти, и, бросясь ко мне в ноги, приносил мне наичувствительнейшую благодарность. Состояние его показалось мне жалостно; я подал ему десять червонцев на исправу его надобностей, которых он при потоплении лишился. Сия малая щедрота привела его в неописанное восхищение, он паки хотел повергнуться к моим ногам, но я его до сего не допустил, советуя ему поскорее возвратиться в свое жилище для успокоения, а чтоб более не возмущать его моим присутствием, то пошел от него сам той же минуты. Что небо воздаст нам со вторичею и вяще за щедроты наши к бедным, сие познал я тогда опытом, ибо, по нескольких днях после сего приключения, когда я, по обыкновению моему, прогуливался по берегу Волхова, то сей старик, увидя меня, просил отойти с ним от людей в сторону, обещая возвестить мне важную тайность; я его желание удовольствовал.

– Скажи мне, государь, – спросил он, отведши меня, – не ты ли сей Древлянский князь, за которого вступаюсь, добродетельный обладатель славян послал в Искорест посольство?

– Так, – отвечивал я ему, – это я.

– Милости твои, оказанные мне с толикою щедротою, – сказал мне на то престарелый рыболов, – побуждали меня всечасно воздать тебе за них какую ни на есть услугою, и благодарю богов, что они услышали о сем мою молитву. Жизнь твоя находится в опасности. Государь, – продолжал он, – хищник твоего княжества хочет тебя лишить оной; видишь ли ты сих людей? – присовокупил он, указывая мне на трех прохаживающихся. – Они древляне и присланы сюда твоим злодеем, чтоб отнять у тебя жизнь тайным образом. Мне удалось сию тайну у них самих подслушать, ибо они пристали в моей хижине, опасаясь явиться в городе, дабы предприятие их как не открылось. Во время ночи, когда не мог я уснуть по причине моей хворости, перешептывались они о сем, и притом еще говорили, что пославший их предпринял развратить деньгами послов и вельмож здешнего двора, чтоб как-нибудь устроить здесь твою погибель. Так я, – продолжал старик, – памятуя к себе твои милости и видя твое доброе сердце, советую тебе, государь, как наивозможно скорее удалиться из сей страны и ожидать себе помощи от единых небес. Не мне избыть здесь пагубы от твоего злодея: хоть бы объявишь о смертоубийцах твоих добродетельному Богославу и казнию их отвратишь на несколько от себя ударов, но враг твой другие составит на тебя ковы и напоследок непременно погубит тебя. Злые в желаниях своих упорствуют и проницательными своими достигают скорее успехов, нежели добродетельные. Хотя здешний государь окружен почтенными и добродетельными людьми, но в великой толпе придворных и народа довольно сыщется бездельников, которые не ужаснутся пролить неповинную кровь за корысть. Не возгнушайся моего совета, государь, – примолвил он, – хотя я теперь не что иное, как бедный рыболов, но был некогда знаменитый вельможа между болгарами, от которых, будучи весьма долго игралищем судьбы и изнурен превратностями лживого счастья, удалился я в сию страну, отрекшись от суетных пышностей сего мира и страшась предаться паки его тревожнению, и теперь веду хотя убогую жизнь, но зато спокойную и безопасную от нападков льстивого счастья, которому нечего больше у меня ныне похитить, кроме моей жизни.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Сие неожиданное бедствие поразило меня, как громом, – говорил Остан, – и возмутило наипаче тревожные мои мысли, но добродетельный сей старик, увидя мое смущение и страх, старался меня утешить, подавая мне полезные советы и наставления. Он-то присоветовал мне оставить тайно Славенск, представляя, что ежели я открою твоему родителю причину моего отъезда, то непременно буду им воспрепятствован и не возмогу без грубости отказать его желанию, чтоб пребыть под его защитою; а между тем враг мой сыщет средство устроить неминуемую мне гибель. При сем случае уведомил он меня, что, восходя на восток, между Азиею и Европою есть страна, называемая Великою Булгариею, или Болгариею, лежащая при великой реке Волге, от коей и имя свое получила. Сей страны народы, – говорил он, – единоплеменны славянам; они, пришед от краев Варяжского моря, расположили свои жилища при плодоносных реках Каме, Волге и Яике, построив многие и крепкие города, из которых главнейший называется Боогорд. Жители сей земли славны сколько оружием своим, столько ж кучечеством и хитростными своими рукоделиями. Они ведут беспрестанные войны с вышедшими из китайских стран народами, и от сего упражнения приобыкли они столько к воеванию, что почитаются между славянами бойчивейшими ратоборцами.

К сим-то народам советовал он мне ехать и искать их помощи противу моего злодея. Они охотно предпринимает дальние походы, – говорил он мне, – когда только надеются получить от них себе славу и прибыль. На совет его охотно я преклонился, и тем наипаче, что таковыми путешествиями уповал поучиться, рассматривая нравы, законы, обыкновения и достопамятности разных племен. За спасительное его объявление и благой совет хотел было я паки возблагодарить его деньгами, но он от подаяния моего отрекся и отвечал мне, что он никогда еще не продавал за мзду ни советов своих, ни остережений от смертоносной гибели и что и так уже одолжен мною ни за что. Толикое его бескорыстие восхитило мою душу так, что ежели бы не предстояла мне грозящая смертью опасность, то я тогда же бы согласился водвориться с ним, дабы научиться его терпению и добродетели.

Итак, следуя спасительному его совету, выехал я в следующую же ночь из Славенска, оставив письмо государю, твоему родителю, прося его в оном простить меня в скоропоспешном моем отъезде из его столицы, к чему меня побудили, прилагал я, тайные и важные причины. Таким образом извиняся, сколько мне возможно было лучше, выехал я из города и направил путь свой к Великой Болгарии. Я умалчиваю о небольших приключениях, случившихся со мною в дороге. По нескольких трудностях, прибыл я напоследок в Боогорд, столицу болгарских князей. Город сей пространством своим и зданиями едва уступает Славенску. По всем местам видимо в нем достойное похвал искусство болгарских художников; наипаче сияет оно в украшении храмов и княжеских чертогов. Сей город стоит верстах в тридцати ниже устья Камы, а от Волги отделен верст на семь.

Приезд мой и в сей город был бесполезен, ибо я желанной мною помощи не мог и в нем получить, понеже болгарский князь, именем Тревелий, находился тогда на войне против неприятелей государства, из коей не уповали ему возвратиться скоро. Обманут будучи повсюду надеждою, рассудил я, вспомнив последние слова моего воспитателя, что, никак, сами боги препятствуют мне получить человеческою силою то, что долженствую я приобрести единою добродетелью и достоинством. Размышляя так, отложил я попечение о получении моего престола по тех пор, пока сами бессмертные не соблаговолят мне возвратить оно, усмотря меня того достойным. В ожидании того определил я, странствуя по свету, наслаждаться рассматриванием вселенной и ее обитателей. Расположась таким образом, старался я разогнать смущение моих мыслей, колебавшее меня повсюду, и вдался в рассматривание всего того, что очам моим ни представлялось достойным любопытства и примечания. Наипаче же всего старался я научиться и вспомоществовать несчастным и бедным людям, поставляя себе то главнейшим правилом и должностью честного человека.

Приняв сие начертание моим поступкам и обзрев достопримечательные места, горы и веси славенских болгаров, поехал я к хвалиссам, народу, происхождением славенскому ж, живущему близ Хвалынского моря, около славного и богатого города Тмутаракани. Пробыв у оных несколько времени, отправился я морем в Персию, а оттуда в сию страну, в которой, по неожиданному моему счастью, обрел тебя, государь, избавителем себе от неизбежной мне гибели, которая следующим образом мне приключилась.

Я ехал в столицу здешнего государства, по восприятому мною намерению, чтоб осмотреть везде достойные примечания. По обыкновению моему, сегодня, во время самого жарчайшего сияния солнца, склонился я с дороги в лес, дабы под тенью древ

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru пробыть по тех пор, пока умерится солнечный зной. Во время сего моего отдохновения напала на меня шайка разбойников; они меня совсем ограбили и, не довольствуясь тем, привязали меня к дереву, по своему обыкновению опасаясь, чтоб я, по отбытии их, не собрал за ними погони. Один из сих злодеев, будучи недоверчивее и лютее прочих, хотел меня умертвить испущением на меня стрелы, но в самое то время, вскричав преужасно, пал мертв. Я и товарищи его весьма сему удивились, и, обогрившись, увидели мы скорпию, которая его в самый тот миг ужалила, когда он натягивал на меня свой лук. Сия пресмыкающаяся, отползши потом от нас несколько шагов, вдруг встрепенулась и, превратясь в ворона, от нас улетела. У страшась сего чудного приключения и услышав едущих шум, разбойники меня оставили и той же минуты от меня сокрылись. Но при всем том я бы остался тут жертвою либо зверей, либо глады, когда б сей самый ворон, избавивший меня под видом скорпии от смертоубийцы, не привел тебя ко мне на избавление, великодушный князь, ибо я приметил, что он непрерывным своим летанием туда и сюда привлек вас всех в пагубное сие для меня место. Вот вся моя история, – сказал он по сем Богославу сыну, – о которой тебе угодно было от меня уведать.

После сего Остан паки принялся благодарить Светлосана и объятиями своими доказывать ему усердие свое и приязнь, напротив чего и другой равномерным образом старался ему ответствовать. По сказании друг другу равных учтивостей, просил древлянин Славенского князя рассказать ему подробно и о своих приключениях, которые были ему виною путешествия его в Индию, в чем Светлосан немедленно его и удовольствовал. По окончании его истории, рассуждали они все совокупно, куда им надлежит прежде ехать, и по нескольких словопрениях усоветовались они побывать у всех славных прорицалищ, дабы от них уведать, где сыскать и как победить Карачуна. По низложении ж сего страшного врага, обещал Славенский князь Остану возвратить древлянский престол вооруженною рукою, но неисповедимое в судьбах своих небо инако случай сей расположило.

Во время сих их рассуждений и предприятий солнце начало спускаться в океан, а небо покрываться мрачными и пространными облаками, которые угрожали путешественникам прешрашною бурей. Чего ради, желая отвратить от себя ее нападки, понудили они коней своих поскорее бежать, дабы заблаговременно, сыскав ночлег, укрыться от непогоды. Но однако ж намерения своего совершить они не успели: буря предупредила оное и ужасными ветрами и мраком, соединенными с прешрашным громом, с беспрестанным сверканьем молний, с пресильным дождем и градом, сокрыла от очей их дорогу. Испужанные их кони сим беспримерным волнением природы весьма расвирепели и помчали всадников своих туда, куда влекло их стремление и страх. Сколько славяне сил своих ни прилагали, дабы удержать устрешенных сих животных, но они, закуся удила, разбежались с седоками своими в разные стороны. Наипаче Светлосанов конь, будучи прочих сильнее и упрямее, умчал его тотчас у прочих из вида и, заблуждая с ним в темноте, носил его по долинам, горам и лесам, будучи непрерывно подстрекаем ударами грома и блистаниями молний.

Напоследок, по прошествии уже целой ночи, когда буря стала утихать и солнечные лучи освещать и согреть землю, конь его остановился в пространной долине, будучи весьма утомлен. Светлосан, лишась подобно сил своих, слез с коня и пустил его, стреножа, пастися по полю, а сам бросился в траву, чтоб получить себе между тем некое отдохновение. Однако ж весьма долго не мог заснуть, будучи тревожим мыслью о своих спутниках и страшась потерять их в такое время, когда они были ему весьма нужны. Напоследок восшедшее солнце, начав испущать жарчайшие лучи и ослабив утомленные его члены, склонило нечувствительно ко сну, который был ему весьма нужен, по толиком его изнеможении.

На сем пустом месте, окруженном отвсюду лесами, проспал бы он, может быть, до вечера, ежели бы не прервало его покоя следующее сновидение: представилось ему, будто бы он шел по пространному полю, украшенному цветами и тернием, во храм славы, который стоял на конце его поля; и когда уже он оканчивал к нему свой путь, тогда вылетевшее вдруг из оногo чудовище, наподобие приближающейся смерти, застопило ему в оный вход и бросилось на него с остервенением; но в самое то время Вельдюзь, зять сего князя, отдернув его в сторону, поразил сие чудовище своим мечом. От сего тревожного видения Светлосан проснулся и увидел около себя бегущего зайца, который, посмотрев на него несколько, побежал от него прочь и в ту ж минуту, превратясь в соловья, улетел у него из глаз. Светлосан, обратись в другую сторону, по причине происходившего оттуда рева, увидел коня своего терзаема двумя львами, из которых один, усмотря Славенского князя, бросился на него стремительно, чтоб его растерзать подобно, но Светлосан, вооружась

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Левсиловым мечом, укротил вскоре его стремление, рассекши его пополам. Другой лев, усмотря сражение своего товарища, кинулся ему на помощь, но князь умертвил и одного по недолгом его сопротивлению.

Избавясь таким образом от предстоявшей себе опасности, размышлял он долго о сем приключении и не мог надивиться, каким образом заяц, будучи толь робок и дик, осмелился ему помочь, но, вспомнив о вороне, превратившемся в сего рода зверка, начал он думать, не человек ли уже какой в толь странных видах помогает людям, будучи сам гоним, может быть, лютостью какого-нибудь чародея. Сие размышление привело ему на мысль бедного вельдюзя, Видостана и прочих бедствующих от злобного Карачуна. При воспоминании их, горесть объяла его сердце, он пал ниц на землю, принося молитвы отечественным своим богам, и наипаче Белбогу, своему покровителю. Во время сей его молитвы услышал он следующий к себе глас: «Мужайся и дерзай!» Сей божественный глас вселил в него паки ослабшую его бодрость, он паки простерся на землю и принес благодарение ниспославшему сии слова.

По окончании своей молитвы пошел он в ту сторону, в которую полетел соловей, превратившийся из зайца. Целый день он шел, не евши ничего, кроме нескольких попавшихся ему на пути древесных плодов. Ночь препроводил он в лесу, тревожим будучи непрестанно лютыми зверями. И так, препроводя ее весьма худо, шел он на другой и на третий день без всякой почти пищи. Наконец, на четвертый уже день, будучи весьма утомлен и обессилен, усмотрел он вдали замок и весьма был тому рад, уповая в нем найти себе спокойное отдохновение от претерпенных им трудов.

Подошед поближе к оному, увидел он на воротах сего замка того же самого светозарного духа, который его избавил от Карачуна. При виде оного Светлосан пал ниц пред ним на землю, а дух изрек к нему следующее:

Здесь смерти одр,
Жилище при;
Будь, смертный, бодр
Или умри.

Проговоря сие, дух стал невидим, а Светлосан остался рассуждать о его проречении. Он был в недоумении о словах его, которые грозили ему смертью в сем замке, ежели не будет он бодр, из чего заключил он, что должно тут скрываться важной тайности, которую весьма желалось любопытству его уведать. Приходило ему на мысль, что могут тут быть заключены родственники его либо друзья; вспомнилось ему и проречение Чернобогово, что он не иначе достигнет до окончания бедств, как по пути напастей и предводительством неустрашимости. И так вообразя все сие и вооружась всею своею храбростью, предприял он вступить в замок и познать его таинства, во что б то ему ни стало.

По входе его в оный, медные ворота замка затворились за ним сами с превеликим скрипом и стуком, после чего увидел он по всему двору премножество людей из разных земель, в разнообразных положениях: иные из них были удивлены, другие испуганы, третьи той и другой страсти имели на лице своем знаки, а некоторые казались призывающими небо к себе на помощь. Светлосан, подошел к первому из них, хотел от него уведать причину странного сего зрелища, но нашел его окамененна. Он обратился к другому, но и того увидел в таком же состоянии; и напоследок усмотрел, что они все были камни, сохранявшие человеческий вид. Сие его удивило, однако ж не привело в робость. Но когда он прошел несколько по двору, то все сии окамененные люди учинили за ним превеликий крик и гарк: иные из них плакали, другие смеялись над ним, а третьи вопили:

– Постой! постой! остановись! ах! погиб, бедный!

Инде кричали:

– У! у! э! а! – и ругали его всякими бранями, осмехая и устрашая. Однако ж все сии вопли не могли его совершенно устрасить, хотя и дали ему видеть, что он находится в ужасном месте. Он остановился на несколько и, принеся молитву богам, обнажил свой меч и продолжал свой путь в предстоявшие палаты, вознамерясь на все отважиться, ежели потребует нужда. К сему его побуждало наиболее сие, что он надеялся сыскать в сем замке сестру свою или зятя либо кого-нибудь из своих приятелей.

По приближении его к крыльцу, услышал он исходящее из покоев стенание и вой и вскоре за ними свист и вопль преужасный; когда же вступил он на крыльцо, то в

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
двери, ведущие с одного в покои, повалил на него густой и смрадный дым. Светлосан, призывая непрестанно Белбога и Чернобога, простер свой меч и вступил в первую комнату; она вся наполнена была премножеством разнообразных уродов с прегнусными харями. Как скоро они его увидели, то и завывали все престрашными и скаредными голосами, крича ему со всех сторон:

– Куда ты, несмысленный, идешь? Возвратись назад: здесь преддверие ада. Ежели ты осмелишься пойти еще далее, то ниспадешь в пылающую геенну. Беги скорее отсюда!

Выговорив сие, бросились они на него со всех сторон и начали теревить и уязвлять отвсюду; сначала пришел было Светлосан в робость, но уязвления их возвратили ему сердце и смелость: он начал поражать своим мечом окружавших его уродов, которые, мало-помалу от него рассыпаясь, вдруг все исчезли.

Сие возвратило ему прежнюю его бодрость; он увидел, что меч его может всему сопротивляться, чего ради, принеся паки молитву богам, пошел далее. По растворении второй комнаты увидел он, что все ее стены и потолок увешаны были змиями и чудовищами, а пол усыпан пеплом и полусгоревшими человеческими костями. Как скоро чудовища его усмотрели, то и начали на него все зиять пламенем, подняв преужасный кряжет, рев и свист, наподобие клокота и журчания огнедышащей горы. Славенский князь, имея в руках обнаженный Левсилов меч и надеясь и сих разогнать подобно, вошел безбоязненно и в сию комнату, но едва не лишился он тут своей жизни. Пламя, которое испустили на него змеи и страшилища, охватило его со всех сторон, и он отовсюду начал гореть; и ежели бы в сем опасном приключении храбрость его хотя на минуту совсем его оставила, то погиб бы он тут от пламени их мгновенно. Но по счастью его и помощью Белбога, сохранил он и в сем ужасном случае колеблющую свою бодрость и, будучи терзаем отовсюду огнями, не переставал поражать мечом нападавших на него чудовищ и, несмотря на превеликую их силу, наконец их разогнал. Тогда-то познал он прямо, что ежели б не одарен был от Чернобога силою и храбростью и не вооружен Левсиловым мечом, то погиб бы тут, конечно.

Сии два побоища, присовокупясь к тридневному его гладу, весьма ослабили его силы и уменьшили его бодрость: он уже начал было и сомневаться в преодолении сих адских стражей и хотел возвратиться назад, но в самое то время услышал глас, ободряющий его на довершение предприятого им дела. Сей небесный голос оживотворил унылое его сердце: бодрость его укрепилась, и полученные им раны не стали ему чувствительны. Он воздал благодарение подкрепляющему его божеству и обещал безропотно ему повиноваться.

Вследствие чего, приняв паки твердое намерение до конца исследовать сию тайну, отворил он безбоязненно двери третьей комнаты. Стены ее и пол были железные и раскалены наподобие горящего угля. Как только Светлосан, отворяя ее и не рассмотря ее совершенно, занес ногу, чтобы в нее вступить, то в самое то мгновение пол обрушился и на место одного выступило зияющее пламя, подобно исходящему из огнедышащей горы и в тот же миг вылетевший из глубины сей пропасти пламенный крокодил, разинув широкие свои челюсти, устремился на Светлосана и хотел его проглотить одним зевом. Но ободренный сей князь небесным гласом в самый тот миг вонзил ему в пасть свой меч; страшилище застенало и исчезло, а комната из самой страшной учинилась весьма великолепно украшенною. При сем приятном виде Светлосан наиболее еще ободрился и, отдохнув в ней несколько, без всякой уже робости пошел в четвертую палату. Сия была всех прочих несказанно пространнее и преужаснее: она заключала в себе несметное множество страшилищ, на которых одно взирание навлекало смотрящему неизбежную смерть; но всех их ужаснее был прегрозный исполин, вооруженный претяжкою железною дубиною с шипами. Как скоро сей изверг естества увидел идущего в палату Славенского князя, то, возопив преужасно и приподняв ужасную свою палицу, хотел ею сразить Светлосана, но юный князь, предускорив сей удар, вонзил самому ему в сердце свой волшебный меч. Страшилище упало и исчезло, и все с ним вместе окружавшие его чудовища; ужасная палата в ту ж минуту превратилась в великолепную залу, а на место прегнусного исполина предстала прекрасная женщина в белом одеянии.

Она, постояв несколько в молчании, как будто б собирала рассеянный свой рассудок, бросилась потом пред Светлосаном на колени и проливая радостные слезы, возопила к нему:

– Великодушный и неустрашимый витязь! Чем мне воздать за великое твое благодеяние? Ты освободил меня от такого очарования, над которым целый ад, я

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
чаю, трудился.

– Государыня моя, – отвечивал ей князь, подымая ее, не мне а богам должна ты благодарить за сие избавление, ибо ежели бы не их рука и меня в сем деле предводила, то и я бы погиб здесь невозвратно. Но скажи мне, государыня, – продолжал он, – кто тебя заключил в ужасное сие жилище?

– Карачун, – отвечивала она.

– Карачун! – возопил удивленный князь! – Праведные боги! Доколе попустите вы сему чудовищу тиранствовать над бедными человеками? Сей же самый злодей, сударыня, – продолжал он к ней, – и меня лишил сестры и зятя, которых я ищу уже весьма давно.

– А как называется сей зять? – спросила его поспешно женщина.

– Вельдюзь, Полотский князь, – отвечал ей Светлосан.

– Ах, государь! – вскричала она. – Он-то и приключил мне сию напасть, от коей ты меня избавил; но я на него не жалуюсь: он сам в этом не виноват и пострадал, может быть, жесточее еще и меня от нашего злодея.

– Так ты супруга Левилова? – перехватил речь ее князь.

– Так, – отвечала Преврата, – но ты почему знаешь, государь, несчастного моего мужа?

Тогда Светлосан рассказал ей вкратце историю Руса и свои приключения, соединенные с оною.

– Ах, государь! – сказала тогда Преврата. – По словам твоим, хотя и не столь виноват Рус, как я мнила, но только он всем нашим напастям причина; однако ж я ему проступок его прощаю; может статься, был он только орудием божеского на нас гнева.

В сем месте их разговора прервала их беседу толпа оживленных людей, вошедших в комнату; они все пали на землю пред Светлосаном, принося ему свою благодарность за избавление их от очарования. Они были все разного состояния и разных земель люди, и по случаю путешествия своего зашли они в сей замок, надеясь сыскать в нем гостиницу, но вместо оной обрели было себе смерть. По объявлению их, как только кто из них входил на двор замка и, будучи утрашен шумом, происходившим от очарования, хотел бежать назад со двора, то в самое то время становился окамененным. По сказкам их, весьма немногие из них доходили до второй комнаты, а которые были столь дерзки, то погибали бедственно от зиявших пламенем чудовищ.

– Мы всечасно претерпевали мучение, – говорили они, – хотя были и окаменевшими, ибо мы сохраняли в себе всю чувствительность, хотя и не могли оказывать наших чувств. Лютые страшилища сего замка повсеночно мучили нас жесточайшим образом, и мы всечасно молили богов послать нам либо смерть, либо избавителя. Теперь они молитву нашу исполнили, послав тебя к нам на избавление, неустрашимый незнакомец. Сей милости твоей, – продолжали они, – вовеки мы не забудем.

После сего бросились они опять к ногам Светлосановым, который, со своей стороны, обласкав их, сколько возможно наилучше, просил госпожу замка, чтоб она за участие их в ее злочлнении угостила их и поправила, сколько возможно ей, понесенные ими убытки. Преврата с великою охотою на предложение его согласилась и приказала своим служителям, которые подобно были очарованы и предстали пред нее совокупно с прочими людьми, приготовить для всех изобильный стол.

Между тем просила она своих гостей, чтоб они в ожидании обеда успокоились, где кому угодно будет, а Светлосану предложила удалиться с нею в особливую комнату, обещая рассказать ему приключение своего очарования, а от него узнать об его повести. Славенский князь охотно на желание ее согласился и последовал за нею в ее кабинет, где и начала она сперва рассказывать ему свои приключения от начала их, упоминая кратко объявленное уже об ней Русом и Вельдюзем. После чего продолжала она следующим порядком.

– По свершении лютого своего мщенья, – говорила она Светлосану, – над несчастным

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru твоим зятем Карачун, сей гнусный изверг природы, сказал, обратись ко мне: «А ты, неблагодарная, претерпишь от меня сто крат лютейшее сего наказание, но не за вспоможение твое сему бедному полочанину, а за презрение любви моей к тебе. Недостойного твоего мужа наказал уже я так, как должно за его гордость и дерзость противу меня, а тебя оставлял в покое до сих пор для того только, что не имел еще в руках у себя способа прикоснуться к проклятому твоему ожерелью; а теперь, отметя творцам оного, вымучил из них способ прикасаться к нему безвредно». Проговоря сие, схватил он меня с остервенением за ожерелье и, приподняв, ударил об пол, сказав сии слова: «Превратись в образ ужаснейший и сего, каковой теперь я имею, и пребудь в нем до тех пор, пока не умертвит тебя лютое оружие твоего мужа. Имей неистовое желание убивать всех проходящих на избавление к тебе; а чтоб мучение твое сравнялось моему, какое я от тебя чувствовал, то да превратится веселое твое жилище в образ адских пещер, коего жителю препоручаю я сие дело. Вот как люто, – промолвил он, – отмщевает себя раздраженная любовь»... Окончив свою речь, топнул он в пол ногою и, засвистав преужасно, провалился сквозь него со всеми своими прислужниками. После чего из отверстия, учиненного им, поднялся густой дым, смешанный с пламенем и неисчислимым множеством чудовищ, о каких я ниже слышала, ниже воображала. Сие смешение адских страшилищ, измучив меня наилютейшим образом, помешало весь мой разум; тогда превращенной Карачуном в прегнусного исполина дали мне в руки палицу, вселя в меня бешенство убивать всех попадающихся мне. По сем адском действию наполнили они весь мой дом преужаснейшими привидениями и страшилищами, заграждая таким образом ко мне путь всем смертным. Но моя комната наполнена была ими столько, сколько, я чаю, и в самой бездне их не скоплялось. Они меня терзали всякий день наимучительнейшим образом и жизнь мою соделали мне лютее самой смерти... Вот, неустрашимый князь, – продолжала Преврата, – от каких напастей избавила меня твоя храбрость. Одолжение твое почитаю я больше всякого благодеяния: ты меня освободил от свирепостей целого ада, который, я чаю, над первою мною совершил такие лютости.

Светлосан, по оказании своего удивления о толиких чудесностях и по возблагодарении богам за ее избавление, рассказал ей потом, по ее просьбе, и свои приключения, по окончании коих присовокупил он свое сожаление о спутниках своих, прося Преврату послать нескольких людей по разным дорогам для сыскания их. Она весьма охотно обещалась ему в том услужить и того ж часа, позвав некоторых из своих служителей, приказала им ехать по разным путям и искать славян.

– Я уже теперь, подобно прочим людям, – примолвила Преврата князю, – принуждена естественно и помощью человеков исправлять все мои дела и нужды, ибо лютей Карачун, по очаровании моем, отнял у меня все способы к произведению чего-нибудь сверхъестественного. Но я о сем не сокрушаюсь, – присовокупила она, – знание мое в каббалистике употребляла я к единому только моему удовольствию и к вспомоществованию несчастным, что и ныне могу я делать, имея к тому довольно естественных способов.

– Желания твои весьма похвальны, государыня, – сказал на то ей князь. – А кто, имея и сильное могущество, употребляет его во зло человекам, тот не токмо оного, но и жизни недостоин и непременно наконец пострадает лютою казнию, приготовленную ему небесами.

По окончании их разговора, пришли им объявить, что стол уже готов. Преврата, встав, просила Светлосана следовать с нею в столовую комнату, чтобы с прочими избавленными им окончить пированием претерпенные ими бедствия. Князь ей последовал, и по приходе их в столовую, нашли они всех гостей готовых уже к празднованию своего воскресения. По первой просьбе сели они все за стол, за которым всякий из них старался доказать, что он весьма долгое время не ел и не пил. Стол продолжался немалое время и окончился веселым пением сопиршествующих. При окончании стола, Преврата предложила своим гостям отужинать и ночевать у нее, и ехать уже на другой день куда кому потребно. Все они с охотою на сие согласились, и ужин их был веселее еще и обеда. На другой день Преврата, одарив их всех весьма щедро, отпустила их от себя чрезвычайно довольными.

Славенский князь остался у нее в замке, ожидая своих спутников, которые чрез несколько дней с посланными за ними и возвратились. Светлосан весьма был обрадован их возвращением; он их всех представил Преврате, препоручая их в ее дружбу, а напаче прося ее простить Руса в погрешении его пред нею и Левсилом. Тогда варяг пал ей в ноги, присовокупляя и свои просьбы и извинения к

– Я уже сказала тебе, – молвила Преврата Светлосану, – что я ему все прощаю, потому что он не от злодейства к нам это учинил, но от ослепления и еще более хитростью коварного обмана мрачного чародея.

По примирении ее таким образом с варягом, начали они потом все совокупно веселиться так, как наилучшие приятели. Веселие их продолжалось несколько дней, по окончании коих Светлосан предложил своим спутникам, что время уже им отправиться в предлежавший путь, что они все и подтвердили. Напротив того, Преврата намерением сим весьма была опечалена; она видела в них, а наипаче в Светлосане, искренних себе друзей, но, впрочем, не могла она справедливо противиться законной причине, побуждавшей их к тому. С великим сожалением наконец согласилась она на их отъезд, прося Славенского князя вспомнить об ней и ее муже, когда он будет в состоянии им помочь. Светлосан со своей стороны обещал ей приложить все свои старания подать помощь Левсилу, ежели он в живых еще находится, прося притом не поставить ему в худо, что он не возвратит ей волшебного меча ее супруга, который в предприятии его весьма ему нужен. Преврата, напротив того, выговаривала ему с ласкою, что он, возвратя ей жизнь, драгоценнейшую тысячу крат всех мечей на свете, извиняется пред нею в такой малости, которая ей ни к чему уже более не нужна. По сем дружеском словопрении они расстались, обещав друг другу вечную дружбу.

Выехав из ее замка, направили они путь свой к Индийскому морю, по которому вознамерились они ехать в Африку и Египет и в прочие оттуда места, в коих находились славные богоевещалища. Во время своего путешествия рассуждали они о всех тех приключениях, которые с ними случились, и не могли надивиться, как боги, будучи толь правосудны и показавшие добродетельного Богослава за единое позволение поединка, а Вельдюзя за показание бесчеловечной своей храбрости, опускают без наказания гнусного Карачуна, мучающего всех попадающихся ему в глаза. Долго бы они о сем и еще проговорили, ежели бы Светлосанов конь, споткнувшись, не сронил его с себя и не пресек тем их размышлений. Все спутники сего князя бросились ему помогать, и все вместе увидели камень, о который запнулся его конь, и на коем следующее начертано было наставление:

О слабый смертных ум, покрытый вечным мраком,
Взирающий на все пристрастным бранным зраком!
Тебе ль испытывать судьбы владык небес,
Коль умствований ты своих не постигаешь
И буйство в них твое явит всегда превес!
Смирися и оставь, чего не понимаешь!

Прочитав сие, славяне пали ниц на землю, прося прощения у небес в преступных своих размышлениях, после чего облобызали они камень, почитая его священным и мня, что небесная рука нарочно для них начертала сие наставление, дабы научить их безропотно повиноваться своему пределу.

Посем паки сев на коней, продолжали они свой путь, говоря уже о таких вещах, которые не касались до промысла судеб. Напоследок, по нескольких днях своей езды, приехали они к небольшому городку, стоявшему подле моря. По приближении их к оному, увидели они мятущуюся толпу людей на берегу морском, из коей некоторые приготавливали судно. Когда индийцы увидели приехавших к себе славян, то и начали их просить усильно подать им помощь к погоне, которую сбирались они учинить за морским разбойником, похитившим у главного судьи сего городка дочь, которая вышла со своими подругами на берег прогуляться.

Славяне, а наипаче Светлосан, охотно склонились на их просьбу и, сев в приготовленный стружок, погнались за похитителем. Чрез несколько часов настигли они разбойническое судно и учинили на него нападение. Разбойники сделали храбрый отпор, а особливо их атаман, который превышал всех их своею дерзостью; он бросался с остервенением на славян, старавшихся поймать его живого, дабы учинить над ним лютейшую казнь в пример прочим, подобным ему злодеям. Как скоро Остан на него взглянул, то и узнал в нем того самого вора, который похитил у него сандалии.

– А, злодей! – вскричал он к нему. – Наконец я тебя нашел, чтоб воздать тебе достойную казнь за бездельнический твой с нами поступок!

Разбойник, обращенный сими словами на Остана, и сам узнал его и, будучи угрызен

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
совестью и страхом при его зраке, пришел в пуще остервенение (обыкновенное следствие движений незаконных душ) и напустил на древлянина, мня успокоить угрызение своей совести умерщвлением свидетеля своего преступления. Но присовокупившиеся к Остану прочие славяне учинили бешенство его тщетным, и один только бедный Рус от него пострадал, будучи поражен саблею и свержен в море от сего удара.

Наконец сей варвар, видя изнеможение своих сотоварищей и не надеясь успеха в своей обороне, бросился в каюту, где заключена была похищенная им девица, и, схватя ее в беремя, поднялся с ней на воздух, будучи вспомоществуем украденными у Остана сандалиями, и весьма в короткое время убежал у всех из вида. Оставшие разбойники, видя побег своего начальника и лишась надежды отбиться, сдались нападающим, прося помилования своей жизни. Но индийцы раздраженные злодейством их атамана, унесшего девицу, перерубили без милосердия их всех и покидали в воду.

Учинив таким образом кровавое отмщение злодеям и причалив их стружок к своему, возвратились они со славянами в городок. Отец похищенной девицы, который, по причине глубокой своей старости, не мог за разбойниками гнаться, ожидал их на берегу со всеми своими родственниками, волнуясь между страхом и надеждою. При виде привязанного разбойнического стружка, все они закричали радостным голосом, который, по привалении судна к берегу, пременился в плач и рыдания, когда объявлено было следствие погони. Светлосан старался, сколько возможно было, утешить бедного старика, который паче всех рвался о похищении своей дочери; но таковые несчастья единое токмо время приводит в забвение.

По сем печальном приключении, недолго пробыл Светлосан в сем месте, но, наняв порядочное судно для мореплавания, пустился в море с последователями своими. Плавание их даже до равноденственной черты довольно благополучно было, но при подъезде к оной тихая погода переменялась и ветры начали возмущать гладкие воды. Вскоре Похвист, божество бурливых ветров, явился на воздух, гоня стадами мрачные и густые облака, которые, распростираясь по горизонту, затмили сияние блестящего Световида и преобразили день в ночь. Ужасный гром и беспрестанные молнии приумножали свирепость бури и страх пловцов, а разъяренные волны, вздымая их к небесам, низвергали до жилища Нии, подземного царя. Седая пена, вися клубами, окружала корабль со всех сторон и, ввергаясь в него с валами, угрожала плывущим неизбежным утоплением. К довершению же напасти, неукротимые сыновья ветра, сломив щеглы и оторвав кормило, понесли корабль по пространству моря, крутя и порывая его по глубоким и высокомерным валам. Ужас и темнота отняли присутствие разума, бодрость и силы у кормщика и мореходцев: все кричали и повелевали, но никто не исполнял повелеваемого. Один Светлосан и сопутники его сохраняли бодрость, вспомоществуя повсюду и ободряя мореплавателей. Но наконец последний и свирепейший всех вал отнял последнюю у всех надежду, повергнув корабль на подводный камень и раздробив его вдребезги об оный. В сию ужасную минуту несчастливейшие погрязли тотчас в глубине морской, а прочие, ухватясь за разломанные части корабля, предалися волнам, полагаясь на волю провидения. В сем числе спасшихся находился и Светлосан: при расторжении корабля попался ему в руки большой оного обломок, за который он ухватясь предался свирепости моря. Разъяренные волны понесли его с великим стремлением по пространству вод и напоследок, утомив его несказанно, привели в беспамятство и почти окаменение. В сем жалостном состоянии выбросили его воды на пустой и каменистый остров, в самую глухую полночь. От причиненного удара сим извержением Светлосан несколько опамятовался, но, избавясь от страшного зрелища свирепствующего моря, не на приятнейшее попал он место. Посредством блиставшей молнии увидел он престрашные высоты и положением горы, покрытые дремучими лесами, полуголую землю, усыпанную всю камнями, причем рев и вой свирепых зверей, совокупясь с пресильным визжанием ветров, ломавших и исторгавших с корнями деревья, представил ему сию страну ужаснее и самого моря. Изнеможение сил и хлад, страх от плотоядных чудовищ, ужас от беспрестанных сверканий и грома и лишение отовсюду помощи поколебали всю его бодрость. Он бросился на колени, чтоб принести молитву богам, на коих ему тогда последняя оставалась надежда, но в самое то время оторванный вихрем камень с висевшей над ним стремнины поразил его столь сильно, что он упал без памяти. Погруженный сим жестоким ударом Светлосан в беспамятство и почти в смертное бесчувствие пролежал на сем каменистом берегу до совершенного восхождения солнца, которое благотворными своими лучами мало-помалу возвратило ему напоследок чувства. Он растворил смутные свои глаза и, осматриваясь во все стороны, насилу мог вспомнить, где он находится. Сие воспоминание, представляя ему тогдашнее печальное его состояние и постепенно потом все бедственные

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru приключения с ним и его родственниками, погрузило его в глубокое размышление и напоследок начало было приводить в отчаяние. Князь, приметив, что сей яд разливается весьма быстро по его жилам, вооружился всеми оставшими силами своей бодрости и, принеся молитву небесам, восстал и, предав себя их воле, вознамерился все бедствия свои сносить великодушно. В сем намерении будучи, предпринял он осмотреть весь остров, ласкаясь некоторою тайною надеждою, что получит на нем счастливое окончание своему странствованию.

Ободренный сими мыслями, прошел он великий округ каменистого берега и пришел напоследок на плодоносное место, коего приятный вид бодрость его приумножил. Луг, покровенный многоразличными и благовонными цветами, деревья, обремененные прелестными плодами, принимали к себе его взоры; он сорвал несколько плодов, которых приятный вкус и запах, услаждая его чувства, подали ему новые силы. Светлосан, получив от сего наиболее надежды к лучшему впредь, возблагодарил богам и, увеселяясь сим лестным упованием, начал прохаживаться по сей благоуханной долине, наслаждался веселыми ее предметами. По нескольких минутах его прогуливания, пришел он на прелестнейшее и того место, и когда взоры его по ней обращались, то представилось ему зрелище, весьма несовместное с приятностями места. Это был человек, лишь только растерзанный зверем; стенания его привлекли к нему Светлосана и побудили его подать ему помощь, ежели осталось какое к тому средство. Но сколь велико было его удивление, когда он в сем человеке увидел того разбойнического атамана, который, будучи рабом, украл у Остана сандалии и с коим он сражался на море за похищенную им девицу! Но при плачевной участи сего бедняка, гнев его уступил место сожалению: Светлосан начал ему помогать перевязыванием его ран.

– Великодушный незнакомец! – сказал ему разбойник томным голосом. – Труды твои напрасны: смерть мою ничто уже остановить не может; сами боги ею меня наказуют за мои злодеяния. Но благодарю их, что при последнем моем конце послали они ко мне тебя свидетелем моего раскаяния. Сними с меня, – промолвил он, – драгоценные сии сандалии, которые похитил я у древлянина, и возврати ему их, а меня оставь пожранию моей смерти.

По сих словах, умноживших его изнеможение, начал он ослабевать смертельно и вскоре лишился жизни.

Светлосан, удивлялся правосудию неба, воздал благословение неиспытанным его судьбам и посем приступил к исполнению завещания умершего. В снятие с него сандалии рассудил он сам обуться, для всякого нечаянного случая, предприняв возвратить их Остану, ежели небо соблаговолит еще его увидеть жива. Потом, сыскав яму, положил в нее мертвое тело и заметал всем тем, что ему способное к тому попало. Воздав таким образом последний долг человечеству, предпринял он с помощью сандалий обойти несколько островов в надежде обрести на них своих спутников, которые, чаял он, может быть, подобно ему, были выброшены морем. В сем намерении предпринял он наперед обойти сей остров, на коем сам находился, что немедленно он и начал.

Прошед несколько расстояния, увидел он весьма высокую гору, которая показалась ему весьма способною для рассмотрения всего острова, чего ради и пошел он на нее, в таком будучи мнении, что не увидит ли чего с нее достойного примечания или кого из своих сотоварищей. Взошед на гору, долго он осматривался по всем сторонам, но за множеством гор и лесов не мог хорошенько рассмотреть пологой земли и берегов. Таким образом обманувшись в своей надежде, хотел уже было он сойти с горы, как вдруг его взорам представилось следующее позорище. Превеликое сорище львов и тигров в долу, подле горы, гналось за молодым человеком и готово было одного растерзать. Светлосан, пораженный жалким его состоянием, нимало не размышляя о собственной своей опасности, бросился к нему на помощь, надеясь посредством своих сандалий выхватить его из среды плотоядных сих зверей. Но едва он к ним спустился по воздуху и, ухватя юношу, хотел с ним подняться, как несколько львов, схватя его за одежду, повергли на землю и, растворя жадные свои пасти, хотели его растерзать. Светлосан, обманувшись в успехе своего предприятия, готовился уже на мучительную себе смерть, как в самый тот миг избавленный им юноша поверг нечто в толпу лютых зверей, Едва они почувствовали сие, как, бросясь все к тому месту, начали между собою преужасную ссору, грызя друг друга и удаляясь от того места, где был повержен Светлосан. Между тем молодой человек, ухватив его в беремья, понесся с ним, как вихрь, и в одну почти минуту принес его в пещеру весьма ужасной горы, обросшей камнями и дремучим лесом.

Принеся его в пещеру и посадя на сделанную из дерна лавку, сказал ему следующее:

– Ты учинил такое дело, какое редкий из смертных предпрять отважится и которое ласкает меня сыскать в тебе того витязя, от коего храбрости зависит мое освобождение.

Проговоря сие, прошептал он несколько слов и в ту ж минуту превратился в ужасный предмет, который представлял безобразнейшего человека, какого ниже быстрейшее воображение вымыслить может. Он был обременен претягостными оковами, на которых были положены неизвестные знаки.

– Вот мой точный вид, – продолжал он говорить князю, – каковой мне дан, в наказание мое, от подземного царя. Я хочу, – промолвил он, – рассказать тебе мою повесть, которая подаст тебе ясное обо мне понятие, и о коей никто еще из смертных не знает». Сказав сие, сел он на земле против Светлосана и начал ее следующим порядком.

Повесть Липоксая скифа

Я один из трех сынов Таргитая, скифа, происшедшего от Перуна и дочери реки Днепра. Дед мой, по возрасту моего родителя, отдал ему во владение всю ту землю, кою ныне обладают славяне и чудь, из коих последние произошли от нашего рода и присовокупились потом к славенским племенам.

Родитель мой, получив сей дар, начал себе собирать отовсюду подданных», которых напоследок скопилось довольно множество, и соделалось из того небольшое царство. Великое плодоносие нашей земли немало способствовало к размножению в ней народа. Царствование моего родителя продолжалось весьма спокойно до глубокой его старости, и напоследок скончался он нечаянно, не чувствуя никакой скорби, приведен будучи к своему концу единственно истощением природы, а не сластолюбивым житием, как то бывает в нынешнем веке.

Сия его нечаянная смерть была нам причиною к расправе о державе нашей страны. Нас было три брата, как я уже сказал: средний именовался Арлоксай, младший Колоксай, а я был старший и называюсь Липоксай. Дед наш Перун, желая разрушить наш спор своим благоволением, избрал достойным к державе младшего из нас брата. Избрание свое утвердил он следующим чудом. Когда мы вышли из столичного нашего города Гелона на поле, чтоб решить наш спор превосходством наших сил (ибо мы уговорились, чтоб тому, кто далее из нас выстрелит из лука, осталось населенное царство, а прочим пустая земля), то в самое то время, когда хотели мы к сему лишь приступить, упали с неба соха, ярмо, топор и чаша, все из чистого золота. При сем приятно позорище все мы оборотили на них свои глаза. Желание толь богатой корысти привлекло меня к ним первого, но едва я к одной их сих вещей прикоснулся, как исшедшее от оной пламя так меня ожгло, что я, закричав ужасно, с великим стремлением отскочил от нее прочь. Арлоксай, средний наш брат, равную мне имел участь. Меньший из нас (могла ль сие помыслить наша гордость?) лишь только подошел к сим драгоценным вещам, как в то же мгновение пламя их оставило, и он учинился счастливым их обладателем, а с ними совокупно и нашего царства.

Сие огорчительное для нас и славное для Колоксая приключение преклонило к нему народные сердца, а мы принуждены были выйти из его державы. Арлоксай удалился в северные страны и учинился родоначальником чудских поколений, из коих следующие славны потом учинились: весь на Беле-озере, меря в Ростовской и Переяславской земле, по Клещину озеру, также мордва, печора и другие многие, о которых для краткости я умалчиваю. По смерти его чудские народы, а наипаче белоозерцы, обоготворили Арлоксая за его добродетель и преизящное его царствование. Соделали ему истукан из драгоценного дерева, возложили на него богатое ожерелье и дали ему в руки серебряную чашу, в которую все приходившие к нему для молитвы клали деньги. Подле великолепного его храма соорудили кладбища, в которых погребались все знатные и богатые люди с великими сокровищами. Память его и донныне между ими осталась под именем Иомалы.

По крайней мере, судьбу его почитаю я блаженною, что он, лишась своего отечества, учинился инде счастливым родоначальником и обоготворенным государем. А я, несчастный, лишась отеческого престола и гордясь моим старшинством, впал в отчаяние и удалился в покрытые вечным льдом земли, прилежащие к Хвалынскому и Черному морю. Совокупя несколько диких народов с убежавшими со мною скифами,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru учинился я малым владетелем и родоначальником происшедших потом угров и обрей. Но не довольствовашись сим малым владением и сокрушался всегда об отеческом престоле и о предпочтении моего брата, старался я сыскать в чем-нибудь другим мое прославление, и напоследок вдалься я в розыски трав и побегов небесных и наконец так пристрастился к сему, что, оставив попечение о малом моем княжестве моим детям, препроводил я всю мою жизнь в изобретении и сыскании каббалистики, попросту называемой чернокнижием.

Неусыпными моими стараниями и прилежанием учинился я напоследок великим каббалистиком: нашел таинство с помощью трав, камней и минералов производить всякие невозможные дела и повелевать духами. Посредством богов небесных научился я угадывать прошедшее, настоящее и будущее. Все сии знания описал я в превеликой сочиненной мною книге, которая заключала в себе науку и наставления, как производить всякие сверхъестественные дела. Книгу сию и к ней словарь сочинил я на ассирийском языке, которому научился я в молодости моей от одного ассирийца, пришедшего поселиться в Скифию к моему родителю, куда его завели несчастья, изгнавшие оного из Ассирии. Сие я учинил для того, чтоб не всякий мог ею пользоваться, ибо она заключала в себе всю глубину чародейного знания.

Гордясь толь великими успехами моего рачения, сделал я несколько волшебных вещей, которых действие удивило моих подданных и вселило в них обо мне высокое мнение. Вскоре слава моего искусства распространилась по соседственным державам; превеликое число людей начали ко мне стекаться отовсюду, иные желая удостовериться, другие научиться. Стечением сим государство мое приобрело себе в короткое время размножение, богатство и сияние, каких дотоле не имело. Ободренный сими выгодами, старался я утвердить мою славу новыми изобретениями и чудесами моего знания. Сведения моего не скрывал я от иностранцев, но позволял им все видеть и всему от меня учиться за некоторые прибитки, которые были полезны новому моему государству. Одним словом, я начал продавать все, и чертоги мои соделались училищем волхования для всех приезжавших и хранилищем волшебных вещей, которые раздавал я всем желающим за великие цены и подарки, не мысля нимало о том, что некоторые из сих вещей служили не токмо к пользе человеческой, но и ко вреду, что потом вскоре и воспоследовало.

Наконец раздраженный Перун сими злыми моими изобретениями поразил меня громом и тем закончил дальние мои в чародействе изыскания, но, однако ж, не пресек тем волшебства, которое, посредством моих наставлений и вещей, по всему свету распространилось, а наипаче в подвластной мне земле, в Скифии и в чудских странах.

Оставшиися по мне дети и подданные мои, оплакав меня весьма довольно, учинили мне погребение по скифскому обряду следующим порядком: сперва вскрыв мое чрево и вычистя оное, наполнили нарезанным галгантом, курительным порошок, семенами травы петрушки и анисом и потом зашили, а тело мое все облепили воском. После сего, положи меня в гроб, поставили оный на одр и так вынесли на кладбище; поставя его на оном, воткнули со всех сторон копья, на кои возложи шести, покрыли их прутьями около гроба. Притом в честь мою положили со мною вместе, задушив наперед, наложницу мою, кравчего, повара, конюшего, служителя, судостроителя и коня, присовокупя к тому золотую чашу и прочие любимые мною вещи, также волшебную мою книгу и с нею словарь. По сем действии всякий, кто только ни провожал мое тело, старался принести наиболее земли, дабы оною засыпать мой гроб и положенных со мною, и наконец насыпали надо мною толь великий бугор, что оный походил более на холм. Сие обыкновение, чтоб насыпать бугры над могилами, – примолвил Липоксай, – и вы от нас переняли.

Душа моя, – продолжал он, – по исшествии своем из тела, предстала совокупно с прочими погребенными со мною пред подземного царя, ожидая с трепетом от него себе осуждения. Ния, воззрев на меня свирепым взглядом, сказал мне грозно:

– Недостойный сын добродетельного Таргитая! Тако ли следовал ты его примерам? Наместо добродетельного и попечительного правления ты употребил жизнь свою на изыскания таинств, сокрытых от человеков небесами; ты хотел уподобиться богам запрещенными тебе средствами и силою духов, тебе служивших; но на место блага приключил ты вселенной неведомые ей несчастья.

Приговоря сие, повелел он фурии представить пред меня зеркало, в котором я увидел великое множество людей, мучимых разнообразно моими учениками. Иные из них были превращаемы в разные гнусные животные, другие томимы ядом или

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru очарованиями, третьи лишаемы любимых ими вещей; и одним словом, усмотрел я тут всякие лютоости, содеяемые от учеников моих над прочими смертными. При сем ужасном зрелище содрогнулся я паки, познав всю мою несправедливость и безумие; я пал пред Ниєю, надеясь моим уничижением и мольбами преклонить его к себе на милость.

– Напрасно ты стараешься, – закричал он мне грозно, – склонить меня своими мольбами: преступление твое столь велико, что не может его ничто загладить, кроме моего наказания.

По сем ужасном изречении, повелел он адским страшилищам меня окружить и наложить мне все те мучения, каковым подвергла моя наука живущих во вселенной. О небо! – возопил при сем Аипоксай, – каких не испытал я тогда лютоостей! Беспрестанное мое превращение в разнообразные и гнусные животные было меньшее из тех мучений, какими я томим был от фурий: яд, огонь, железо повсеминутно меня терзали, и напоследок уже сам немилосердый Ния тронулся моими мучениями, продолжавшимися несколько годов, и повелел меня пред себя представить.

– Не дела твои, – сказал он мне суровым образом, – исходатайствовали тебе оставление мучений, а сожаление мое; но злодейства твои таковы, что требуют должного очищения. По определению судьбины до тех пор не получишь ты себе успокоения, пока, пребыв несколько лет во власти у богопротивных чародеев, тобою произведенных, не будешь ты наконец освобожден от некоторого лютого волхва юным князем из рода Славенова, и покуда не уничтожатся с оным чародеем, посредством сего витязя, все волшебные вещи, тобою на свет произведенные.

Едва он сие проговорил, как мрачное и густое облако, подхватив меня, понесло с великим стремлением и напоследок, поставив меня в пустой Аравийской степи, оставило меня моему отчаянию. Долгое время пробыл я на пустом месте и наконец, по некотором моем плутании по оному, пришел ненароком к чистому источнику, взглянул я в оный и увидел в нем все мое безобразие, каким меня наказал подземный царь. С превеликим ужасом отскочил я от источника, мня видеть в нем некое страшилище, пришедшее паки меня мучить, но, не видя никого, опять я подошел к воде и, увидя паки то же пугалище, делающее сообразные моим движения, уверился я напоследок, что это было мое собственное лицо. О небо! Какая грусть тогда меня объяла! Я бы охотно лишил себя жизни в тогдашнем моем унынии, ежели б естество духа, которое поднесь я сохраняя, могло чем лишиться своего бытия, по примеру человеческого. Но, однако ж, после я узнал, что могу, в отраду мою, принимать на себя каждый день на один час такой вид, каковой сам я избираю.

После сего приключения недолго я пробыл, шатаюсь: страшный адский глас, происшедший ко мне вскоре после того, определил меня к некоторому вавилонскому чародею, который, научившись от последователей моих волхованию и узнав о месте моей книги, вырыл ее из бугра, под которым она с телом моим была зарыта. Посредством сей книги и других волшебных вещей принудил он ад дать себе в услужение духов, в числе которых и я к нему был послан. Сей гнусный чародей за сие требование обязался предать себя по смерти на вечное мучение аду. Он сие учинил с умысла, надеясь посредством духов достать себе бессмертие, ко всемогущие боги сие его намерение уничтожили. Сей волшебник не знал ничего обо мне и почитал меня просто духом; напоследок, желая от других сотоварищей моих получить некоторые важные услуги, известился от них, что один я могу его в том удовольствовать, а в доказательство рассказали они ему мое приключение. Без сомнения, учинено было сие ими по повелению Нии, дабы совершить надо мною мой рок. По сему известию и возложил он на меня должность исполнять все его приказания, но необычность и бесчеловечность оных заставили меня от того отрещися. За сие непослушание по власти, данной ему надо мною, начал он меня мучить наилютейшим образом, дабы принудить меня к повиновению, однако ж я всю его ярость постоянно претерпел, уповая тем окончить вскоре мое страдание. Но определение богов отложило весьма на далечайшее время срок моего бедствия.

Таким образом стонал я под жестокостью его ударов до самой смерти сего чародея. По отшествии души его в тартар, получил я паки мою свободу, но однако ж немногие годы ею пользовался и достался опять во власть некоторому добродетельному вавилонянину вместе с моею книгою, которую нашел он в земле, копая себе колодезь, ибо прежний волхв зарыл ее в оную, опасаясь, чтобы кто ее у него не похитил, но и храня ее в земле, столько боялся ее потерять, что написал в ней на похитителей заклятие. Новый и добродетельный мой повелитель не принуждал меня ни к какому незаконному делу, ниже хотел полученные в книге сведения обратить во

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru зло своим ближним, как то дельвал лютый его предшественник, но еще избавлял смертных и от прочих чародеев и за то приобрел себе спокойную жизнь и мирную кончину, пред которою зарыл он паки книгу мою в землю, приложив к ней объявленное тебе Видостаном завещание.

По кончине добродетельного сего человека, пробыл я несколько лет на свободе, но наконец книгу мою, с коею совокуплена была моя вольность, вырыл некоторый бедный человек и, не зная ее употребления, продал ее индийскому купцу, а от сего досталась она Видостанову отцу. О прочем же ты сам ведаешь, и мне остается только рассказать теперь о том, что тебе неизвестно.

Видостан, получа ее в свои руки, – продолжал дух, – и познав ее важность, весьма учинил неосторожно, что открыл о том неверному своему любимцу, который, употребив знание ее в свою пользу, соделался страшным повелителем своему благодетелю, мне и всему свету. Первое его старание было покорить своей власти духов, между коими и я ему достался. После сего научился он разным превращениям и очарованиям, дабы, ограждая себя от всех сторон, учиниться страшным всем людям. Вскоре после сего учинил он опыт знания своего и лютой над отцом своего благодетеля, отравя его наилютейшим ядом. Учнив сие, он сокрылся и, избрав своим пребывалищем один из здешних островов, принудил нас построить себе на оном замок. Из сего-то ужасного замка выходя, причиняет он свету ужасные злосчастия, какие только выдумать может. О злодейских его поступках с Видостаном и прочими известными тебе людьми ты сам довольно ведаешь, а о прочих его злодеяниях скажу тебе коротко.

Сей гнусный чародей, получа во власть свою меня и прочих духов, вознамерился овладеть нашею помощью целым светом и учиниться бессмертным, но великие боги суетному и высокомерному его желанию посмеялись, показав ему в нас слабых исполнителей его гордости, ибо сие его желание удовлетворить мы отказались, сколько он ни принуждал нас к тому наказаниями. Карачун, лишася в том своей надежды, вознамерился к тому достигнуть сам собою: он начал выискивать всех волхвов и лишать их волшебных их вещей, надеяся сими средствами учиниться сильнее всех, в чем он действительно и успел. Ибо сколько ни обреталось волшебников во вселенной, он всех их победил разными проницательствами и овладел их вещами и тем учинился столько силен и страшен, что сам Ния не смел иногда сопротивляться его воле. Таковою его властью раздражась боги и опасаясь его лютой, лишили его силы умерщвлять всякого человека и определили ему скорую казнь, что я узнал от прочих духов, моих сотоварищей.

Долго бы рассказывать мне, – продолжал Липоксай, – о всех его злодействах, ежели б описывать их подробно, но я скажу тебе о том вообще. С тех пор как овладел он моею книгою и духами, не приключилось в свете никакого важного несчастья, коего бы не был он виною. Сей мерзкий эфиоп, лишася власти умерщвлять людей, терзает их, напротив того, всякими лютейшими мучениями и лишает их своими очарованиями естественного их вида. Причем употребляет он такую хитрость, что все очарованные им по тех пор неизвестны бывают свету, покамест продолжается их очарование, и одни боги могут человекам открывать его козни. Он построил еще себе на некотором здесь острове замок и определил его на свои увеселения, но однако ж, кроме досад и огорчений, ничего в нем более не находит, понеже похищенные им отсюда в сей замок красавицы, какие он ни употребляет проницательства для прельщения их, все до единой презирают его и гнушаются им, ибо правосудные боги, в наказание ему и для предосторожности неповинных красот, лишили его власти являться к ним в другом виде, кроме его собственного, а собственное его гнусное лицо неудобно прельстить и самой наипозорнейшей женщины. Вот каково его изображение!

Теперь осталось мне сказать тебе окончание собственной моей повести. Я нашел, будучи еще жив, лютое средство умерщвлять людей разнообразно, хотя б и сами боги смерти их сопротивлялись. Но сего варварского таинства не включил я в мою книгу, ниже кому о том поведал, опасался худых от того следствий. Сия-то воздержность и спасла меня в аде от конечного моего погубления, и сие есть причину теперешнего моего заключения. Ибо сей лютый волхв, уведав от сотоварищей моих о сей моей тайне, хотел от меня об ней узнать, но я ему твердо в том отказал, что и навлекло мне от него самое варварское мучение и темницею сей остров. Но я надеюсь, что милосердное небо за претерпленные мною страдания вскоре избавит меня от власти сего тирана человеческого рода. Ибо ты, государь, – продолжал он, – точно мне кажешься тем витязем, от коего боги определили мое избавление. Я уже весьма давнее время нахожусь на сем острове, вседневно ожидая с тобою моей свободы. Напоследок, увидев здесь тебя, предпринял я испытать твое

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
добродушие и тем увериться, что ты будешь мой избавитель от лютого Карачуна. Для сего-то точно и превратился я в молодого человека и силою моего знания обратил на себя толпу лютых зверей; и когда доброе твое сердце склонило тебя вдаться для меня в опасность, тогда я бросил в толпу сих животных некоторый приуготовленный мною состав, который, возбуждая в них бешенство, обратил их на самих себя.

Едва только Липоксай окончил свою повесть, как пресильное землетрясение взорвало в пещере пол и учинило великое отверстие, из коего с превеликим пламенем и сгущенным дымом выскочил к ним исполин, вооруженный саблею.

– Умри, – вскричал он Светлосану, замахнувшись на него оружием, – и прекрати надежду сего неверного духа и свою собственную!

Но Липоксай в самый тот миг отхватил князя от поражения и вынес его вон из пещеры.

– Дерзновенный! – вскричал исполин духу. – Ты осмеливаешься защищать лютейшего моего врага, но ведай, что ты сим усугубил только свои и его мучения. Ничто вас не избавит от мщенья Карачунова!

Проговорив сие, кинулся он за Светлосаном, который, лишившись волшебного своего меча при потоплении, принужден был спастись бегством, не имея к защите своей другого способа. Помощью летающих сандалий, прибежал он вскоре на поверхность моря, но великан, который был точно Карачун, не оставил за ним гнаться и по морю, будучи поддерживаем духами.

Конечно бы от руки его погиб тогда Славенский князь, ежели б нечаянный случай, который, казалось, готовил ему единую гибель, не спас его жизни. От продолжительного бежания дух у него начал уже заниматься и лишать его всей надежды к спасению; отчаяние овладело его мыслями; он возвел глаза свои на небо для испрошения себе помощи свыше, но в самое то время, запнувшись, упал и мнил уже себя потопшим, как в самый тот миг почувствовал у себя в руках нечто такое, которое падение его остановило. Он встал тотчас опять на ноги и увидел под собою превеликого дельфина, держащего во рте своем волшебный Левсилов меч. Обрадованный князь сим приключением едва осмелился поверить своим глазам; воздав благодарение бессмертным, ухватил он свой меч и с превеликою храбростью обратился на гонящегося за ним Карачуна, который весьма уже близко от него находился. Сей гнусный волхв, сколько ни нагл был и ни дерзостен, но усмотря Левсилов меч в Светлосановой руке, вострепетал и обратился в бегство. Но не возмог бы он избежать достойной себе казни тогда же, ежели б не спасся от того своим коварством, ибо, превратясь в рыбу, повергнулся он в море и тем избавился от неминуемой себе смерти.

Светлосан, лишись таким образом своей победы, принужден был возвратиться на остров, дабы посоветовать с Липоксаем, каким образом может он достигнуть до окончания своего предприятия, в рассуждении ниспровержения сего коварного врага.

– Желание твое весьма похвально и велико, – сказал ему Липоксай, – оно избавляет мир и меня от наилютейшего тирана, и сколько мне ни будет стоить подать тебе о сем мое мнение, ибо чародей сей не упустит наложить мне за сие наихудейших мучений, однако ж, невзирая на все то, хочу тебя в сем удовольствовать. Я уже тебе объявил, – продолжал он, – что Карачун имеет у себя два замка: один из них украшен всеми нежностями и приятствами великолепия и пышности, а другой имеет вид самого ада, по причине ужасных своих предметов. В сем последнем замке обитает Карачун, и всякому из смертных вход в него запрещен, под лишением за то живота. Кроме сего, окружен он ужасными заграждениями, которых, кроме богов и духов, никто преодолеть не может, не подвергая жизни своей неминуемой смерти. В сем замке хранит Карачун все похищенные им волшебные вещи, под стражею наиужаснейших чудовищ. Никак нельзя покушаться взойти открыто силою в сей замок или напасть на самого сего чародея и победить его явно. Надобно изыскивать случай, чтоб всполошить его в замке, в коем обитают у него красавицы, ибо он лишается тут почти всей своей силы, либо же при помощи богов войти тайно и без него в обитаемый им замок и напасть на него сонного. Кроме сего совета, – продолжал дух, – никак помочь тебе я не могу, ибо Ния запретил мне вспомоществовать тем, которые пожелают разрушить мою неволю.

Сказав сие, он исчез, а Светлосан, оставшись один, вознамерился искать Карачуновых замков.

Принеся наперед молитву богам, пошел он, вспомоществуемый сандалиями, на поверхность моря и определил на нем до тех пор странствовать, пока не найдет Карачунова жилища. Но сие путешествие было бы ему гробом, ежели бы не помогло ему доброе его счастье, которое по справедливости бывает иногда лучше храбрости и досужства. По отдалении его от острова, небо переменило ясность свою на мрак, порывистые ветры возмутили тихие воды и не оставили Светлосану иного пути, кроме опасной середины между волновавшеюся бездною и блиставшим горизонтом. К довершению напасти темнота окружила все пространство понта и не оставила ни малого средства к разделению предметов. В сей крайности князь принужден был бежать то по ярящимся волнам, то по бунтующему воздуху. Таким образом путешествовал он двои сутки, находясь в беспрестанной опасности от моря и грома. Наконец последовала ясность, но которая не принесла ему ни малого облегчения; глад и утомление, обьявшие Светлосана, лишили его почти всех сил. Уже изнеможенные его ноги едва ему служили, и он начал уже от великой усталости спотыкаться и приходиться в некоторый род обморока, который бы его навеки погрузил в море, как в самое то время увидел он превеликий отломок разбитого корабля. С великою радостью пошел он к нему, благодаря небо за толь очевидную помощь. Добравшись с немалым трудом до сего отломка, сел он на него и, отдохнув довольно время, почуствовал в себе изнуряющий голод и жажду. Весьма долго боролся он с ними, но напоследок побуждающая его к насыщению природа начала изнемогать и лишать его чувств. В сие время притуплённые его взоры, едва уже обращающиеся по поверхности вод, ласкаясь надеждою обрести на них нечто к утолению алча и жажды, увидели вдали плывущее животное, которое несло нечто во рту. Некая надежда обновилась в сердце Светлосанове; он поднял голову, чтоб рассмотреть получше сие животное, которое приплывало к нему час от часу ближе, и с великою радостью увидел наконец, что это был морской лев, который нес во рте своем превеликий куст с кокосовыми орехами. Как скоро подплыл он к Светлосану, то, оставив при ногах его свою ношу, нырнул в воду и по нескольких минутах, вынырнув от него в немалом расстоянии, поднялся в воздух в виде великой птицы.

Но Светлосан в тогдашнем своем состоянии не весьма старался то приметить и все свое попечение обратил к кокосовой ветви. При ослаблении своих сил едва он выволок ее из воды и напоследок, разрезав один орех своим мечом, выпил из оногo сок, который показался ему тогда настоящим нектаром. Таким образом сия неожиданная помощь возвратила ему жизнь, столь много крат бывшую подверженну смерти. Сие счастливое приключение привело его в состояние путешествовать далее: снабдясь сим приятным плодом и принеся молитву небесам, вдался он паки своему путешествию, и, по счастью своему, чрез несколько дней увидел он остров, окруженный отвсюду дремучим лесом и каменистыми утесами. С превеликим трудом пробрался он сквозь чашу оногo, в надежде сыскать несколько плодов, способных в пищу. По прошествии им сей густоты, увидел он высокие кремнистые горы, покрытые льдом и снегом и на которые никоим образом человеку не можно было взойти. Однако же Светлосан, вознамерясь осмотреть остров, превозмог сию трудность, вспомоществуем будучи сандалиями. Но какое было его удивление, когда он, по восшествии на сии горы, увидел с них дол, изобилующий плодоносными деревьями и благовоными цветами, а далее того великолепный замок, наподобие превысокой горы, украшенной разнovidными цветами. При сем приятном виде Славенский князь пал на колени и, воздев руки к небу, произнес сию молитву: «Великий Перун и ты, многомогущее божество бедствующих людей! Внемлите моление смертного, обожающего вас нелицемерно: если я не обманываюсь, то сие великолепное здание есть творение гордого Карачуна; вспомоществуйте мне прейти безбедственно все оставшиеся трудности, споборствуйте моему подвигу и, устроая мою руку на отмщение мучимого человечества, сопроводите ее в сердце нечестивого тирана вселенной. Я обещаю принести вам тучную жертву и вспомоществовать всеми моими силами и во весь мой век страждущему человечеству».

По совершении Светлосаном молитвы, гром возгремел в десной его стране, и блеснувшая молния казалась стремящеюся на здание замка. Князь паки пал на землю, благодаря богов за толь явственное предвозвещание их благоволения. После чего, наполняясь несомненным надеянием на помощь бессмертных, пошел он прямо к замку. Чем ближе он к нему подходил, тем больше умножалось великолепие оногo. Чертоги его, подобающиеся высокой и утесистой горе, были сооружены из разноцветных блистающих камней; золото и серебро были последние стен их украшения; преизящнейшие истуканы изобиловали на них повсюду; крыльцы, переходы и теремки являли на себе вид неподражаемого художества. Одним словом, здание сие походило на некий священный храм, превосходящий красотою и великолепием своим все те преузорочные достопамятности, которые греками семью чудесами именовались. Но

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
сколько замок сей был великолепен, столько приступ к нему был труден: стены его, сооруженные из крепчайшего мрамора, утыканы были наподобие щетины острыми рожнами, а ворота его состояли из непроницаемого булата. Кроме сей твердой заграды, окружала замок глубокая и быстрая река, наполненная преужасными чудовищами, которые, всплывая на поверхность вод, произносили страшный свист и рев, являя огромные и гнусные свои тела. Сверх того, находился на берегу железный истукан, вооруженный всеми орудиями, какие только изобрела кровавая война для отнятия жизни у людей. Сей грозный истукан, произнося престрашные завывания и вопли, обегал быстрее вихря берег, окружающий замок, и грозил умертвить всякого, кто б ни отважился в оный вступить, ибо силе его ничто противиться не могло.

Славенский князь, усмотря сего стража, обнажил свой меч и, надеясь помощью его крепости одолеть сие страшилище, пошел к нему безбоязненно. Железный страж, увидя идущего на себя Светлосана, бросился к нему с ужасною свирепостью и, подняв медную свою палицу, хотел его сразить ею нарочно, как вдруг, посмотрев на сего князя, возопил томным голосом и отскочил от него весьма поспешно. Столь нечаянный случай привел Светлосана в некоторый род недоумения и робости: он не ведал, что ему о сем приключении мыслить; между тем подходил он к нему ближе, желая лучше его рассмотреть и, ежели можно, уведать от него о всем, о чем ему нужно было узнать. Но истукан, усмотря его к себе приближение, побежал к мосту, ведущему чрез реку, который состоял весь из железных пружин, сплоченных совокупно, и встал на конце оногo; и как только Светлосан к нему подошел, то железный сей муж топнул в мост ногою, проговоря несколько слов, отчего оный тот же миг съехался. Сие удивительное приключение еще в большее привело удивление Славенского князя. Между тем истукан то отдалялся от Светлосана, то приближался к нему на железном своем мосте; во время отдаления своего делал он разные телодвижения и знаки и весьма печальные и смешные рожи, которыми старался он нечто дать знать Славенскому князю, а приближался к берегу, хотел его поразить. Сие чудное действие привело в вящее недоумение Светлосана: он не знал, что начать, ибо знаками своими испрашивал у него истукан некоей милости, а нападениями своими приводил его в раздражение. Но в самое то время, когда юный князь о сем размышлял, а железный муж подплыл к нему на мосте, делая нападения, налетел на Светлосана от стороны замка и почти из-за самого истукана превеликий морской орел, как будто бы желая на него напасть и с ним сразиться. Возбужденный сию нечаянною опасностью князь устремил на него свой меч, но вместо оногo поразил им железного стража, который в самый тот миг превратился в человека средних лет, одетого в армянское платье, а орел между тем от них скрылся.

Превратившийся из истукана армянин пал в ноги Светлосану и, объемя его колена.

– Государь, – сказал ему, – я не обманулся, с самого первого на тебя взора почтя тебя витязем и любимцем богов, ибо хотя способом сего прежде принадлежавшего меча и избавил ты меня, но, не спомоществуемый вышеестественными силами, не мог бы ты дойти до сего неприступного места.

– Как! – перехватил речь его князь. – Разве ты левсил?

– Так, государь, – отвечал он, – я муж несчастной Превраты; лютый Карачун, вспомошествуемый предательством неверного моего друга, разлучил меня с нею и, лишив всего, превратил меня в то ужасное состояние, из коего храбрость твоя меня извлекла, ибо окончание моего очарования состояло в поражении меня моим мечом.

После чего рассказал он ему подробно все свое похождение и распрю с Карачуном.

– Сей ужасный чародей, – присовокупил он, – всполошил меня в моем замке и изблевав на меня тьму ругательств, повелел оковать меня тяжкими цепями и, окружа бесчисленную стаю мрачных духов, увлек меня из прелестного моего жилища в сии места, исполненные плача и стенания. И когда мы поравнялися над поверхностью сей реки, тогда нежалостливый мой похититель, схватя меня в преогромные свои руки (ибо он имел тогда образ исполина), кинул на сей железный мост, произнеся сии слова: «Восприими свойство и крепость сего моста и из лютейшего моего врага соделайся ужасным стражем сего места по тех пор, пока не поразит тебя опасное твое оружие!» Слова его раздались с ужасным громом и треском по всему горизонту и низошли до врат свирепого ада. А я, летя с превеликим стремлением, ударился об мост, который от удара сего съехался, произнеся томный и пронзительный звон. Падение сие должноствовало бы естественно лишить меня жизни, но злодей мой устроил так, что я в самый миг моего удара превратился в железный истукан и,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru потеряв прежнюю свободу моих мыслей, наполнился неистовым алканием убивать всех попадающих мне в глаза. Получа сие варварское стремление, скочил я с моста на берег и помчался быстрее вихря вокруг замка; попавшие мне звери и птицы вскоре почувствовали неистовую мою ярость; я их всех перестрелял моими стрелами и в один день учинил пустым и неприступным сей берег. С тех самых пор до сего часа, обегая повсеминутно сей берег, не видал я никого из живущих до самого твоего прихода, который возвратил мне прежний мой вид.

Окончив свою повесть, бросился было армянин паки к Светлосану в ноги, но князь до того его не допустил и, прияв в свои объятия, уверял его в своей дружбе, благодаря притом за угощение себе от его супруги.

– Как, государь, – вскричал удивленный Левсил, – неужели жена моя имела счастье угостить у себя столь великого витязя? А я ее почитал уже равно погибшею от наглости нашего злодея.

– Она бы действительно и теперь еще от ударов его страдала, – отвечив князь, – ежели бы боги не освободили ее посредством моей руки от сего страшного тирана.

Посем рассказал он ему вкратце свои и ее приключения.

– О небо! – возопил тогда армянин. – Кого же тебе осталось поражать, ежели ты оставляешь без казни и такового злодея! Государь, – продолжал он говорить Светлосану, – я думаю, однако ж, что он недолго уже будет пользоваться плодами своих злодейств. Повсеместные жалобы ежечасно призывают богов к отмщению, и, ежели я не обманываюсь, то и сам Карачун предузнает скорую свою гибель: я его ныне зрю всегда уже смущенна и робеюща. Редкие его посещения в сей замок довольно доказывают его беспокойство. Он беспрестанно окружает как сей, так и собственный свой замок ужаснейшими страшилищами, мня ими заградить всякому в них вход, но может ли он ими воспрепятствовать мщению на себя бессмертных? Тебя, государь, – продолжал он, – познаю я орудием и исполнителем праведного их гнева, и ежели сие истинно, так, вооружая их покровительством, ступай наказать тирана и избавить несчастных от сего лютого изверга природы!

Таким образом говоря, побуждал он вступить Светлосана на железный мост, но едва занес на него князь ногу, как мост, восшумя претрашным образом, съезжился, а наполняющие реку чудовища, вынырнув все из воды, разинули свои пасти и, произнося претрашный вой, свист и рев, угрожали Светлосану пожранием, ежели осмелится он переправляться чрез реку. Но сей неустрашимый князь, возлагая надежду на богов и призывая их на помощь, начал поражать своим мечом приближившихся к нему страшилищ. При всяком ударе мужество его получало награждение, ибо на каком месте ни поражал он чудовищ, то в мгновение ока становилось оно твердым, а вода со страшилищами исчезала. Ободренный сим успехом, Светлосан подвигался все далее, поражая уродов и очищая тем путь за собою Левсилу. Таким образом вскоре дошел он до другого берега и лишь только на оный вступил, то вся река, окружавшая замок, провалилась сквозь землю с превеликим шумом и треском. Светлосан и Левсил, познавая в сем чуде ясно божескую к себе помощь, пали на землю, принося благодарение небожителем.

По таковых успехах, Славенский князь не сомневался уже более преодолеть заград, препинавших ему вход в замок. Ополченный бодростью и надежанием, подошел он к воротам замка, чтоб попытаться и оные себе отверсти, но едва он к ним приступил, как стальные их веревки превратились в преужасных волотов, зияющих пламенем, а двери в претрашную огненную хлябь, преисполненную разнообразных чудовищ. Все сии страшилища, увидев идущего к себе князя, приготовились к совокупному на него нападению, но Светлосан, призвав на помощь бессмертных и возвысив свой меч, пошел на них без всякой боязни. По нескольких его ударах, почувствовал он себя угрызенна в лядвию; сие угрызение воспалило еще более его храбрость; горя отмщением за сие ему оскорбление и собрав все свои силы, поразил он своим мечом в самое отверстие зиявшей на него хляби, желая одним ударом сокрушить всех ее страшилищ. Напряжение его столь было сильно, что он упал, но как он удивился, когда по восстании своем увидел себя уже внутри замка! Последовавший ему Левсил вывел его тотчас из сего удивления, объявив ему следующее (ибо он все сие действие приметил, следуя за ним издали): что когда Светлосан поража пламенных чудовищ, то оные поминутно от него помалу исчезали; между тем одна преужасная саламандра, исторгнувшись из самой глубины хляби, хотела его стремлением своим опровергнуть, но в самый тот миг поразила ее нисшедшая с небес

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
огненная стрела; чудовище исчезло, а князь, воспаленный гневом, поразил мечом во хлябь, которая в ту ж минуту сокрылась, и Светлосан, увлеченный своим напряжением, принужден был упасть во внутренность замка.

Сия очевидная божеская помощь извлекла радостные слезы из очей Славенского князя; он принес благодарение бессмертным, в чем и Левсил ему последовал. Наполнясь вящею надеждою, пошли они к палатам, стоявшим посередине замка. По нескольких шагах, почувствовали они нечто остановившее их, и хотя осматривались они по всем сторонам, однако ж не могли ничего такого увидеть, что бы их остановило. Недоумевающемуся о сем князю вскричал Левсил, что он мнит познавать и в сем хитрость Карачунову.

– Это, конечно, – говорил он, – невидимая стена, которая препинает нам путь в чертоги, но я думаю, – примолвил он, – что и она не постоит от грозного твоего оружия». И в самом деле, лишь только Светлосан махнул своим мечом, то невидимая препопа потеряла свою силу и оставила им свободный ход. Но едва они от нее освободились, как наместо ее предстала другая: превеликая толпа молодых и прекрасных девушек, одетых наипрелестнейшим образом, в самую ту минуту их окружила. Иные из них пели, другие плясали, некоторые играли на разных музыкальных орудиях, а прочие имели в руках самые изящнейшие плоды в корзинках и бутылки с вином. Сии приманчивые машинки, оступя Светлосана и Левсила, стали им предлагать свои услуги, и всякая из них непрерыв старалась прельстить юного князя и его сопутника. Добродушный Светлосан, видя к себе таковые ласки от столь прелестного рода смертных, уже хотел соответствовать им равномерными учтивостями и согласиться на их предложение, как благоразумный Левсил, охватя его своими руками, вскричал ему:

– Берегись, государь, паче всего сих опасных сирен: это еще козни лютого Карачуна!

При сих его словах Светлосан остановился, будучи приведен в недоумение, а окружавшие их прелестницы подняли превеликий смех и хохот над Левсилом, называя его трусом и невежею, и в самое то время лаская наиболее князя и стараясь всеми силами склонить его на свое предложение, чтоб он согласился вкушать предлагаемой ему забавы. Но Светлосан, подкрепляемый увещаниями Левсила и тревожимый неотступными ласканиями сих прелестниц, понял ясно Карачуново коварство. Он начал отталкивать от себя сих обманщиц и поспешать войти в покои, однако ж сим не мог от них избавиться. Они, окружа его со всех сторон и хватая за руки и платье, старались увлечь его за собою. Между тем армянин, окруженный другою их стаею, весьма уже далеко был от него оттащен, но при всем том не переставал он кричать Светлосану, чтоб он как можно старался от них освободиться. В сие самое время одна из прелестниц, хватая у князя меч, хотела вырвать, но Светлосан, приметя сие и предвидев от того всю опасность, пришел в подлинный страх и, наполнивсь негодованием, вырвал у нее из рук сие драгоценное оружие. Стремление, с каковым он в сем случае поступил, принудило его исторгнуть меч совсем из ножен. И лишь только сияние оно блеснуло им в глаза, как в то же мгновение все сии прелестные обманщицы разлетелись от него в виде преужасных гарпий.

Между тем Левсил, отвлеченный сими привидениями весьма далеко, находился в опасности своей жизни, и ежели бы князь хотя еще минуту не ускорил от него прогнать сих опасных сирен, то бы армянин погиб, конечно. Избавясь таким образом от последней и опаснейшей Карачуновой козни, воздали они благодарение небесам и пошли в предстоявшие палаты, не встречая уже более себе никакого препятствия.

Крыльцо сих великолепных чертогов, по которому надлежало им восходить в покои, кроме других бесчисленных и драгоценных редкостей, было украшено истуканами из восточного хрусталя, опала и сапфира, которые представляли следующие мирские божества: Любочестие, Любоимение, Властолюбие, Пышность, Гордость, Любострастие, коварное Самолюбие, многовидную Роскошь и другие бесчисленные их отрасли, а при самом входе в сени стояли на возвышенных подножиях четыре стальные изваяна, кои казались быть повелителями прочих. Первый из них представлял высокомерное и злопагубное Безверие, другой мрачное и толико ж вредное Суеверие, третий изображал отца их, закоснелое и упрямое Невежество, а четвертый богомерзкое их исчадие, свирепую и нечувствительную Бесчеловечность.

Светлосан, взглянув мимоходом на сии истуканы, пошел далее, но едва только вступил он в сени, как загрела в них преогромная музыка и наподобие вихря раздалась и потекла по всем покоям великолепного сего здания и вскоре от слуха

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru их умолкла. Славенский князь и спутник его весьма приключению сему удивились и, к великому соболезнованию, вскоре узнали, что оно значило, ибо, по вшествии своем в первую комнату, увидели они двух девиц, без чувств стоящих, хотя они и сохраняли всю свою живость. Это было новое коварство бесчеловечного Карачуна, о чем они потом от самых сих девиц узнали. Сей гнусный волхв устроил так, что как скоро победятся внешние ограждения сего замка, то чтобы злое его очарование, под образом музыки, пролилось по всем покоям и отняло чувства у всех живущих в них красавиц, дабы никто не возмог ими овладеть.

Светлосан и Левсил, проходя великолепные покои сего замка, повсюду находили в разных положениях лишенных чувств красавиц. Сие печальное зрелище извлекло из глаз их многие слезы, наполнив их сердца преострым сожалением, но Славенскому князю собрегалось тут плачевнейшее позорище. Опечаленное его сердце сими жалостными предметами предавалось уже воздыханию и жалобам, как вдруг слезящим его взорам предстала несчастная Милослава, его сестра, лежащая на коленях у красавицы, коей прелести помрачили все украшения замка и обитавших в оном девиц. Лютая горесть, изображавшаяся на ее лице, не могла помрачить ни малейших приятностей ее красоты. Это была самая Лада, богиня любви. Какое ж чувство должны были произвести сии два предмета в Светлосановом сердце? Вдруг две жарчайшие чувственности воспламенили его душу: сожаление и любовь, родившиеся вместе с удивлением. Но родство превозмогло тогда над его нежностью: он бросился к бедной Милославе, стараясь подать ей помощь. Он употребил все усилия, чтоб произвести в ней некое чувство, но все его старания были бесплодны. Милослава и подруги ее так, как и все прочие девицы, сохраняя естественную живость тела, пребыли бездыханны.

Тогда-то ярость и сожаление, овладевшие сердцем Славенского князя, принудили его выступить несколько из порядка благоразумия: произнеся тьму проклятий и ругательств на злобного Карачуна, начал он разрушать непреодолимым своим мечом все украшения бедственных сих чертогов, в ожидании подобной казни гнусному их здателю. Ничто не спаслось от ярости его гнева: преизящные истуканы, драгоценные картины, великолепные светильники, зеркала и все пышности сих палат в ничто обращены были праведным его мщением.

Но не одна бешеная ярость к сему его побудила: он мнил, разрушая сии украшения, разрушить и очарование любезных ему особ. Левсил стоял во все то время безмолвен; но когда усмотрел он, что гнев его гораздо уже поутишился, тогда, подступая к нему, сказал:

– Непобедимый витязь! Не сим надлежит тебе побеждать Карачуна: надобно самого его ниспровергнуть, исторгнув из него сим железом вредоносную его жизнь.

Светлосан, возвращенный сими словами в прежние свои чувствования, обратился паки к сестре своей и ее собеседнице; он стоял долго, не спуская с них глаз; на лице его являлись попеременно умиление и нежность.

– О, небо! – возопил он напоследок. – Возможно ли подумать, чтоб наилучшее и наипрекраснейшее творение твоих рук было так унижаемо?

Воздыхания прервали его слова, и слезы, смешанные с нежными взорами, каковые кидал он на красавицу, сидевшую подле его сестры, показывали ясно его чувство. Но он и сам не скрыл оного: обратись к Левсилу, сказал он, воздыхая страстно, что к претерпению всех бедствий, которым он вдавался, дабы сыскать и победить Карачуна, побуждала его сперва одна добродетель, а теперь присовокупилась к оной и любовь, которая, говорил он, еще более произведет в нем мужества, дабы отважиться на сражение с врагом, коего целая вселенная трепещет. Левсил, обрадованный его словами, начал его наиболее побуждать к сему предприятию и наконец благоразумными своими советами и просьбами склонил его более не медлить, хотя князь, тронутый сожалением и любовью, не весьма спешил отстаивать столь любезные ему предметы.

Препровождая в замке время в бесполезных изысканиях средств, дабы разрушить очарование красавиц, и не сыскав никого, определил наконец Светлосан пуститься паки в путь. При прошествии своем из замка сожалел он весьма, что не мог быть сопровождаем Левсилом, ибо хождение по морю одному ему было возможно, по причине летающих его сандалий, а Превратин муж не имел никакого к тому средства, потому он лишен был Карачуном всех своих волшебных вещей, коими мог нечто произвести. Чего ради положили они, чтоб Левсил остался в сем замке по тех пор, пока не

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru возвратится в оный князь, а ежели судьба определит ему в сем путешествии смерть, то б он спасался из ужасного сего места так, как ему поможет счастье, или б великодушно умер, когда богам так удобно будет. В сих и подобных сему разговорах прошли они даже до морского берега; при сем рубеже своего пути Левсил, сколько был ни мужествен, но восстенал и залился слезами. В сию ужасную минуту представились ему вкупе все случаи, которые могут лишить его навсегда обхождения со светом и нежных ласк любезной его супруги. Славенский князь употребил все к утешению и наконец, уверяя его в непременной богов защите и принеся оным свою молитву, простился со своим другом и вступил на жидкую и непостоянную стихию.

Сколько взор Левсилов мог простираться по понту и пока мог видеть идущего по нему Светлосана, потуда не спускал с него глаз, и когда он сокрылся уже совсем от его очей, тогда стелющийся армянин, воссылая на небо моления в его пользу, возвратился паки в замок.

Между тем Славенский князь, побуждаемый надеждою найти и победить Карачуна, летел более, нежели шел. Он вдавался в приятную задумчивость, которую произвела в нем прелестная незнакомка: нежность ее и красота, впечатлившиеся в его сердце, наполнили все его воображение и перепроводили его душу из страсти в страсть; то, воспаленный наисильнейшею любовью, клялся он век ее любить и обожать; то, вспоминая ее очарование, приходил он в ужасную ярость и, призывая на помощь богов и смертных, бежал, обнажа свой меч, мня постигать Карачуна и поражать его. В сем волнении страстей пробыл он по самую темноту ночи, но и она бы не разрушила его задумчивости, когда б не извлек его из оной сильный треск, подъявшийся на воздухе. Светлосан остановился и, озираясь повсюду, увидел на воздухе престрашное облако, которое составлено было из всех стихий: вода ярилась в нем от преужасного огня, коим вся сия громада была наполнена; земля и спершийся в ней воздух, угнетаемый разными металлами и минералами, будучи разжигаемы пламенем, производили между собою пресильную борьбу, гром и треск, подобный прегрозному трясению земли. Одним словом, это был вид истинного хаоса, о коем повествуют нам стихотворцы. Сия ярящаяся туча, летя прямо на Славенского князя, готова была его сжечь и претворить в небытие; уже она на него ниспадала, и один миг оставался его жизни, как неустрашимый сей князь, лишенный всякой помощи и долженствовавший умереть от единого ужаса, выхватил свой меч и, ополчая всю силою, поразил им в сие облако, которое в тот же миг лопнуло и исчезло, а вместо его явился на воздух гнусный Карачун, в виде престрашного исполина.

– Ты не избежишь от моей казни, злодей! – вскричал он Светлосану. – Искусство мое преодолет наконец твое бесстрашие!

Сказав сие, скрылся он из виду в образе ужасной кометы. Славенский князь, свергнутый сим видением в превеликое удивление, стоял несколько минут, чудясь сему приключению. Напоследок, усматривая в сем случае ясно божескую себе помощь, воздал он благодарение небожителям и, предавая себя их защите, отправился паки в свой путь, держа в руке обнаженный свой меч, думая сим предостеречь себя впредь от внезапных Карачуновых нападений.

И в самом деле меч сей имел такую силу, что от блистания его исчезало всякое привидение; и уже Светлосан не имел на себя явного нападения. При усмотрении на пути своем острова, взшел он на него и провел на нем спокойно всю ту ночь, не смея, однако ж, сомкнуть своих очей.

На другой день, будучи томим жаждою и голодом, сыскал он в лесу несколько кокосовых орехов, которые алчь его утолили. Он их взял несколько с собою и отправился паки в путь, прося богов препроводить его поскорее к Карачунову замку. Таким образом странствовал он с месяц, дни препровождая в беспрестанном шествии, а ночи на островах в тревожном сне, ибо опасность от Карачуна прерывала его сон почти поминутно.

Все сии трудности, беспрестанное шествие, голод и жажда, зной и холод и беспокойный сон не токмо не ослабили бодрости Славенского князя, но паче еще приумножили оную надеждою сыскать и победить Карачуна. В один вечер, когда он подходил к некоторому большому острову, чтоб, по обыкновению своему, на оном переночевать и запасться плодами на дорогу, вдруг вода, по которой он шел, начала под ним кипеть, так что жара, происходившего от нее, не мог он стерпеть и принужден был подняться на воздух, откуда он увидел, что лежащий пред ним остров находился весь в дыме и пламени. Подошед к оному поближе, усмотрел он, что

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
остров сей колеблем был ужасным землетрясением, которое умножалось повсеминутно; вдруг превеличайшие его горы с громом и треском провалились сквозь землю и оставили на место свое глубочайшие пропасти, исполненные дыма и огня; в других местах долины, обремененные претолстыми древами, взрывало на воздух с превеличайшим стуком, треском и лопаньем, и поднявшиеся оттого песок и пыль, затмевая свет, летели по всем сторонам с обломками дерев и каменьев. Вой и рев животных, присовокупившиеся к сим ужасам, представляли тогда сей час последним часом и истинным преставлением света.

Светлосан при виде сего нестроения природы остановился, мня себя должествующим уклониться от сего острова и искать другого, ибо песок, щебень и каменья, затмевавшие свет, летели даже до него и начали причинять ему беспокойствие и вред, а далее следовать и совсем невозможно казалось, потому что на всяком месте острова делались то пропасти, то взрывы, а вода вокруг одного кипела, как в котле. Итак, Славенский князь поворотил от него вправо, увидя в сей стороне другой остров. Но лишь только зачал от него идти прочь, то и почувствовал в себе некую тягость, которая пригнетала его к морю, и как только спустился он на поверхность воды, то и начал в оной вязнуть и тонуть. Сие неожиданное приключение привело его в превеличайшее недоумение: он не мог понять сему причины и не знал, что делать. В сем его недоумении вынырнувший пред ним престрашный аллигатор так его испужал, что он кинулся от него назад и, к великому своему удивлению, нашел, что вода за ним так же была для него тверда, как и прежде. Сей случай паки заставил его размышлять: он стал испытывать воду то назад, то наперед и напоследок увидел, что вода, ведшая к острову, была для него тверда, а назад так жидка, что не мог на ней держаться. Сей случай подал ему мысль думать, что не боги ли сие чудо делают для понуждения его идти вперед, образуя, может быть, сим, что он найдет впереди Карачуна, а ежели обратится назад, то станет от него отдаляться.

Сия мысль так вкоренилась в него, что он предпринял ей следовать, итак, поблагодаря сперва богов за сие внушение и призвав их в помощь, обратился назад. Однако ж пошел он не прямо к острову, колебавшемуся от землетрясения, а влево от одного, но лишь только, поравнявшись с ним, хотел от него отдалиться, то опять стал вязнуть. Сей случай паки привел его в недоумение; он начал испытывать воду по всем сторонам и нашел напоследок, что она повсюду была для него вязка, кроме той полосы, которая вела к колеблющемуся острову. Сие паки ввергло его в размышление, которого не мог он разобрать, но, в сем сомнении будучи, увидел он нисходящую молнию с небес, которая стремилась прямо на остров, и лишь только на оный низошла, то трясение его и уменьшилось вполы. Сей случай заставил его мыслить, что на острове сем скрывается для него какая-нибудь тайность, к открытию коей сами боги его привлекают. Утвердяся в сей мысли, пошел он к острову и по твердости пути удостоверился в том наиболее.

Но по приближении его к сему острову, наипаче оный воспламенился, и горячая пыль, обломки, каменья и целые глыбы полетели на Светлосана больше прежнего. Будучи в сей крайности, старался он всячески от них уклоняться, но, не возмогая успеть в том совершенно, по причине множества летевших на него камней, вздумал он отвратить их от себя волшебным своим мечом и лишь только учинил оным первое по них движение, то к несказанной своей радости увидел, что сия сыплющаяся на него туча очевидно стала уменьшаться. Ободренный сим успехом, начал он поскорее идти к острову и мечом своим отвращать и поражать сыплющийся на него щебень, каменья и глыбы, которые по мере его поражений час от часу умялялись. Таким образом дошед до самого берега по воздуху, увидел он, к своему огорчению, что никак не можно было вступить на остров, по причине умножившегося безмерного его трясения.

Он остановился опять при сем рубеже и не знал, что зачать: назад не пускала его жидкость воды и воздуха, а на берег вступить он опасался, дабы не провалиться; но, вообразя, что к сему его побуждают сами боги, принял он отважное намерение последовать их воле, и в сем первом движении своей бодрости вскочил он на берег, который, восколебавшись оттого сильнее, уронил его на землю. Тогда князь подумал, что он совсем погиб, но, к превеликой своей радости, увидел, что берег стал трястися тише, будучи поражен при его прикосновении волшебным его мечом. Восстав от земли, принес он теплые моления богам, благодаря их за покровительство и прося продолжать к нему свое защищение. Между тем колеблющийся остров не преставал возметать на него пламенеющие камни и глыбы, которые Светлосан принужден был повсеминутно отвращать своим мечом, подвигайся, однако ж, беспрестанно вперед. Во время сего трудного его шествия усмотрел Славенский

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
князь, что превеликий раскаленный камень, поднявшийся из одной пропасти, летел на него прямо и угрожал ему неминуемою смертью. Чего ради Светлосан, принеся паки бессмертным свою молитву, остановился и, прицелясь на него своим мечом, поразил его столь сильно, что по ударе своем спотыкнулся и упал. Камень рассыпался с превеликим треском вдребезги, а Богославов сын, восстав на ноги, был поражен неожиданным предметом.

Остров, колебавшийся претрашно до сей минуты, сделался по восстании его неподвижен и наместо пламени, дыма и пропастей был покрыт превысокими горами, одеянными снегом и льдом, посередине которых явился замок, сооруженный весь из стали, блестящей наподобие лучезарного камня. Вид его столь был ужасен, что он походил более на обителище Нии, прямой ад, в котором сохраняются казни для беззаконных человеков.

– О, небо! – вскричал, увидя его, князь. – Вот, конечно, жилище ужасного Карачуна, к которому благоволило ты меня само препроводить, несмотря на все его ухищрения! И когда ты явилось в сем только для меня щедро, то пробави ко мне и в сей ужасный час свою благодать и помоги мне низложить сего претрашного врага человеческого рода!

При окончании его молитвы гром возгремел пресильным образом, и тьма молний ниспала на блистающий замок, который в ту ж минуту лишился всего своего сияния.

Увидя сие чудо, Славенский князь познал из того ясно, что само небо поборяет по нем и уменьшает ему труды и опасности. Он пролил от радости слезы и, бросясь на колени, воздал небожителям усерднейшие благодарения и мольбы. Окончив же свои моления, пошел он прямо к замку, в твердом будучи намерении или погибнуть, или победить Карачуна. Но чем ближе подходил он к сему зданию, тем более изъяснялись все его ужасности; все оно стены и кровли покрыты были такими претрашными чудовищами, что одно смотрение на них могло умертвить простого человека. Но Светлосан, имея с подобными им страшилищами многие сражения, из которых завсегда выходил победителем, уповал и сих с помощью богов преодолеть. Чего ради, не сомневаясь нимало, поднялся он на воздух, ибо иначе чрез стены не можно было перейти, а ворот нигде у оных не было. Но лишь только поднялся он вровень со стенами и хотел чрез них перелететь в замок, то вдруг все покрывавшие оный страшилища с преужасным ревом, скрежетом и пламенным зиянием устремились к нему в таком множестве, что затмили весь около него свет. Какою бодростью и мужеством ни был вооружен Светлосан и как проворно ни защищался своим мечом, но наконец множество их начало его преодолевать. Вскоре потом драгоценный его меч вышибся у него из рук, и, к довершению его несчастья, одно из наилютейших сих страшилищ сорвало у него с ноги сандалию, коей лишася, князь не мог более держаться в воздухе и полетел стремглав на землю, которую увидел он разверзшуюся наподобие ужасной хляби и из коей выходило пламя, готовое претворить его мгновенно в прах.

При виде сей близкой смерти, Славенский князь лишился всей своей бодрости и столько лишь сохранил в себе мужества, чтобы предать безбоязненно душу свою богам. Напротив чего Карачун, имевший тогда вид гнуснейшего и ужаснейшего страшилища, возрадовался и восплескал своей победе и, в пущее посрамление Светлосану, приняв на себя точный свой вид и приказав скрыться всем следовавшим за ним чудовищам, погнался один с саблею за Богославовым сыном, чтоб иметь лютое удовольствие умертвить его самому во время его падения и мертвого уже низринуть в приготовленную сему князю пропасть.

Он догнал его вскоре, крича ему и ругаяся:

– Постой, любимец бессмертных! Постой и восприими от меня достойное награждение за свою дерзость!

Но разгневанные боги лютостью сего злодея обратили самому ему во зло его надменность. Ибо, где ни взявшись, превеликий крылатый змей, держащий во рте своем предлинный каменный нож, подхватил летящего Светлосана к себе на спину и тем самого его привел в состояние напасть на Карачуна. Князь, видя к себе толь явную божескую помощь, выхватил нож из змеиной пасти и, не упуская нимало времени, напал на своего злодея, не ожидавшего отнюдь сего нападения, и, вонзив ему оный нож в грудь, поверг его мертва.

По сем его храбром деянии вострепетала вся земля; гром, тьма молний, вихрь и сгущенный мрак возмутили всю природу и не оставили нигде ни малого света и

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
спокойства. Устрашенный внезапностью сей бури Светлосан не знал, что о том помыслить и что начать, как вдруг, по недолгом продолжении сего нестроения, увидел себя на пространный и испещренный благоуханными цветами долине и подле себя зятя своего Вельдюзя. Он обомлел от радости при виде столь любезного человека; несказанное восхищение объяло его душу; он бросился к нему в объятия и от радости насилу мог промолвить слово. Вельдюзь равномерно объят был чувствием в рассуждении его и не мог порядочно изъяснить ему своих мыслей в первом движении своего восторга. Наконец, облобызав друг друга и изъявив все ласки дружбы и родства, сели они потом на траву, чтоб удовольствовать себя взаимно рассказанием своих приключений. Сперва Светлосан уведомил о своих похождениях, а потом начал рассказывать Вельдюзь свои приключения следующим порядком, объявив вкратце о том, о чем уже ведал его шурин.

Приключения Вельдюзевы

Когда лютый Карачун, – говорил он, – обманув бедного Видостана под образом китаецца, похитил его из замка, тогда я и все его придворные, искав его повсюду тщетно так, как и мнимого богдыханова сына, не знали, что о том и заключить, как вдруг увидели на полу в зале, в которую тогда все мы собралися, начертанное золотыми буквами имя Карачуново. При виде сего все мы возгласили сие проклятое имя и не сомневались уже более, чтоб не им был похищен великодушный наш Видостан. К горести, объявшей тогда наши сердца, присовокупился страх и опасность, чтоб и нам самим не попасть под власть сего ужасного чародея. Чего ради положили мы все совокупно, чтоб не выходить вон из замка, пока не узнаем чего о Видостане, ибо мы уверены были, что в замке нам Карачун ничего не сделает, по причине замороженного Видостанова кабинета. Но, однако ж, безопасность моя в сем случае была мне бесполезна, как ты теперь сам услышишь.

Спустя две недели по похищении Видостановом, соскучился я сидеть в комнатах и вздумал прогуляться в саду, что я и учинил той же минуты, не объявив о том никому из придворных. Это случилось под вечер. Благоприятность воздуха и прельщающие предметы Видостанова сада произвели во мне приятную задумчивость, в которой будучи, ходил я очень долго и наконец был кз нее исторгнут приятным пением колибри. Я оглянулся туда, откуда слышал ее голос, и увидел, что она сидела от меня недалеко на земле. Вид ее столько мне прелестен показался, что я вознамерился ее поймать, чего ради и пошел за нею, чтоб, исплоша, ее схватить. Но чем ближе я к ней подходил, тем больше она от меня отдалялась, перепрыгивая вперед помаленьку. Напоследок дошел я с нею до стены сада, разделяющей его с полем; птичка вскочила на стену и запела, а я между тем, подкравшись потихоньку, схватил ее за хвост. Но лишь только сие учинил, как с превеликою силою был ею поднят на воздух и вытасчен вон из сада, и малая колибри превратилась в тот же миг в превеликого страуса. Тогда-то, в чрезвычайном моем удивлении и ужасе, познал я, что попался в руки к страшному моему врагу.

И в самом деле это был Карачун. Он принял тотчас любимый свой вид престрашного и прегнусного волота и, схватя меня в преогромные свои руки, поднялся со мною на воздух. Он отомчал меня в минуту весьма далеко от замка и, поравнявшись со мною над каменною горою, сказал мне свирепым голосом:

– Слабый и дерзновенный враг! Неужели ты думал, что Карачун оставит тебя спокойна по претерпении от тебя обиды? Нет, такого подлого чувствования я чужд, и великой моей душе едино мщение пристойно и угодно. Избавитель твой уже наказан, – прибавил он, – а теперь познай и ты в свой ряд действие моего гнева!

Выговоря сие, бросил он меня с воздуха на каменную гору, произнося сии слова:

– Когда уже по власти немилосердых богов не можно мне моих врагов умерщвлять, так по крайней мере превратить в такое гнусное животное, чтоб жизнь твоя в оном была тебе горчее смерти, и пребудь в странном виде до самой моей кончины!

Ад голос его услышал, и боги, за несправедливое мое убиение неповинных князей, на зложелание его соизволили. Я упал на объявленную мною гору и, разбившись почти вдребезги, превратился в скорпию.

Представь себе, любезный мой Светлосан, – продолжал говорить Полотский князь, – какая горесть долженствовала тогда объять мое сердце. Я охотно соглашался в то время умереть, чтоб избавиться токмо от столь гнусного вида, но, не имея силы того исполнить, принужден был повиноваться злему моему року. Чувствуя же, что

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru сами небожители на сие попускают, предприял я повиноваться их воле и по предписанию их помогать несчастным, если взмогу найти к тому случай. И в самом деле недолго я опять искал, ибо, по нескольких днях пресмыкания моего по лесам, набрел я некогда на шайку разбойников, кои, ограбя известного тебе Древлянского князя, привязали его к дереву, и один, наилютейший из них, хотел его застрелить, то я в самое то время ужалил его смертельно в ногу и тем одного наказал за бесчеловечие, а другого избавил от смерти. Сие мое деяние не оставили милосердые боги без награждения: я получил тогда же вид ворона и в сем образе потщился совершенно освободить от смерти Остана, привлекиши тебя к нему. Боги не оставили меня и за сие без воздаяния: я превратился в зайца и в сем новом виде имел счастье спасти тебя от львов, растерзавших твоего коня.

Как мне желалось тогда соделаться паки человеком, чтоб облобызать тебя и разделить с тобою все твои труды, дражайший мой свойственник! Но судьба моя тому еще противилась и, преврати меня в соловья, увлекла меня на помощь той девице, которую похитил сказанный тобою разбойник. Вот как это происходило: по превращении моем в сию птичку, почувствовал я в себе некое стремление лететь на Индийское море; направил я туда мой полет и по некоем времени прилетел на один из его островов. Сев на дерево и начав осматривать сию прекрасную страну, услышал я вдруг визг, происходивший недалеко от того места, где я находился. Я, обратив туда глаза, увидел, что мужчина свирепого вида держал в своих руках прекрасного лица девицу и хотел силою похитить то, что свойственно снискивать одними только услугами и ласками или полновесными червонцами, смотря по свойству красавицы. Девушка кричала из всей силы и рвалась у него из рук, однако ж силы ее соответствовали ее невинности, и разбойник, конечно бы, ее преодолел, ежели б не послали боги меня к ней на помощь. Ибо, будучи тронут слезами и несчастьем сей невинной красавицы, пожелал я от всего сердца ей помочь и вдруг увидел себя превращенна, несомненно по воле всемогущих богов, в свирепого тигра. Лишь только принял я сей вид, то и кинулся на разбойника и, не дав ему времени оправиться, растерзал его почти до смерти. Девушка между тем убежала на морской берег, находившийся недалеко от того места, устрасаясь меня и боясь и себе подобной же участи, каковую имел разбойник; но свойство и образ тигра даны мне были для наказания токмо злодейства, а не для озлобления невинности. Я побежал за нею, чтоб сохранить ее от опасностей, могших ей приключиться, а она, увидя меня бегущего за собою, испужалася того пуще и бросилась в отчаянии своем в море; я кинулся туда за нею и увидел себя опять превращенна в дельфина. Получа сей вид, подплыл я тотчас к сей девице и, подхватя ее к себе на спину, понес ее по морю, будучи влекою неведомою мне силою, и чрез несколько часов принес ее к берегу ее отчизны.

Как только она вышла на оный, то и была тотчас окружена знакомцами и сродниками своими, ибо город их стоял подле самого берега. А я, не имея нужды больше тут медлить, погрузился в море и, плавая несколько времени в глубине оною, нашел твой меч; я тотчас его узнал и, думая, что ты каким-нибудь случаем находишься на сем море, или, лучше сказать, влекою будучи силою вышних, поднялся я на поверхность вод и в самое то время паки имел счастье спасти тебя от гнавшегося за тобою Карачуна. Едва ты выхватил у меня свой меч, как погрузился я паки в глубину и, почувствовав в себе некоторую перемену, увидел, что я уже не дельфин, но морской лев. Не странна мне была сия перемена, ибо к чудным сим превращениям имел уже я привычку. Я возблагодарил богам, что они способствовали мне избавить столько людей от напастей, и просил их и впредь меня употреблять к таковым же помощам. Молитва моя была не тщетна, любезный мой шуринок, – говорил Вельдюзь Светлосану, – я тебе опять помог, промыслив тебе куст кокосовых орехов. После чего, превратяся в морского орла и будучи побуждаем внешнею силою, способствовал я тебе разрушить очарование Левсила; потом, по таковому же побуждению, вынырнув пред сим островом в виде аллигатора, принудил тебя следовать к сему острову и напоследок, превратяся в крылатого змия и нашед на здешнем острове каменный нож, полетел к тебе на помощь и имел последнее и наивеличайшее всех удовольствие помочь тебе против общего нашего врага и элодея.

Сказав сие, паки бросился он лобызать Светлосана, который, услышав, сколько раз помогал он ему и спасал его от смерти, еще более был тем тронут; он не возмог порядочно ему за то возблагодарить, будучи восхищен таковыми его благодеяниями к себе, но только проливал радостные слезы, лобызая его и превознося, что было для Вельдюзя сладостнее всякого витийства. Оба вкушали они тогда величайшую радость, видя и лобызая друг друга, как были вдруг приведены в сугубейший восторг, увидя идущего к себе Видостана. Все трое возгласили они имена другого и бросилися ко взаимному облобызанию. Чистейшая радость объяла их души; они все совокупно

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru вещали друг к другу, изъясняя восхищения свои и восторги. Сие смешение гласов было для них тогда наиприятнейшим согласиём и превосходнейшим всякой музыки, исчадия скуки и роскоши.

Но не успели еще они насытиться взаимным сим лицезрением, как Вельдюзь и Видостан вскричали вдруг, будто б чего испужавшись; Светлосан обратил туда очи, откуда, казалось, происходит их страх, и увидел идущего к себе Липоксая в том безобразном виде, в каковом узрел он его в пещере. Князь обрадовался ему чрезвычайно и пошел к нему навстречу, между тем как полочанин и индеец стояли в удивлении. Липоксай бросился в ноги к Славенскому князю, благодаря его за освобождение свое от уз и мучения. Светлосан, чтоб не оставить Видостана и Вельдюзя долее в безвестии, рассказал им вкратце его историю и тем лишил их всякого страха, ибо они подумали было сперва, что это был Карачун, оживленный силою своих чародейств. Но Липоксай их уверил, что он погиб точно, ибо с поражением его от Светлосана соединена была конечная его пагуба и вечное злострадание.

По сем приятном уверении, пали они все на землю, принося благодарственную молитву бессмертным за избавление свое и всего света от страшного Карачуна. После чего начали они вопрошать друг друга, что с кем случилось во время их разлуки, и когда Светлосан и Вельдюзь рассказали свои приключения, тогда Видостан объявил им о своем следующем:

Моя история не очень долга, – говорил он. – Когда в последний раз обманул меня в саду злоковарный эфиоп и злые его прислужники, бросив в железную колесницу, помчали меня по воздуху с необычайною скоростью, то вдруг очутился я на сем страшном острове, посреди бесчисленного множества прегнусных чудовищ. Минуту спустя явился и Карачун; он имел испуганный и свирепый вид.

– Злодей! – сказал он мне. – Ежели бы сила моя была равна моему мщению, то сего же бы мгновения ты и опасные твои друзья были от меня преданы наимучительнейшей казни; но когда сего удовольствия несправедливая судьба меня лишает, то по крайней мере прими вид единого из сих чудовищ и пребудь в оном до моего издыхания!

По сих ужасных словах ударил он меня своею дубиною и превратил в самое мерзкое страшилище. Вы можете себе представить, государи мои, – говорил индеец слушателям своим, – сладостно ли мне было влачиться в столь гнусном виде по сему ужасному острову, вспоминая первое великолепное мое состояние! Повсеминутно воссылал я молитвы к богам, чтоб они или отняли жизнь мою, или бы возвратили мне прежний мой вид и состояние; однако ж долго принужден я был сего ждать и, может быть, никогда бы сего не дождался, ежели б победа твоя, любезный Светлосан, лишив жизни общего нашего врага, не возвратила мне прежнего вида и свободы. А каким образом получил я их паки, и какие обстоятельства предшествовали, сие также достойно вашего любопытства, и для того расскажу вам о том обстоятельно.

За день до пришествия твоего сюда, – продолжал он говорить, обратясь к Светлосану, – предстал пред меня Карачун в свирепом и отчаянном виде, препровождаемый шестью единоголазыми исполинами, которые держали в руках своих тяжелые железные цепи. Не говоря мне ни слова, приказал он последователям своим оковать меня ими и тащить на высочайшую гору, стоящую прямо противу его замка. И когда мы на оную прибыли, тогда сей волхв приказал меня к оной приковать.

– Ты участник моего злодея, – сказал он мне потом, – который приближается сюда для нападения на меня. Судьба определила одному из нас завтра умереть, и ежели буду я побежден, то ты воспримешь паки свой вид и я погибну невозвратно со всем моим знанием. Но ежели буду я столько счастлив, что хитрости мои превозмогут силу моего врага, то непременно умрет он от моей руки, со всеми своими единомышленниками, в числе коих находишься и ты, ибо так определила владычествующая над богами судьба. В теперешней моей крайности, – присовокупил он, – принужден я и тебя опасаться, слабый враг, дабы не подал ты какой помощи моему супостату, и для того пребудешь ты в сих оковах по тех пор, пока твоя или собственная моя смерть не избавит тебя от оных.

Сказав сие, он исчез, и купно с ним страшные его прислужники, а я остался в превеликой горести и боязни, не столько о своих днях, сколько о жизни того витязя, который шел, по словам Карачуновым, наказать его за тиранство.

Весь остаток того дня и наибольшую часть следующего провел я в беспрестанном

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru страхе о будущей моей судьбе и в принесении неусыпных молитв бессмертным. Напоследок, на другой день, когда солнце начало склоняться к своему заходу, усмотрел я страшную перемену на острове: замок Карачунов от глаз моих сокрылся, а вместо него увидел я обширное облако пламени и дыма, стремящееся на высоту и будто бы изрыгаемое землю. После чего весь остров пришел в превеликое движение: горы его исчезали, а доли воздымались; одним словом, глазам моим представилось преужасное землетрясение, хотя в самом деле было сие не что иное, как обман Карачунов, дабы тебя устрашить и не допустить до своего жилища, о чем я после совершенно и узнал: когда боги, вспоминая тебе, дражайший мой Светлосан, ниспустили тьму молний на сей остров, то в самый тот миг нестроение его исчезло, и он паки восприял прежний свой вид.

В тот самый час и тебя, я увидел на острове, – продолжал он говорить Светлосану, – приносящего молитву бессмертным и готовящегося напасть на замок. Между тем Карачун собирал всех своих лютых прислужников, которые имели прегнусные и престрашные виды. О, как тогда, – примолвил индеец, – трепетало мое сердце, волнуясь между страхом и надеждою! Чем ближе подходил ты к замку, тем больше увеличивалась моя боязнь, и тем сильнее вооружался на тебя эфиоп. Напоследок, когда ты поднялся на воздух, дабы вступить в замок, тогда Карачун, имевший вид прелютящего чудовища, бросился на тебя со всеми своими прислужниками и окружил тебя со всех сторон. Я бросился на землю, проливая слезы и умоляя богов ниспослать тебе свою помощь, не сущая, однако, глаз с тебя и твоих врагов. Рассуждая по лютой их ярости, силе и множеству, не мог я ласкаться твоею победою; да и, конечно бы, ты погиб, ежели бы сами боги тебе тогда не помогли ниспосланием бесчисленных молний, кои, поражая чудовищ, приводили их в бессилие.

Наконец, к превеликой моей горести и ужасу, увидел я, что нисшедшая громовая стрела вышибла у тебя из рук меч, который в падении своем превратился в длинный нож, и вскоре после того тебя, упавшего и полетевшего стремглав на низ. Я обмер от страха, увидя сие, и подумал, что сами боги согласились на твою гибель, но вскоре усмотрел мою ошибку, увидя преславную тебе их помощь. Ибо коль скоро усмотрел Карачун, что ты ниспадаешь в приготовленную им тебе пропасть, то, возгордись заранее своею победою, восприял истинный свой вид и погнался за тобою с саблею, чтоб иметь удовольствие самому тебя умертвить, но боги сию его гордость вскоре посрамили, послав тебе на помощь крылатого змия, сыскавшего превращенный твой меч в нож, которым ты, вооружась, поразил гнавшегося за тобою Карачуна и с жизнью его окончил все его злодейства и злоумышления.

Коль же скоро ты его пронзил, – продолжал индеец, – то тьма молний, нисшедших с небес, сожгли его тело на воздухе в прах, а замок его со всеми чудовищами провалился сквозь землю с великим шумом, отчего подымавшая пыль и дым от молнии затмили весь воздух и скрыли тебя от глаз моих. В тогдешней моей радости пал я на землю, принося жарчайшее благодарение бессмертным за дарование тебе победы над общим нашим врагом. После чего, почувствовав в себе легкость, встал я от земли и увидел себя, к несказанному моему удовольствию, без оков и в прежнем моем человеческом виде. Я паки повергся ниц, воссылая благодарственное моление небесам, сотворившим со мною сие чудо.

Между тем прочистившийся от мрака воздух явил очам моим вместо Карачунова замка и его ужасов прекрасную долину и тебя, сидящего на оной сам-друг. Я бросился к вам бежать, чтоб облобызать тебя, любезный мой Светлосан, и возблагодарить тебе, яко виновнику, за мою судьбу и разрешение от очарования. К довершению же моего восхищения нашел я с тобою и любезного моего вельдюзя, которого я мнил давно уже погибшим. Сказав сие, бросился он паки их лобызать, изъявляя им наичувствительнейшим образом искренность своего дружества.

– А я, – сказал тогда Липоксай, – воссылаю бессмертным тем вящую славу и благодарение, что они, избавя меня от лютого моего тирана, истребили с ним вкупе и вину моего злодеяния, ибо в замке его, погибшем с ним совокупно, находились все произведенные мною волшебные вещи, которые коварством своим собрал он отовсюду. Теперь уже я уповаю, – примолвил он, – что праведные боги вскоре соделают конец моему наказанию и упокоят меня в жилище усопших с моими предками».

После чего рассказал он Светлосану, как его тиранил Карачун после неудачного своего нападения на сего князя, и что месть его нес он по самый тот час, когда Светлосан лишил жизни сего чародея. «О сем узнал я потому, – присовокупил он, –

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru что, услышав в моей пещере пресильный гром и стук, увидел себя вдруг освобожденна от цепей, в которых я давно уже находился. Я не мог ничему иному сего причесть, – говорил он Славенскому князю, – кроме победы твоей над Карачуном и его смерти, которую знаменовали небеса пресильным толь громом. Тогда возрадуясь и возблагодари бессмертным, помогшим тебе низложить сего престрашного злодея, пошел я тебя искать прямо на сей остров, думая тебя, конечно, здесь найти, в чем я и не ошибся».

– Ах, – вскричал тогда Видостан, – к совершенному моему благополучию ничего иного теперь недостает, кроме оживления моих подданных, и я бы блаженнейшим себя почел, ежели б и они, подобно мне, получили прежнюю свободу и вид.

– Не сомневайся и в этом, – сказал ему безобразный дух, – они, конечно, оживлены, ибо не думаю я, чтоб милосердые боги попустили Карачуну очаровать их навек. Но ежели ты хочешь уведать о сем подлиннее, – примолвил он, – то я тебя отнесу в твой замок или столицу сей же час, если сие тебе угодно.

– Ах, любезный мой Липоксай, – возопил к нему индеец, – ты бы сим меня несказанно одолжил, и как мне ни горестно будет расстаться с сими любезными князьями, но скажу искренно, что чувствую в себе больше желания увидеть моих подданных так, как чад моих и ближних, дабы иметь удовольствие подавать им помощь во всех их нуждах, каковых могут они ожидать от своего самодержца.

Славенские князья, одоббив добродетельное его желание, просили духа обещание свое исполнить и, возблагодарив сему государю за угощение, каковое они от него имели, простились с ним в слезах, обещав друг другу вечную дружбу и воспоминание. После чего Липоксай, взяв его в свои объятия, понесся с ним по воздуху и скрылся от них в минуту, ибо наступавшая тогда ночь воспрепятствовала им далеко следовать за ним глазами.

Светлосан и Вельдюзь, оставшись на острове одни, имели свободу изъяснять друг другу свои чувства; первое Вельдюзево слово было о Милославе.

– Я ее нашел в Карачуновом замке, – отвечивал ему князь, – но увы, любезный друг, она без чувств; лютый волхв лишил ее так, как и всех ее подруг, всякого движения.

При сем известии Полотский князь обомлел от ужаса; он переспрашивал многократно о сем и не мог утешиться, пока Светлосан, хотя и сам о том сокрушался, не подал ему некоей отрады, обещав просить Липоксая, чтоб он приложил все свои силы для приведения ее в прежнее чувство. Посем объявил он ему и о своей любви, которую почувствовал он к прекрасной незнакомке. Сии два обстоятельства подали им случай говорить весьма долго, так что в разговорах сих застал их Липоксай.

Сей дух уведомил их, что Видостан действительно нашел в замке и в столице подданных своих оживленными и в прежнем их виде и принят был от них с чрезвычайнейшею радостью и что он сожалел о том только, что не имел сих двух князей участниками и свидетелями своего удовольствия. Сия ведомость обрадовала славенских князей; они воздали благодарение богам, моля их совершить и свое благополучие, возвратя им сродников и друзей.

После чего предложили они Липоксаю, чтоб и их перенес в замок похищенных Карачуном красавиц, причем изъяснили они ему, что и они опасаются в свой ряд, дабы очарование их любезных не пребыло вечно.

– Не опасайтесь сего, – сказал им скиф, – при отнесении Видостана путь мой был чрез сей замок, и я действительно приметил в оном движение людей и в комнатах огонь, потому что уже тогда гораздо смерклось.

Сия прятная весть в несказанное восхищение привела князей; они ни минуты не хотели медлить на пустом острове и просили одушевленного скифа отнести их туда поскорее. Липоксай с охотою им повиновался и, подхватя их обоих на свои руки, понесся с ними быстрее вихря. Немедленно перелетели они разделявшее их от замка расстояние и прибыли на остров, обитаемый красавицами. Они действительно увидели все покои освещенными огнями и получили оттого твердейшую надежду. Нимало не медля, вошли они в комнаты и в третьей из оных, к несказанному своему удовольствию, увидели ходящего и разговаривающего Левсила с Милославою и с прекрасною незнакомкою, окруженных толпою других девиц.

Светлосан, побуждаемый родством, а Вельдюзь любовью, бросились к Милославе, дабы облобызать ее, но нечаянный их приход и страшный вид Липоксаев привели всех в смятение и страх; многие из девиц лишились чувств от ужаса, почтя Липоксая Карачуном. Смятенные случаем сим князя кинулись к ним на помощь, прося спутника своего духа удалиться из комнаты, пока не приведут в прежнее чувство девиц и не уверят их в безопасности. Липоксай удалился, а Светлосан и Вельдюзь, вспооществуемые Левсилом, познавшим вскоре князя, приложили все свои силы по приведению в чувство Милославы и прочих девиц, в чем и успели наконец совершенно.

Не можно изобразить радости, каковую почувствовала Милослава, увидя брата своего и жениха: едва она паки не обмерла от объявшего ее восхищения при виде толь любезных ей особ. Бросаясь в объятия своего брата, пролила она источник слез, лобызая его и трепеща от радости; равномерное чувствие показала она и к Вельдюзу, который сам от восхищения чуть не умер. Наконец, когда первые их восторги несколько поутихли, Светлосан уверил свою сестру и прочих девиц, что Карачун точно погиб, объявля притом вкратце свою, Вельдюзеву и скифову историю; тогда совершенно все обнадеялись и позволили призвать в комнату Липоксая. Вид его никому уже не причинил ужаса, но, напротив того, Милослава и прочие девицы с нею, воздавая богам бесчисленные благодарения, не имели радости своей предела, освободясь от ужасного и наилютейшего своего тирана. После чего, окружа Светлосана со всех сторон и называя его избавителем своим и благодетелем, приписывали они ему тьму похвал и благодарений, а он со своей стороны, отвечая им ласками и учтивостями на их благодарности, обещал всех возратить в свои дома. Сие обещание наипаче умножило их радость и веселье, коих восторги продержали их без сна во всю ту ночь. Между тем славенские князья просили Милославу рассказать, что с нею приключилось во время ее с ними разлуки, в чем она тотчас и удовольствовала их следующими словами.

Приключения Милославины

Когда по воле всесильных богов нисшедшее густое облако, похитив меня из брачного храма, понесло по горизонту с необычайною скоростью, то страх и быстротекущий воздух, лишив меня дыхания и чувств, привели в такое беспмятство, что я ничего не чувствовала по самую ту пору, пока, принесена будучи на некоторый пустой остров, не освобождена была от моего беспмятства холодным ветром, который дул тогда с моря. Отворя смутные мои глаза, увидела я себя на морском берегу, окруженном отвсюду густым лесом. Наступившая тогда ночь представила сие место глазам моим гораздо ужаснейшим, нежели каково оно было в самом деле. Я обмирала от ужаса и не знала, что зачать в таком бедственном обстоятельстве. Первое мое прибежище было к небесам; но когда небо не соответствовало моему молению, то вдалась я в слезы и рыдание. Весь берег наполнен был моим воплем, но никакого не нашлось мне на нем помощника. В сей жестокой крайности хотела я броситься в море, но трясущиеся мои ноги отказались мне довести меня до оногo; я хотела лишиться себя жизни руками, но и слабые мои руки не имели тогда силы подняться. Напоследок, по бесплодном моем покушении на жизнь, по горьких слезах моих и стенании, так я обессилела, что, повалясь на землю без памяти, пробыла в сем жалком состоянии до другого дня.

По восхождении солнца опамятовалась я опять, и слезы паки полились из глаз моих; напоследок, поплакав довольно, встала я и пошла, не зная сама, куда иду; ноги мои завели меня в приятный лесок, коего благовонные плоды приманили на себя мои глаза; и наконец любопытство и голод склонили меня сорвать их несколько и утолить мой алч. По сем слабом утешении моей горести, проходила я весь тот день туда и сюда, льясья сыскать себе некое утешение. Таким образом препроводила я день, а при наступлении ночи, будучи объята страхом от лютых зверей, коих мнила быть на сем острове, старалась я найти себе некое убежище и, наконец, по счастью моему, нашла пещеру, в которой и ночевала, в беспрестанном находясь страхе. Подобно сему препровождала я и другие дни на сем острове.

Напоследок, чрез несколько времени была я обрадована прибытием сильфа, посланного Превратою меня сыскать, как вы это сами знаете, – примолвила она князьям, слушавшим ее. – Я сочла сей день наиблаженнейшим, но вскоре учинился он для меня наимучительнейшим в моей жизни. Вы ведаете уже, – продолжала она, вздохнув, – как отнял меня тогда у сильфа лютый волшебник, налетевший на нас на зияющих аспидах, и как он потом ниспровергнул тебя, любезный мой князь, – говорила она, обращая слово к Вельдюзу. – Увы! – продолжала она. – Тогда-то

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
мнила я, что истинно умру, лишася всякой ко свободе надежды и чая тебя мертва. Я обмерла от ужаса и горести и в сем состоянии принесена была в здешний замок. Гнусный мой похититель старался подать мне помощь и возвратил мне вскоре прежнее чувство посредством своих чародейств. После чего, встав предо мною на колени, открыл мне свою любовь, жеманяся из всей силы и стараясь меня прельстить, лаская мне наиподлейшим образом и обещая меня сделать владычицею целой вселенной. Представьте себе, любезные мои князья, – продолжала Милослава, – с каким духом могла я тогда принять такое объявление, видя пред собою прескаредного арапа, и притом еще карла. Ежели бы находилась я в прежнем благополучном моем состоянии, то непременно бы расхохоталась на сей скаредный предмет, но в тогдашней моей горести смех мне на ум не пришел, а наместо его отчаяние и ярость.

– Злодей! – вскричала я ему. – С какими глазами осмеливаешься ты мне это говорить, погубя мучительнейшим образом любезного моего супруга? Нет, варвар, не жди от меня ничего, кроме непримиримой ненависти и мщенья!

Посем, произнеся ему тьму ругательств, побежала я в другую комнату, мня от него уйти. Но где бы возмогла я скрыться от его злобы, – промолвила она, – ежели бы праведное небо не положило пределов его варварству?

Ибо я проведала напоследок от живущих здесь девиц, что он ни одной из них не осмеливался учинить ни малейшего насилия, из чего мы и заключили, что само небо защитило нашу неповинность от сего ужасного чародея.

Сей мерзкий урод, не надеясь уговорить меня в первый раз, отложил сие до другого времени и провалился тогда же из замка. А я, оставшись на свободе и ходя по великолепным здешним комнатам, вошла наконец в одну украшенную больше всех прочих. Осматривая удивительные ее украшения, увидела я вдруг спящую на софе девицу; вид ее столько мне мил показался, что я с самой той минуты почувствовала к ней великую любовь и дружбу и вознамерилась искать всеми силами и с ее стороны к себе того же. Я остановилась, сколько желая на нее наглядеться, столько и для того, чтобы не потревожить приятного ее сна. Но я недолго ожидала ее пробуда: она вскоре проснулась сама и, усмотря меня, изумилась, видя во мне себе незнакомую. Я, желая ее вывести из ее смущения, подошла к ней и, извиняя мой приход, просила ее простить меня в неумышленном нарушении ее сна. Она ответствовала мне на то весьма ласково и учтиво. По оказании же друг другу взаимных вежливостей, сели мы с нею и вскоре разговорились о наших приключениях. Я ей рассказала мои, а она о себе объявила, что она афинянка, именем Асияда, и происходит от древнего рода царей, коих колена от самых баснословных времен ведет свое начало. Похищение ее Карачуном случилось ей во время прогуливания в саду, и что и она испытала от сего гнусного карла множество любовных нападений, но всегда от него освобождалась ругательствами, или, лучше сказать, помощью всесильных небес. Она присовокупила к тому, что когда он осмеливался далее простирать любовные свои нахальства, то всякий раз становился недвижим или объемлем ужасным колотьем, что всегда принуждало его удаляться от нее того ж часа.

Таким образом разговаривая, познакомилась я с нею и наконец так подружилась, что не разлучалась уже с нею ни на минуту, что и сам ты, я чаю, приметил, любезный мой брат, – говорила княжна Светлосану, – когда застал нас здесь совокупно лишенных чувств; и сия любезная моя подруга есть самая эта особа, – продолжала она говорить, указывая на прелестную незнакомку. Восхищенный сим известием Светлосан, что возлюбленная его была приятельницею его сестре, получил оттого новую себе надежду. Он сделал ей при сем случае весьма учтливое приветствие, на которое Асияда отвечала равномерным образом. По окончании ж с обеих сторон взаимных вежливостей, Милослава продолжала свою повесть следующим порядком.

И так препровождали мы с нею вместе все время пребывания нашего здесь. Когда приходил к нам Карачун, то заставлял нас всегда обеих совокупно; он старался нас разлучить, но только все его ухищрения были тщетны. И тогда пытался он склонять нас к соответствию на свою любовь, но мы, напротив того, старались его упрашивать о возвращении нас в наши дома, но завсегда как его, так и наши просьбы оставались бесплодными. Он не мог склонить ни одной здесь девицы к своей любви, а напротив того, ни одна из нас не могла испросить у него себе свободы. Но напоследок так мы ему наскучили, что он стал к нам весьма редко ездить, чему мы несказанно были рады.

Наконец, в некоторый день сидя с прекрасною Асиядою и прогоняя нашу скуку

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru разговорами, вдруг мы услышали в передних комнатах преогромную музыку; мы сему весьма удивились и пожелали узнать тому причину, которую и узнали мы немедленно, однако ж не к удовольствию нашему. Ибо коль скоро музыка сия дошла до нашей комнаты, то вдруг, почувствовав в себе чрезмерную слабость, обе мы обмерли и пробыли в сем состоянии до той поры, как ужасный гром возвратил нам всем прежнюю память. В сие самое время увидели мы перед собою незнакомого человека; мы подумали сперва, что это Карачун, приявший на себя другой вид, но он скоро вывел нас из сего мнения, объявляя вкратце свою историю и что он освобожден от своего очарования Славенским князем, который пошел искать Карачуна, дабы его истребить. О, как мы сему обрадовались, любезный мой брат! – говорила Милослава Светлосану. – А особливо я, как ты сам можешь сие вообразить. Я начала тотчас расспрашивать Левсила о его избавителе и наконец уверилась совершенно, что сей Славенский князь есть самый ты. Вообрази себе, дражайший мой Светлосан, какое долженствовало быть мое восхищение! Я побежала по всем комнатам, чтоб созвать всех моих сообитательниц и рассказать им, что мой любезный брат пошел искать лютого Карачуна, чтоб истребить его и освободить нас всех от его тиранства. Сия ведомость привела их всех в несказанную радость; мы окружили все Левсила, чтоб расспросить у него о тебе подробнее, в чем он нас и удовольствовал, присовокупя еще к тому, что надеется уже и побежденна быть Карачуна, приводя в доказательство тому наше оживление и слышанный им сильный гром и бесчисленный блеск молний, что он приписывал помощи всесильных богов.

Обрадованы будучи сию вестью, воздали мы благодарение бессмертным и, надеясь твоего сюда прибытия, определили не спать всю нынешнюю ночь и, к дополнению совершенной нашей радости, дождалась тебя действительно, дражайший наш избавитель. – Сказав сие, бросилась она паки его обнимать со всею нежностью сестры, приписывая ему тьму похвал и благодарений. Князь отвечал ей со всеми знаками братней горячности, уверяя ее, что она одна была причиной его путешествий и всех понесенных им трудов.

В сих и подобных сим разговорах застал их восходящий Световид. Утомленные князя и девицы, поговоря еще несколько, согласились наконец разойтись для отдохновения, что и учинили немедленно. Девицы разошлись по своим спальням, а князя и Левсил легли в зале на софах, коими она была украшена, но Липоксай, яко дух, пребыл без сна и, вознамерясь учинить Светлосану новую услугу, вышел вон из комнат во время их спанья.

Светлосан, Вельдюзь и Левсил проспали почти до самого вечера, по приближении коего были они разбужены Милославою. Сделав им обыкновенное приветствие, предложила она им прогуляться в саду, на что они с охотою и согласились. Прошед великое число комнат, украшенных наивеликолепнейшим образом, пришли они напоследок в одну, установленную подле стен покоевыми широкими креслами. Милослава просила своих последователей сесть на оные и стукнуть в пол ногою. Лишь только они сие учинили, то и поднялись все наверх и очутились вдруг в прекраснейшем саде, который находился на поверхности покоев. Удивленные сим славяне спрашивали княжну, каким образом сие учинилось.

– Самым простейшим, – отвечала она, – как вы сами это видели; что же касается до устройства сих машин, то это не мое, а Карачуново дело, который, не хотя выпустить нас из замка, устроил все сии великолепия и гульбищи для нас, и нам стоит только ударить в пол, чтоб быть в саду, а как мы получаем там пищу, это вы теперь же увидите.

После чего просила их следовать за собою; они ей повиновались и, прошед несколько накрытых древесами дорог, пришли напоследок в просторную беседку, коей стены украшены были благовонными и прелестнейшими цветками. Последователи Милославины нашли в ней всех девиц, которые находились в замке. Сии красавицы, поздравя их наивежливейшим образом, просили их сесть за стол, который находился уже в готовности, однако ж не было еще на нем ни одного кушанья. Как скоро сели все за оный, то девицы захлопали в ладоши, и вдруг превеликое множество явилось на столе разного наивкуснейшего кушанья и напитков.

– Вот как потчевал нас всегда Карачун, – сказала Милослава своим гостям. – Нам стоило только захлопать в ладони и пожелать, то все то представлялось нам в ту же минуту. Таким образом, – продолжала она, – получали мы и другие всякие потребности.

Сказав сие, просила она своего брата, Вельдюзя и Левсила отведать, чем их

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru потчевал Карачун. При воспоминании имени сего волхва зашла у них речь о всех его злодейных делах; все из сопирствующих старались наперерыв его ругать и клесть, причем каждая из красавиц рассказала, как была похищена сим лютым чародеем. Напоследок в числе похищенных сыскалась и Чердана; она не могла без слез вспомнить о своей разлуке с любезным своим Селином, но Светлосан вскоре ее утешил, обещав отослать ее немедленно в ее отечество. Сие обещание подало ему мысль вспомнить о Липоксае; он начал о нем спрашивать у всех, но никто не мог его в том удовлетворить. Славенский князь весьма сим опечалился, но в самое то время увидел его вошедшего в беседку с Бориполком; Светлосан закричал от радости и удивления и бросился к ним навстречу. Он обнял дружески своего любимца и просил его сказать, какое неожиданное счастье возвратило его к нему. Бориполк, по оказании ему со своей стороны равномерной радости, увидев паки благодетеля своего и государя, начал так говорить.

Приключения Остана и Бориполка

Возвращением моим к тебе, государь, одолжен я сему благоприятствующему тебе духу; что ж надлежит до прочих моих приключений, то и в сем тебя сию же минуту удовольствую. – После чего, будучи приглашен к столу и сев за оный, продолжал свое повествование таким образом. – Когда мы яростью свирепой бури лишились нашего корабля и погрузились в море, то, по счастью нашему, я и Остан ухватились за большой отломок от сокрушенного нашего корабля и тем спасли живот наш. Как нас ни били ярящиеся воды, однако ж мы на нем усидели и добрались до некоторого острова, у коего стоял на якоре корабль, принадлежавший персидскому купцу, который пристал к сему берегу по причине бури. Жалкое наше состояние склонило корабельщика принять нас на свое судно, на коем и отправились мы немедленно, как скоро утихла погода. Плавание наше было поспешно и благополучно; мы прибыли наконец в Персию, в которой немного помешкав, отправились пешком, по причине нашей бедности, в Болгарию, где мы надеялись сыскать кого-нибудь из наших одноземцев и помощью их съехать в Славенск. Но сих трудов вскоре мы избавились нечаянным и весьма благополучным для нас приключением.

На пути нашем из Персии, пристав в одной корчме, нашли мы путешественников, одетых и говорящих по славенски; сей случай побудил нас осведомиться об них хорошенько. Мы завели с ними разговор, объявляя о себе, что мы также славяне. Один из них, который казался старее и почтеннее прочих, весьма ласково с нами обошелся: он начал разговаривать с нами весьма учтиво, пригласил нас к своему столу и старался узнать о нашем состоянии. Мы ответствовали ему сначала коротко и глухо, но после, будучи преклонены искренностью его ласк и увещаний, сказали ему всю правду, кто мы таковы. Коль скоро выслушал он Останову историю, то, встав той же минуты, пал пред ним в ноги и, поздравя его князем Древлянской земли, объявил, что тиран, завладевший его престолом, за ужасные свои свирепости к народу свержен с оного и умерщвлен позорною смертью, после чего древлянский народ, узнав об Остане, что он еще жив, учинил всеобщий приговор, чтоб разослать по всем землям нарочных для его сыскания, из которого числа посланных находился и он с прочими своими последователями.

Обрадованный Остан толь неожиданным себе счастьем воздал благодарение и хвалу небесам и того же дня поехал в свою державу, прося меня ему сотовариществовать и обещая после отправить меня в Славенск, на что я и согласился. Путь наш до самого Искореста не был ничем задержан, и мы весьма скоро приехали в сию столицу древлян. Ничего нельзя представить лестнее для государя, как любви его подданных: сие испытал тогда Остан самым делом. Как только известились в Искоресте, что он прибыл, то все градские жители выбежали к нему на сретение, и одни только немощные остались в домах. Глас народного вопля и плесканий восколебал весь воздух, так что и птицы не могли над оным лететь, не упадая. Юного князя препроводил народ в княжеский дом, и на третий день, в продолжение непрерывных пирований, увенчали его в храме Перуна венцом его предков. Таким-то образом учинился Остан из несчастливого князя благополучнейшим государем.

По окончании торжеств, обыкновенных при таковых случаях, принес Остан тучную жертву богам, народу облегчил подати, почтенных и заслуженных древлян наградил чинами и именем; одним словом, не оставил он никого недовольным и показал в себе достойного венценосца. По исполнении таким образом первых своих должностей, хотел он и мне исполнить свое обещание, чтоб отправить меня в Славенск, как в самый тот день, когда я находился наедине с сим князем, предстал пред нас сей благоприязненный дух. Мы было сперва его испужались, но он тотчас вывел нас из страха и сомнения, рассказав вкратце свою и твою, государь, историю. Мы воздали

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru хвалу и благодарение небесам за избавление твое от потопления и за побеждение тобою карачуна, и несказанно оба сему обрадовались. После чего предложил мне Липоксай, не хочу ли я тебя, государь, увидеть. Я восхитился сим чрезвычайно и усердно стал его об этом просить, напротиву чего Остан изъявил мне при сем случае свое прискорбие, что не мог тебя увидеть в твоем счастье и с тобою разделить своего. В крайности сей удовольился он написанием к тебе письма, которое просил меня тебе вручить. После чего простился он со мною в слезах, а мы, нимало не медля, и отправились в наш путь, который в несколько часов и кончили. – Сказав сие, Бориполк вынул Останово письмо и вручил его Светлосану.

Сей добродетельный князь, прочтя оное, воздел очи и руки на небо, воздая хвалу бессмертным за увенчание добродушного своего друга. После чего, для стечения толь многих радостных обстоятельств, предался он веселью, в чем последовали ему и все прочие. Пирование их продолжалось далее полуночи, в торжественных пениях и дружеских разговорах, в коих припоминая прошедшие свои несчастья, вкушали от того живейшее веселье, что избавились от них толь благополучно. Наконец, будучи утомлены сим продолжительным весельем, разошлись все для успокоения.

На другой день Светлосан, уведомясь, что в замке находится великое число драгоценных вещей, предложил похищенным красавицам, чтобы всякая брала из оных себе то, что ей угодно покажется и что потом всякая из них с сими подарками может возвратиться в свой дом. После сего предложения все девушки, кроме Милославы, Асияды и Черданы, принялись разбирать Карачуновы сокровища, благодаря князя за сие позволение. Они нагроулили себя оными весьма довольно, ибо все они были весьма из посредственных богатством домов и рады были, что нашли случай обогатиться на всю свою жизнь. Светлосан нимало их от сего не отвращал, но еще побуждал их к тому; и когда уже они удовольствовались ими со избытком, то просил он Липоксая сделать последнюю ему услугу, отнеся всех сих девиц в их отчины. Скиф с охотою на сие согласился и, по прошению Черданы, взяв ее первую и письмо от Светлосана к Моголу, полетел с нею в Индию, откуда на другой день и возвратился и принес с собою от Абубекира письмо к Славенскому князю, в котором сей император чрезвычайно много благодарил его за возвращение ему Селина и Черданы, ибо уведомлял он его в оном, что сын его за несколько дней пред тем вдруг ожил, произнеся имя Светлосаново, почему он и заключил, что, конечно, посредством его боги возвратили жизнь Селину, показав рукою Славенского князя злобного Карачуна, что ему потом подтвердил и Липоксай, принеся к нему Чердану. Скиф со своей стороны объявил, что император предприял принести за сие богам тучную жертву и торжествовать паки брак сына своего с Черданю и праздновать их возвращение целый месяц. Славенский князь и все прочие весьма сему порадовались, помышляя при сем случае и о своем возвращении в отечество. Но чтобы сдержать слово первее всего девицам, то князь просил паки Липоксая разнести их немедленно, куда которой потребно, что он и учинил и разнес их всех в несколько дней в их отчины и дома, в котором числе был и Левсил.

Между тем Славенский князь, горя любовью к прекрасной Асияде, но не смея ей о том открыть из почтения к оной, объявил о страсти своей Милославе, прося ее предложить прелестной ее подруге о любви его к ней и что он, пылая к оной чистейшим огнем, не бесславия ее ищет, но хочет совокупить судьбу свою с ее священным союзом. Княжна, любя своего брата, немедленно согласилась на его просьбу и того же дня объявила о том Асияде. Прекрасная афинянка при сем объявлении покрылась прелестным румянцем и, мало помолчав, сказала следующее Милославе, начав речь свою глубоким вздохом:

– Я пред тобою не должна скрываться, любезная моя приятельница, а наипаче, когда ты сама искренна со мною. Твой достойный брат равномерно и мое пленил сердце, и я бы наисчастливейшею себя почла, когда бы возмогла назваться его супругою, но жестокая моя судьба великую препону между нами учинила. Я имею отца и мать, отягченных великою древностью, почитающих во мне все свое благополучие, и которых оставить почитаю я наивеличайшим беззаконием.

– Ты их не оставишь, – сказал, вошед к ним, Светлосан и став пред нею на колени.
– Ты их не оставишь, прекрасная Асияда! Они последуют нам в Славенск и будут там первые по моем родителе.

К сим словам присовокупил он столько просьб и убеждений, что Асияда не могла более сопротивляться и обещала ему любовь свою и руку. После чего и предложил ей князь, чтоб не самой ей к ним отбыть, помощью Липоксая, но послать его к ним одного и, объявляя им все обстоятельства, согласить их на прибытие к ним в замок

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
или поехать в Славенск и ожидать их там, на что афинянка охотно и согласилась.

Итак, коль скоро Липоксай окончил все свои путешествия, то Светлосан, рассказав ему все дело, просил его отправиться в Афины для сыскания родителей Асиядиных, чтоб склонить их на желание любящихся. Скиф с охотою обещался сие исполнить и полетел той же минуты. Он недолго находился в своем пути и, вскоре возвратясь, принес весьма печальную весть для Асияды. Он объявил ей, что ее родители, пораженные нечаянным ее лишением, вскоре по похищении ее скончались, и что все оставшееся после них имение разграблено алчными их сродниками и знакомцами. Сие ужасное известие несказанно опечалило Асияду: она вдалась в слезы и воздыхания и пребыла в оном непреклонна, сколько ее от того ни отвращали; и по нескольких уже днях умерила она несколько свою печаль, к чему наипаче способствовали просьбы и ласки ее любовника и подруги.

Между тем в некоторый день, когда Светлосан находился один, явился ему светозарный дух, тот самый, который некогда избавил его от Карачуна. Князь, увидя его, пал пред ним на колени, а дух произнес к нему следующие слова:

– Наконец бедствия твоего рода окончались, по твоему желанию и по воле небожителей уже общий ваш враг побежден тобою. Однако ведай, что сие учинено не твоею рукою: непреборимые силы бессмертных помогли тебе во всех твоих трудностях и сотворили тебя победителем. О смертный! Вспоминая все твои и сродников твоих предшедшие бедствия, не забудь никогда, коль жестоко наказуется бесчеловечие и колико человеколюбие награждается славою и благоденствием. Отныне никакое бедствие не оскорбит твоего рода, если оный сам не огорчит бессмертных каким беззаконием. Тебе же последнее осталось теперь учинить благодеяние человечеству: разреши Липоксая от заклятия, каковым наказан он от всемогущей судьбы. Произведенные им волшебные вещи погибли все совокупно с Карачуном, и не осталось уже в свете ни единого волшебника, могущего приключать некое бедствие человекам. Итак, возврати успокоение Липоксаю, что ты можешь учинить, брося в него оставшуюся у тебя сандалию. А о возвращении своем в Славенск не беспокойся: ты будешь завтра же в оном с сестрою твоею и со всеми прочими.

Сказав сие, дух исчез, а наместо его предстал Липоксай; он повергся в ноги Светлосану, прося его исполнить то, что повелено ему от вестника бессмертных, о чем и он от оного был также извещен. Князь, нимало не медля, сыскал сандалию, которая у него была спрятана, и, возвратясь к Липоксаю, поверг ее в него. Лишь только она ему коснулась, то в самое то время одушевленный скиф вострепетал и в тот же миг рассыпался весь прахом и с сандалиею. Тогда Светлосан, над ниц на землю, принес хвалу богам за скорое разрешение от мучений сего несчастного и за бесчисленные благодеяния, каковые он сам от них получил посредством сего скифа. После чего побегал он к сестре своей, которую нашед вместе с Асиядою, Вельдюзем и Бориполком, рассказал им подробно о явлении ему вестника богов и о разрешении Липоксаевом. Услышав сие, воздали они все благодарение небесам, радуясь о скором своем возвращении в отечество, о чем обнадежил их светозарный дух чрез Светлосана.

Весь остаток того дня провели они в несказанной радости, восхищаясь будущим своим счастьем, но наконец сон прекратил их восторги. И когда наслаждались они приятностями оного, тогда Славенский князь поражен был следующим сновидением. Ему представилось, что он летит на густом облаке по горизонту и видит пред собою блистающего от всех сторон мужа, покровенного белыми одеждами, и который следующее изрек к нему слово:

– Возлюбленный богами смертный! Познай всю их к тебе щедроту, познай Белбога, покровителя добродетельных людей и страждущих напрасно. Не один Чернобог помогал тебе в трудных твоих предприятиях, я паче и его старался повсюду тебя защищать, и лучезарный дух, мой вестносец, по моему желанию тебе являлся. Хотя я и вечную имею с Чернобогом во всем распрю, но тебе помогал я с ним совокупно. Я утешил твоего отца в печали, объявляя ему о всех твоих обстоятельствах и уверяя его о несомненном твоём возвращении. Я тебя направлял во всех твоих предприятиях, благополучно тобою оконченных, и напоследок, при сражении твоём с Карачуном и его чудовищами, я превратил волшебный твой меч в жертвенный нож, коего поражение соделал несравненно сильнее всякого волшебного оружия. Твоя добродетель меня к тебе преклонила, и отныне буду я навсегда твой защитник и рода твоего покровитель. Познай истину моих слов по теперешнему моему деянию: ты преносишься теперь по моему велению, со всеми твоими ближними, в столицу твоего отечества и завтра узришь твоего родителя и народ твой. Но помни всегда, что

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
одна истинная добродетель снискивает смертным божеское благоволение, а злое сердце погубляет их и в животе, и по смерти. Ты видел сему пример в твоём роде, а паче над лютым волхвом, страждущим теперь в геенне. Дела нечестивых суетны, – присовокупил он. – Смотри на оставленный тобою замок, построенный Карачуном для утех своих: в жизни его был он ему уничтожением и мукою, а по смерти, да вся его слава погибнет с шумом, ниспровергается он по воле судьбы в единую с ним бездну, и ваше токмо пребывание в оном удерживало его на земле».

Проговоря сие, стал он невидим, а Светлосан проснулся и увидел действительно, что он несется по воздуху с Милославою, Асиядою, Вельдюзем и Бориполком, и что оставленный ими замок с превеликим треском и шумом проваливается сквозь землю. Славенский князь, встревоженный сим чудом, хотел принести благодарение бессмертным, но вдруг глаза его отягчились сном, который паки привел его чувства в приятное забвение.

В сем состоянии принесен он был со всеми прочими в Славенск, в дворец княжеский, и когда первые лучи солнца озарили землю, тогда проснувшийся сей князь и вспомнил о своем сновидении, начал осматриваться по всем сторонам, чтоб увериться в истине оною. И действительно познал он тотчас, что видение его было не мечтательно: он увидел из окон город Славенск и познал чертоги своего родителя. Восхищенный радостью, пал он на колени, принося благодарственные молитвы бессмертным. После чего разбудя сестру свою, невесту, зятя и оруженосца, которые перенесены с ним были в одну комнату, объявил им о своем сновидении и действительности оною. Сие известие равномерное произвело и в них действие: в чрезвычайной своей радости воздали они бесчисленные благодарения небесам и предприняли немедленно идти к Богославу, чтоб и его обрадовать своим прибытием.

Но лишь только отворили они двери своей комнаты, как увидели идущего к себе почтенного князя. Он был предведомлен, подобно им, Белбогом той ночи об их прибытии и, желая в том удостовериться, пошел их искать в своем дворце. Не можно изобразить радости и восхищения, каковыми они объята стали при виде друг друга. Добродетельный Богослав, обливаясь радостными слезами, воспринимал каждого из них в свои объятия, лобызая в уста и в очи, а наипаче сына своего и дочь, коих не мог почти выпустить из своих рук. Он принес богам восхитительнейшие благодарения и, расспрося каждого подробно о его приключениях, рассказал им и о своей печали, какою он терзался по разлуке с ними, и что лишился бы он от нее жизни, когда бы благодетельный Белбог, являсь ему во сне, не уверил его об их здравии и о скором возвращении. Светлосан, пользуясь сим благоприятным случаем, объявил своему отцу о любви своей к Асияде и просил его покорно дозволить ему с нею сочетаться священным союзом, на что Богослав охотно и согласился, похваляя притом изрядный его выбор.

Между тем как сей добродушный отец наслаждался весельем, увидев паки своих чад, весть об их прибытии разнеслася тотчас по всему городу. Все оною вельможи приехали тотчас во дворец; народ сбегался также отсюду на княжеский двор, желая увидеть детей своего государя, толь долго пропадавших безвестно. Вельможи имели удовольствие первее всех их увидеть и принести им свое поздравление. После чего Богослав, желая удовлетворить и народному желанию, приказал учредить в тот день великолепнейшую жертву в Перуновом храме, куда со всеми своими детьми вознамерился идти пешком, дабы народ мог насладиться их зрением. И как скоро донесли ему, что все к жертвоприношению было готово, то и пошел он в храм, сопровождаем будучи своими детьми и всем двором. Лишь только усмотрел их народ, то тьмы тем радостных гласов и плесканий наполнили весь воздух смешанным шумом, так что и слышать ничего не можно было. Всяк из народа старался подойти ближе к князьям, чтоб лучше увидеть сих высокоименитых особ, от чего такая сделалась теснота, что насилу могли дойти до храма.

Сколько сей храм пространен ни был, но не мог вместить всего народа, ибо одни почти токмо младенцы и немощные остались в домах, а прочие все сбегались на смотрение княжеских детей. Наконец, по прочтении первосвященником благодарственных молитв, сопровождаемых гласом труб и бубнов, приведена была жертва, состоявшая из ста белых волов, увенчанных цветками, и из тысячи овец и агнцев. Первосвященник, окропя их чистительною водою и ударив священным топором первого представленного ему вола, приказал оною и прочим с ним приуготовить к жертвоприношению. По вскрытии внутренностей, осмотрел он их прилежно и, увидев в оных самые благополучнейшие знаки божеского благоволения, поздравил с тем Богослава и его чад. По совершении же всей жертвы, истукан Перунов озарился неудобозримым сиянием, и глас грома поколебал весь храм, после чего произошел от

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
кумира следующий глас:

В проступке я твоим казнил тебя коль строго,
Толико награжу тебя я ныне много:
Твой род княжита здесь пребудет навсегда,
И не разрушится престол твой никогда.
Залогом в том тебе прехрабрые потомки,
Которых подвиги повсюду будут громки;
Промчится слава их во все земны концы,
И власть прострется их на многие венцы.

Сей божественный глас наполнил всех несказанною радостью; тронутый Богослав сею щедротою небес обещался повсегодно приносить богам равномерную сей жертву, что потом и исполнял точно. После чего, будучи поздравлен от всех жрецов и вельмож, отбыл во дворец в провожании всего двора и народа. По прибытии в оный, повелел он учредить великолепный пир для вельмож и всего двора, а для народа приказал поставить на многих улицах столы, изобилующие всяким кушаньем и питьем. Подобное сему пиршество продолжалось целый месяц, во время коего торжествован был брак Светлосана с Асиядою и Милославы с Вельдюзем, ибо прежнее сих последних сочетание было не dokonчено и прервано гневом небес.

Добродетельный Богослав, обрадованный толь многими благоприятными случаями, по претерпении долговременной печали, восхотел, чтоб и подданные его восчувствовали подобно ему его радость, чего ради указал выпустить из темниц всех невольников и народу своему отменил подати за целый год. Желая ж совершенно загладить свое согрешение пред богами, не оставляя он ни единого способного случая для оказания подданным своим всякого блага. В сем спасительном попечении провел он в радости всю оставшуюся свою жизнь, дожил благополучно до чад детей своих и наконец скончался в мире, завещав начертать на своей гробнице следующую надпись: «О смертный! Соображаясь со обстоятельствами моей и твоей жизни, соображаясь со священными, естественными и гражданскими законами, не забудь никогда любить ближнего, яко сам себя».

По кончине сего почтенного князя, вступил по нем на престол Светлосан и, последуя всем его добродетелям, прилагал все свое попечение о соделании своего народа блаженнейшим во вселенной. Старание его было не тщетно: подданные его учинились счастливейшими из смертных, и ни один народ не дерзал помыслить, чтобы восстать на них войною, говоря следующее: «Кто может восстать на богов и на великий Славенск!» Тако правя мирно, добродетельный Светлосан учинился страшным всем своим: соседям и приумножил свою державу, между прочим, и Полотским княжеством, по смерти зятя своего и сестры, ибо наследников по ним никого не осталось. Напоследок, дожив до глубокой старости, разделил он обширное свое владение своим детям и скончался благополучно, почти в одно время со своею супругою, будучи оплакан горестно не токмо чадами своими, но и самыми последнейшими из своих подданных.

Василий Алексеевич Левшин

Повесть о Алеше Поповиче – Богатыре, служившем князю Владимиру [22]

Сей богатырь не столько славен своею силою, как хитростью и забавным нравом. Родился он в Порусии, в доме первосвященника Ваидевута. Богатырь киевский Чурило Пленкович между прочими благодеяниями дому жрецову включил и сие. Словом сказать, месяцев через девять после отсутствия Чурилы первосвященник долженствовал для сокрытия стыда своего объявить всенародно, что Прелепа имеет тайное обхождение с богом страны той Попоензою, или Перкуном. Обрадованный народ приносил благодарные жертвы пред истуканом сего за столь крайнее одолжение стране своей, и при сем празднестве Ваидевут умел умножить суеверие порусов, заставя идола дышать огнем и возгласить, что по особой вере избранных порусов (и как легко догадаться) за частые и изобильные дары и жертвы он, Попоенза, доставляет им от плоти своей непобедимого защитника, который во чреве уже Пределы, имеет родиться чрез неделю и назван быть Алеса Попоевич. [23]

Неудивительно, что жрец отгадал столь неложно о поле обещаемого, ибо оный родился уже за два дня пред оным провещанием. Народ недоумевал, чем возвеличить признание свое к Перкуну. Назначен сход под священным дубом, предложено: чем наилучше угодить богу – хранителю порусов, и как почтить супругу его Прелепу? Мнения, голоса и споры начались. Всяк хотел иметь честь выдумать лучшее средство. Народ разделился на стороны. Предлагали, возражали, сердились и готовы

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru были драться с набожнейшим намерением. Одни уверяли, что ничем так богу угодить не можно, как выколоть Прелепе глаза; и догадка сия, как ясно видимо, была самая острая, то есть, что слепая Прелепа не будет прельщаться мирским, следовательно, не подаст причины супругу своему к ревности, удобно могущей навлечь гнев его на всю страну. Другие, завидующие столь разумному впадению и не могшие выдумать лучшего, кричали решительно, что сие богохуление есть, и что предлагающих следует сожечь. Иные, кои были поумнее и кои ненавидели жреца, говорили, что надлежит Прелепу принести на жертву пред истуканом Перкуна, понеже сим средством учинится она бессмертною. Все голоса имели своих последователей, все кричали вдруг и порознь, и однако из того не выходило меньше, как погибель Прелепина. Ваидевут должен был дать знак к молчанию, повиновались ему.

– Вы как простолюдины, – вещал он важно, потирая седые усы, – не ведаете совета и намерения богов.

Признались в этом чистосердечно и верили, что он говорит правду. Жрец открыл им, что он, как собеседник богов и ходатай у оных за народ, точно скажет им, что предпринять следует.

– На острове Солнцева, – продолжал он, – то есть на том острове, где солнышко имеет баню и ходит омыwać пыль повседневно, лежит камень, и на оном камне написано, что подобает Прелепу и с рожденным от нее сыном отвести в храм Перкунов, назначить им особый покой, сделать жертвенник и приносить в новолуние изобильные жертвы.

Он обнадеживал, что сей остров заподлинно есть в своем месте, и показал им в доказательство книгу, в которой без сомнения должно быть описанию об оном острове, потому что книга сия писана красною краскою и имеет золотые застезки.

Безграмотные порусы не разумели, что такое написано, и что это за книга, однако верили неопровергаемой истине слов Ваидевутовых, и опасно бы было учинить на то возражение. Они с умилением благодарили первосвященника и бежали в дом его. Прелепа и с сыном увенчана была венками из цветов и на носилках, сплетенных из лык, отнесена торжественно во храм, где жертвенник, новым сим полубогам воздвигнутый, обогащал Ваидевута с каждым месяцем. Жрец радовался о успехе хитрости своей и жалел, что имел только одну дочь, а если б было оных больше, доходы бы его распространились.

Девять лет исполнилось детищу Перкунову, и пакости, им делаемые, были уже несносны. Он шутил без разбору – как над истинным дедом своим, так и над мнимым родителем. В приготовлениях к большим празднествам надевали на истукан венцы из благоуханных цветов, но Алеша снимал оные исподтишка и надевал на идола овчинную скуфью или выводил ему усы сажею, к великому соблазну народа. Истукан Перкунов был внутри пустой, и жрец сажал в него своего внука, затверживая ему за несколько дней слова, как следовало говорить народу из идола, и которые суеверная чернь принимала за глас самого бога; но вместо сих важных слов, когда Ваидевут просил, стоя на коленях, ответа, Алеша кричал в истукан петухом, кошкою или брехал собакою. Жрец сердился, дирал за волосы пакостника и, наконец, когда сей не унимался, вышед из терпения, высек его очень больно розгами, но сие не прошло ему самому без отплаты.

Ваидевут, видя, что не можно ему употреблять внука своего к подаянию ответов, долженствовал исполнять оное сам. Празднество началось, и жрец по отправлении всесождения влез в истукан. Огонь выходил изо рта Перкунова, народ доволен был ответами, обряды кончились, и следовало жрецу выйти вон. Однако рассерженный Алеша отмстил деду своему сверх всякого его ожидания. Он вымазал истукан внутри живую смолою, которой липкость умножилась от раздувания трута. Когда надлежало Ваидевуту выпускать огонь, борода и волосы его прилипли. Ужасно суетился он выпростать себя, но по тесноте места было то неудобно. Он вертелся, досадовал, рванулся вдруг и лишился своей бороды, лучшего своего украшения. По несчастью, в Порусии без бород ходили одни только палачи; каково ж было поругание сие Ваидевуту! Он скрывался под разными причинами от приходящих и, как не сомневался, что обязан тем своему внуку, выгнал одного из храма Попоевцова и запретил под смертию оставить немедленно Порусию. Прелепа оросила его родительскими слезами, открыла ему истину, кто был его прямой отец, и велела шествовать в Киев. Порусы утешены были скоро о лишении чада Перкунова. Прелепа награждала им сие неусыпно, и борода Ваидевутова выросла.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Изгнанный Алеша шествовал в Россию, и хотя имел только тринадцать лет тогда, на рост его и сила были чрезвычайны. Дубина и жреческий нож составляли его оружие. В полях литовских уже он находился, где в то время обитали аланы, народ храбрый славенского отродия. Увидел он, продолжая путь, на утренней заре раскинутый в лугах шатер и близ оногo стоящего коня богатырского. Доспехи и оружие висели на воткнутом коле, и связанный невольник караулил вход. Любопытствуя узнать, кто был сей вверивший безопасность свою невольнику, и что за глупец, имеющий способность уйти и, однако, караулящий того, кто ему связал руки, подошел он тихо к самому шатру. Невольник дремал, но, увидя незнакомого, хотел было закричать. Сей показал ему свой жреческий нож и принудил к молчанию.

– Кто ты? – спрашивал Алеша тихим голосом.

– Я русский, – отвечал невольник пошептом.

– Ты дурак, – продолжал Алеша.

– Нет, – говорил тот, – я служил князю Киевскому начальником над тысячью всадников.

– О! сие не препятствует, – подхватил Алеша, – бывают ваши братья, коим жалко бы поверить тысячу свиней. Для чего караулишь ты того, кто тебя связал? Ноги у тебя свободны, что мешает тебе бежать?

– Какое средство бежать? Знаешь ли, кто меня связал? Здесь в шатре опочивает Царь-девица. Богатыри не выдерживают ее ударов, а конь сей может сыскать духом, хотя бы я ушел за тысячу верст. Она ездит по свету, побивает богатырей и недавно, проезжая Русскою землею, наделала ужасные разорения. Богатыри наши Добрыня Никитич и Чурило Пленкович не случились на тот час, ибо поехали на игры богатырские к князю Болгарскому. Меня послали противу ее с тысячью и думали, что легко управиться с женщиною. Мне приказано было привезти ее живую в Киев, но она перелушила моих всадников и меня взяла в плен. Два месяца я должен стеречь вход шатра сего. День я хожу свободен, а на ночь она меня связывает. В первый день покусился было я уйти, но Царь-девица догнала меня и отвесила мне ударов пять плетью, от коих я с неделю с места не вставал, и заклился больше не бегать.

– Беги ж теперь, – сказал ему Алеша, – я останусь на твоём месте, – и развязал ему руки, укрепленные веревкою шелку шемаханского.

Невольник не думал долго и стал скоро невидим, а освободитель его подошел к коню, погладил оногo и подсыпал ему из мешка белой ярой пшеницы. Конь доволен был сею ласкою, начал спокойно кушать и не ржал ни разу.

– Посмотрим сию богатырку, – говорил он сам себе. – Чудно, если не солгал тысячник киевский!

И входил в шатер с твердым намерением отмстить за обиду той земли, где отец его был в чести и славе.

– Жалко будет, – думал он, – если девка сия сильнее тех, кои в Порусии раскладывают огонь пред святым дубом.

Он приблизился к кровати. Девица спала крепко. Сама Лада, богиня любви, ничуть не имела столько прелестей, колико оных представилось ему. Он поражен был оными и должен уже был отмщать и за себя. Похваляют осторожность. Сию употребил и Алеша Попович. Он привязал к кровати весьма тихо, но крепко руки и ноги разметающейся красавицы и учинил приступ. Видеть и целовать ее было необходимо. Богатырка пробудилась, гнев ее описать не можно. Она старалась перервать веревки, но Алеша помогал оным руками. Она кляла, ругала дерзкого, но принуждена признаться побежденною. Нахал играл ее прелестями, смеялся ее клятвам, запрещал ей связывать руки русским тысяцким и, взяв ее оружие и доспехи, уехал на ее коне. Раздраженная богатырка кричала ему вслед, что он не скроется от ее мщенья, хотя бы ушел за тридевять земель, что она вырвет его сердце из белых грудей. Победитель отвечивал, что нет ей нужды искать его столь далеко, что в Киеве найдет его к своим услугам, и погонял коня.

Приближался он к столице царя Аланского и нашел оногo стояща в полях со всем его войском. Богатырь Кимбрский, именем Ареканох, имеющий при себе девять исполинов,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru напал на его земли и требовал за себя в супружество единичную дочь его. Два уже сражения потеряли аланы, не хотящие выдать государя своего поруганью, чтоб богатырь рода низкого взял силою наследницу их престола. Готовились к последнему, должствующему решить участь государства Аланского, ибо последние силы собраны были для отпору наступающего неукротимого Ареканоха. Алеша Попович узнал о сем, явился на отводном карауле и велел вести себя к царю Аланскому.

Царь, видя дородство его и богатые доспехи, не сомневался, чтоб не был он богатырь. Он спросил Алешу, откуда он и какую до него имеет нужду.

– Я уроженец порусский, богатырь русский, и обещаю побить исполинов и привезть к тебе голову Ареканохову, – сказал Алеша.

– Не много ли ты обещаешь? – говорил царь. – Слышал я про богатырей русских, но испытал уже силу Ареканохову.

– Много ли, мало я обещаю, – подхватил Алеша, – какой убыток вам, если и не сдержу я слова своего? Я иду один; но обещайте мне, если привезу к вам голову богатыря Кимбрского, признать, что один Владимир-князь Киевский Всеславьевич должен подавать законы всему свету, что нет в свете сильнее, могучее богатыря его Чурилы Пленковича и что сын Чурилин Алеша Попович освободил царство Аланское от погибели. Обещайте возвестить сие чрез посольство свое князю Русскому.

Царь согласился, и тем удобнее, что не ожидал столь многих успехов из похвальбы младого витязя. Но утро решило его сомнение. Богатырь русский, хотя чувствовал крепость руки своей, хотя надеялся на остроту своего разума, но не мог уснуть во всю ночь. Опасность предприятия повергала его во многие размышления. Невозможно казалось ему управиться вдруг с девятью исполинами и богатырем, оными повелевающим. Но как Ареканох воевал не один, а вспомоществуемый исполинами, то считал за извинительное употребить противу его хитрость. На сей конец встал он в полночь и пошел в стан Ареканохов, находившийся в виду, ибо свет от луны освещал златоверхий шатер сего богатыря. Подкравшись с великою осторожностью, нашел он исполинов, спящих по два рядом. Рост оных был необычайный и мог бы привести в ужас всякого, кроме сына Чурилина. Исполины спали крепко. Алеша имел способность осмотреть оных и выдумывать средство к низложению их. Престрашные, с железными шипами, дубинки, составлявшие единственное их оружие, прибрал он к стороне. Всего удобнее казалось ему истребить исполинов собственными их руками, и выдумка его была весьма удобна. Во-первых, подошел он к коню Ареканохову, который стоял совсем оседлан. Он обласкал его, подсыпав ему пшеницы, размоченной в сыте медовой, и после подвязал оному под хвост пук крапивы и репейнику колючего, также, ослабив подпруги, подрезал оные так, чтобы должны были при скакании необходимо оборваться, и после подтянул седло. Потом подошел к исполинам и связал оным попарно волосы друг с другом очень крепко, а девятому, коему не было пары, надел на шею веревочную петлю и конец ее привязал к одному исполину за ногу. Все приготовлено, и следовало начинать побуждение к междоусобной драке. Алеша употребил к тому острие жреческого ножа своего, которым за один раз отрезал нос исполину, к коего ноге укреплена была петля, и с великим проворством черкал по лицам и прочим, так что каждый лишился глаза, либо губы, или уха, не видя, откуда получил удар сей. Лишенный во-первых носа имел честь начать сражение. От превеликой боли забрыкал он ногами и удавил товарища, имеющего петлю на шее. Но как не ожидал, чтобы поругание сие произошло, кроме от товарища, близ его спящего, ибо чувствовал, что сей его тянет еще и за волосы, то начал он бить и кусать зубами. Тот по разным причинам готов был отмщать себя и вертел удары сугубою отплатою. Прочие исполины спросонья и от боли охотно употребили пример товарищей своих и увечили себя изо всех сил. Алеша подстрекал жар их, пуская им в головы камни, и имел удовольствие видеть их истребивших себя собственными руками, понеже исполины умолкли тогда только, как иной остался без головы, оторванной руками того, коему перегрыз горло, другой удавлен в объятиях того, которому раскусил голову. Словом, Ареканох пробудился от сна богатырского, избавленный от труда разнимать своих помощников. Он надеялся еще на силу свою и чаял, что управится с воинством, не имеющим ни одного богатыря во всем своем множестве, но увидел скоро, что наглая сила бывает должна уступить разуму.

День настал, провозвестник царя Аланского кричал богатырю, чтоб выезжал он на бой с витязем, желающим один на один с ним переведаться и усмирить его гордость. Ареканох, раздражанный уже потерей своих исполинов, коих междоусобию не понимал он причины, тотчас сел на коня своего и с высокомерием выступил пред воинский стан аланов. Царь, предваренный о истреблении исполинов и имеющий надежду на

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru искусство и отважность богатыря Русского, стоял на возвышенном месте со своими воинами и смотрел, исполненный ожидания, на своего ратоборца, который, смело приближаясь к Ареканоху, сердил его разными досадительными словами. Ареканох был толст и имел великое брюхо. Алеша называл его лягушкою, жеребною кобылою и советовал для пощады чрева его возвратиться домой, а выслать своих исполинов, ежели есть оные у него еще в запасе. Ареканох скрипел зубами и готовился рассечь надвое дерзкого. Он кольнул коня в бока острогами и принудил к скоку. Алеша в тупой конец копыя своего вколотил шило и ждал успеха предприятой хитрости. Конь Ареканохов, начав скакать, почувствовал действие крапивы и спиц репейника. Не привыкший к такой насмешке, начал он из всех сил брыкать задом и передом. Богатырь гневался на свою скотину и думал ударами возвратить его к должности, но крапива удерживала оного в прежних расположениях. Конь лягал, прыгал, становился на дыбы и наделал превеликих хлопот своему хозяину. Алеша, только и ожидавши сего происшествия, подошел на помощь. Он вдогонку колот шилом коня и богатыря в черные мяса. Конь усугубил скок и брыканье, подпруги лопнули, и богатырь, слетев с седлом чрез голову, отбил себе зад. Царь Аланский со всем войском подняли громкий смех, взирая на неудачу своего неприятеля, да и нельзя было не хохотать, ибо Алеша колот коня и богатыря шилом с таковыми забавными ужимками, что рассмешил бы и мертвого. Он кричал странным голосом, когда конь помчал богатыря. Конь же, давши перебьку всаднику своему и настрекавши задние свои, продолжал брыканье, визжал и кувырчался. Конные аланцы бросились ловить оного, а Алеша слез с лошади, чтобы связать богатыря, ибо не хотел ему срывать голову. Ареканох собрал было остаток сил противиться, но один туз крепкой руки богатыря русского принудил его к покорности. Алеша Попович снял с него оружие и доспехи, связал его в корчажку и, вороча позади седла своего, привез к царю Аланскому.

Не можно было не иметь почтения к богатырю, избавившему от столь опасного нападателя страну Аланскую и явившему себя в толиком равнодушии в час сражения. Царь благодарил несказанно Алешу Поповича и предлагал ему великий чин в своем государстве, но сей требовал только исполнения данного слова, которое сдержано в точности. Великолепное посольство предстало пред Владимиром. Благодарили оного торжественно за одолжение, его богатырем оказанное. Самодержец русский не знал о сыне Чурилы Пленковича, спрашивал у отца, но сей не мог ничего вспомнить. Послы одарены возвратились к удовольствию царя Аланского. Между тем побежденный Ареканох удержал жизнь по просьбам своего победителя и наказан только вечным заточением. А торжествующий богатырь простился с царем Аланским и пробирался в земли русские.

Расположа проехать сквозь Великую Польшу, спрашивал он, прибыв в оную, о ближнем пути. Указывали ему кратчайшую дорогу, но уверяли, что она с тридцать лет учинилась непроходимую, и объявляли причину оного, что в середине леса, простирающагося на сто верст, находится древнее капище, в коем погребен великий волшебник польский, который умерщвляет всех мимоходящих.

Больше сего не нужно было неустрашимоу богатырю. Он поехал путем указанным и под вечер прибыл к капищу. Развалившаяся и мхом заросшая ограда окружала оное. Трава в поле росла внутри ограды и представила тем место сие удобным к ночлегу. Богатырь расседлал коня и пустил на свежий корм, а сам, вынув из сумы дорожное кушанье и флягу с вином, расположился на паперти ужинать.

Смеркалось уже. Великий стук поднялся в капище, двери растворились навстречь, и толстый поляк начал выглядывать из оных.

– А, господин хозяин! – сказал богатырь. – Не прогневайся, что я без спросу остановился здесь. Я думал, что дом этот пустой.

Поляк скрипел на него зубами.

– Пожалуй, не сердись, – продолжал богатырь, – милости прошу покушать дорожного, – и, налив чарку вина, подносил ему.

Поляк не принимал и сверкал глазами, раскалившимися, как уголь.

– О, пожалуй, не упрямясь, – сказал Алеша и выдернул несговорчивого поляка из-за двери. – Выкушай-ка и будь поласковее.

Поляк толкнул рукою чарку и облил богатыря.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Слушай же ты, невежа, – продолжал он, – я хотел было с тобою познакомиться, но вижу, что ты человек угрюмый. Поди ж прочь и не мешай мне ужинать!

Поляк вместо ответа, бросаясь ему под ноги, зачал кусать. Богатырь, рассердясь, поймал его за волосы, зачал таскать и бить пинками, однако поляк не дал ему удовольствовать гнев, вырвался и ушел в капище. Богатырь затворил двери, заложил цепь на пробой и, поужинав, лег спать, надеясь, что отпотчеванный пинками поляк не будет уже мешать ему. Но неугомонный житель капища не дал ему покою. Едва зачал он засыпать, сей вышел опять, положил ему голову на брюхо и приговариваясь ногтями своими выдрать ему глаза, но голова его имела действие огня. Богатырь, почувствовав жжение, вскочил в ярости, оттолкнул прочь голову столь сильно, что поляк отлетел стремглав в стену и хотел уйти. Но Алеша, схватив саблю, ударил оную по голове. Удар сей был жесток, камень бы расселся от оного, но из головы мертвеца посыпались только искры, и провалился он сквозь пол. Богатырь схватил копьё и совал в отверстие с твердым намерением учинить из тела Полякова решето, однако не мог достать дна. И так лег он опять спать, и поляк не приходил уже нарушать покой его.

Когда рассвело, не оставил он поискать еще. Но не нашел отверстия, в кое поляк провалился: пол был ровен. Осматривал он и капище, но не было в оном ничего, кроме обломков от древних истуканов. Незачем было медлить, и богатырь отправился в путь.

По выезде из лесов увидел он в стороне близ дороги сидящего в глубокой задумчивости человека. Одной рукой держал он за повод лошадь, а другою подпер голову. Богатырь подъехал к оному, спрашивал о причине его видимой печали и получил в ответ следующее:

– Вы не ошиблись, государь мой, – начал незнакомый, – что великая печаль лежит у меня на сердце. Я шляхтич польский и восемь лет сговорен на дочери опустошившего дорогу, которую вы проехали. Я удивляюсь, каким образом избавились вы от злости его, следуя мимо капища, в котором погребено его тело, ибо никто не осмеливается шествовать дорогою, коя многomu числу людей стоила жизни. Сей поляк назывался Твердовский, оставил после себя несказанное богатство, и невеста моя – единая оному наследница. По смерти его познакомился я с оною. Мы восчувствовали взаимную склонность, и брак долженствовал соединить нас в назначенный день. Приготовлялись уже к торжеству, и невеста моя находилась в преогромном доме своем, отстоящем отсюда верстах в тридцати. В самую полночь предстал пред нею дух отца ее с страшным и гневным лицом. «Знаешь ли ты, – говорил он ей, – что я заложил тебя еще маленькую адскому князю Велзевулу? А ты хочешь вступить в брак без ведома господина твоего. Слушай! Ты и жених твой должны дать обязательство сему дьяволу на свои души, если хотите совершить ваше супружество. С сего часа дом сей и все мое богатство отдаю я во власть оного Велзевула. Я вижу из лица твоего, что ты уже не согласна на предложение мое. Ты погибнешь от рук моих, если вступишь в брак до тех пор, как същется таковой бесстрашный человек, который осмелится ночевать в доме сем и выдержит все имеющие с сего часа начаться в оном страхи. Он разрушит тем клятву мою; но я не уповаю, чтоб нашелся кто-нибудь столь отважный из смертных, и ты останешься вечно в бедности, ибо без опасности смертной не можешь взять ничего из моих сокровищ. Жених твой тебе помочь не будет в состоянии. Я сожгу в сию ж минуту все его имение. Избирай! Предайте души свои дьяволу – или терпите». Он исчез; я лишился всего моего имения внезапным пожаром. Невеста моя не имеет пропитания, понеже все сокровища ее лежат в доме, в коем всякую ночь привидения нагоняют на всех ужас и всех покушавшихся входить в дом тот хотя днем, хотя ночью удавляют. Я искал смелых людей, но по сих пор не нашел еще избавителя. Покушавшиеся за великое награждение освободить нас от несчастья погибли. Оных находили в доме оном раздробленных в мелкие части. Я прошу милостины на сей дороге и, что получу, употребляю на пропитание свое и невесты моей, с которою несчастье и любовь меня соединили.

– Друг мой! – сказал ему Алеша Попович. – Я богатырь странствующий, которые с собою денег не возят; следственно, милостины я тебе подать не могу. Однако я избавлю тебя и невесту твою. Должность моя помогать несчастным и наказывать злых, а я не нашел еще нигде злее твоего нареченного тестя. Я ночевал в капище. Он напал на меня без всякой причины, но я раскрыл ему лоб. Я не знаю Велзевула, ни адского князя, но из того не следует, что должно оных бояться. Веди меня в дом оный! Я обязуюсь выгнать оттуда всех пакостников. Мне сокровищ не надобно, я всем добро делаю даром, но обещаешься ли ты исполнить все, что я тебе прикажу, и

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
быть в точном моем послушании до самого того времени, как я женю тебя на дочери Твердовского?

Незнакомый удивился странному обещанию богатыря. Не знал, что ему отвечать, но, видя неустрашимость, написанную на лице его, и что он проехал дорогою непроходимую, ободрился и дал ему слово во всем его слушать. Они поехали.

Великий лес представился опять глазам богатыря, но провожающий его шляхтич поворачивал в сторону.

– Куда идет сия дорога, кою мы оставляем? – спросил богатырь.

– Она лежит сквозь лес и самая ближняя к дому моей невесты, – отвечает шляхтич.

– Что ж, мы поедем оною!

– Уже смеркается.

– Это не мешает, мы поспеем скорее.

– Нет, господин богатырь! Здесь висят висельники, и очень страшно. Они нападают на проезжих и давят.

– Как тебе не стыдно, – сказал богатырь, – говоришь такие бредни! Задавленные будто могут нападать!

– Воля ваша, я не могу. У меня и так волосы дыбом становятся, что я близко сего проклятого места.

– Слушай! – продолжал богатырь. – Ты дал мне слово во всем повиноваться. Я повелеваю тебе вести меня к висельникам!

– Ах, милостивый государь! – вскричал испуганный шляхтич.

– Нет отговорок, – сказал богатырь.

Шляхтич сошел с лошади, становился на колени, кланялся до земли. Ничто не помогло. Богатырь посадил его насильно на лошадь и, держа за руку и за повод лошади его, потащил в лес. Месяц светил очень ясно, виселицы показывались, и бедный шляхтич выл голосом.

– Ах, батюшка, воротимся, – говорил он, трепеща во всех членах. Богатырь тащил его.

Приехали под виселицы; шляхтич не двигал уже языком.

– Ну! – сказал богатырь. – Чего ты боишься? Здесь нет ничего страшного. Я думаю, это изрядная ветчина! Слезь с лошади и подай мне один полоть!

Шляхтич думал, что он попался в руки людоеду, и не сомневался в своей гибели. Он не смел противиться, опасаясь, чтоб за послушание не быть съедену, и хотя ноги его подламывались, однако, спотыкаясь, дотащился он до висельника. Призывал богов на помощь и достал иссохший труп злодея.

– Приторочи его к седлу своему, – приказывал богатырь.

Долженствовало повиноваться. Шляхтич привязал, сел на лошадь и ехал, не смея шевельнуться, понеже ожидал, что висельник начнет грызть его зад.

Великий огонь представился им впереди. Приблизились к оному и усмотрели множество разбойников, сидящих около котла.

– Воротимся, господин богатырь, – шептал дрожащий шляхтич, – люди сии недобрые.

– Это все равно, – отвечал Алеша, – где бы ни поужинать; я вижу, что они едят. Возьми мою лошадь!

Он слез, подошел к разбойникам.

– Хлеб да соль, – сказал он, садясь между оных, и, вырвав ложку у близ сидящего, начал есть кашу.

Разбойники поглядывали с изумлением то на богатыря, то друг на друга, не говоря ни слова.

– Как вам не стыдно! – вскричал богатырь. – Есть пустую кашу! Я попотчую вас дорожною ветчиною. Гей! Малый! Подай сюда полоть!

Шляхтич не смел послушаться, вывязал и притащил на плече висельника. Богатырь выдернул у одного разбойника с боку нож и, отрезав кусок, подавал тому, коего считал начальником. Сей ужаснулся, считая его людоедом, однако, надеясь на множество своих разбойников, думал управиться с таковым опасным человеком. Он оттолкнул руку богатыря и, вскочив, закричал:

– К оружию!

Разбойники бросились к своим дубинам и копьям. Шляхтич обмер, а богатырь сидел спокойно. Разбойники напали на него, зачали колотить, колотить; копья не проникали лат, удары были ему сносны. Богатырь смеялся и увещевал, чтоб они не шутили. Наконец, рассердившись от удара, полученного дубиною по носу, схватил мертвого висельника за ноги и побил всех разбойников оным до смерти, ибо доставало нужды повторять ему удары. Каждый замах размазывал разбойников по два, по три и больше.

Управляясь таковым образом, ободрял он своего спутника и советовал ему поужинать.

– Видишь ли ты, – говорил он, – висельники нас не задавили, разбойники оставили нам свою кашу? Не сомневайся, и Велзевул очистит дом твоей невесты. Что ж лежит до Твердовского, я надеюсь, что у него еще болит лоб от моего удара, и для того не посмеет он прекословить браку, который я утвердить хочу.

Шляхтич ободрился, видя неустрашимость и силу богатыря, следовал его примеру. Богатырь ел кашу, и он работал ложкою довольно бодро, кроме что зажимал глаз той стороны, с которой лежал висельник. Поужинав, осмотрели они пожитки разбойников. Великое множество денег и всяких вещей нашли они. Богатырь подарил ему все, и шляхтич насыпал целые сумы червонных, а прочее припрятал в стороне леса, чтоб после взять. Он не знал, как отблагодарить своего благодетеля, ибо имел уже чем прожить век, хотя бы оный и не очистил дома от привидений. Они ночевали у огня, и шляхтич не мог заснуть, поколь выпросил дозволения сжечь висельника. Поутру прибыли они в замок дочери Твердовского. Сия добродетельная девица, узнав о намерении, пред приятом богатырем к их благополучию, жалела о нем, что они будут виною его гибели, уговаривала его оставить дерзкое намерение. Алеша Попович смеялся таковым устрашениям и, дождавшись ночи, пошел в палаты выгонять Велзевула. Он поручил любовникам коня своего, с которым удалились они в хижину, где жила дочь Твердовского. При свече, которую нес он в руках своих, усмотрел великолепность комнат и богатое оных украшение. Он выбрал покой, где нашел кровать с постелью, и расклат огонь в печи. Не хотелось ему спать, а особливо для того, что опасался, чтоб не проспаться, может быть, лучшего явления, кое имеет представлять Велзевул к поруганию его; и так сидел он у огня. Настала полночь; преужасный вой поднялся в близлежащих комнатах, двери растворились, и представилось ему множество жрецов, идущих с факелами. Они пели надгробные песни и несли гроб закрытый. Великое число людей обоого пола следовало за покойником, и выло страшными голосами. Лица их были разноцветные, голубые, синие, зеленые, красные, как огонь, и черные. Гроб поставили на стол в ближнем покое и продолжали пение. Богатырь думал, если только и будет страшного, то нечего опасаться. Он вышел к ним и спрашивал у жрецов, кто таков покойник. Никто не отвечал ему, и каждый щелкал на него зубами и дышал огнем.

– Вы великие невежи, – сказал он жрецам. – Не довольно, что мешаете мне отдыхать, но и не отвечаете. Пора вам вон.

С словом сим схватил он железный дверной запор, погнал всех вон. Противились ему, дышали на него огнем, прыгали, как кошки, на стены и через него, однако он бил их без милости и, выгнав всех, запер двери крепко. Захотелось ему посмотреть покойника. Он снял крышку с гроба и с удивлением увидел того поляка, которому в пустом капище разбил лоб.

– Ба! – вскричал он. – Ты умер уже!

Поляк вдруг открыл глаза и заскрипел на него зубами.

– О! ты притворился только! – сказал богатырь и потащил одного из гроба за волосы.

Поляк отбивался и противился, но богатырь, подернув крепко, оторвал ему голову. В то мгновение гроб исчез, и удивленный Алеша Попович понес одну только голову в свою спальню.

– Жаль мне тебя, – говорил он, садясь к печи и положив голову у ног своих, – если б ты не так упрямым был...

Но оторванная голова не дала ему закончить. Она укусила очень больно за ногу. Богатырь рассердился и, схватив голову, бросил в печь. Он продолжал еще ругательство к дерзкому поляку и с удовольствием поглядывал в печь, как голова его обратится в пепел. Но комедия не кончилась. Он увидел Полякову голову, обратившуюся в страшного огненного змея, и самого поляка, выезжающего на оном к нему с пламенным мечом. Нападение было близко, а богатырь сложил с себя оружие; чем же обороняться?

По счастью, стояла у печи железная кочерга довольной толщины; богатырь ветрел оную поляка толь удачно, что огненный змей со второго удара рассыпался вдребезги. Третий удар, направленный в толстую Полякову шею, зацепил по оной крючком кочерги и выбросил его раздробленного в окошко. Казалось бы, богатырю уже нечего ждать далее, но не успел он сесть, как увидел, что от частей разбитого змея вся комната загорелась пламенем. Трудно было ему противиться пламени, и всяк избрал бы средство к спасению бегством, но богатырь хотел лучше погибнуть, чем оставить предприятное намерение. Он сел с досадою на стул и размышлял, что начать. Однако пламень был волшебный и потому не опалял его.

– А! Так это все пугают меня! – вскричал богатырь с улыбкою. – Нет, Велзевул, ты не выиграешь и должен будешь взять только одного Твердовского, а дочь его освободить из заклада.

– Нет! Ты погибнешь и не успеешь! – закричали ему со всех сторон страшные и мерзкие голоса.

Вся комната наполнилась дьяволами разного вида. Иные имели рост исполинский, и потолок трещал, когда они умещались в комнате; другие были так малы, как воробьи и жуки. С крыльями, без крыл, с рогами, комолые, многоголовые, похожие на зверей, на птиц и все, что есть в природе ужасного. Все они ревели страшно, выли, сипели, скрежетали и бросались на богатыря. Большие бросались ему под ноги, чтоб повалить, а маленькие садились на голову, на нос, на руки и выпускали жалы, но богатырь отбивался кочергою храбро. Больше двух часов работал он на все стороны и выбился уже почти из сил. Вдруг увидел он пред собою зеленого беса в короне огненной.

– Сын Чурилин, – говорил ему сей бес, – оставь намерение. Заклад Твердовского мне очень приятен, чтоб можно мне было оный возвратить; поди вон, удались – или гибель твоя неизбежна!

– Так то ты, Велзевул! – сказал богатырь и схватил его за бороду.

Бес порывался, борода трещала, но не мог, однако, освободиться из крепких рук Поповича. Весь сонм дьявольский помогал своему князю. Богатырь колотил одного кочергою, пинками, лбом и отпихивал ногами прочих.

– Отдай заклад! – твердил он при каждом ударе.

Бес выдерживал побои и не покорялся. Наконец богатырь, недоумевая, чем одного принудить, приметил, что Велзевул весь покрыт зелеными сияющими перышками. Он подумал, что, может быть, чувствительно ему будет, если выщипывать у него перья; и так, скорчив Велзевула в дугу, сел на оного верхом и начал с возможным проворством щипать его, как курицу. Бес застонал; богатырь продолжал труд, и затылок, спина и часть плеч учинились тотчас голы, как ладонь.

– Покоряюсь, – заревел велзевул болезненно, – отдаю тебе не токмо заклад Твердовского, но и самого его. Делай ты с ним что хочешь.

Богатырь умилился, пустил ошипанного беса, который со всеми своими подчиненными исчез, заклявшись Чернобогом не подходить впредь близко к дому Твердовского.

Тишина настала, и богатырь хотел уже ложиться спать, но поляк удержал его от онога, представ и поваясь в ноги своему избавителю.

– Сильный, могучий богатырь! – говорил он ему. – Вы разрушили свою неустрашимостью мучения, претерпеваемые мною от Велзевула, вы уничтожили клятвы мои, доставили покой дому моему, дочери и самому мне. Земля, не принимавшая меня досель, присоединит меня к себе. Дочь моя соединит судьбу свою с любовником, ее достойным, и будет иметь счастливую жизнь; а я лишусь моего мучения. Все сие восприял я от руки вашей и приношу должную благодарность. Но чтоб не в одних только словах состояло признание мое, возьмите сей перстень (который он вздел ему на перст правой руки). Сей не только умножит вашу силу и храбрость, но когда вы пожелаете учиниться невидимым, следует вам только перевернуть оный камнем вниз. Сей перстень будет вам очень нужен.

Вы покорите через него Царь-девицу, которую столько вы обидели и которая заклалась лишить вас жизни.

Богатырь не доверял, чтоб Твердовский говорил правду, однако благодарил его за подарок.

– Осталось только, – продолжал поляк, – вручить вам ключи от моих сокровищ и просить вас, чтобы вы проводили меня до моего гроба.

Богатырь согласился и, приняв связку ключей от Твердовского, следовал за ним в потайные погреба. Он показывал ему двери, кои богатырь отпирал. В одном месте лежали кучи золота, серебра, камней дорогих, а в других хранилось платье, богатые уборы и всякие редкости, достаточные удовольствовать сокровищницу Индийского Могола.

Осмотрев все, привел его Твердовский в самый нижний погреб. В оном не было ничего, кроме железного гроба. Поляк простился с богатырем, лег в гроб и в мгновение обратился в прах. Богатырь, видя, что дело кончилось, закрыл гроб крышкою, запер погреб и изломал ключ от онога. Потом, возвратясь в свою комнату, лег в постелю и заснул спокойно.

Солнце взошло уже высоко, шляхтич и дочь Твердовского дожидались возвращения богатыря и потеряли надежду, чтоб был оный в живых. По чрезмерному стуку, в минувшую ночь в палатах бывшему, заключили они, что сей отважный человек сражался с привидениями и лишился жизни. Из благодарности за доброжелание онога с радостью желали бы они похоронить его останки, но боялись войти в палаты. Между тем богатырь проснулся и кликал их к себе в окошко. Не можно описать веселия, коему предались они, услышав голос богатыря, и не сомневались, что он, когда уже остался в живых, без сомнения разрушил все бедствия судьбы их. Осмелились они и впервые вошли в дом свой после стольких лет. Богатырь рассказал им все происшествие, вручил им ключи от сокровищ, показал им все погреба и присутствовал на их свадьбе, которая с великим веселием совершилась в тот же день.

Две недели пробыл он в сем доме, был убежден неотступными просьбами новобрачных. В сие время пожелал он испытать действие своего перстня, который получил от Твердовского. Давно уже с удовольствием взирал он на пригожую хозяйку и вздумал смотреть, какова она во время сна. Обратя камень перстня вниз, вошел он в их спальню и лег между супругов. Шляхтич, проснувшись, хотел обнять жену, но удивился и ужаснулся, ощупав человека в латах. Ревность овладела им. Он вскочил, запер двери и побежал за огнем. Между тем богатырь имел время. Он спрятался в угол. Раздраженный шляхтич прибежал с огнем и саблею. Вошел, радовался, что отмстит, ибо двери были заперты и дерзкому уйти некуда. Увидел жену свою, спящую крепко, искал по всем углам, за печью, под кроватью, везде. Богатырь был невидим, и шляхтич, успокоясь, лег в постелю, уверясь, что ему спросонья показались мягкие и нежные бока женины латами. Он разбудил жену, которая

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
досадовала на него, что лишил он ее прекраснейшего сновидения, коим она была очень довольна и ожидала повторения. Богатырь только ведал про обстоятельство шутки и о действии перстня. Он поутру простился с хозяевами и отправился в Киев.

Во время пути ничего отменного ему не приключилось, и стены киевские прияли в себя богатыря, о котором слава носилась по всей России. Он открылся отцу своему и уверил оного, что неложно должен он называть его сыном. Чурило Пленкович вспомнил о приключении в Порусии, облобызал свое чадо и радовался, что имеет детище столь достойное. Он представил его в услужение великому князю, и Владимир пожаловал его по заслугам. Забавный нрав Алеши Поповича учинил его необходимым при дворе. Все любили его, и каждый искал его дружбы. Не было дня, в который бы не произвел он какой-нибудь шутки, в чем много пособлял ему невидимый его перстень. Но я не буду описывать подробно его шуток. Может быть, оные не смешны будут на нынешний вкус: например, хохотали ужасно, когда он гордому вельможе пред челобитчиком снимал шапку и нагибал ему против воли голову. С пожилой красавицы стирал белила и румяна и открывал тем ее морщины. Злоязычников толкал под бороду и пресекал им языки. Ласкателей, вкрадывающихся в чью-нибудь доверенность, во время самых важных уклонов давал толчки и прочее. Все таковые пороки были тогда в диковинку, и потому оным смеялись.

Наконец пришло не до шуток сыну Чурилину. Царь-девица появилась пред стенами киевскими, начала опустошать окрестности сего города, вызывала богатырей и требовала выдачи виноватого. Никто не знал, какая вина, и кто виноватый, но должно было обороняться, ибо разорения ее учинились уже важны. Богатыри вменяли в бесчестие драться с женщиною, а военачальники, ведающие о участи прежде посланного тысячника, не смели выступить. Алеша Попович открылся, что он виноватый, и обещался без всякого сражения победить и привести сию богатырку в Киев.

Ночь наступила. Царь-девица стояла в шатре своем в заповедных лугах княжеских. Богатырь наш пошел пешим, без всякого оружия, обернул перстень свой вниз камнем и так, невидим будучи, вошел в шатер. Царь-девица разделась и лежала на постели. Она не возила уже с собою кровати, ибо Алеша Попович отучил ее опочивать столь нежно. Красавица сия оказалась богатырю только прелестна, что не мог он помыслить учинить ей что-либо злодейское ниже удержаться, чтоб, подкравшись, не поцеловать ее. Красавица почувствовала поцелуй, вскочила, оглядывалась. Свеча горела и освещала шатер; но, никого не видя, легла опять. Спальное платье ее распахнулось; белизна шеи и... Богатырь не мог не повторить поцелуи. Уста его прилепились, и нельзя бы было ему сохранить себя в пределах почитания, кое чувствовал к особе, воспламенившей его сердце; не сердящаяся красавица, ощупав нечто существенное, оттолкнула прочь сие страстное привидение.

– Ах, как ты жестока! – вскричал невидимый богатырь.

Красавица смутилась и робким голосом вопрошала:

– Кто ты, дерзкий? Телесное ли существо или...

– Я существо, тебя обожающее, не могущее дышать, чтоб дыхание мое не подкрепляемо было твоею любовью.

– Для чего ж ты не являешься предо мною в своем виде? Если ты обожаешь меня, зачем пугаешь ты меня таковыми сверхъестественными прикосновениями?

– Вид мой, ах, сударыня!

– Что!

– Вам он ненавистен. Я не смею предстать.

– Какой же вид твой? Откройся!

– Но обещаете ли вы простить богатырю, вас оскорбившему?

– Как! Неужли ты Алеша Попович! Исчезни... Или предстань, чтоб я кровью твоею омыла обиду мою!

– Вот, сударыня! Могу ли я после этого предстать?.. Но вы не имели бы

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
удовольствия поразить меня, если б я и показался. Знаете ли, кто я?

– Кто ты? Ты чародей, злодей мой.

– Нет, сударыня, я дух-хранитель ненавидимого вами богатыря. Сам он не заслуживает столь ненавистного названия. Можно ли кому-нибудь вам злодействовать? Довольно вас видеть единожды и на всю жизнь быть вашим невольником.

Красавица задумалась.

– Но так обругать меня! – продолжала она.

– Сие последствие предвозмогающих чувств. Взирая на вас, не можно владеть собою. Я дух, но едва удерживаюсь... Позвольте мне принять вид виновного. Он поистине заслуживает извинения. Он молод, недурен лицом, храбр.

– Нет! Я никак не соглашусь.

– Однако, сударыня, – сказал богатырь, обернув камень перстня и бросаясь пред нею на колени. – Можете ли вы быть так жестоки, чтоб не простить сей покорности? Позвольте мне за него поцеловать сию прелестную руку.

Удивленная красавица не могла сердиться, слыша похвалы себе, но и не могла бы сносить вида богатыря, овладевшего ею коварным образом, если б самый сей вид не имел в себе нечто убедительное. Она уже не считала благопристойным мстить духу-хранителю за вину того, коего он представлял образ, и довольствовалась одними только укорениями. Хитрый богатырь умел пользоваться выгодами сего обстоятельства и довершил победу. Он получил прощение на самых необходимых условиях быть ее супругом, и Царь-девица не раскаивалась, потушив опасный огонь своего мщения. Она согласилась поутру ехать в Киев и там окончить положенное намерение и сложить звание богатырки, столь противное ее полу. Страстный богатырь не мог оставить ее ни на минуту. Ночь протекла неприметно, и только Царь-девица успела рассказать ему о себе следующее:

– Я родилась от Турда, князя Угров, и есмь плод тайной его любви с одною из первейших красавиц, служивших супруге его. Ревность княгини, открывшей сию склонность отца моего, принудила его удалить родительницу мою от двора своего, но сие не воспрепятствовало ему посещать довольно часто хижину земледельца, где мать моя нашла убежище. Сие стоило жизни несчастной моей родительнице, ибо княгиня Угрская, проведая чрез то жилище ее, велела умертвить оную предательски. Я была у груди и равномерно определена жертвою ее гнева, но посланные, сжалившись над младенчеством моим, отдали меня встретившейся старухе. Сия была волшебница и воспитала меня вместо дочери. Князь Турд столько крушился о смерти моей матери, что непродолжительно следовал за нею в гроб... Вся надежда моя тем пресеклась, и участь моя зависела от одной моей воспитательницы. Она, предвидя, по науке своей, опасность, имеющую мне быть от мужчин, заключила дать мне отменную силу и научить всем богатырским ухваткам, чтоб я, странствуя в мужском одеянии, могла избегнуть грозящих мне несчастий. Воспитание влияло в меня толь великую склонность к сему роду жизни, что я иногда сомневалась о истинном моем поле. Достигнув пятнадцати лет, испросила я дозволения у моей воспитательницы выступить на подвиги и, получа вооружение, отправилась. Я странствовала по разным дворам северных государей, приобретая великую славу на разных потехах и поединках с богатырями. Страсть побеждать сильных витязей толико мною овладела, что я, приезжая в какую-нибудь землю, вызывала на поединок богатырей той страны, в случае ж непослушания принуждала к тому неприятельскими действиями. Я перебила и переувечила оных немало. Слава моя и гордость умножились, мне казалось уже приятнее торжествовать, покоряя мужчин, открыв настоящий мой пол, и я назвалась Царь-девицею, понеже слово «царь» казалось мне всего приличнее побеждающим. По несчастию, быв в Великой Польше, проезжала я сквозь один непроходимый лес и имела сражение с неким чародем, именуемым Твердовским. Сей опустошил дорогу, которую я проезжала, и погублял всех на оную вступающих. Он появился ко мне в виде страшного мертвеца, имеющего железные когти, напал и старался растерзать меня. Я имела столько отважности, чтоб отразить его нападение, и чародей, видя неудачу в намерении своем, отшел от меня, произнеся ужасные клятвы и угрозы. Он предвещал мне, что я скоро буду побеждена богатырем Киевским. Я смеялась таковым угрозам, но с того времени, конечно, по чародейству Твердовского, сделалась я очень сонлива. Для чего, победив тысячника киевского, удержала я оного при себе,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru для стражи во время моего сна. Но чему быть, то будет. Ты, любезный неприятель, превозмог мою предосторожность и... дал мне знать, что женщина подвержена своим слабостям, и что мужчины много имеют средств победить ее гордость... Признаюсь, что наглый твой поступок поверг меня в отчаяние, и справедливый гнев мой побуждал к жестокому над тобой отмщению, но посреди самой моей ярости находила я в себе чувствование, в пользу твою клонящееся. Долго я сражалась сама с собою, осуждала убеждающую меня слабость. Стократно определяла твою погибель, столько ж уступала моему сердцу и наконец испытала, что я женщина. Я не могла простить тебя, но невозможно уже было и покушаться на жизнь твою. Она учинилась мне драгоценною, и я искала уже тебя для того только, чтоб ты признался в вине своей. Я сыскала тебя и жертвую. Я познаю цену победы моей. Тогда я покоряла богатырей только временно, но в тебе надеюсь иметь пленника навеки.

Сей пламенный разговор окончился поцелуем и подал случай наговорить богатырю Киевскому тысячи нежных извинений, тысячу ласкательств; но я сомневаюсь, чтоб удержался он от преступления, в коем извинялся. Сказать правду: не существенность преступления составляет вину, а обстоятельство и время.

Солнце взошло уже, и самодержец Русский увидел опасную неприятельницу, с покорностью подвергнушуюся его законам. Царь-девица не скрыла, на каких условиях вступает она в подданство. Алеша Попович просил дозволения у своего государя, о дозволении сдержать ему свое слово. Владимир охотно соизволил на брак сей, который совершен во дворце в тот же день с превеликим торжеством. Пиршества продолжались целую неделю, и старый богатырь Чурило Пленкович, подгулявши на свадьбе у сына, имел случай сказать:

– Противу жестокой женщины всегда должно высылать молодого пригожего детину.

Больше неизвестно о подвигах славного богатыря сего. Насильство времени лишило нас дальнейших о нем сведений, кроме чем он жил в великом согласии с своею женою и одарен был от великого князя великим имением. Слышал я, что есть отрывки о победах его, учиненных во услужении Владимиром, в летописях Косожских и Угрских, но сии не пощажены также древностию, и сказывают, что листы в них все сгнили.

Повесть о славном князе Владимире Киевском Солнышке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче[24]

Во время неверия Владимир имел множество жен, между которыми была у него болгарыня, именем Милолика, чрезвычайной красоты, как то можно усмотреть из описания о сей, ибо имела она очи сокольи, брови собольи, походку павлиную, грудь лебединую, и прочая. Довольно, что не было ее краше во всю землю Русскую, во всю колесницу поднебесную, и следственно, возлюбленнее для своего супруга. Она взята была в плен близ столичного города отечества своего Боогорда волжскими разбойниками во время прогуливания с своими мамками, няньками и санными девушками и для великой красоты доставлена к Владимиру, который с первого взгляда столь заражен стал прелестями ее, что предпочел ее всем женам своим и свободил всех 800 наложниц, заключаемых для него в Вышграде, чем и приобрел сердце гордой сей красавицы. Дни текли в совершенной радости; прешедшие победы принесли богатства; мир умножал изобилие; подданные любили своего государя, и сей обращал к ним все рачение и милость, ибо покой души его происходил от сердца, удовлетворенного любовью. С сего обстоятельства начинается повесть.

Седящу Владимиру со своею княгинею Милоликою, со своими боярами, в своих теремах златоверхих, за столами дубовыми, за скатертными браными, за яствами сахарными, понеже день тот был торжеством в воспоминание славной победы над греками. Внезапно послышан стал глас рога ратного. Великий князь прикручинился, сложил свои руки ко белым грудям и думал крепку думушку. От сего бояре приуныли все, буйны головы повесили. Один лишь Святоград, воевода Киевский, не уныв сидел; он встает, поднимается из-за стола дубового, не допив чары зелена вина, не доев куска сахарного; он подходит к князю Владимиру, преклоняет чело до полу и говорит бодрым голосом:

– Ты гой еси, наш батюшка Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич! Не прикажи казнить-рубить, прикажи слово вымолвити! Отчего ты, государь, прикручинился? О чем ты так запечалился? Будет и пришла чужд поганая под твой славный Киев-град, разве нет у тебя рати сильная? Прикажи, государь, послать опровергати, кто смеет наступать на землю Русскую?

На сие ответствовал ему великий князь с улыбкою:

– Благодарю тебя за твое о мне усердие. Я запечалился не от ужаса: побивал я войски сильные, разорял я грады крепкие, не один царь пал от рук моих, мне война уж принаскучила, мне жаль вас, моих подданных; я хотел прожить с вами мирный век, не хотел я лить крови человеческой; но когда так учинилось, пошлите опровергати двух сильных витязей, кто смеет стать перед Киевом? Кто смеет трубить ко Владимиру? На бой ли он зовет или тешится?

Святорад поклоняется, выходит из терема златоверхого на красное крыльцо, призывает из дворца государева славных витязей, выбирает двоих, кои по сердцу, посылает их сказать слово княжее. Славные витязи надевают сбрую ратную, садятся на добрых коней, выезжают во чисто поле. Там не видят они силы ратная, ни войска великого, только видят один бел шатер. Подъезжают к тому белу шатру, видят коня богатырского, роста необъятного; конь, завидя их, перестал есть пшеницу белу ярю, [25] учил бить копытом во сыру землю, провещал человеческим голосом: «Встань, пробудись, сильный могучий богатырь Тугарин Змеевич! К тебе идут послы из города Киева!»

Посланные изумились, видя таковые странности, но более удивились, послышав пробуждение самого богатыря, ибо чох его уподоблялся дыханию бурному. Шатер поколебался, и показался из оногo исполин, роста чрезвычайного: голова его была с пивной котел, а глаза как пивные ковши. Витязи не оробели, но исполняли повеленное. Они, не дойдя до шатра, поклоняются, начинают свою речь посольскую:

– Ты гой еси, добрый удалый молодец! Скажи, поведай нам, как зовут тебя по имени, как величают по отчеству? Царь ли ты или царевич? Король или королевич? Или из иных земель грозен посол? Или сильный могучий богатырь? Или ты поленица удалая? Прислал нас к тебе Владимир-князь, Киевское Солнышко Всеславьевич, велел опровергати, кто смел так стать перед Киевом? Кто мог трубить пред Владимиром? Служить ли ты пришел князю нашему? Или с его витязьми переведаться? Будет ты служить пришел, ино не честь богатырская стать на лугах княженецких неспроста. Довлело б тебе обослатися, поклонитися. Будет же пришел испытать могуча плеча, уноси ты скорей буйну голову свою – не смогчи тебе на Русь славную! Не в твою пору богатыри сильные погибали здесь перед Киевом; клевали их тела черны вороны; таскали кости их серы волки. Хоть убьешь ты здесь богатыря русского, ино есть вместо его тысяча, а за тысячью и сметы нет.

Исполин рассердился от таковых угроз: глаза его засверкали пламенем, он запыхтел, как мех кузнечный, и из ноздрей его посыпались искры огненные. Воскричал он громким голосом, словно как вдали Перун гремит:

– Ой вы, глупые ребятишки неразумные! Посверчу я вам буйны головы от могучих плеч! Мне ли сметь сказать таковы речи? Суждено быти вам посланцами – не топтать бы вам травы-муравы! Известно дело, что послов не секут, не рубят. Подите вы назад к князю Киевскому, скажите ему опалу великую. Научу я его быть вежливым! Позабудет он красти княжон болгарских! Но не богатырская честь на словах грозить – покажу я вам былью-правдою. Я дал слово крепкое князю Болгарскому – привезти ему главу Владимирову. Скажите вы своему князю: прогневался на него князь Болгарский, грозный Тревелий, и несть ему спасения. Пригожее ли дело – похищать княжну рода славного? Будет Милолика ему лена показалася, ино шел бы он служить ко Тревелию (брату ее), и по заслуге его бы князь пожаловал. А днесь, уже не вменяет он родства его, не глядит на слезы Милоликины. Я сдержу мое слово крепкое, богатырское, оторву я ему буйну голову от могучих плеч. Не сокроют его леса темные, не спасут горы высокие; мне не надобно ни злата, серебра, ни камня самоцветного, только надобна кровь Владимира.

Окончав речь сию, исполин подхватил близлежащий камень величины необъятной и примолвил: «Не скажу я вам, как зовут меня по имени, как величают по отчеству, покажу лишь вам, каковы мои мышцы крепкие, каковы руки сильные». С словом сим бросил он камень вверх, как бы легкое перо, который сокрылся за облаки. Посланные с превеликим ужасом смотрели на сие невероятное происшествие, дожидаясь с полчаса обратного упадения камня, и, не дождавшись, поехали в город.

По прибытии представлены великому князю и донесли виденное и слышанное. Князь изумился и жалел, что презрел шурина своего Тревелия и не дал ему знать о сочетании своем на сестре его, хотя бы чрез посольство; но изумление его

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru обратилось в ужас (хотя, впрочем, ему несвойственный), когда при названии провещанного конем имени Тугарина Змеевича княгиня Милолика пролила горючи слезы и с рыданием вопила:

– Погибли мы, дражайший супруг! Нет нам спасения от гнева брата моего: нрав его весьма лютый, и посланный его богатырь Тугарин имеет крылья и коня очарованного. Когда он на коне сидит, то не вредит его никакое оружие. Он опустошил было все царство Закамское, принадлежащее князю Болгарскому, если б не вошел он с ним в мирные условия и не обещал ему меня в супружество. Но как я не могла помыслить без трепета, что достаюсь чудовищу, и намерена была бежать из отечества, для чего нарочно избирала случай, предпринимая отдаленные и скрытные прогулки, то похищена была, по счастью, волжскими разбойниками и досталась тебе, возлюбленный мой князь. Посему рассуди, какова должна быть лютость Тугаринова противу тебя, когда ты овладел его нареченною невестою; но я леденею от ужаса, когда вообразу о силе сего чудовища чародейного! Должно мне рассказать тебе все сии подробности, чтоб ты послушался меня, оставил бы свое княжество и спасался со мною за Буг-реку, ибо там только не действует его власть волшебная. С тобою, дражайший супруг, счастлива я и в отдаленнейших пустынях; но если поупорствуешь ты противиться Тугарину и не предпримешь следовать моему совету, лиши меня жизни, ибо не могу я видеть гибель твою неизбежную».

Владимир увещевал ее отложить страх, представлял ей отменные заслуги своих витязей, многочисленные свои воинства и крепость необоримую стен киевских – ничто не успевало: она предалась жесточайшему отчаянию, и только обещанием согласия к бегству мог он ободрить ее и привести в состояние рассказать о Тугарине. Почему Милолика начала.

Повесть о Тугарине Змеевиче

Я рождена от Болгарского князя Богориса и Казарской княжны Куриданы Чуловны в городе Жукотине, где в летнее время родители мои обыкновенно провождали по несколько месяцев. Сей город лежит на луговой стороне реки Волги и тем доставляет великие выгоды к разным забавам: рыбные ловли и звероловство по рощам на берегах волжских были лучшею утехою моей родительницы, а особливо когда она нередко принуждаема была вести дни без Богориса, отзываемого войнами противу неприятелей.

Случилось некогда, что обры объявили нам войну; родитель мой не хотел дожидаться впадения их в свои области и предварил оных наступлением. Куридана, мать моя, искала разгонять грусть свою обыкновенными своими охотами. Сети закинута были чрез всю ширину Волги, гнали рыбу болтами во многочисленных лодках. Сама мать моя плыла впереди на позлащенной ладье, со всеми придворными и телохранителями. Вдруг на другой стороне реки стоящие горы расступились надвое с превеликим треском, и из отверстия появился дивий муж, едущий на двух крылатых конях в колеснице, сделанной из стали. Он слетел прямо на воду и ехал по реке, ровно посуху, прямо к ладье княгининой. Тотчас послали у него спросить, откуда он и как смеет подъезжать к лодке княжеской без доклада? Но сей дивий муж был превеликий чародей, который до тех пор никому не показывался и известен был только по производимым лютостям; он дунул на посланную лодку и перевернул оную вверх дном, так что людей едва спасти могли. По сему враждебному поступку вся стража княжеская пустила в него тучу стрел, но оные, не долетя до него, обращались назад и падали переломленные в воду. Чародей приближался, все пришли в великий ужас; он одним словом остановил ладью, и руки гребцов учинились недействующи. Вступив на ладью, открылось его намерение, что он хотел похитить княгиню, мать мою, ибо он тотчас бежал к ней с распростертыми руками. Но сколько раз приближался, толико ж раз отвергаем был назад и коверканьем своим оказывал, что его невидимый огонь опалает. Он ворчал некие варварские слова, коих никто разуместь не мог, и кои, конечно, были волшебные, но ничто не помогало; он стал на колени и изъяснял матери моей жестокость к ней любви своей, обещал ей тьмы утех, владычество над всем светом, если предастся в его руки, что может учинить снятием с себя талисмана. Сей талисман имела Куридана на шее, повешенный при рождении ее от некоторой благодетельствующей волшебницы; и, услышав, что оный защищает ее от похищения, подумала, не может ли оный удалить прочь сего мерзкого чародея, вынула она оный наружу и поставила противу глаз его. Чародей переменялся в лице, страшные синева покрыли оное, пена била из рта его. Он усилился воспротивиться, но ударен был о землю, после чего, вскоча, делал великие угрозы.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Не думай, – говорил он, – чтоб спаслась от рук моих: я принужу твоего супруга предать тебя во власть мою! Я пошлю такие казни на землю вашу, кои довольно отмстят твое презрение и поспешат моим желаниям! Верь мне: я клянусь Чернобогом, что или погибну, или достигну моего намерения! Вскоре увидят меня пред стенами Боогорда.

Проговоря сие, воскрежетал он страшно и исчез со своею колесницею.

Куридана возвратилась в великом ужасе и не смела долго медлить в таком страшном соседстве; она переехала того ж дня в укрепленный город Боогорд и не смела выходить из теремов своих.

Наутрие появился на полях городских страшный двое-главый крылатый Зилант; [26] он опустошал все пламенным своим дыханием и пожирал стада и людей, по несчастью ему встречающихся. Земледельцы оставили свои работы, пастухи не смели выгонять стада свои, весь приезд в город учинился опасен, и трепет рассеялся всюду. Множество отважных людей, покушавшихся спасти отечество свое от сего чудовища, погибли жалостно, быв растерзаны сим лютым змием. Зилант приходил всякое утро к самым стенам и с мерзким рыганием кричал следующее человеческим голосом:

– Богорис! Отдай мне жену свою, или я опустошу всю землю Болгарскую, все царство Закамское!

Родитель мой, услышав о таком несчастье, оставил успехи побед своих и принужден был, заключа мир, ускорить возвращение в государство свое. Он нашел оное в жалостном состоянии: поля и деревни запустевшие, жителей разбежавшихся. Там курились пожженные нивы; здесь трепетали остатки членов пожертвованных людей и скотов; в столице своей всех в унынии, не смеющих выйти за двери; голод и смерть повсюду.

Объятия нежной супруги не могли истребить в нем помышления о всеобщем несчастье. Сама родительница моя умножала скорбь души его, представляя себя на жертву в спасение отечества. Можно ли принять такое предложение супругу, полагающему в ней все благополучие? Но должно чем-нибудь спасти народ! Богорис и Куридана были великодушны: сей хочет идти сразиться и победить или погибнуть, а сия вознамерилась искупить жизнью своею его и отчество. Она созывает верховный совет, противу воли княжеской. Сей повелевает им удалиться, не слушать предложения женщины, обещает защитить себя и их одной своею неустрашимостью, но Куридана их останавливает. Предлагает им гибель всеобщую, за одну ее происходящую. Уважает им ужас предыдущего. Предает себя за всех на съедение Зиланту. Уговаривает их не повиноваться в случае сем их монарху. Вельможи благодарят ее, превозносят похвалами. Богорис угрожает, мятется и не знает, что начать. Любовь и добродетель сражаются внутри его. Время было утреннее. Зилант был уже пред стенами; вскоре пронесся страшный свист его до чертогов княжеских; слова «Богорис, отдай мне жену свою» повторялись по чертогам в ужасном отголоске. Куридана мужественно встает, объедает нежно дражайшего супруга, прощается с ним навеки и исходит. Богорис со всем своим великодушием не может снести вида толь поразительного, не может удержать ее, ни воспротивиться, ибо силы его оставляют и повергают его бесчувственна. Куридана останавливается, проливает слезы, возвращается еще, лобзает в последние безгласного супруга и предается вельможам. Сии в рыданиях употребляют во всеобщую пользу бесчувствие своего государя, подхватывают на руки свою избавительницу, несут ее ко вратам градским. Алтари курятся, и колена преклонившиеся жрецы возносят моления к бессмертным о спасении своей ироини.

Весь град в слезах провожает оную за врата и оставляет. Между тем Богорис пришел в себя; он не видит своей супруги, обретает себя от всех оставленна. Отчаяние его совершается. Он исторгает меч свой, возносит оный на грудь свою, не хотя пережить свою возлюбленную Куридану, кою числит уже растерзанное чудовищем. Но невидимая рука вырывает меч его. Все чертоги наполняются благовония, свет, подобный утренней заре, освещает глаза его, и он видит перед собой представшую женщину в белом одеянии. Величество и милость сияют из престарелых черт лица ее. Она вещает к нему:

– Богорис! Приди в себя! Добродетели твои должны ли допускать к тебе отчаяние? Будь безопасен о своей супруге: ей не может прикоснуться чудовищный Зилант. Но чтоб уверить тебя в истине слов моих, ведай, что я волшебница Добрада, родственница и друг покойной твоей теще княгине Кегияне. Я присутствовала при

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru

рождении супруги твоей и, предвидя имеющуюся ей случиться опасность от чародея Сарагура, повесила ей на шею талисман, который защищал оную поднесь от насильств его, как и ныне сохраняет от Зиланта, ибо он есть самый сей чародей, принявший на себя вид страшного сего змия. Едва леты начали развивать прелести в Куридане, увидел ее Сарагур и с первого взгляда смертельно влюбился. Тотчас вознамерился он похитить ее, но талисман препятствовал желаниям его. Я безопасна была в рассуждении супруги твоей, но Сарагур не оставил в покое меня. Он, проведая, что я защищаю Куридану, и не имея силы покорить меня явно, делал со злобы разные мне пакости тайным образом, так что наконец принуждена была я наказать его. Я волшебною превосходною над ним моею властью заперла его во внутрь Волжских гор и, заключа судьбу его с ужасными заклинаниями, коих и сам Чернобог трепещет, в золотую рыбу, повергла оную на дно Волги, ибо не уповала, чтоб по глубине места того в реке мог кто достать оную. Сарагур без того не мог свободиться из тюрьмы своей, доколе не попадет рыба сия в сети, и казалось, что рыба из металла не попадет никогда в оные. В число заклинаний подлежало и то, что Сарагур, если и свободится из неволи, не может уже вредить людям, не превратясь в Зиланта, но из оногo не получит никогда прежнего вида и должен окончить скоро жизнь свою. Несчастливым случаем, белуга проглотила золотую рыбу с песком, и когда супруга твоя в отсутствие твое выехала на рыбную ловлю, белуга оная попала в сети. Чародей тогда вырвался из заточения и, подумав, что заклинание мое, удерживавшее его, не могло уничтожиться, как с моей смертью, счел потому, что и талисман Куриданин лишился своего действия, и вознамерился княгиню похитить. Но к досаде увидел, что покушения его бесплодны, отчего в таковую пришел злобу, что лучше пожелал лишиться человеческого вида, нежели оставить без отмщения мнимую свою обиду. Он превратился в Зиланта и заключил опустошить все государство Болгарское или погибнуть. Ты, дорогой князь, не ведаешь, что имеешь при себе несравненное сокровище. Сей меч твой есть составленный из одних талисманов древними египетскими мудрецами и, быв утрачен на сражении египетским царем Сезострисом, достался твоему праотцу и есть истинный бич на всех чародеях и очарования. Удары его неотвратимы, все волшебства исчезают от его прикосновения, и оному-то ты обязан всеми своими победами. Ступай, истреби чудовищного Сарагура; тебе предопределено низвергнуть его во ад. Он, завидя тебя, испустит пламя, к уничтожению сего довольно одной сей фляжки воды из реки Буга. – Она подала ему оную. – Тотчас ты облей ею себя и смело ступай на него; но старайся одним ударом срубить ему обе головы, понеже, когда ты отсецешь ему только одну, Сарагур хотя лишится от сего жизни, но успеет уйти от тебя в свою нору, где исчезающая в нем чародейная сила произведет яйцо. Он снесет оное, потом умрет. Из трупа его учинятся очарованные латы, которых ничто не может пробить, кроме меча твоего. Из главы отсеченной вырастет каменный конь, который оживет в то время, когда злые духи яйцо высидят, и выйдет из оногo исполин Тугарин, именуемый потому, что туго рос, ибо выведется он чрез десять лет, но, вылупясь из яйца, в одну минуту будет совершенного своего возраста. От сего Тугарина, которому в силе и злобе никто из смертных не сравнится, предстоит великая напасть, хотя не тебе и княгине твоей, ибо вы окончите век свой в благоденствии, но дому твоему, потому что Тугарин, имея врожденную ненависть к болгарам, начнет опустошать сие государство; сын твой Тревелий принужден будет искать с ним мира. Сей не может воспоследовать, кроме обещания ему дочери твоей в невесту, ибо он, не выдав ее, при самом рождении своем почувствует чрез влияние страсти отца своего чрезмерную к ней любовь. Сын твой, по малом с ним обращении, заразится его злобою и учинится лютейшим тираном, и если не ускорится убиением Тугарина, Тревелий погибнет в бунте от рук своих подданных. Убить Тугарина не может ничто, кроме меча твоего, но ты о всем сем не должен открывать никому, кроме супруги своей Куриданы; она может открыть о том своей дочери, а сия своему супругу, ибо в книге судеб определено истребление племени Сарагурова некоему Славенскому богатырю, не рожденному матерью; и чтоб сын твой не владел твоим мечом, для чего и должно будет тебе повесить оный, окончив победу над Зилантом, в своей оружейной палате, замешав в куче мечей. Судьба доставит уже оный в руки, кому надлежит. Внимай, Богорис! От одного исправного удара зависит избавление дома твоего, или, впрочем, беда Болгарии неизбежна.

Сказав сие, Добрада покрыта стала светлым облаком и исчезла, а Богорис, сев на коня, поспешил на избавление супруги и отечества.

Он видит Зиланта, устремляющегося на мать мою, но удерживаема невидимую силою. Поспешает; чудовище видит его обнажающий меч и испускает пламя, пожигающее всю окрестность. Все встречающееся оному погибает. Сам Богорис чувствует опадение и изливает на себя священные воды Буга-реки. В мгновение пламени лишается своего действия, и меч уже поднесен к произведению удара. Зилант поднимается на хвосте,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
но князь не смог отсечь ему кроме одной головы. Сия упадает и окропляется черною ядовитую кровью и претворяется в камень. Чудовище испускает страшный рев и удаляется; Богорис настагает оное, но Зилантовы крылья ускоряют от ударов. Ратный конь мчится подобно ветру чрез поля, речку, до горы; князь побуждает оного посрамить полет змиев и чародейную силу, почти цепляет мечом по остальной голове, но чудовище скрывает в пропасть земную труп свой и память Сарагурову.

Родитель мой огорчился, видя покушения свои недействительны, но, подумав, счел сие неминуемым определением судеб. Он оставил провидению будущий жребий государства своего и радовался, что свободил оное от опустошителя. Возвращается, находит Куридану невредиму и освобождает оную от ужаса в рассуждении себя. Рассказывает ей сказанное Добродою и полагает, по повелению ее, меч свой в оружейную палату. Остаток века их прошел в благоденствии. Я узнала предстоящую мне судьбу от Тугарина из уст родительницы моей и получила данный ей Добродою талисман, а брат мой Тревелий – престол болгарский.

Страх храбрости Богорисовой не мог так скоро истребиться в памяти наших неприятелей. Сие доставило мирную жизнь болгарам. Брат мой был государь правосудный и любим подданными. Нежность его ко мне составляла все мое утешение, мы не могли быть ни часу розно.

Некогда прогуливаясь, услышали мы, что на полях близ Боогорда произошло чудное приключение в природе. Тревелий поехал туда, взяв и меня с собою. Мы увидели камень, имеющий точное подобие коня, который рос ежеминутно, так что при наших глазах достиг чрезмерной величины. Все удивлялись сей мнимой игре естества, но я, вспомня слышанное от родительницы моей о сказанном Добродою, узнала, что приближается начало бедствий моих с рождением Тугарина, пришла в великий ужас, что приметя, брат мой счел, что я занемогла, и спешил возвратиться. Едва успели мы отъехать сажен с двести, почувствовали сильное землетрясение. Близстоящая Зилантова гора рассклалась надвое, и из оной появился страшный, в броню облаченный исполин; оный шествовал невероятными шагами к каменному коню, так что мы не успели еще ста сажен отъехать, как исполин положил уже руку на коня. В мгновение вспыхнул оный пламенем и сделался живым, о чем узнали мы по необычайному его голосу, ибо оный так заржал громко, что все лошади в колесницах наших попадали. Представьте, коль велик был трепет, всех тогда объявший, и сколь оный умножился, когда увидели исполина, восседшего на коня и скачущего с распростертыми руками прямо на нас. Какое спасение! Ужас общий не представлял никому иного, что мы насытим желудок сего чудовища. Но убежать не было средств. Отчаяние возвратило мужество, и многие бросили стрелы в приближающегося исполина, но оные отскакивали от него, как бы от камня. Одна только Тревелиева стрела ударила его в нос столь сильно, что он чихнул и, подхватя оную, проглотил. После чего протянул было руки, желая схватить меня, но вдруг отдернул оные назад так, как бы обжегся, ибо он подувал и плевал себе на ладони. Вторичное и третичное покушение его сопровождаемо было с равною неудачею, отчего он пришел в великую ярость и, отъехав несколько назад, произносил клятвы и ругательства. Пена била клубом изо рта его, подобного печному устью, и он изгрыз себе с досады пальцы в кровь. Наконец страшным голосом, от коего все принуждены были заткнуть уши, кричал моему брату:

– Слушай, Тревелий! Вижу я, что не можно мне взять сестру твою насильством, и для того даю тебе три дня сроку, в которые должен ты оную уговорить, чтоб отложила она свои волшебства и согласилась быть моею женою; в противном же случае я из государства твоего учиню непроходимую пустыню: города и деревни разорю и выжгу, всё живущее поем, а тебя разорву по суставам.

Сказав сие, поворотился он на коне своем, поскакал, дыхнув пламенем, отчего близстоящий дуб в мгновение обратился в пепел, и так сокрылся в лесах, окружающих реку Каму. Я пришла в себя не прежде, как в моих чертогах, и увидела брата моего, в безмолвном ужасе против меня сидящего. Тогда узнала я, какая предстояла мне опасность, если бы не имела на себе талисмана, коему одному обязана была моим избавлением, и заключила ни на минуту оный с себя не снимать. Ведала я, чем можно бы спасти отечество мое, но помнила запрещение волшебницы, что с открытием о таинственном мече учинюсь неизбежною жертвою объятий исполиновых. Сего довольно было наложить на меня молчание, и брат мой, требующий моего совета, не получил в ответ кроме горьких слез, с которыми сообщал он свои, и, наконец, не зная, что начать, заключил требовать совета в боговещалище Елабугско, [27] находящемся не в дальности от столичного города, на берегу реки Камы. Мы отправились в оное; по принесении на жертву обожаемому змию двух черных

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru быков, введены были мы в капище. Брат мой предложил вопрос: чем можно избавиться от нападения исполина Тугарина? Жрецы окружили истукан с кадилами, воспели песнь Чернобогу и с коленапреклонением просили о явлении чрез ответ средства к спасению их отечества. Истукан поколебался и глухим голосом отвечивал:

– Беды, терпение; поражение и победа; мечи, стрелы; утро вечера мудренее.

Ни князь, ни я, ни сами жрецы не могли растолковать сих божественно хитрых слов; однако уверяли нас, что точно сего ответа они и ожидали, что он очень хорош и должен сбыться.

– Но что ж я предприиму по оному? – вопрошал Тревелий.

– Последуйте оному в точности, ваше величество, – отвечивал верховный жрец.

Мы не смели спорить с переводчиком Чернобоговым и отправились без всякого наставления, однако с надеждою. Собран тайный совет; рассуждали, изъясняли, спорили, опровергали, доказывали и заключили, что следует сражаться с исполином, не давая ему ни ногтя моего, и наутро, по точной силе и разуму божественно не понимаемого ответа, отправить противу Тугарина тысячу пращников, тысячу стрельцов, имеющих большие стрелы, и две тысячи в панцири вооруженных всадников. Заключено и исполнено: до свету еще выехал сей отряд. Целый день искали неприятеля, провозвестник охрип, кричавши – Тугарин не появлялся. На другой день провозвестник зачал укорять исполина трусостью, однако недолго пользовался сей дерзостью. Тугарин выехал, и ужас остановил слова, на устах его. Воины, видя, что должно начинать сражение без предисловия, ибо провозвестник молчал, пустили в него тысячу камней и тысячу стрел. Тугарин в самое сие время очнулся, потому что едучи дремал, и зевнул; все камни и стрелы попали ему в рот, и он, не чувствуя, откуда сие происходит, харкнул и выплюнул оные вон, сказав:

– Какое множество здесь мух!

Изумились воины, сочли, что он чародей, и заключили пустить ему еще по тысяче камней и стрел в самый нос, ибо довольно ведали, что сей способ отнимает силу у всякого чародея. Усугубили крепость и искусство; выстрелы произведены толь удачно, что разбили исполина нос до крови. Тугарин увидел, что произошло то не от мух, и пришел в великий гнев.

– О, так противу меня выслано войско! – вскричал он голосом, подобным грому. – Итак, я должен с болгарамы поступать по-неприятельски!

Сказав сие, зачал он хватать руками воинов по десятку и больше и глотать целиком. Не было спасения, все погибли, только человек с двадцать поудалились на конях, в числе коих был и провозвестник. Исполин, видя, что неловко ему ловить оных с лошади, соскочил и побежал на четвереньках; в минуту достигнув оных, одним зевком всех захватил и проглотил. Приметив, что уже никого не осталось, подумал он, для чего не оставил одного, чтоб приказать к Тревелию угрозы свои. Но приметил, что нечто у него под носом шевелится (сие был бедный провозвестник, который, держа в руках копьё, не попался в рот исполину, ибо копьё воткнулось оному в нос, когда он хватал их зевком, и окостеневшие руки удержали провозвестника висяща на копьё), он снял его перстами и, увидя, что сие человек, посадил оно на ладонь и, отдув из обморока, говорил следующее:

– Я оставляю тебе жизнь. Скажи ты своему князю, что еще даю я ему один день; если по прошествии оно не согласится он отдать за меня сестру свою, то я опустошу в один месяц всю его землю. Ты видел, как я управляюсь с его воинами: целое войско его не больше мне сделает затруднения, как и сия кучка.

После сего опустил он его бережно на землю, но бедный провозвестник, со всею принятою в рассуждении его осторожностью, оглох от разговоров Тугариновых. Он пришел и сказал о происшедшем. Отчаяние умножилось, не знали, что делать, советы продолжались целую неделю, и между тем исполин опустошил почти все Закамское царство. Крайность принудила брата моего вспомнить, что он князь, и забыть, что он родственник. Он заключил предать меня на избавление отечества и возвестил мне то в горчайших слезах. Послано было умиловать Тугарина и возвестить согласие на его требование. Исполин побежден был страстью, чтоб мог отвергнуть сию цену предлагаемого мира; он оставил пожигать селения и пожирать живущих и шествовал гордо к Боогорду. Князь Тревелий со множеством вельмож встретил его за

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru городскими воротами; я была в отчаянии. Принуждена была дать мое слово, но с тем, что не прежде получит он мою руку, как приняв от какой-нибудь благодетельствующей волшебницы вид и рост обыкновенного человека, понеже ведала, что сие не так легко случиться может, и я между тем могу убежать, дабы брат мой не сорвал с меня талисмана, ибо, невзирая на всю его ко мне горячность, надлежало мне ожидать, что он лучше согласится лишиться сестры, чем дать себя разорвать по суставам. Любовь действовала в исполине и принудила без всякого размышления дать мне согласие. Он клялся Чернобогом, [28] что не приступит к браку, как на сих условиях, и не токмо оставит неприятельские поступки противу болгаров, но с сего часа вступает в услужение Тревелию. Радость началась всеобщая; нельзя было исполина ввести во дворец, отвели ему место в садах, где и дали ему великолепный пир. Тысяча быков изготовлена для Тугарина, он съел оных до последней косточки. Сто печей хлебов и сто бочек вина, двести куф пива убрал он на прикусах, ибо за один раз совал он в рот по целой печи хлебов и куфу выпивал одним глотком.

Предвещание Добрады исполнилось. Брат мой полюбил чудовищного Тугарина до крайности и учинился из добродетельного государя тираном. Не было дня без пролития человеческой крови. Я терпела ужасное гонение и искала случая убежать. Не прошло двух месяцев, и в государстве съестные припасы чрезмерно вздорожали. Исполин из любви к Тревелию согласился кушать воздержнее и довольствовался вместо хлеба и мяса одними дровами. До похищения моего перерубили уже великие леса на стол Тугаринов, и из непроходимых лесов Закамских учинились великие степи. Наконец случай извлек меня от бедств: я похищена волжскими разбойниками.

– Подумай, дражайший супруг, – примолвила княгиня Милолика, окончив свою повесть, – какая предстоит тебе опасность от Тугарина, когда он не только грозный мститель за Тревелия, но и ревнующий совместник твой! Однако только бегство за Буг-реку спасет тебя от его злобы. Я со стороны моей безопасна: талисман учиняет силу его надо мной не действующую.

Потом увещевала она его ускорять бегством.

Владимир сетовал: не можно было ему оставить государство свое на опустошение. Монарх, коего трепетал весь восток, который покорил всех враждующих соседей, который прославился добродетелями своими не меньше храбрости, мог ли предпринять бегство от одного богатыря? Сто раз легче была для него смерть. Но чем возразить слезной просьбе жены милой? Чем противу стать чудовищу, укрепленному чародейством? Сии были помышления, стесняющие его душу. Рассуждая о средствах ко спасению, вспомнил он, что стены киевские при создании своем кладены на извести, разведенной на священных водах реки Буга. Сего довольно было, думал он, к пресечению исполина входа во град, и сие слышал он от верховного жреца. Обрадовался Владимир, спешил утешить тем свою княгиню и доказать ей, что безопаснее для него остаться в городе, чем выступить из оного. Милолика успокоилась, и не оставалось Владимиру, как только изобретать способ к погублению исполина. Собран военный совет, предложено обстоятельство, сказанное княгинею о Тугарине, и предвещание Добрады, что погибнет оный рукою богатыря, не рожденного матерью. Рассуждали, голоса делились: одни советовали наслать на него всех киевских ведьм, другие сделать клич всем сильным, могучим богатырям, один только Святоград не соглашался ни на то, ни на другое. Он представлял князю, что он худо верит колдовству и думает, что чужие богатыри не так скоро съедутся, чтоб упредили разорение, имеющее произойти от исполина, что всего лучше выбрать лучших витязей и совокупными силами ударить на исполина. Владимир почти согласен был на его мнение и хотел только спросить совета верховного жреца. Пошли в Перуново капище, требовали молитв и наставления, чем избавиться от угрожающего бедствия. Жрец обещал все; он просил на полчаса сроку; заперся в кумирнице и, вышед, сказал:

– Внимай совет богов, Владимир: потребно исполина Тугарина, рожденного змием, поймать, связать ему руки и ноги и принести богам на жертву.

– Но как сие быть может, великий отец? – говорил Владимир.

– Должно лишь поймать и связать его, чадо мое! – отвечал жрец.

– Сего-то мы и не разумеем, – примолвил Владимир.

– Беды великие и гнев богов, если вы его не поймаете, – сказал жрец и пошел во

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
внутрь капища делать приготовления к пожрению исполина.

Владимир возвратился в недоумении и повелел Святограду кликать клич: кто выщется отважиться на исполина.

Множество выbralось витязей. Каждый желал поодиночке сражаться с исполином, понеже в храбрых людях России нет недостатка. Всякое преимущество рождает зависть, следственно и чести. Первому сражаться никто друг другу уступить не хотел. Спорили, бранились, и чуть не дошли до драки, ежели б искусный Святоград, подоспев, не доказал им, что они спорят понапрасну, что безумно сразиться с исполином со лба на лоб, что великое потребно искусство, где силы не равны, и угovorил их напасть на богатыря совокупными силами. Они выехали, увидели шатер исполинов. Конь его показался им горою; оный ел, по обыкновению, белую ярую пшеницу, а Тугарин спал. Приметили сие по храпу его, подобному шуму вод на Днестровских порогах. Заключили напасть на него до пробуждения его. Они слышали, что конь его очарованный и говорит человеческим голосом, почему и начали красться исподтишка. Но осторожность коня обмануть весьма было трудно. Конь закричал при их приближении, но богатырь спал. Они спешили; конь кричал вторично, и Тугарин не пробуждался. Погибель была очевидна, хотя конь кричал, рвел и бил ногами в землю, и исполин пробудился было, но поздно бы то было, ибо больше тысячи копий и мечей ударили в него со всех сторон, и одним только очарованным своим латам обязан он был своею целостью, понеже никакое оружие не пробивало оных. Все копья и мечи переломались или отпрянули прочь. Исполин воскипел яростью, схватил двоих витязей, кои прежде ему попались в руки, и проглотил. Все ударились в бегство; исполин вскочил, сел на коня, погнался за ними, хватал почти руками, но не жалели лошадей, и все спаслись в город. За сто сажен от стен остановился конь Тугаринов; исполин вяще сердился, бил коня, соскочил долой, бежал пеш, думая перешагнуть стену и истребить киевлян с их князем. Но чудная сила вод реки Буга, освятившая стены сего города, явила тогда свое действие: исполин в приближении обжегся исшедшим невидимым пламенем, расвиrepел наиболее и клялся преодолеть всё и опустошить землю. Он покушался вторично, в-третьи и изжегся весь, так что заревел от боли. Не mogши успеть, излил он ярость свою на окрестность; изрыгнутое им пламя попало на все поля и ближние деревни. Он пожирал людей и стада и не думал перестать, поколь истребит всякую русскую тварь.

Между тем Владимир, взиравший со стен городских на происходящее, увидел чудо от стен киевских и опустошение, причиняемое исполином в государстве, равно и невозможность удержать лютоcть Тугаринову, ибо отборные его витязи не могли победить оногo. Он радовался бы, что сам безопасен внутри города, если б не был добродетелен, но, взирая на погибель государства, пролил он слезы и пошел к верховному жрецу просить его о учреждении всеобщих молитв для умилоcтвления богов. Сказал он жрецу неудачливость покушения и страшную силу исполина, производимые им опустошения и просил о учреждении молитв к умилоcтвлению богов.

– Так вы оногo Тугарина не привели на жертву? – вскричал жрец с досадою.

– О том-то, батюшка, я и хочу просить богов, чтоб они открыли нам средство истребить его; силы оногo сверхъестественны, – сказал Владимир.

– Истребить, то есть убить до смерти, а не на жертву принести? Чадо! Боги гнушаются всяким бездушным приношением, живогo его привести должно и связанного.

– Я доносил вам, что сие невозможно, и что...

– Нет ничего, нет ничего, приведите только оногo и не забудьте приказать связать покрепче: боги уже досадают, что лишают их столь долго вкушения сей сладкой жертвы, и за то послали на вас в казнь сего исполина.

– Святой отец! – сказал Владимир с досадою. – Казнь сия богами послана была прежде, нежели получил я приказ привести исполина им на жертву. Следственно...

– О князь! Велие твое хуление, но да не осквернюся...

Сие последнее слово жрец сказал уже за дверьми и оставил Владимира в досаде на жреца.

Князь возвратился в недоумении и горести в свои чертоги возносить моления к

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru бессмертным о спасении своего отечества, но боги не внимали просьбе его, и Тугарин опустошал прекрасные окрестности Киева. Недоумевали, что делать, и огорченный государь изливал скорбь свою в недра любезной своей супруги, коя не осушала очей своих, источающих потоки слезные. Весь Киев стенал, не было никого, который бы не терпел урона: каждый потерял либо родственника, либо имение, случившихся вне стен киевских. В сей чрезвычайной напасти потребна была помощь только сверхъестественная.

Тугарин учинил новый пожар за городом. Все придворные выбежали на переходы быть страдающими свидетелями исполиновой лютой. Они услышали, что широки ворота закрипели. Въезжает на двор витязь смелый. Доспехи на нем ратные, позлащенные. Во правой руке держит копьё булатное, на бедре висит сабля острая. Конь под ним, аки лютой зверь; сам он на коне, что ясен сокол. Он на двор въезжает не спрашиваючи, не обсылаючи. Подъезжает к крыльцу красному, сходит с коня доброго и отдает коня слуге верному. Сам идет в чертоги златоверхие, княженецкие. Слуга привязывает коня среди двора, у столба дубового, ко тому ли золоту кольцу, а своего коня к кольцу серебряну. По сему придворные заключили, что новоприезжий долженствует быть роду непростого.

Между тем незнакомый входил во внутрь чертогов. Вельможи останавливают его и спрашивают с обыкновенною тогдашних времен вежливостью:

– Как звать тебя по имени? Как величать по отечеству? Царь ли ты, царевич или король, королевич, или сильный могучий богатырь, или из иных земель грозен посол? – и прочая.

Приезжий не удовлетворил их любопытству и отвечивал:

– Если мне сказать вам о всем, то уже самому князю донести нечего, – и просил, чтоб учинили о нем доклад.

Не смели его больше утруждать, донесли князю, и он впущен был пред Владимира.

На вопрос княжий, что он за человек и какую до него имеет нужду, отвечивал он:

– Я называюсь Добрыня, Никитин сын, уроженец Великого Новгорода, и приехал служить тебе, великому государю.

– Но как ты пробрался в славный Киев-град? И как пропущен злым Тугарином?

– Надёжа-государь! – говорил Добрыня. – Доселе мне, молодцу, еще не было дороги запертыя. Проезжал я горы высокие, проходил я леса темные, переплывал реки глубокие, побивал я силы ратные, прогонял я сильных, могучих богатырей – мне робеть от Тугарина? И я давно уже бы свернул ему голову, – примолвил он, – но я хочу учинить то пред твоим светлым лицом и по твоему слову княжескому, чтоб ты сам, государь, видел службу мою и пожаловал, велел бы мне служить при твоём лице.

Владимир удивился смелости, вежливости, дородству и красоте сего витязя.

– Молодой человек, – сказал он ему, – так ты хочешь сразиться с Тугарином?

– Для сего, государь, поспешал я в славный Киев-град, дней и ночей не просыпаючи, со добра коня не слезаючи.

– Но знаешь ли ты, какво трудно сие предприятие?

– Ведаю довольно, и если б оное меньше имело опасности, я послал бы исполнить оное одного своего Таропа-слугу.

– Я похваляю твою отважность, – сказал Владимир, – принимаю тебя в мою службу и обнадеживаю своею княжескою милостью, но не дозволю вдаться в таковую опасность, ибо ты мне годишься по своей храбрости и разуму в других случаях. Я имею довольно витязей смелости испытанной, но ни один из них не отважится сказать, чтоб он мог биться с Тугарином, понеже сие определено только для богатыря, не рожденного матерью.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Не рожденного матерью? – подхватил Добрыня.

– Так, – отвечал князь и рассказал ему предвещание волшебницы Добрады.

– Так я великую имею надежду свернуть голову Тугарину, – говорил Добрыня с улыбкою.

– Неужли ты не имел матери? – спросил Владимир любопытно.

– Позвольте мне рассказать мои приключения, – продолжал Добрыня и, получив дозволение, начал.

Повесть Добрыни Никитича

Я хотя имел отца и мать, но в самом деле не рожден я моею родительницею. Потому что она, будучи мною беременная, во время путешествия от нападших разбойников получила удар саблею по чреву, так что я выпал недоношенный из умершей моей матери. Причем и родитель мой убит. Я погиб бы, если б великодушная волшебница Добрада не спасла меня, как сказывала она мне сама о том. Я воспитан ею на острове, где она имеет свое жилище, и остров сей находится на самом южном пупе земли. [29] В младенчестве моем поили меня львиным молоком и, с тех пор как я себя помню, не давали мне просыпать ни утренней зари, ни вечерней, меня заставляли кататься тогда по росе и после обмочали в водах морских. Чрез сие воспитание получил я таковую силу, что шести лет мог выдергивать превеликие дубы из корня. Шесть белых старичков обучали меня всем известным семидесяти двум наречиям, звездоблюстителству и воинским приемам, так что пятнадцати лет имел я счастье на опыте пред самою Добрадою отбить шесть мечей моих учителей и не допустить ни одного на себя удара. За сие получил я от моей благодетельницы сии латы, кои на себе ношу, и коих ношение сохраняет от всякого вреда, как обыкновенного, так и сверхъестественного. Я повергся к ногам моей благодетельницы, приносил благодарность в чувствительных выражениях и просил, чтоб не лишала меня на всю жизнь мою своего покровительства.

– Добрыня Никитич, – сказала она мне, – сие будет твое имя; ни ты не видал своих родителей, ни они тебя, и ты не рожден своею матерью, как уже известно тебе; посему боги, никогда не оставляющие чад праведных родителей, вручили мне тебя и повелели мне быть твоею матерью. Посему по имени моем имеешь ты называться Добрынею, и отчество твое да будет от побед, кои ты совершишь в жизни своей; ибо ведаешь, что по-гречески Никита значит победителя. Днесь вступил ты в возраст, способный ко всяким предприятиям, и осталось мне докончить воспитание мое только одними сими заповедями. Никогда не отступай от добродетели, ибо, уклоняясь от оной, утратишь ты милость богов, покой души своей и учинишься неспособен к великим подвигам. Во-вторых, не меньше первого наблюдай: видя слабого, насильствуема сильнейшим, не пропускай защищать, понеже не помогающий ближнему не может ожидать и сам помощи от богов. Наконец, третье: как получил ты благодеяния от меня, женщины, покровительствуй всегда нежный пол в гонениях и напастьях, для того что тем умягчится твой нрав, легко могущий ниспасть в зверство. [30] Не должно мне возвестить должествующее с тобою впредь случиться, ибо сие таинство написано только в книгах судеб и не всем смертным открывается. Однако ведай, что необходимо должно тебе достать меч Сезострисов. Оный хранится у некоего сильного монарха северного. Если ты оный получишь, не будет для тебя на свете ни спорника, ни поборника. Примета же, по которой найдешь ты меч оный: при первом твоём взгляде на него твой собственный меч спадет с тебя, а оный поколеблется.

Потом подала она мне перстень.

– Во всякое время, когда тебе понадобится конь, – продолжала Добрада, – потри только по оному и пройди три шага вперед; тогда оглянись назад – и увидишь коня богатырского, который будет служить тебе верно во всю жизнь твою.

Приняв сие наставление и подарки, пал я к ногам ее и приносил мое благодарение. Она повелела мне с того ж дня начать в свете мое странствование, искать меча Сезострисова и не прежде основать жилище себе, как убью великого очарованного исполина. После сего повелела она мне сесть в лодку, имеющую меня отвезти на матерую землю. Лодка сия была пречудная. Я никуда не видывал подобной, ибо плыла она не на веслах, а посредством одной растянутой холстины. Сама волшебница села со мною во онаю; мы поплыли. Ветры никак не могут дуть столь быстро, как лодка,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru пересекая вала океана, везла нас. Сладкий сон овладел мною, и, проснувшись, я увидел себя одного на прекрасной долине близ великого города. Горесть объяла меня, когда узнал я, что Добрада оставила меня собственным моим судьбам и сложила свое о мне попечение. Я любил ее, как родную мать, и не мог удержаться от слез. Близлежащий лес отзывался восклицаниям моим и разносил имя Добрады. Но не пришла, и я долженствовал размышлять о предыдущем состоянии. Мне захотелось испытать силу перстня моего; я потер оный и, отшед три шага вперед, оглянулся назад. Конь красоты невообразимой появился стоящ и оседлан прибором цены несчетной. Золото и камни самоцветные, редких вод, составляли вид великолепный. Сабля и копье висели сбоку седла. Обрадовался я чрезвычайно. Подошел к коню, гладил и ласкал оно, и конь припадал предо мною троекратно, в знак своей покорности, на колена передних ног. Я снял саблю, обвязал оную на себя, взял копье в руку и сел в седло. Не можно изобразить, какую почувствовал я тогда бодрость в себе. Мышцы мои напряглись, и казалось мне, что я в состоянии был сразиться с войсками целого света. Конь подо мною ржал, пускал из ноздрей искры, прыгал и ждал лишь приказания, чтоб пуститься чрез доли, горы и леса.

Хотелось мне очень узнать, в какой я земле нахожусь, и какой был то город. На сей конец поехал я по долине, но, поехав верст пять, не нашел ни одной души живой, кроме нескольких статуй каменных, по разным местам рассеянных и разных тварей представляющих. Заключил я вступить в город и по первой попавшей мне дороге следовал к городским воротам. Я не нашел, к великому моему удивлению, стражи в городе, толь укрепленном, кроме десяти человек в воротах крепости, сделанных из камня и изображающих вооруженных воинов. Ворота были железные и крепко заперты. Я кричал, стучался – никто мне не отвечал. Досадно мне было, я вышел из терпения и выломал ворота. Въехав в город, проехав множество улиц, не встречался со мною никто. Я удивлялся огромности и великолепию жилищ и не понимал, зачем по всем улицам расставлено множество статуй и нет живущих. В размышлениях о сем вступил на пространную площадь. Посреди оной стоял великолепный дворец. Множество каменных воинов составляли главный караул, иные из них расставлены были по разным местам, как бы на часах. Удивление мое умножалось. «Неужли сие только игра природы! – думал я. – Великий город без жителей, одни только камни вместо обывателей! Не может быть сие случайным произведением естества! Гнев богов на сем месте, и люди сии окаменели». Подумав, желал я испытать, не найду ли кого внутри дворца. Слез с коня, взшел и утвердился, что город сей превращен в камень со всеми жителями, ибо во дворце нашел множество людей окаменевших, в различных положениях: одни, казалось, разговаривали между собою, другие шли, иные сидели, другие смеялись, иные шутили над приезжим из деревни челобитчиком, как обыкновенно случается то в передних комнатах дворца.

Утвердившись во мнении, что сие произошло от очарования, великую получил я нетерпеливость узнать причины сего и, если можно, избавить от оного несчастья жителей. На сей конец шествовал я во внутренние покои, желал посмотреть, благополучнее ли государь своих подданных. Богатство, всюду блистающее, не привлекло взоров моих, любопытство провождало оные на великолепный престол, который нашел я в отдаленной комнате. Девица красоты невообразимой сидела на оном, опершись на руку. Она так же, как и все, находилась в окаменении, но скорлупа мраморная не мешала видеть прелести и величество, рассыпанные в чертах ее, так что я не сомневался, чтоб не была она владетельница сей страны. На коленях ее лежало письмо, и казалось, что оное причинило печаль, видимую в лице сей государыни. Я любопытствовал узнать оного содержание, взял разбирать сверху, перевертывал на бок, на другой, снизу, и хотя разумел все семьдесят два наречия, но не понял, как оное написано. С досады бросил оное на пол, и в сие мгновение письмо обратилось в столб густого дыма.

Я отступил в удивлении, но не имел времени рассуждать о происходящем, ибо страшное девятиглавое чудовище, имеющее львиные ноги, исполинский рост и хвост змеинный, выскочило из дыма и бросилось на меня, чтоб разорвать на части. Когти передних лап его были больше аршина, и челюсти во всех головах наполнены преострыми зубами. Я обнажил саблю мою, призвал имя Добрады и одним ударом отсек ему две головы и обе лапы. Кровь полила, чудовище застонало, но вместо отсеченных голов выросло у него по две новых, так что стало оное с одиннадцатью. Чудовище с новою яростью бросилось на меня, и я посекал головы его неутомленно, но не возмог бы я истребить оное, для того что головы его вырастали с приумножением, если б не вспало мне на мысль перерубить оное пополам. Я напряг остаток сил моих и одним ударом пересек оное. Пол разверзся в сие мгновение пред моими ногами, земля растворилась и поглотила труп чудовища. Ужасный гром гремел

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru над мою голову, и раскаленные перуны падали вокруг меня, так что я со всею моею твердостью едва мог держаться на ногах. Тьма покрыла потом всю комнату и полуденное время обратила в мрачную ночь. Синяя светящаяся голова появилась из потолка. Она дышала пламенем и говорила ко мне следующее:

– Враг Сарагуров! Ты не освободишь царицу узров[31] от очарования. Убиением чудовища ты поверг лишь ее с подданными в несносное мучение, ибо ты отдал им часть чувств, чтоб страдали они от угрызания нетопырей, зародившихся из трупа убиенного тобою чудовища. Ты никогда не можешь сыскать превращенного жениха сей государыни, князя Печенежского. Сарагур погиб от руки князя Болгарского; следственно, и очарования его уничтожить некому.

Сказав сие, привидение бросилось в пропасть, которая затворилась и учинила пол ровен по-прежнему; причем тьма разделилась и обратилась в огненных нетопырей, кои бросились отчасти на царицу, прочие ж разлетелись и напали на всех жителей сего несчастного города. Окаменелая государыня в самом деле получила чувства, ибо испускала болезненный стон от угрызания сих волшебных летучих мышей. Жалость пронзила сердце мое. Я бросился к ней на помощь, отгонял мерзких тварей, ее уязвляющих, и выбился из сил, ничего не успевши. В досаде и замешательстве клялся я освободить сию злосчастную государыню и побегал, не ведая сам куда. По дворцу и улицам видел я страдание окаменелых людей, кусаемых нетопырями, и стон их наводил на меня ужас.

Я выбежал из города и тогда лишь вспомнил, что оставил во оном коня моего. Жалел я, потеряв время напрасно и что должен буду назад воротиться, и в сем огорчении, потирая руки, коснулся перстня и с радостью увидел, поворотясь назад, что конь мой стоял за мною. Я бросился к нему, ласкал его и воссел.

– Милый конь мой! – говорил я. – Ты, конечно, ведаешь, где превращенный князь Печенежский. Довези меня к нему! Ты, о конь добродетельный, видел несчастье жителей сего города и, без сомненья, жалеешь о мучении их? Помоги мне их избавить!

Конь проржал троекратно и, приподнявшись, ударил копытами в землю, отчего она расступилась, и я на коне опустился в пропасть.

Если бы я не обнадежен был, что конь мой, погружался со мною в недра земные, споспешествует избавлению несчастных узров, конечно бы, усомнился я в жизни моей, ибо скорость стремления, с каковою летел я на иной свет, была чрезвычайна. Но не имел я времени предаться ужасу, для того что в мгновение очутился в земле, освещаемой неким красноватым светом. Странные предметы меня окружали. Трава, под ногами моими находящаяся, казалась красною оттого, что вместо росы лежали на ней капли кровавые. Деревья обгарены были ею же, и вместо листвия росли на оных человеческие головы страшных видов. Лишь я почувствовал под собою землю, засвистали бурные ветры, и головы оные заревели мерзкими голосами. Они кричали все:

– О бедный Добрыня! Куда зашел ты? Погиб ты невозвратно!

Должно признаться, что не без трепета внимал я таковое приветствие; однако, имея в мыслях доброе намерение, отважно продолжал я путь мой. Не проехал я ста шагов, как несчетное войско полканов[32] на меня напало. Лица и руки их обгарены были человеческою кровью, глаза светились, как раскаленное железо, и с каждым дыхновением их вылетало из ртов их сверкающее пламя. Тысячи стрел полетели в меня из луков их, и я обязан на сей раз единственно броне, подаренной мне Добрадою, что не учинилось из тела моего сита. Полканы, приметив недействие стрел своих, заревели от досады и бросились на меня с ручным оружием, состоявшим из превеликих древес, выдернутых с кореньями. Тогда-то потребно мне было все проворство науки отводить удары саблею. Я махал на все стороны, рубил, колот и удивлялся действию моих ударов, а особливо силе задних копыт коня моего, понеже, если пересекал я по десяти полканов за один мах моею саблею, конь мой разбивал оных по сотне вдребезги одним ударом. Скоро не видно стало нападающих. Они пали до единого, и я следовал к представившемуся глазам моим зданию.

Если удобно привести в воображение самый ад, кажется, оный ничуть не будет столь ужасен, как сие строение. Наружность оного составлял плетень, свитый из всех родов ползучих змей. Головы оных торчали наружу и испускали смертоносный пар, и свист их достаточен был повергнуть в трепет бесстрашнейшего человека. Кипящая

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
кровью река текла вокруг одного с клокотанием. Чудовища неописанной мерзости выглядывали из оной, глотали кровь и паки погружались. Исполин с двадцатью руками стоял на мосту и стерег вход. Я видел множество богатырей, покушающихся перескочить по мосту и жалостно погибающих. Исполин хватал оных, перекусывал пополам и бросал в реку, где чудовища оных пожирали. Крылатые змеи страшных видов летали над зданием, сделанным из чистого стекла, в котором слышно было кипение смолы и серы. Великое колесо раскаленного железа с острыми острогами вертелось в пропасти, где клокотала горячая смола, с престрашным громом и стуком. Крылатые змеи нападали на исполина и старались, захватив одного, повергнуть на колесо, и сей с крайним усилением отбивался от оных, беспрестанно между тем защищая вход покушающимся богатырям.

Не знал я, что заключить о поступке исполина. Непонятно мне было, каким образом он, находясь в очевидной опасности быть повержен на раскаленное колесо, имел столько лютости умерщвлять людей, пекущихся, может быть, избавить его от нападающих змиев. Но взор на гибель множества столь отважных богатырей исполнил меня справедливого гнева. Я бросился спасти их и истребить чудовище. В приближении моем к мосту гром и стук в пропасти усугубился, так что казалось, весь свет в ничто преобразуется. Крылатые змеи устремили на меня пламенное зияние, чудовища речные завывали ужасными голосами, и исполин протянул на меня все двадцать рук, выпустя из оных преострые кривые когти, подобно как испускает оные тигр, ловящий свою добычу. Потребно мне было все присутствие духа, чтоб не оробеть от сего трепетного позорища. Я ударил наотмашь саблею по исполину, и так удачно, что не осталось у него ни одной руки. Исполин заревел престрашно и бросился ко мне с разверстым зевом, чтоб меня проглотить, но второй удар отделил прочь дебелую его голову, коя упала к ногам коня моего. Я соскочил, схватил голову за волосы, и в то мгновение здание, вся окрестность, труп исполинов, река и мост с преужасным треском обратились в густой дым, коим меня всего покрыло. Земля колебалась под ногами моими, и казалось, что, вихрем подхватя, несло меня посреди непроницаемого мрака; однако ж я не упустил из рук головы исполиновой.

Представьте, всепресветлейший князь, в каком был я удивлении, нашед себя чрез несколько мгновений на площади пред дворцом царицы узров! Вместо головы исполиновой держал я молодого человека красоты редкой. Я тотчас пустил волосы его из руки моей, и в том, как взирал на величественный вид его, молодой человек бросился ко мне с объятиями, приносил благодарность в чувствительнейших выражениях, выхвалял мою неустрашимость, и, словом, я узнал, что оный был очарованный князь Печенежский. Я оглянулся вокруг и не видел уже ни одного каменного истукана, ни мучащих оных нетопырей. Все восприяли прежнее подобие человеков и радостными восклицаниями наполняли воздух.

Между тем как народ стекался ко дворцу, любопытствовал я узнать причину жестокого поступка Сарагура и подробности несчастного приключения народа узрского и избавленного мною князя, почему оный и начал.

– Несчастья мои и Карсены, царицы страны сей, заслуживают сострадание всякого великодушного сердца, каково ваше, ибо мы оных не заслужили. Я владетель сильного народа, обитающего по обеим сторонам Аральского моря, или известных свету храбрых печенегов. Курус мое имя, и в малолетстве моем, по особливому дружелюбию отца моего с царем узрским и славе наук, процветших в сем государстве, воспитывался я при дворе родителя Карсены славным волхвом Хорузаном. Сей наставник мой знал все таинственные науки и имел книги Зороастровы, однако ж никогда не употреблял власти своей к произведению зла и сии чародейные персидского волхва книги хранил с великим прилежанием. Сарагур, известный свету по своим лютостям, был родной брат отцу Карсены и также ученик Хорузанов. Лютый нрав его приметен был еще с малолетства, и для сей причины Хорузан скрывал от него все, чем только могла злоба его учиниться страшною. Я и царевна узрская возрастали вместе, восчувствовали взаимную страсть, и от времени любовь наша учинилась неистребимою. Царь узрский со удовольствием взирал на оную, яко на посредство, коим две сильные державы совокупятся, ибо Карсена была единичная дочь его, а я наследник престола в отечестве моем. Но Сарагур уповал чрез брак с племянницею своею получить корону. Я пресекал его надежду и был потому предметом жесточайшей его ненависти. Не смел он нападать на меня, ведая милость ко мне своего брата и любовь всех узров, ни покушаться на жизнь мою, когда покровительствовал меня Хорузан, посему удалился он из отечества и тайными происками довел до крайнего разрыва народы печенежские и узрские. Дружество владетелей рушилось, жестокая война возгорелась, и я отозван был ко двору родителя моего. В слезах расстался я с моею возлюбленною. Мы были в отчаянии, но

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru уверили друг друга, что сердец наших ничто разлучить не может. Едва успел я застать в живых отца моего. Жестокая болезнь лишила меня одного на другой день моего приезда. Я взшел на престол, остановил неприятельские действия и чрез торжественное посольство искал у царя узрского возобновления его ко мне прежних милостей, требовал дочери его в супружество и предавал ему скипетр печенежский в залог преданности моей к нему, не хотя при жизни его нигде быть владетелем, кроме сердца Карсенина. К несчастью, Сарагур возвратился ко двору своего брата. Он в странствии своем прилежал в изучении чернокнижной науки, убил предательски Хорузана, завладел книгами Зороастровыми, учинился страшен и самому аду и очарованиями отвратил от меня сердце царя узрского. Все предложения мои отвергнуты, и я принужден был вести оборонительную войну, понеже и самый мир не дозволен мне был. Я поручил управление государства и войск моим вельможам и военачальникам, а сам заключил тайным образом видеться с Карсеною, и если не возмогу покорностью моею убедить родителя ее, то склонить ее к бегству в мое государство.

Между тем Сарагур со всею своею чародейною помощью не мог склонить сердца Карсены, ни довести царя-брата согласиться на такой кровосмесительный брак, ибо некая благодетельствующая волшебница, именем Добрада, в том ему препятствовала. Однако ж нашел он время, в которое удалось ему отместить мнимое презрение своему брату. Он отравил его, старался похитить престол и жениться силою на Карсене. Убийство его открылось, ненависть общая усугубилась к нему, и должен был он оставить государство, понеже опасался смерти, для того что есть часы, в кои и чародеи не бывают безопасны. Карсена возведена на престол, и я предстал ей, уже увенчанной диадемою. Кто только любил страстно и был любим взаимно, может вообразить нашу радость. Я объявлен был женихом царицы узров, и назначен день, в который следовало соединиться двум сильным державам, истребиться навеки их вражде и мне учиниться счастливейшим из смертных. Я сидел у возлюбленной моей Карсены, разговоры наши исполнены были нежности, прекрасная рука ее прилеплена была ко устам моим; вдруг сильная буря вырвала окончины в комнате, где мы сидели, густое черное облако влетело к нам, и из одного высочил Сарагур во всем своем страшном снаряде. В руке держал он жезл, обвитый змеями, зодиак висел через плечо, и страшная пена била изо рта его.

– Изменники, – вскричал он, – вы не можете довольно претерпеть за оказуемое мне поругание!

Тогда пробормотал он некие непонятные слова, бросил письмо на колени моей возлюбленной, и в то мгновение увидел я ее обращенную в камень.

– Сего состояния не может быть пристойнее твоему нечувствительному ко мне сердцу, – сказал он.

Вся кровь во мне закипела. Я хотел обнажить меч мой и наказать мучителя, но руки мои мне не повиновались. Чародей ругался моим бессилием и продолжал: «Я презираю гнев твой, слабый князь! Ты не будешь никогда владеть твоею Карсеною. Она будет иметь прежние к тебе чувства в своем окаменении и вечно тебя не увидит, равно и ты ее». Сказав сие, подхватил он меня за волосы и помчал по воздуху. Я видел всех людей и тварей, во всем государстве превратившихся в камень. Наконец чародей провалился со мною в землю, где произвел все, что вы видели: ужасное то здание и чудовищ, змиев крылатых, и меня учинил исполином, коего вы убили и тем разрушили очарование. Я должен был мучиться беспрестанным страхом от змиев, поминутно старающихся подхватить меня и повергнуть в пропасть горящую на раскаленное колесо. Я имел прежние чувствования к моей царице и терзался отчаянием, что никогда ее не увижу и что никогда не освобожусь моего мучения, ибо чародей, предвидя по своей науке, что должно мне быть освобожденному богатырем, не рожденным от матери (как сам мне о том сказал он для усугубления моего отчаяния), учредил для устрашения одного пугающие древеса с человеческими головами, войско полканов и приведенных богатырей, коих я с крайним отвращением и мучением совести, противу воли моей погублял. Сарагур думал, что удобно оное устрашить всякого смертного от покушения, и я не ожидал моего спасения, потому что думал, не можно быть на свете богатырю, не рожденному матерью. Но вы, храбрый избавитель, разрушили очарование и возвратили бытие целому народу». Князь Печенежский окончил, и мы увидели царицу узрскую, идущую к нам со всем двором своим. Я прехожу описывать восторг четы любящейся и силу благодарности, коею платили мне все узры за свое избавление. Карсена уведомила меня, что она «имела все чувства во время своего окаменения, что трепетала о мне, когда я сражался с чудовищем, что терпела несносное мучение от огненных нетопырей, что

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
избавлена от одного представшею к ней женщиною в белом одеянии, которую по описанию признал я за Добраду, что оная возвратила прежний вид всем ее подданным и уведомила ее, что очарование Сарагурово уничтожено мною, что жених ее избавился от своего мучительного превращения, и счастье их учинится невозмущаемым, ибо Сарагур погиб от руки государя Болгарского, что оная женщина после того стала невидима, сказав, что и о имени ее узнаем от своего избавителя». Я уведомил царицу узров, что она со всеми своими обязана не мне, но всегда покровительствовавшей им волшебнице Добраде, которую я приведен был в ее государство и подкрепляем в моих подвигах. Но сие не мешало изъявлять им свое ко мне признание. Они убеждали меня остаться с собою и быть участником их счастья и напастей на всю предыдущую жизнь, даже что князь Печенежский предлагал мне свое государство во владение, но я, быв предопределен от моей благодетельницы совсем к иному роду жизни, отверг сие предложение и остался только на некоторое время при дворе узрском, в которое видел я совершившееся желание нежных любовников и всеобщую радость соединенных узров и печенегов, составивших с того часа единый народ. Желание получить меч Сезострисов не давало мне покою. Я простился с государями узрскими, к крайнему их сожалению, потер мой перстень, увидел моего коня, воссел на одного и продолжал путь мой, дав волю коню везти меня, куда он хочет.

Чрез несколько дней въехал я на пространную долину, которая вся покрыта была человеческими костями. Я сожалел о судьбе сих погибших и лишенных погребения и предался в размышления о причинах, приводящих смертных в столь враждебные противу себя поступки. Но задумчивость моя пресеклась тем, что конь мой вдруг остановился. Я понуждал одного вперед, он ни шагу не двигался. Я окинул взорами и увидел пред собою лежащую богатырскую голову отменной величины.[33] Жалко стало мне видеть сию, валяющуюся, может быть, между костями погаными. Я сошел с коня и вырыл яму, вознамерясь предать земле кость богатырскую. Окончав рытье, поднял я голову сию и увидел под оною превеликий медный ключ. Окончав погребение и, по обычаю, воздвигнув признак, воткнул я мое копьё над гробом, ибо не было никакого иного оружия, кое следовало повесить над могилою богатырскую, и в честь сего не пожалел я копьё моего. Потом взял я ключ и прочел на оном следующую надпись на славянском языке:

Доброе дело не остается без награды. Возьми сей ключ и шествуй на восток. Ты найдешь медную дверь, и сей ключ учинит тебя владельцем великого сокровища... «Но на что оное богатырю странствующему!» – думал я и хотел продолжать путь мой, но конь мой не вез меня, кроме на восток. Я принужден был следовать его желанию, и он остановился пред утесом высочайшего хребта гор Рифейских (Уральских). Я увидел медную дверь, заросшую мхом, любопытствовал узнать хранимое за оною сокровище, ибо не сомневался, чтоб не к сей двери был мой ключ. Я отпер двери. Пространная палата, вытесанная в горе, представилась глазам моим. Не нашел я там никаких сокровищ, но довольнее был, нежели бы овладел богатством всего света, увидя в одном углу множество доспехов богатырских, в другом углу – копий булатных, в третьем – мечей множество, и я уповал уже обрести между оными Сезострисов. Но, перебирая оные порознь, меч мой с меня не спадал, следственно, и не находилось тут искомого, хотя все оные были доброты редкой. Во время сего упражнения громкий человеческий чох обратил взор мой в четвертый угол, в коем увидел я лежащего воина, от глубокого сна пробудившегося. Я подошел к оному, спрашивал его с вежливостью, кто он, и кому принадлежит палата сия, хранящая столькие сокровища богатырские. Воин встал и с глубоким поклоном отвечал мне:

– Все сие принадлежит вам, ибо вы имеете ключ от кладовой сильного, могучего богатыря Агрикана, а посему и я верный ваш слуга Тароп.

Любопытно мне было уведать яснее как о Агрикане, так и о нем, почему и просил я его объявить мне о том подробнее. Тароп повествовал:

– Откуда родом был славный и сильный богатырь Агрикан, почти никто не ведает, а известен он по великим делам своим. Не осталось ему ни спорника, ни поборника на белом свете во всю жизнь его. Я верно служил ему двенадцать лет за то, что отнял меня у Яги Бабы и воспоил, вскормил меня вместо отца-матери. Проехали мы с ним все море Казарское (Каспийское), всю землю Заяицкую и всю землю Закамскую, побили войска сильные и покрутили могучих богатырей, которых доспехи и оружие вы здесь видите, но я не мог узнать, откуда Агрикан родом был, и как величали его по отечеству. Наконец Агрикан преставился. Пред смертью он учинил завещание, чтобы я проклинал клич во всю землю и созвал бы сильных, могучих богатырей, чтоб

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru они похоронили одного близ устья Сакмары-реки, где она впадает в Яик-реку, и, сделав по нем тризны, [34] переведались между собою о его сокровищах. Кто останется победителем, тому и палата сия, тому и я, верный Тароп-слуга. Я исполнил повеление его, отвез его тело на то место, где он себя похоронить велел, и скликал сильных, могучих богатырей. Оные съехались, предали тело земле со всякою честью, посыпали над могилою высокий курган [35] и отправили тризны. Потом выбрали для побоища то место, где ты видел множество костей человеческих. На сем побоище было богатырей трижды тридевятнадцать. Оные осмотрели сперва кладовую Агриканову и о таковых сокровищах возрадовались, ибо я пересказывал им, чьи были доспехи, какого богатыря меч-кладенец или копье булатное, и всякому хотелось получить то во власть свою, что Агрикан собрал во всю жизнь свою и своею добыл рукой крепкою. Они бились дней трижды тридевятнадцать, не пив, не ев, со добрых коней не слезая, и все погибли, кроме одного сильного, могучего богатыря Еруслана Лазаревича. Он остался победителем, ему я отдал медный ключ и себя в услуги верные. Мы приехали в сию палату. Но как Еруслан бился с богатырем косожским и почти силы равной, то получил язву крепкую. Он ночевал со мною в сей кладовой своей, и язва его загорелась огнем смертным. Он призвал меня голосом болезненным и вещал ко мне: «Ты гой еси, верный Тароп-слуга! Вижу я кончину свою скорую, не жить уже мне на белом свете, не владеть сими сокровищами. Я видел ныне во сне сильного, могучего богатыря Агрикана. Он возвестил мне конец мой и велел тебя со всеми сокровищами запереть в сей палате, а мне, взяв ключ, идти на ратное поле и там посреди прочих богатырей окончить жизнь мою. Я оставляю тебя. Ты будешь спать сном богатырским лет ровно тридевятнадцать, а я столько лет лежать без погребения, ибо чрез все оное время не выищется богатыря добродетельного, который бы, наехав, сжалился над моими костями и предал бы их погребению. Однако не опасайся, не останешься ты вечно в сем заключении. Найдется богатырь, от коего и твое имя учинится в вечной памяти и коему ты послужишь верой-правдою». Сказав сие, простился Еруслан со мною, запер меня в сем месте, и я спал, не просыпаючи. Теперь же вижу, что настает мне служба великая; для того не сомневаюсь, чтоб не вы были тот славный богатырь, который погреб кости Еруслановы, и у которого определено мне в верных услугах прославиться».

Я обрадовался, что достал себе такового слугу доброго, подарил ему со правой руки золот перстень, данный мне между прочими дарами от царя узрского. Тароп обрадовался сему моему приласканию и на вопрос мой:

– Что нам пользы в сей сбруе ратной, когда мы уже имеем на себе все доспехи богатырские? – отвечивал:

– Должно сказать правду, что все сие собрание означает только тщеславие Агриканово. Он хотел перевести всех славных богатырей своего времени для того только, чтоб после показывать снятые с них, низложенных им, доспехи. Но какая польза из всей человеческой суетности! Никто не видал плодов его побед. Он умер; чувствует ли он то удивление, кое только одно осталось в свете в его памяти? Однако ж, как не было ни одного храброго человека, который бы не оставил из подвигов своих плода, полезного потомству, то и Агрикан положил основание к славе вашей, кою необходимо должны вы приобрести, владея копьем Нимродовым, хранящимся между сего оружием. Сила одного неизреченна. Никакое оружие, ниже очарованное, не может выдержать его ударов; напротив, само оно ни от чего не сокрушится. Я расскажу вам происхождение, каковым образом получил оное Агрикан, как слушал я от исполина Аримаспа, хранившего оное и рассказывавшего после низложения своего на поединке с Агриканом. Нимрод – царь Вавилонский, который был исполин из числа воевавших противу Перуна, и притом великий чародей. Когда они громоздили горы на горы, желая взойти на небо и овладеть жилищем богов, при низложении всех их громовым Перуновым ударом остался жив только один Нимрод, ибо ему отшибло только ногу. Он успел схватить отломок громовой стрелы и скрыться с оным в ущелии земном. Из сего отломка с помощью своего чародейного искусства сковал он копье сие, но гнев богов постиг его за сие святотатство. Он учинил оружие на собственную погибель, для того что никакой металл вредить ему не мог, а сим копьем, похитя оное у сонного Нимрода, убил его Агарянский витязь Дербал. По смерти Дербаловой, получил оное по завещанию Навухудоносор-царь и, наконец, Кир, царь Персидский, по завоевании Вавилона нашел оное в царской сокровищнице. Когда Кир погиб от руки царицы Савской, копье сие похищено волхвом Зороастром, или Цердучем. Сей по зависти, что Нимрод возмог достать часть божественного Перуна и сделать таковое непобедимое оружие, хотел оное уничтожить, но, не возмогши оного разрушить, заключил скрыть оное от очей всего света. На сей конец разорвал своим чародейством величайший утес гор Рифейских, положил в расселину копье и велел горам сступить по-прежнему. Сим еще не удовольствовался он, но

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru воздвиг волхвованием железного исполина, препоруча ему убивать всех мимоходящих, дабы в том числе не избег и тот, кто, по какому ни на есть случаю проведая о копье сем, вознамерится оно достать из недр горных. Сего волшебного исполина раздробил дубиною одноглазый исполин Аримасп. Проведав от славного волхва Хорузана о месте, где копье хранится, достал оно и так возгордился таковою добычею, что, воткнув оно на том месте, накликавал на себя всех богатырей для сражения за сие копье. Множество славных богатырей покушались овладеть столь редким сокровищем и заплатили за то своею жизнью. Аримасп побил всех их своею палицею. Наконец дошел слух до нас. Агрикан той же минуты поскакал искать Аримаспа и сразился с ним. Я не могу вам довольно описать ужасную их битву, силу исполинову и неслыханную крепость Агриканову. Исполин имел железную палицу величиною с превеликое дерево. Оною, сразясь, ударил он Агрикана в самую голову столь жестоко, что палица разлетелась в мельчайшие крошки, но Агрикан ниже пошатнулся. В сем-то и состояло несчастье исполиново, ибо он не имел никакого иного оружия и, лишась своей палицы, долженствовал драться одними кулаками. Но что уже могли оные, когда бессильна была и палица? Он избил себе руки в кровь, и Агрикан только смеялся его слабости, не причиняя никакого вреда своим оружием. Наскучив продолжать шутку, дал ему такой толчок в брюхо, что Аримасп отлетел сажень на триста и растянулся, как гора, без памяти. Агрикан не хотел лишиться того жизни и имел чрез то больше славы, понеже исполин, отдохнув, стал пред ним на колени, признал себя побежденным и вручил копье сие, прося себе пощады, и рассказал сию о нем повесть. Агрикан, приняв копье, даровал ему жизнь с условием во весь век его, чтобы не нападал он ни на одного славянина (для того что Агрикан сам был из сего народа). Исполин обещал оно клятвенно и пошел за море Казарское. Мы три дня ехали, а Аримасп шел от нас прочь, но едва на четвертый день сокрылся он из виду. Таков велик был рост его.

Рассказав сию повесть, Тароп показал мне копье, ибо сам никак не мог поднять оно. С великим восхищением принял я сие редкое оружие во власть мою. После чего Тароп предложил мне взять коня Агриканова, хранившегося в одном потаенном чулане вместе с его. Я согласился воссесть на оно, для сбережения моего коня к лучшим подвигам, нежели к продолжениям пути, и на сем Агрикановом коне приехал я, заперши кладовую мою и отдав ключ от оной слуге моему Таропу, ко двору государя Болгарского, в столичный град его Боогорд.

Ужасное смятение происходило в сем городе. Государь гнал своих подданных, а народ ненавидел своего монарха. Исполин Тугарин Змеевич овладел всею склонностью князя Болгарского. Сей обещал сестру свою Милолику в супружество чудовищу, и на сем только условии оставил оный опустошать царство Закамское. Но я не распространяюсь в повести сего чародейного исполина. Довольно, надеюсь, известна она вам, пресветлейший князь, ибо я слышал, что княжна Болгарская после похищения досталась в объятия ваши и, разделяя с вами добродетели и скиптр Российский, конечно, возвестила о происхождении и злобе Тугарина. Итак, я донесу только, что если сей исполин оставил опустошать государство князя Тревелия, то произвел оно в нраве сего государя. Он развратил и заразил оный своею лютостью. Народ в государе справедливом и человеколюбивом увидел мучителя и проливал кровь свою, теряя к нему любовь и почтение. Один только страх от исполина удерживал бунт, готовый вспыхнуть величайшим пожаром. Но время сие приближалось с прибытием моим ко двору.

Понравился я несказанно Тревелию. Сей принял меня во услужение и, видя склонность мою к оружию, определил хранителем своей оружейной палаты – чин первый в государстве после военачальника. Тайное побуждение влекло меня принять милость сию с благодарностью. Тугарин, предчувствуя силу моего оружия, возненавидел меня с первого взгляда; и ненависть его умножилась, когда я, представленный ему чрез князя, не захотел воздать введенного для него коленапреклонения. Понеже я на побуждения к тому Тревелиевы отвечал:

– Не можно мне поклониться богатырю, коего сил я еще не ведаю. Я не считаю себя ничем его слабее; и если хочет он моего коленапреклонения, пусть принудит меня к тому оружием.

На сей досадительный ответ исполин не сказал ни слова, и князь не принуждал уже меня более.

Настало время величайшего моего счастья. Я вошел во оружейную княжью для осмотра вверенного мне оружия. Казалось, что богатства персидские заимствованы из сей палаты. Но не можно мне объявить подробно о редкости оружия. Я не имел времени

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru рассмотреть оное, для того что меч мой спал с меня при самом почти входе, и увидел я чудный меч Сезострисов, колеблющийся посреди прочего множества висящего оружия. Восторг мой был невообразимый! С коленопреклонением принял я оный, яко дар богов, препоясал по чреслам моим и, надеясь на слова благодетельствующей мне Добрады, уверен был, что произведу с сего часа множество славных подвигов и буду истинным защитником гонимых и добродетели. Меч сей не имел никакого украшения, но вес его был в полтораста пуд и крепость непонятная. Вы, пресветлейший князь, – продолжал он ко Владимиру, – видите оный на бедре моем.

(Владимир удивлялся и получил великую надежду о силе богатыря, который повествовал о себе далее.)

Тугарин по своей чародейной природе предчувствовал, может быть, что я овладел мечом Сезострисовым, и убежал меня. В сие время похищена была княжна Милолика. Ярость исполина учинилась ужасна, но не смел он в бытность мою явить мщение свое на болгаров, коих считал всех участниками в ее побеге. Он лукавыми советами возбуждал лютость в Тревелии и приводил ему подданных в подозрение. Кровопролитие, неправосудие и бесчеловечие приводили меня в жалость, но не мог я напасть на причинителя сего, хотя ведал, что Тугарин был вина оному, ибо опасался раздражить тем благодетельствующего мне князя и ожидал только способного случая с благопристойностью низложить сие чудовище.

Ужасный полкан, пришедший от степей Заастраханских, появился в пределах Болгарии и опустошал стада скотов, отгоняя оные и поедая. Покушались на оного тысячами люди отважные, но погибали от сильных рук его. Тщетно просил исполина Тревелий защитить свое отечество от такового хищника. Тугарин отрекся и сказал еще князю с насмешкою, что богатырь его Добрыня может сослужить сию службу. Дошел о том слух до меня. Я вызвался привезти ему голову полканову, но с условием, чтобы после того дозволил он мне принудить Тугарина со мною биться. Князь, убежденный разорением своего государства, позволил на оное и дал свое государское слово, как ни привязан был склонностью к исполину, ибо приворочен от него был силою чародейскою.

Я выехал, нашел полкана, сразился. Не нужно описывать мое с оным побоище, ибо не было тут ничего чрезвычайного. Бесплодно бросал в меня полкан камни величиною с горы и пускал свои трехсаженные стрелы. Я напал, сбил оного с ног, сорвал с него голову, привез в Боогорд. Город сей нашел я в великом смятении. По выезде моим на полкана исполин действовал чрез князя всею лютостью. Он чаял открыть пытками место, где скрывается княжна. Кровь проливалась, и бесчеловечие было тем жесточее, чем Тугарин был не удерживаем опасностью от меня. Народ взволновался; воины, чернь, жрецы, весь город бежал с оружием, и верховный жрец нес истукан Чернобогов. Восклицание «Да погибнут мучители!» было единым звуком, слышанным во всеобщем шуме. Безумная чернь хотела погибнуть или убить исполина. Она погибла бы, если бы предшествующий истукан не представлял ужасного вида для Тугарина. Сей, видя злобу свою удерживаему заклинанием жрецов, обратил оную на несчастного князя. Он проглотил Тревелия и удалился из Болгарии.

(Владимир жалел чрезвычайно о гибели сего родственника жены своей и что до тех пор не веровал в Чернобога, который, как узнал он из повествования Добрынина, властен бы был отогнать сие чудовище, опустошающее пределы Киевские. Богатырь уверял его, что оное уже теперь не нужно, что довольно единого его оружия освободить не только Киев, но и свет от сего вредного исполина, и просил дослушать повесть).

Я усмирил мятущийся народ, собрал всенародный совет, уговорил вельмож не приступать к выбору государя, доколе я отмщу на исполине злосчастного Тревелия и не сыщу их законную государыню Милолику. Повиновались моему совету, и правление принято вельможами, а я следовал по стезям исполиновым до Киева.

Во время пути узнал я, что вы, пресветлейший князь, получили с сердцем прекрасной княжны и право на престол Болгарский. Уведал я, что опасность от нападения исполина окружила престольный град твой. Я пришел посвятить себя на всю жизнь мою в верные услуги твоего величества и начать оные истреблением Тугарина и покорением, в случае противления, царства Болгарского. Я обещаю привезти тебе воткнутую на сие копые голову исполина и ожидаю лишь повеления к начатию.

* * *

Добрыня окончил свою повесть и поверг себя на одно колено пред великим князем. Владимир, восхищенный приобретением такового поборника, восстал со своего престола, снял с себя золотую гривну[36] и возложил оную на Добрыню.

– Сей залог моей милости, – сказал он, – да уверит тебя, в коликую славу государствования моего вменяю я иметь богатыря сильного и могучего таковых заслуг, каковые ты имеешь. Вид твой уверяет меня довольно, чего должна ожидать от храбрости твоей земля Русская, и что предстоит от руки твоей Тугарину.

Посем, воздвигнув Добрыню, повелел отвести ему жилище в своих чертогах златоверхих, оказывать почести достойные. Добрыня отшел по принесении благодарности на отдохновение после трудов дорожных, ибо солнце клонилось уже к западу, и наутрие определен был ему подвиг на Тугарина.

Бирючи (провозглашатели) ходили по всему пространному Киеву, возвещали народу, чтоб наутро выходили на стены городские смотреть побоища. Алтари курились возношением к бессмертным, жрецы благословляли исход богатыря своего, проклинали исполина, и сам первосвященник стоял на коленях пред истуканом Перуна, ибо уповал, что Добрыня приведет ему Тугарина связанного, и он будет иметь честь перерезать горло чудовищу. Великий князь отшел с сердцем, исполненным упования, в покои супруги своей и утешал оную, проливающую слезы о гибели брата ее.

Багряная Зимцерла[37] распростерла свой пламенный покров на освещающееся небо и разноцветными огнями устилала путь всемирному светилу, которое осияло нетерпеливых киевлян, уже дожидającychся решения судьбы своей на стенах градских. Все валы, бойницы, башни, кровли зданий покрылись народом. Сам великий князь с пресветлейшею супругою своею и вельможами, окруженный телохранителями, восшел на возвышенное и нарочно для того приуготовленное место на вратах великих и ожидал выезда богатыря, чтоб из своих освященных рук окропить его чудотворными водами божественного Буга.

Наконец звук бубнов и гром рогов ратных возвещает исход богатыря на подвиг. Сто тысяч всадников, облаченных в доспехи позлащенные, с воздвигнутыми копьями, начинают предшествие. Они выезжают из врат и становятся в полукружие близ стен Киева. Богатырь появляется напоследок окропленный уже во вратах из рук княжеских. При взоре на него народ подымлет радостные восклицания. Воинство русское потрясает непобедимыми своими копьями в почесть богатыря храброго... Но должно учинить описание особы его, оставленное нам в песнях, в похвалу его сочиненных и воспеваемых чрез многие веки в пример витязям времен позднейших.

Красота молодости и грозная неустрашимость соединялись в чертах лица его, чтоб представлять вид величества всем на него взирающим. Живой огонь, блистающий в очах его, возвещал надежду, обретаемую уже народом при его появлении. Курчавые светлые власы колебались рассыпанны из-под шелома блестящего и, кажется, споровались с крепостью широких плеч, силу ли оных или прелести их предпочитать должно. Белизна рук равно как бы жаловалась, для чего отделившиеся мышцы и твердые жилы тмят нежность десницы, ужасающей природу; но копье Нимродово уверяло, что не слабым прелестям управлять оным удобно. Горящая от злата броня совокупляла пламень свой с пылающим в сердце витязя, и закаленный металл не дерзал противуборствовать крепости рамен его. Он распространялся и сжимался с каждым его дыхновением. Конь, посрамляющий бодрость и неукротимость водных коней, толико ужасающих жителей берегов Нила, гордился своим бременем и не хотел касаться земли. Звук бубнов возжигал кипящую кровь его, и дыхание его излетало в пламенном паре. Верный слуга Тароп в седирах своих, смелом и веселом виде казал, что ему только довлеет следовать за победителями целого света. Он вез щит господина своего, изваянный из непроницаемого мозга гор Кавказских и никогда оным не употребляемый. Перья орлов камских выглядывали из-за рамен его, скрывая перуны, изобретенные смертными в позлащенном туле (колчане для стрел). Напряженный лук грозил из-под щита господского, готовый бросать смерть во врагов добродетели... Сей был вид исходящих в защищение Киева.

Добрыня Никитич уже за вратами, ратное поле представляется очам его, и шатер противника восплаляет его храбрость. Он с покорным видом обращает коня своего пред лицо великого князя и троекратно до земли уклоняет копье булатное.

– Великий обладатель россов и всего славенского племени, – вопиет он, – достойный тебя, победителя гордых, указ несу я на казнь Тугаринову. Се исхожу

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
отмстить за тебя, твою пресветлейшую супругу и за добродетель.

– Гряди в час, покровительствуемый богами, – отвечал Владимир и посылает к нему злат перстень с правой руки, а великая княгиня ширинку шелковую златошвейную.

Богатырь уклоняется от главы коня, тронутый сею милостью, надевает перстень на десницу свою, а ширинку прицепляет к перьям, шелом украшающим. Звук бубнов вновь начинается, троекратный клик воинства потрясает своим ратным гласом долины днепровские. Сильный, могучий богатырь укрепляется в стремях своих, отдает копьём честь государям и разъяряет коня острогами. Сей летит в поле, яко молния, и бугры белых песков киевских, раздаваясь на обе стороны облаком, означают путь витязя, провождаемого радостными воплями народа.

Спящий исполин пробуждается, чародейное сердце его возрождает предчувствие грозящей ему гибели, а злоба адская, его одушевляющая, разливает яд лютой крови его. Рев его при слышании противника уподобляется бурливому ветрам, вырвавшимся из заклепов горных. Мятающийся, свирепствующий, садится он на чародейного коня своего, проклинает богов и Владимира и с распростертыми руками стремится на богатыря, чтоб, схватя, проглотить его. Увидя страшного себе оружейника князя Болгарского, он упинаясь, трепещет его, как и прежде, но род духов темных, его окружающих, подстрекает. Он надеется на свою непроницаемую броню, сооруженную всем искусством ада, простирает паки дебелие руки и стремится с вящей яростью. Кровавая пена брызжет из пасти его, подобной жерлу kloкочущего вулкана.

Добрыня насмехается злобе его и не обращает оружия, чтоб тем вяще раздражить его. Трепещущие сердца зрителей и очи обращены на своего витязя, все исполнены ожидания.

О муза, к тебе только должен я вознести мою жалобу! Для чего не был я свидетелем побоища, которого свет никогда уже не увидит? Я воспел бы то уверительно, чему удивляюсь только по одним слухам, доставившим сие повествование перу моему! Ты, о муза, современствовавшая всем древнейшим подвигам, возгласи ныне чудеса, ожидаемые моими читателями!

Уже руки исполины, подобные толщине дубам, равнолетним земле, растущим в лесах Брянских, висят над главою Добрыниной, длани страшные закрывают богатыря от очей ужасающих зрителей. Они чают его погибша и в болезненных криках являют страдающие чувствования. Между тем богатырь силою чрезмерною отбивает только кулаками руки Тугарины, и сей с болезненным стоном опускает оные, не стерня ударов. Он наклоняется с коня, растворяет рот, кусает богатыря из всех сил, но поверите ли, читатели! Исполин, крепко тиснув, лишается всех зубов своих. Яко камни, отторгнувшись с верху гор, падут оные с ужасным стуком и потрясают землю, а богатырь получает только синево от давления, от коего треснула бы гора адамантная. Добрыня, почувствовав боль, свирепствует. Он хочет прежде лишить его коня, пособляющего ему в нападении. Поражает копьём Нимродовым грудь сего животного, воздвигнутого чарованием.

Сила сокровитного в копье огня Перунова уничтожает произведение геенское, конь рассыпается в прах; земля, зинувши с престрашным треском, поглощает смрадные оного остатки, и сам исполин увязает в земле оступившейся. Но он выдирается и с вящею злобою зияет на Добрыню. Так бросается бешеный пес на презирающий его камень. Между тем богатырь скучает продолжать подвиг, исторгает меч Сезострисов и торчмя ударяет в грудь чудовища, желая одним ударом низвергнуть его в ад. Волшебная броня оказывает ему последнюю помощь. Она спасает жизнь Тугарину, но сама рассыпается и превращается в дым, который поднимается в густом облаке на воздух. Князь адский со всем сонмищем своим в виде ужасных змиев является и поглощает остатки своего порождения. Громы гремят, вихри наполняют мраком чистое поле ратное, а изумленные зрители со стен чают видеть разрушение природы. Уже оплакивают гибель своего защитника. Но мрак рассеивается, они видят богатыря, гонящегося с мечом за удаляющимся в трепете исполином. Погибель неизбежна! Меч наднесен почти к произведению ударов. Взвизгивающий князь и все множество народа отдыхают и готовы возгласить победу. Вдруг злые духи спешат на помощь возлюбленному своему чаду, заслоняют исполина, испускают пламенную реку на Добрыню, но сия не дерзает противу влажностей священного Буга, обращается вспять и опалает чудовище. Тугарин возревел, и духи, сберегая другой плод своей злобы, поднимают оный на воздух. В мгновение не видно стало змиев, и является только Тугарин, парящий на крылах бумажных. Он опускается к горе Киевской, отрывает

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
великую оной часть и, воздвигнув на высоту, надлетает на богатыря, чтоб раздробить оного. Вопли ужаса предвещают устами народа опасность неустрашимого богатыря, который без робости идет навстречу всем нападениям случая и подставляет только одну расширенную ладонь на отражение горы, имеющей в него опровергнуться.

В сие смятенное мгновение неустрашимый и привыкший к опасностям Тароп видит опасность господина своего. Он вынимает стрелу свинцовую, окропляет оную водами бугскими, напрягает лук и поражает чародейные крылья Тугарина. Силы адские отжениются и оставляют исполина, который упускает камень и стремглав разитя о землю. Добрыня Никитич совершает судьбу его. Он сходит с коня, наступает ногою на горло чудовищу и сильною своею десницею срывает страшную голову от дебелых плеч и, вонзая на копье, возглашает победу, а Тароп подтверждает оную, вострубив в рог ратный. Чудовище, кончая жизнь, трепеталось столь жестоко, что выбило ногами превеликую долину, поднесь еще на месте оном видимую, а кровь его на три часа произвела в Днепре наводнение.

Богатырь довольствовался восхищением о исполнении своего обета и упражнялся в похвалах верному своему Таропу-слуге, коего неустрашимость достойна была сего нелестного признания. Между тем истребление исполина, видимое со стен киевских, произвело великое торжество. Радостные рукоплескания и восклицания:

– Да здравствует великий князь и сильный, могучий богатырь его Добрыня Никитич!
– наполняли воздух. Воинство потрясало оружием и сообщало вопль торжественный с гласом народа. Победитель хотел ехать, принести отчет о своем подвиге великому князю, но узрел оного шествующа к нему, со всем великолепием двора своего. Он не садился на коня и шествовал пешим навстречу государю, неся знак победы своей, который с коленопреклонением поверг к стопам Владимира... Я не распространяюсь в почестях, восприятых Добрынею от монарха русского и его подданных. Довольно сказать: Владимир умел награждать заслуги и справедливые россы платить благоденя.

Но радость и приветствия должны были прерваться, чтоб с множайшим весельем проводить Владимира торжествующего в его столицу. Увидели труп исполинов поднимающийся. В минуту уподобился оной горе и с прегромким треском лопнул, обратись весь в смердящую сажу. Только желудок его, подобный великой хоромина, остался цел и производил колебание, как бы что-нибудь имел в себе живое. Все обстоящие ужаснулись и ожидали, что выйдет из оного не меньше как чудовище. Добрыня готов был истребить сие при самом его начале и приложил уже копье свое, но едва острие оного коснулось, желудок обратился в водяные пары, а голова исполина в пламень, и рассыпались в воздухе. (Но кое явление! О удивительный, невероятный случай!) На месте желудка усмотрели восстающих, поглощенных исполином Болгарского князя Тревелия, его воинов и киевских витязей. Они были бледны, как усопшие, и чаяли видеть только тени их. Однако свежий воздух оживил их вскоре, и радость усугубилась. Великая княгиня обнимала своего возлюбленного брата, которого уже память оплакала. Всяк находил родственника или друга в пожранных чудовищем. Удовольствие было общее. Наконец Владимир приветствовал государя Болгарского, и сей неожиданно обрел в нем своего зятя, ибо Тревелий со времени похищения сестры своей ничего о ней не ведал и считал ее погибшею. Радость его была чрезмерна, видя сестру свою супругою сильного монарха, подающего законы царству Закамскому, и при слышании, что Добрыня удержал ему престол его, готовый предаться в руки другого; он действительно возвратился благополучно в свое государство принять с восхищением от своих подданных, кои нашли в нем прежнего отца, ибо Тревелий, побывав в брюхе у исполина, забыл свои лютости и учинился государем кротким. Добрыня в отплату похищенного меча из его оружейной подарил ему ключ от кладовой Агрикановой, а сие привлекло к нему множество богатырей, старавшихся заслужить и заслуживших доспехи редкие, во оной хранимые.

По окончании победы над Тугарином торжество продолжалось многие дни, и забавы усугублялись присутствием государя Болгарского, коим Владимир умел придавать великолепие и живость. Один только первосвященник Перунов ужасно сердился, для чего Тугарин истреблен, а не заклан на жертвеннике бога грома. Он предвещал гнев небес и множество несчастий. Однако судьба учинила его лжецом, ибо Владимир вскоре потом принял закон истинный и самого Перуна с братиею отдал ловко.

Добрыня Никитич окончил век свой при дворе Владимировом, в славе и почтении от своего государя и любим россами. Он не вступал в брак и провождал дни, по

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru должности своей, в ратных подвигах и увенчал чело Владимирово множеством лавров. Он разбил троекратно воинство греков, побрал их города, лежащие на Черном, или Меотийском, озере. Херсон неприступный покорился руке его, и сия отверзла в него путь торжествующему Владимиру. Враждебная Польша не смела напасть на Белоруссию. Ятвяги, радимичи, косоги и певцины платили покорно дани, понеже трепет наполнял их от одного имени богатыря сего. Он в жизнь свою убил четырех чудовищ, сорок богатырей и разбил с одним слугою своим Таропом девятнадцать воинств. Сей верный слуга разделял с ним все опасности и труды и неоднократно пособствовал к победам, как то в сражении с Косожским князем Редедю, спас и жизнь ему. Сей Редедя был исполин и, отложившись от подданства Владимирова, не хотел платить дани. Посланный для укрощения его Добрыня вызвал его на поединок, но сей хитрый князь вырвал из рук его копье Нимродово и схватил в руки самого Добрыню, чтобы задушить его. Верный Тароп в то мгновение пустил в него девять стрел вдруг и выбил ему оба глаза, а Добрыня успел, освободясь, пересечь его мечом с головы до ног. Если слава сильному, храброму и добродетельному богатырю сему возглашает хвалу и в наших временах позднейших, поистине соратник его Тароп не меньше заслуживает вечную память.

Орест Михайлович Сомов

Сказание о храбром витязе Укроме-табунщике

Картина из русских народных сказок. [38]

Есть ли у нас на Руси богатырь, кто бы вышел силой со мною померяться и на булатных мечах переведаться?

Так перед ратью половецкою кричал великан Баклан-богатырь. А у того Баклана голова была, что пивной котел; брови, что щетина; борода, что камыш: ветер в нее дунет – инда свисту пробежит. В руке у него был меч-кладенец, такой широкий, что на нем хоть блины пеки; а всех его доспехов ратных, когда он их снимал с себя и складывал на телегу, три пары волов и с места не могли тронуть.

– Что ж, или нет бойца со мною переведаться? – крикнул-гаркнул Баклан-богатырь громче прежнего. Все князья и воеводы и храбрые могучие витязи приумолкли и дух притаили: все знали нечеловечью силу бакланову и слышали про него молву, что он-де одним пальцем до смерти быка пришибает. Вот и выискался из обоза Укрома-табунщик, стал перед князьями и воеводами и повел к ним слово:

– Государи князья и воеводы! не велите казнить, а дозвольте мне речь говорить. В прежние годы бывалые важивалась и у меня силишка: случалось, медведишка ли, другой ли косматый зверь повстречается – мне его сломать, как за ухом почесать. Благословите, государи князья и воеводы, и на этого дикого зверя руку поднять.

Вот князья и воеводы и сильные могучие витязи пожали плечами и ответили Укроме-табунщику, что если он на белом свете нажился и богу во грехах своих покаялся, то они ему на вольную смерть идти не мешают. И пошел Укрома-табунщик на великана. Баклан же богатырь только его завидел – и засмеялся молодецким хохотом, инда у воевод и витязей в ушах затрещало:

– Что-де это за бойца на меня высылаете? мне таких полдюжины и под одну пята мало!

– Не чванься, бритая башка половецкая, – молвил ему Укрома-табунщик. – Добрые люди говорят: не сбил – не хвались. Хочешь ли со мною переведаться рука на руку? так вот кинь свое посечище: у моего батюшки много такого лому, только им у нас не храбрые витязи дерутся, а на ночь ворота запирают.

– Будь по-твоему, – отвечал Баклан-богатырь и бросил свой меч-кладенец на сыру землю.

– А это что на тебе? – сказал ему Укрома. – У моего батюшки из такого чугунного черепья собак кормят, а не храбрых витязей в него наряжают.

– И это сниму, когда тебе не любо, – со смехом промолвил Баклан-богатырь и снял с себя высокбулатный шолом.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– А это что на тебе? – опять ему говорил Укрома. – У моего батюшки малые дети в такие сетки мелких пташек ловят, а не храбрых витязей в них наряжают.

– Пожалуй, и это сниму, коли ты боишься запутаться, как синица, – с тем же смехом отвечал великан и скинул с себя стальную кольчугу переборчатую.

Так Укрома-табунщик расценил на великане все доспехи ратные: не оставил ни щита, ни рукавиц, ни поножей, ни поручей железных, все было им на смех поднято; а Баклан-богатырь снимал с себя доспех за доспехом и все смеялся злым хохотом, смекая себе на уме: «Я-де и без этого раздавлю тебя, как мышку!»

Вот и крикнули-гаркнули оба бойца и бросились друг на друга, словно два дикие зверя. Великан схватил Укрому в охапку, сжал его и хотел задушить; только Укрома был крепок, словно мельничный жернов: как ни бился с ним великан, у него ребра не подавались; наш табунщик только пыхтел да пожимался. Сам же он впился в Баклана, как паук, уцепился обеими руками за его подмышки, запустил пальцы, рванул и выхватил два куска мяса. Великан заревел от боли как бешеный и руки опустил, а Укрома стал на ноги, как ни в чем не бывало, и, не дав великану опомниться и с силою справиться, схватил его за обе ноги, тряхнул и повалил, как овсяный сноп. Вся дружина православная вскрикнула от радости, а рать-сила половецкая завопила, словно душа с телом разлучилась. Укрома-табунщик дослужил свою службу князьям и воеводам: он схватил великанов меч-кладенец и одним махом отсек Баклану-богатырю буйную голову. Тогда рать-сила басурманская дрогнула и побежала с поля, инда земля застонала; а русские князья и воеводы три дня пировали на месте побоища, честили да выхваляли Укрому-табунщика, снарядили его доспехами богатырскими и нарекли сильным могучим витязем Укромою, русских сердец потехою, а половецких угрозою.

Сказка о Медведе Костоломе и об Иване, купецком сыне [39]

Посвящается баронессе С. М. Дельвиг.

В старые годы, в молодые дни, не за нашу памятью, а при наших дедах да прапрадедах жил-был в дремучих лесах во муромских страшный медведь, а звали его Костолом. Такой он страх задал люду православному, что ни душа человеческая, бывало, не поедет в лес за дровами, а молодые молодки и малые дети давным-давно отвыкли туда ходить по грибы аль по малину. Нападет, бывало, супостат-медведь на лошадь ли, на корову ли, на прохожего ли оплошального – и давай ломить тяжелою своею лапою по бокам да в голову, инда гул идет по лесу и по всем околоткам; череп свернет, мозг выест, кровь выпьет, а белые кости огложет, истрожит да и в кучку сложит: оттого и прозвали его Костоломом. Добрые люди ума не могли приложить, что это было за диво. Иные говорили: это-де божье попущение, другие смекали, что то был колдун-оборотень, третьи, что леший прикинулся медведем, а четвертые, что это сам лукавый в медвежьей шкуре. Как бы то ни было, только хоть никто из живых не видал его, а все были той веры, что когда Костолом по лесу идет – то с лесом равен, а в траве ползет – с травой равен. Горевали бедные крестьяне по соседним селам; туго им приходилось: ни самим нельзя стало выезжать в поле на работы, страха ради медвежьего, ни стада выгонять на пастьбу. Сильных могучих богатырей, Ильи Муромца да Добрыни Никитича, не было уже тогда на белом свете, и косточки их давно уже сотлели; а мечи их кладенцы, сбруи ратные и копыя булатные позаржавели: так избавить крестьян от беды, и очистить муромский лес от медведя Костолома было некому.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошло неведомо сколько времени, а медведь Костолом все по-прежнему буянил в лесу муромском. Вот забрел в одно ближнее к лесу селение высокий и дюжий парень, статен, бел, румян, белокур, лицо полно и пригоже, словно красное солнышко. Все девицы и молодичи на него загляделися, а молодые парни от зависти кусали себе губы. За плечами у прихожего была большая связка с товарами, а в руках тяжелый железный аршин, которым он, от скуки, помахивал, как павлинным перышком.

– Здравствуй, добрый молодец, – повел с ним речь Вавила, сельский староста, – издалека ли идешь, куда путь держишь?

– Не больно издалека, дядя: города я Коврова, села Хворостова, прихода Рождества Христова; а путь держу к Макарьеву на ярмарку.

– А с какими товарами, не во гнев тебе будь сказано?

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
– Да с разными крестьянскими потребами и бабьими затеями: ино платки да кумачи, ино серьги да перстеньки.

– А как величать тебя, торговый гость?

– Зовут меня: Иван, купецкий сын.

– И ты не боишься один ходить по белу свету с товарами?

– Чего бояться, дядя? На дикого зверя есть у меня вот этот аршин, а с лихим человеком я и просто своими руками справлюсь.

– Зверь зверю не чета, удалый молодец. Вот, недалеко сказать, и у нас завелась экая причина в муромском лесу: медведь Костолом дерет у нас и людей, и всякий крупный и мелкий скот.

– Подавайте мне его! – вскрикнул Иван, купецкий сын, засуча рукава красной александрийской своей рубашки. – Я с ним слажу, будь хоть он семи пядей во лбу. Давно уже слышу я слухи про этого медведя, а хотел бы видеть от него виды. Меня сильно берет охота с ним переведаться... Что же вы распустили горло, зубоскалы? – примолвил он с сердцем, оборотясь к молодым парням, которые смеялись до полого, потому что сочли его за хвастуна. – Ну вот отведайте-ка сил со мною: не поодиночке, такого из вас, вижу, не сыщется, а ухватитесь сколько можете больше за обе мои руки.

Вот и налегли ему на каждую руку по четыре человека, и держались изо всех сил. Иван, купецкий сын, встряхнулся – и все попадали как угорелые мухи.

– Это вам еще цветики, а вот будут и ягодки, – сказал Иван, купецкий сын, – кто из вас хочет померяться моим аршином? Возьмите.

Только кто ни брался за аршин, не мог и приподнять его обеими руками.

– И не диво, – проговорил Иван, купецкий сын, – в нем двенадцать пуд счетных. Теперь смотрите же.

Он взял аршин в правую руку, размахнул им, инда по воздуху зажужжало, и бросил вверх так, что аршин из глаз ушел, а после с свистом полетел вниз и впился в землю на полсажени. Иван, купецкий сын, подошел к тому месту, выхватил аршин из земли как морковку и, поглядев на насмешников таким взглядом, что у каждого из них во рту пересохло, молвил:

– Смейтесь же, удальцы! Или вы только языком горы ворочаете?.. Ну, смелее, дайте окрик на самохвала.

– Молодец! силач! – крикнули в один голос и старый, и малый.

Староста Вавила повел Ивана, купецкого сына, в свой дом, истопил баню для дорогого гостя, накормил его, напоил и спать уложил.

Вот на другой день, еще черти в кулачки не бились, Иван, купецкий сын, встал, умылся, богу помолился и, оставя связку с товарами в доме у старосты, взял только свой аршин и, пошел к лесу. Ближе ли, дальше ли, дольше ли, короче ли ходил он – мы не станем переливать из пустого в порожнее: скажем только, что все крестьяне не пошли в тот день на работу, а сошлись на площади перед церковью, молились богу за Ивана и за то, чтоб он одолел медведя Костолома, и забыли о еде и питье. Щи выкипели в горшках у баб, каша перепарилась, и хлебы в печи пригорели, а никто и не думал идти обедать. Ждать-пождать – Ивана нет как нет! Вот и солнышко пошло на закат; все крестьяне, осмелев, вышли из деревни, стали около огородов и не сводя глаз смотрели к лесу; жалели о купецком сыне, думали, что он на беду свою расхрабрился; а красные девушки и вздыхали тайком в кумачные рукава свои – не ведаю, об Иване или о медвежьей шкуре: не время было тогда выпытывать. Вдруг послышался из лесу такой страшный рев, что у всех от него головы пошли ходуном. Смотрят – из лесу бежит большой-пребольшой черный медведь, а на нем сидит верхом Иван, купецкий сын, держит медведя руками за уши и толкает под бока каблуками, которые подбиты были тяжелыми железными подковами; аршин Иванов висит у него за поясом и от медвежьей рыси болтается да тоже постукивает по медведю. Спустия малое время медведь с седоком своим прибежал прямо к деревне

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru и упал замертво у самого того места, где собрались крестьяне. Иван, купецкий сын, успел соскочить вовремя, схватил свой аршин и единым махом раскрыл череп медведю.

– Вот вам, добрые люди, живите да радуйтесь, – молвил купецкий сын крестьянам, – видите ли, у вашего Костолома теперь и у самого кости переломаны.

После того зашел он к старосте, выпил чару – другую зелена вина, наелся чем бог послал, сказал спасибо хозяину и, вскинув связку за плеча, пожелал всему сельскому миру всего доброго.

– Чем же мы тебе поплатимся за твою послугу? – спрашивали крестьяне.

– Добрым словом да вашими молитвами, – отвечал Иван, купецкий сын.

– А шкура-то медвежья? ведь она твоя! – взговорили ему крестьяне.

– Пусть она при вас останется: берегите ее у себя в деревне да вспоминайте про Ивана, купецкого сына!

За сим поклонился – и был таков. Крестьяне пировали три дня и три ночи по уходе Ивана, купецкого сына, на радостях о того, что избавились от медведя Костолома. И я там был, мед-пиво пил: по усам текло, а в рот не попало... А к этой сказке вместо присловья любезной нашей имениннице желаю доброго здоровья: дай ей бог жить да поживать, худа не знать, а добро наживать да пиры пировать!

Сказка о Никите Вдовиниче[40]

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки; рассказывается не сзади, а спереди, не как дядя Селиван тулуп надевал. А эта сказка мною не выдумана, из старых лык не выплетена и заново шелком не выстрочена: мне ее по летним дням да по осенним ночам рассказывал Савка-Журавка долгоног, железный нос.

Савка-Журавка по двору ходит, черным глазом поводит, с ноги на ногу переступает, долгую шею через плетень перегибает, острым носом друга и недруга допекает. А как крыльями встрепенется да звонким голосом озовется: «кур-лы-курлы!» – так у всякого и уши на макушке, и слюнка изо рта потечет... Савка-Журавка голосную песню затягивает, умную речь заговаривает и такую сказку рассказывает... Курлы-курлы.

* * *

Во славном городе во Чухломе жила-была старушка горемычная, вдова человека посадского, а имя ей Улита Минеевна. Муж ее Авдей Федулов, не тем покойник-свет будь помянут! большой был гуляка: торг повести да на счетах раскинуть не его было дело; а пиры пировать, да именины справлять – его подавай. Так и все свои животы прогулял да пропил, а не в добрый час и его самого подняли мертвого в царевом кружале под лавкою. Бедная вдова после его смерти обливала горячими слезами не столько могилу своего друга сердечного, сколько свое вдовье платье и сиротские недоимки. Не было у нее, что называется, чем собаки из двора выманить; а которых крох не растерял покойный ее сожитель, и те пошли по его же душе, на похороны да на поминки. Худо быть человеку семейному горьким пьяницей: и перед богом грешит, и людей смешит, и чужой век заедает.

Не на радость остался и сынок бедной вдове Горемычной, единое ее детище, Никита: и тот по отцу пошел. Пить не пришла еще ему пора, потому что после отца он остался молоденок, годов о двенадцати; зато к работе его, бывало, не присадишь. Мать бедная перебивалась кое-как своими трудами, из того кормила его и одевала; а он только с утра до ночи рыскал по улицам да играл в бабки с чужими ребятами. Этого дела, нечего сказать, был он мастер; а как, по пословице, всякое дело мастера боится, то и бабки словно его боялись и слушались. Не выискивалось еще молодца, кто б обыграл Никиту Вдовинича: такое в насмешку дали ему на улице прозвание вместо Никиты Авдеича.

Никитино уменье не полюбилось соседним ребятам, которых он день при дне дочиста обыгрывал, так что они не могли у себя напасть бабок. Не раз они щипали Вдовинича за его удачу и однажды стакнулись ворваться всей гурьбой к нему в дом и отъемом отнять у него все бабки. Шепнул ли кто Никите, сам ли он догадался, –

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
только он как-то об этом спроведал.

– Постой же! – молвил он сам про себя. – Я упрячу мои бабки в такое место, куда из этих сорванцов ни один не посмеет просунуть нос.

Сказано и сделано: как наступила ночь, Никита Вдовинич собрал все свои бабки, склал их в запол и снес на кладбище. Там отыскал он могилу своего отца и принялся рыть в ней яму, чтобы туда спрятать любимую свою потеху до поры до времени. Видно, Никита, хоть и слыл дурачком и служил посмешищем всему соседнему миру, а был-таки себе на уме: небось не стал же рыться в чужой могиле! Он смекнул, что и после смерти свой своему поневоле друг.

Вот как он раскапывал землю, вдруг послышался ему голос из могилы:

– Кто тут?

Никита не оробел и смело ответил:

– Я, батюшка!

– Сын мой любезный, дитя мое милое! тяжело мне под сырой землей! – простонал ему тот же голос. – А еще мне тяжеле оттого, что тебя с матерью, по грехам моим, покинул при недостатках. Слушай же: я знаю, что тебя вовсе не тянет к работе; ты весь в меня, и личиком и станком, и разумом и умом. Я тебе помогу, детище мое желанное, и вызволю тебя из бедности; только приходи по три ночи сюда, ко мне на могилу, в глухую полночь, за час – за два до первых петухов. Что бы здесь ни деялось, не робей; станут играть в бабки – играй, только старайся весь кон сбивать и все бабки к себе забирать. Теперь же покамест ступай себе с богом! прощай!

Никита смекнул делом, в какую честную компанию звал его родной батюшка, и с какими игроками должно ему было тянуться; однако ж как малой не трус, он вздумал пойти наудалую и отведать своего счастья.

Вот, придя домой, молвил он своей матери, Улите Минеевне:

– Благослови, государыня матушка, на доброе дело: меня зовут лавочники по три ночи стеречь лавок, а сулят за то гривну медью, да хлеба вволю, да новые рукавицы.

Улита Минеевна была рада-радешенька, что бог надоумил ее детище жить на белом свете трудовую копейкою; она чуть не прослезилась от доброй вести. Матери за благословеньем не в ларец ходить: не раздумывая, не разгадывая, благословила Улита Минеевна своего Никиту и отпустила его с крестом и молитвой. Только он, вместо лавок, поплелся на кладбище, раскидывая умом-разумом, что-то из этого будет.

Вот и прилег он на отцовской могилке, ни шкнет, ни чихнет и ни ухом поведет. Не спится ему, правду сказать: да ведь батюшка родимый не за сном же и звал его туда. Долго ли, коротко ли было дело, только вдруг подул и пронесся полуночный ветерок по кладбищу и запрыгали огоньки над могилами, словно клады из-под земли выскакивали морочить люд православный, либо затейник какой, стоя на кладбище, сеял по нем гнилушкой. Вдовиничу послышалось, что под землю мертвец мертвеца спросил:

– Пора?

А тот ему ответил:

– Пора!

И пошла трескотня по могилам: каждый мертвец упирался ногами и руками в гроб, сшибал долой крышку вместе с земляной насыпью и выходил на белый свет в белом саване. И все они сходились на поляну перед кладбищенской часовней, здоровались, кланялись друг другу, будто люди путные из миру крещеного. Никита Вдовинич все лежал по-прежнему и смотрел на такие предивные диковинки; вдруг его невесть что-то отбросило: он скатился с могилы вместе с ворохом земли, и перед ним как лист перед травой очутился его батюшка Авдей Федулович.

– Сын мой любезный, дитя мое милое! – возговорил он детищу своему желанному. – Слушай в оба, а не в полтора, что я тебе говорить буду. Наши честные покойники в эту пору встают да от скуки потешаются в бабки; не робей, играй с ними. Если в игре будешь удачлив, так и в житье будешь счастлив и талантлив; а нет – на себя пеняй. Помни же, сын мой любезный, дитя мое милое: что ни есть на кону – все сбивай, ничего не оставляй; особливо в третью ночь почтись и весь последний кон сорви, – не то с тебя сорвут твою буйную головушку. Пуще всего, не робей. Теперь пойдем, благословясь.

Не любо было Никите Вдовиничу слышать, какой был зарок на игре положен; да нечего делать: взявшись за гуж, не ворчи, что не дуж! Вот и пошли они к гурьбе покойников; а там крик, гам, беготня, толкотня, хохотня. Никиту мороз по коже подирал, когда он воззрился да вслушался, что там было. Иной мертвец, вытянув костлявую шею и выставя свой череп из-под савана, страшно скалил зубы и грохотал, как из пустой бочки; видно, по русской поговорке, он и на том свете чужак был покойник: умер, да зубы скалил. Другой – бледен как полотно, глаза как плоски, да не видят ни крошки, стоял да бородой кивал, словно репку жевал; третий, отдувши губы, что-то с посвистом в себя втягивал так, как, не применно будучи, добрый человек тянет чару зелена вина; четвертый... Ну да бог им судья! все они были на ту же статью.

Вот и завопила вся гурьба покойников: «Давай в бабки!» Поставили на кон бабок видимо-невидимо, да у каждого было в заполе савана по целому вороху. Опять запрыгали огоньки на могилах, скок да скок – и столпились в два ряда вокруг поляны, что перед часовней, наподобие как, если кто видал из вас, люди добрые, зажигаются плошки для потешных огней по большим праздникам и ими, словно бисером да камнями самоцветными, унижаются городские улицы и площади. Нашему Вдовиничу сызнава стало жутко, когда он с отцом вошел в середину сходбища. Все мертвецы заорали не своим голосом:

– Чужой! чужой! – как будто собаками на него уськали.

Добро бы тем и кончилось; так нет! они косились на него глазами, моргали бровями, щелкали зубами, морщили носы, щетинили усы и кривляли рты, словно не они, а он был покойником. Вот один и подкатился и молвил отцу Никитину:

– А ты, дядя Авдей, что ж не играешь в бабки? Поставил бы своего мальчика на кон, авось бы мы его срезали.

– Где вам мякинникам, со мной тягаться! – ответил Авдей Федулов. – Вот гляди-ка на моего мальчика: он, кажись, и невзрачен, и не нашего еще лесу кочерга, а дайте-ка ему бабки в руки – всех вас за пояс заткнет!

– Хвастливого с богатым не распознаешь! – завопили мертвецы в один голос. – Не в похвале б сила, а в деле.

Ну-ка, ин выпусти своего щенка на наших волков. Только, знаешь: уговор лучше денег. Его выигрыш – его и счастье, а проиграет – головой отвечает; да и ты на свою долю столько добудешь совков да пинков, что всех не уложишь к себе в могилу.

– Ладно! – сказал Авдей Федулов. – Грозите богатому, авось-либо копейку даст; а с меня-то вам взятки гладки.

– Ну-ну! Пустого не болтать и делу не мешать! – крикнул-гаркнул один долговязый мертвец, который был у них в игре старостой и уставщиком. – Начинать так начинать; а то вы, пожалуй, и до петухов прокалякете.

Тут он схватил Никиту за оба плеча, толкнул вперед, уткнул носом чуть не в землю, указал на груды бабок и примолвил:

– Бери, да ставь, да замечывай!

Никите не любо было такое грубое поведение, он осерчал; однако прикусил язык, набрал бабок и пустился в игру. Хвать да хвать, глядишь – и весь кон сбил; поставили другой – и тот будто рукою снял; поставили третий – и того как не бывало: не дал мертвецам, что называется, ни росинки подобрать. Дивовались

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru покойники такой удаче и захлопали глазами да заскрипели зубами пуще прежнего. Никите сдавалось, что ему не сдобровать; ан вот как тут по посаду раздалось: кукареку! Никита глядь – ни огоньков, ни мертвецов не стало, могилы заровнялись так, что не было ни следа, ни приметы; с той стороны, откуда солнышко всходит, занималась утренняя заря, и перед нашим Вдовиничем лежала груда сбитых им бабок, чуть не с головой его в уровень. Он подрылся под часовню и туда запрятал свои бабки; видно, отец-батюшка родимый шепнул ему, что тут-де ни мертвый, ни живой их тронуть не посмеет. Еще православные в городе глаз не продрали, а Никита приплелся домой, залез на полати и такую дал высыпку, что чуть обеда не проспал.

На другую ночь было ему поваднее идти на кладбище. Опять прилег он на отцовской могиле; опять чуть только повеял полуночный ветерок, заиграли огоньки на могилах, и опять пошла трескотня и хлопотня по кладбищу. Батюшка Никитин, Авдей Федулович, снова встал и повел его на сходбище разгульных покойников, а там по-вчерашнему – крик, гам, беготня, толкотня, хохотня; только уж на этот раз Вдовинич наш не робел и раскланивался что ни с самыми лихими мертвецами, будто со старыми знакомыми. Все вскрикнули, увидя его:

– Подавай сюда молодца! подавай игрока! – гул пошел по кладбищу; а Никита кинулся к своим вчерашним бабкам, набрал их сколько надо было и поставил на кон. Хвать да хвать – бабки валяются, инда пыль столбом идет; глядь-поглядь – трех конов как не бывало. Зашевелилось и загуло племя покойничье, зачесалась буйная головушка у Никиты Вдовинича; а петухи как тут: кукареку! Никита глядь – все по-прежнему: мертвецов не стало, огоньки потухли, могилы заровнялись, а перед ним опять бабок несметная сила. Никита убрал их в свою старую похоронку, под часовню; а сам был таков: прибежал домой, залез на полати и давай отхрапывать, инда бревенчатые переборы задрожали.

Вот наступила и третья ночь. Никита наш соколом полетел к погосту, и уж ему невтерпех лежать на могиле: так ему слюбилось обыгрывать покойников.

– Есть же простяки на том свете! – смекал он про себя.

– Да мне их обыграть как пить дать...

Не успел он додумать своей думы про покойников и их простоту, как вдруг, вместо тихого полуночного ветерка, взвыла буря, закрутился вихорь, и пошел дым коромыслом по кладбищу. Благо, что на Никите не было шапки, да и не важивалось; а то бы ее занесло за тридевять земель; чуть и головы-то с него не сорвало. Огоньки лениво выпархивали из могил, и те такие тусклые, что чуть брезжились. Трескотня да возня поднялись по кладбищу, что хоть святых вон носи. Все мертвецы вскакивали как ошпаренные, встрепывались и бегом бежали на поляну, облизываясь, как кот перед куском мяса. Словно нехотя поднялся вдовиничев батюшка, Авдей Федулович, и повел такую речь с сыном своим:

– Сын мой любезный, дитя мое милое! Наши честные покойники на тебя зубы вострят и губы разминают, за то что ты в бабках с них спесь посбил. Смотри же, дитячко мое желанное! Не положи охулки на руку. В эту ночь, а особливо за последним коном, будут тебе всякие помехи и страсти; только ты скрепись и не бойся: гляди зорко, бей метко и старайся пуще всего снять на последнем кону черную бабку; в ней-то вся сила. Кто этой бабкой завладеет, тот чего ни похочет – мигом все у него уродится; надо только знать, как с нею водиться. Коли ты эту бабку сшибешь да к рукам приберешь, так тебе стоит только ударить ею о землю да приговаривать: «Бабка, бабка, черная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года, теперь послужи мне, доброму молодцу», а затем и примолвить, чего ты от ней добыть хочешь; вот оно и явится перед тобой как лист перед травой. Да смотри, береги эту бабку пуще своего глаза: у тебя будет ее выручать всякими хитростями, только ты не давайся в обман.

Тут Авдей Федулович взял сына за руку и повел на поляну. Загула вся ватага мертвецкая, что пчелы в улье:

– Давай его, давай! – а наш Вдовинич и ухом не ведет; набрал бабок, поставил на кон и начал пощелкивать. Только теперь было не по-прежнему: то гром прогремит, то дождь зашумит, то свист пробежит; огоньки чуть брезжутся и все тусклее да тусклее; а на Вдовинича выпустили игроков что ни самых удальцов. Никита все-таки не унывал; он прищуривался то с правого глаза, то с левого, приглядывался и прицеливался – и сбил два кона дочиста. За третьим стало еще хуже: поднялась

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru метель; ветер так и рвал, и крутил, и сдувал огоньки на сторону; свету не было и настолько, чтобы доброму человеку ложку мимо рта не пронести, а снег хлопьями так глаза и залепливал. Никита взял догадку: он левою рукою сделал себе кровельку над глазами, выглядывал, высматривал – и заприметил на кону черную бабку, к самому левому краю. Давай в нее бить: раз, два... а буря-то пуще злится, а гром так и трещит, что словно небо расседается, а молния так и сверкает сзади и с боков, и сманивает глаз на сторону, чтобы смигнул, а снег так и застилает глаза... Это еще цветики, а ягодки будут впереди. Два раза промахнулся наш Вдовинич: приладился совсем, ему бы только ударить; ан тут гром и грянет, а молния да снег так и заслепят его очи ясные. За третьим разом показались ему разные страхи: то змеи Горынычи, то Полканы-богатыри с казачьими усами и конскими хвостами, то Чуда-Юда, железные зубы, то лешие, то водяные... ну, в добрый час молвить, в худой промолчать – вся нечисть подземная, вся тьма кромешная. Никита оторвал клочок рукава, расщипал и заткнул себе по охлопку в оба уха, правый глаз зажал, левую руку свернул в трубку и приставил к левому глазу, чтоб ему не слышать никакого шума и не видеть ничего, кроме черной бабки. Тут он начал причитать в уме-разуме все посты и все заговенья, среды и пятницы, понедельники и честные сочельники, а родительскую субботу помянул чуть не трижды; навел на черную бабку глаз с левою рукою, приладился правую, замахнулся, хватить – и вдруг что-то хряснуло, инда нашему Вдовиничу небо с овчинку показалось. Он со всех ног бросился к кону: глядит, а перед ним черная бабка лежит, сбитая его метким молодецким ударом. Он за нее – и схватил в обе руки; а мертвецы к нему сыпнули всею гурьбою, а петухи как тут: кукареку! – и не стало ни мертвецов, ни огоньков заровнялись могилы, и на погосте наступила тишь да гладь, да божья благодать. Никита Вдовинич зажал черную бабку у себя под мышкой, остальные пометал в свое упрятище под часовней, поклонился еще однажды батюшкиной могилке, пришел домой и улегся на полотах. «Теперь, – смекал он, – вольно мне спать вплоть до вечера; а захочу поесть, так найду кусок полакомее да посытнее матушкиных ленивых щей, где крупинка за крупинкой не угоняется. Они уж и так мне бока промыли!»

Никита Вдовинич был крепок на слово: он спал богатырским сном вплоть до вечера. Матушка его, Улита Минеевна, не будила его и к обеду: намаялся-де, сердечушко, на стороже, третью ночку не спал. В сумерки Вдовинич проснулся, встал, встрепенулся, умылся, богу помолился и опрометью вон из избы пустился; прибежал на огород, ударил бабкой о землю и приговаривал:

– Бабка, бабка, черная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года; теперь послужи мне, доброму молодцу: дай мне с начинкой пирог в сажень длиной, да в охват толщиной.

Не успел он глазом мигнуть, а уж перед ним лежал пирог в сажень длиной и в охват толщиной.

– Ладно! – молвил Никита. – Дело-то так, да сладить-то как?

Пытался он разломить пирог, так не под силу, а целиком донести до избы – и того пуще. Думал-думал наш Вдовинич и вздумал: отыскал под навесом старые дровнишки, прикатил их в огород; опять беда: как поднять пирог на дровни?

– Эх ты, моя нечесаная башка! не разумна, хоть и велика! – вскрикнул Вдовинич, схватя свою буйную голову за кудри кольчатые и встряхнув их, как злая мачеха своего пасынка. – Ну что я стал в пень? Велико диво, как пирог снести! Вот побольше того, коли одному его съесть.

Тут он, не разгадывая и не откладывая, ударил черною бабкой о землю, протвердил заученный наговор:

– Бабка, бабка, черная лодыжка! – и примолвил: – Взвали мне пирог на дровни.

Пирог очутился на дровнях, а Никита впрягся в оглобли и ну тащить изо всех жил, да не тут-то было! Тпру не едет, и ну не везет. Опять принялся он за черную бабку:

– Помоги-де мне пирог в избу привезти.

И дровни покатались сами собою; Никита чуть успевал бежать, чтоб они ему в сугорбок пинков не надавали. Прикатились к дверям, а двери-то узеньки да

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru низеньки; только ведь у нас не по-вашему, хоть тресни, а полезай: двери расступились, дровни вкатились и свалили пирог на дубовый стол, а сами тем же следом назад, на попятный двор, под навес, – и опять все стало по-старому, по-бывалому. И возговорил Никита Вдовинич своей матушке, Улите Минеевне:

– Вот тебе, государыня матушка, гостинец от гостей торговых; кушай себе на здоровье.

Улита Минеевна, увидя пирог, от радости руками всплеснула и голосом взвыла, словно покойницу свекровь хоронила.

– Ах они мои батюшки, купчики-голубчики! потешили меня, вдову горемычную! Пошли им, господи, втрое того за их добродетель.

Тотчас взяли топор, разрубили пирог на куски и принялись вдвоем уписывать; куда! и сотой доли съесть не могли. Никита наелся так, что инда пить ему захотелось. Вот он выбежал в присенок, ударил бабкой о землю и сказал:

– Бабка, бабка, черная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года, теперь послужи мне, доброму молодцу: дай мне браги ушат, чтобы стало со днем на неделю, пусти в него красный ковш и поставь здесь в уголку.

Махом проявился в углу ушат браги, полнехонек и с краями ровнехонек, а посередине плавал гоголем красный ковшик. Опять Никита сказал своей матушке, что это купцы дали ему за добрую сторожу, и Улита Минеевна так обрадовалась, что всех купцов чухломских чуть заживо в угодники не причла.

– А куда же ты, мое дитятко, девал свои новые рукавицы да гривну денег? – спросила она у Никиты. – Аль потерял да потратил?

– Нет, государыня матушка, не потерял, не потратил, а в теплое местечко попрятал.

Тут он опять выскочил в присенок и хватил бабкой о землю:

– Чтобы, дескать, уродились мне рукавицы новые строченые да денег семь алтын с деньгой.

Все это поспело как за ухом почесать. Рукавицы новые строченые, на них коймы золотые тисненые, сами наделись на руки, а семь алтын с деньгой, в цветной калите шелку шемаханского, висели у Вдовинича за поясом. Опять матушка его, вдова горемычная Улита Минеевна, диву дивовалась и дарами любовалась, да молила бога за своего сынка ненаглядного, который сам теперь стал ей кормильцем.

На другой день Улита Минеевна пошла звать старушонок-соседа да кумушек-голубушек попить даровыми пирогами да брагой; а они, дело домышленное, лакомы на то, что не на свои грош куплено: пили, ели, чуть не лопнули, а все еще пирога да браги осталось на добрую неделю.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наш Никита Вдовинич, черной бабкой о землю постукивая да того-другого, прочего попрашивая, как сыр в масле катался и рос не по дням, по часам. Прошло семь лет с походом, и он стал таким молодцом прозрачным да ражим, что все на него заглядывались: лицо кругло и полно, что светел месяц, бело и румяно, что твое наливное яблочко; а сила у него проявилась такая, что с одного щелчка между рог быка убивал. Двор у него был как город, изба как терем, и в ней всякой рухляди да богатства, что и в три года не счесть. Матушка его Улита Минеевна в одну ночь охнула, воздохнула, да и ножки протянула, обкушавшись на именинах своего детища возлюбленного яств сахарных да опившись меду сладкого. И стал наш Никита Вдовинич сам себе старшим, сам себе хозяином, и вошел он в честь и славу великую, в те поры как Пошехонье поднялось войною на Чухлому. А той войне была такова вина: чухломский богатырь Куроцап Калинич напоил на молодецком разгулье пошехонского богатыря Анику Шибайловича сонным зельем да обрил ему половину головы, половину бороды и вытравил его заповедные луга своими конями богатырскими; вот и взорвало это пошехонцев, и вздумали они отсмеять насмешку чухломцам. Зашумела рать-сила несметная, началась битва кочережная, поднялась стрельба веретенная, наступили на твердыни крепкие, на жернова мукомольные. И взмолились чухломцы всею громадой Никите Вдовиничу,

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru чтобы вступился за своих земляков-однокашников. Никита Вдовинич все дело разом порешил: как выехал он на борзом коне в полстянном колпаке да крикнул-гаркнул молодецким голосом, богатырским покриком на сильных могучих пошехонских витязей, Анику Шибайловича да Шелапая Селифонтьевича:

– Что вы, мелкие сошки, сюда носы показали? Много ли вас и на одну руку мне? Куда вы годитесь? Вас бы только спаровать да черту подаровать!

Аника Шибайлович да Шелапай Селифонтьевич прогневались на такие речи обидные и бросились с двух сторон на Никиту Вдовинича; только он был не промах: одного взял за ус, другого за бороду и подбросил их выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Тут пошехонцы оробели, дрогнули, побежали и давай прятаться: кто в гору, кто в нору, а иные, поджав хвосты, в часты кусты.

В те поры жила-была в Чухломе дочь купецкая Макрида Макарьевна, красота ненаглядная; жила она в неге и в холе, в девичьем раздолье, пока батюшка ее не проторговался дочиста. Добрые молодцы по дням не едали и по ночам не сыпали, заглядевшись на ее очи соколиныя, на ее уста кармазинныя; красные девицы завидовали ее русой косе, девичьей красе да ее парчовым шубейкам и золотым повязкам; а старые старухи поговаривали, что она спесива, причудлива и своеобычлива, – в пологу спать не ляжет, в терему шить не сядет: в пологу-де спать душно, в терему шить скучно. Полюбила нашему Никите Вдовиничу дочь купецкая Макрида Макарьевна, красота ненаглядная, заслал он свах к ее батюшке, и те свахи наговаривали столько добра о Никите Вдовиниче, а пуще о его житье-бытье и богатестве, что отец и мать Макриды Макарьевны, да и сама невеста, рады-радешеньки были такому жениху. Никите Вдовиничу не пиво варить, не меды сластить: все мигом уродилось; так веселым пирком да и за свадебку. Вдовинич задал пир на весь мир; а после стал жить да поживать со своею молодой женой Макридою Макарьевной, красотой ненаглядною.

Скорая женитьба – видимый рок: наш Никита Вдовинич женился как на льду обломился. Солона прилась ему жена, красавица ненаглядная; ни днем, ни ночью покоя не знай, все ей угождай. Уж ей ли не было неги и во всем потехи! да правда, что прихотливой и сварливой бабе сам черт не брат. Никита Вдовинич, сказать не солгать, из рук не выпускал черной бабки; извелся совсем, швыряя ее о земь на женины прихоти. Все было не по Макриде Макарьевне: то дом тесен – ставь хоромы; то углы не красны – завесь их коврами узорчатыми; то посуда не люба – подавай золотую да серебряную; то наряды не к лицу – подавай парчи золотые да камки дорогие. А даровал им бог детище желанное, сына Иванушку, – так чтобы колыбель была диковинная, столбы точеные, на них маковки позолоченые. Ну не то, так другое; а бедному Вдовиничу не было ни льготы, ни покоя.

Так бился он с годом трижды три года; не раз заносил он черную бабку, чтобы стукнуть оземь да и сказать: «Бабка, бабка, черная лодыжка! унеси ты мою женушку в тартарары, во тму кромешную, чертям на беду, сатане на мученье», да всякий раз у него руки опускались и язык прилипал: жаль ему было жены, красавицы ненаглядной, хотя она и мучила его с утра до вечера; а пуще жаль ему было детище желанного, сына Иванушки, чтоб он в сиротстве не натерпелся горя. Правду молвить, и сынок Иванушка пошел по батюшке да по дедушке: на дело не горазд, а все бы ему гули да гули, все бы ему рыскать по улице да играть в бабки с соседними ребятами.

Вот под конец Никита Вдовинич совсем из сил выбился от причуд и свар жениных. Вышел он на широкий двор, ударил бабкой о сыру землю и приговаривал:

– Бабка, бабка, черная лодыжка! служила ты басурманскому колдуну Челубею Змеулановичу ровно тридцать три года; теперь послужи мне, доброму молодцу: чтоб у жены моей были полны ларцы золота и полны лари серебра; пусть ее тратит на что пожелает, только моего века не заедает. А мне чтоб было ровно на семь лет зелена вина да меду пьяного, запивать мое горе тяжкое!

Сказано и сделано. Макрида Макарьевна почала без счету сыпать серебро и золото на свои затей женские; а Никита Вдовинич с утра до вечера у себя в светлице посиживал, да хмельное потягивал, и втянулся так, что у него лицо раздулось как волюшка, глаза стали красны, как у вора, и от него несло сивухой, как из винной бочки. Ведомо и знаемо, что русский человек напивается от двух причин: на радости да с горя; а есть у нас добрые люди, у которых что день – то радость, что день – то горе, либо день при дне радость и горе с перемежкой. У Никиты же

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Вдовинича было все горе, да горе, да при горе горе. Ни о чем он не хлопотал, не заботился, на все смотрел, спустя рукава. И то сказать, у горького пьяницы одна заботушка: напиться да выпасться, а после опохмелиться, чтобы снова напиться.

Женушка его ненаглядная, Макрида Макарьевна, тою порою творила свою волю и не думала о своем сожителе, а так про себя смекала: «Пусть его с пьянства околеет; мне же руки развяжет». – Детищу его желанному, сынку Иванушке, исполнилось двенадцать годков и пошел тринадцатый; он по-прежнему не знал себе иного дела, кроме того чтоб воробьев поддирать да в бабки играть. И нашел он однажды в батюшкиной светлице под лавкой черную бабку, которую Никита Вдовинич спяна обронил, да и не спохватился: ведь пьяный свечи не поставит, а разве дюжину повалит. Иванушка рад был своей находке, побежал играть с соседними ребятами и все, что на кону ни стояло, как рукой подгрел.

Спустя малое время проявился в Чухломе черненький мальчик. Он был черен как жук, лукав как паук, а сказывался Четом-Нечетом, бобылем безродным. Такого доки в бабки играть еще и не видывали: всех ребят дочиста обобрал. Вот и взяла Иванушку зависть:

– Что-де за выскочка, что всех обыгрывает? Посмотрю, как-то он потянется против моей черной бабки!

И схватились они играть вдвоем, рука на руку. Черненький мальчик, Чет-Нечет, бобыль безродный, сперва проиграл Иванушке кона два-три; а после вынул красную бабку с золотой насечкой, так хорошо изукрашену, что, как свет стоит, такой бабки еще и во сне не видывали и слыхом о ней не слыхивали. Красная бабка как стекло лоснится, ярким цветом в глаза мечется, золотую насечкой как жар горит и всякого на себя поглядеть манит; а черненький мальчик, Чет-Нечет, бобыль безродный, Иванушку ею приваривает и такие речи заговаривает:

– Ну-ка ты, Иванушка, буйная головушка, синяя шапка! посмотри, какова моя красная бабка? Уж не твоей черной чета! Выиграй-ка ее у меня, так будешь молодец и на все удалец; а не выиграешь – будешь мерзлый баран, обгорелый чурбан. Лих тебе не видать ее, как ушей своих!

Иванушка озлился, чуть бобылю в черные кудри не вцепился и так на него забранился:

– Ах ты, смоляная рожа, цыганское отродье, материн сын, отцов пасынок! Тебе ль со мной тягаться? я так тебя облуплю, что станут и куры смеяться.

– Ну, что будет, то будет, – молвил вполсмеха черненький мальчик, – ставь черную бабку, а я поставлю свою красную, да и померяемся, кому первому бить.

– Изволь, коли тебе не жаль своей красной бабки! – отвечал Иванушка. Только он не в пору расхвастался. Поставили бабки, черную да красную, стали меряться на палочке – верх остался за черненьким мальчиком. Чет-Нечет, бобыль безродный, приладил, хват – и снес обе бабки.

– Моя! – крикнул он таким голосом, что в ушах задребезжало, кинулся вперед, схватил черную – и мигом не стало ни его, ни черной, ни красной бабки. Иванушка с горя побрел домой; смотрит: отцовских хором как не бывало, а вместо их стоит лачужка, чуть углы держатся, и от ветра пошатывается. Матушка его Макрида Макарьевна сидит да плачет, голосом воеет, жалобно причитает, уж не в золотой парче, не в дорогой камке, а просто-запросто в крестьянском сарафане; батюшка лежит пьяный под лавкою в смуром кафтане. Оглянулся Иванушка на себя – и на нем лохмотье да лапти! Не знал он, не ведал, отчего такая злая доля приключилась? А вся беда неминуемая приключилась оттого, что он проиграл заветную черную бабку, а выиграл ее чертенюк, который подослан был старшими чертями да проклятыми колдунами и сказывался Четом-Нечетом, бобылем безродным. Так-то от лукавого сатаны, да от сумбурицы жены, да от сына дурака, да от своего хмеля беспутного, беспросыпного Никита Вдовинич потерял все: и счастье, и богатство, и людской почет, да и сам кончил свой живот, ни дать ни взять, как его батюшка, в кабаке под лавкой. Макрида Макарьевна чуть сама на себя руки не наложила и с горя да с бедности исчахла да изныла; а сынок их Иванушка пошел по миру с котомкой за то, что в пору да вовремя не набрался ума-разума.

Вот вам сказка долгенька, а к ней присловье коротенько: избави боже от злой

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
жены, нерассудливой и причудливой, от пьянства и буянства, от глупых детей и от демонских сетей. Всяк эту сказку читай, смекай да себе на ус мотай.

Оборотень [41]

Народная сказка.

«Это что за название?» – скажете или подумаете вы, любезные мои читатели (какому автору читатели не любезны!). И я, слыша или угадывая ваш вопрос, отвечаю: что ж делать! виноват ли я, что неусыпные мои современники, романтические поэты в стихах и в прозе, разобрали уже по рукам все другие затейливые названия? Корсары, Пираты, Гяуры, Ренегаты и даже Вампиры попеременно, одни за другими, делали набеги на читающее поколение или при лунном свете закрадывались в будуары чувствительных красавиц. Воображение мое так наполнено всеми этими живыми и мертвыми страшилищами, что я, кажется, и теперь слышу за плечами щелканье зубов Вампира или вижу, как «от могильного белка адского глаза Ренегатова отделяется кровавый зрачок...». Напуганный сими ужасами, я и сам, хотя в шутку, вздумал было попугать вас, милостивые государи! Но как мне в удел не даны ни мрачное воображение лорда Байрона, ни живая кисть Вальтера Скотта, ни даже скрипучее перо г. д'Арленкура и ему подобных, и сама моя муза так своевольна, что часто смеется сквозь слезы и дрожь от страха; то я, повинувшись свойственной полу ее причудливости, пушу слепо мое воображение, куда она его поведет. Скажу только в оправдание моего заглавия, что я хотел вас подарить чем-то новым, небывалым; а русские оборотни, сколько помню, до сих пор еще не пугали добрых людей в книжном быту. Я мог бы вместо оборотня придумать что-нибудь другое или подменить его каким-либо лихим разбойником; но все другое новое, как я уже имел честь доложить вам, разобрано по рукам другими, а в книжных наших лавках залегли теперь такие большие шайки разбойников – не всегда клейменых (по крайней мере клеймом гения), но всегда печатных, – что если б мыши и моль не составили против них своей Santa Hermandad, [42] то от них не было б житья порядочным людям.

Я думал написать это вступление в виде разговора кого-нибудь из моих приятелей с кем-нибудь из моих неприятелей, но побоялся, что меня тотчас уличат в подражании; а, признаюсь, мне не хотелось бы прослыть подражателем... Свое, господа мои сподвижники на поприще бумаги и перьев, станем творить свое! Я хочу вам подать похвальный пример и для того вывожу напоказ небывалого русского оборотня.

В одном селении... Вы, добрые мои читатели, верно, не спросите, как называется это селение, в какой губернии и в каком уезде лежит оно. Удовольствуйтесь же тем, что я вам буду рассказывать, и не требуйте от меня лишнего.

Итак, дослушайте ж...

* * *

В одном селении жил-был старик по имени Ермолай. Все знали, что он умывается росой, собирает разные травы, ходя, беспрестанно что-то шепчет себе в длинные, седые усы, спит с открытыми глазами и пр. и пр. Чего же больше? Он колдун, и злой колдун: так о нем толковало все селение. Надобно сказать, что селение было раскинуто по опушке большого, дремучего леса, а изба Ермолаева была на самом выезде и почти в лесу. Ермолай сроду не был женат, но лет за пятнадцать до того времени, в которое мы с ним знакомимся, взял он к себе приемыша, сироту, которого все сельские крестьяне называли прежде бобылем Артюшей; а теперь, из уважения ли к колдуну, или по росту и дородству самого детины, стали величать Артемом Ермолаевичем: подлинного его отца никто не знал или не помнил, а и того больше никто о нем не заботился.

Артем был видный детина: высок, толст, бел и румян, ну, словом, кровь с молоком. И то сказать, мудро ли было колдуну вскормить и выхолить своего приемыша? Крестьяне были той веры, что колдун отпоил Артема молоком летучих мышей, что по ночам кикиморы чесали ему буйную голову, а нашептаный мартовский снег, которым старик умывал его, придавал его лицу белизну и румянец. Одного добрые крестьяне не могли добиться: каким образом старый Ермолай, так сказать, переродя Артема из тощего, бледного мальчишки в дородного и румяного парня, не научил его уму-разуму, ибо Артюша был прост, очень прост: молвит, бывало, что с дуба сорвет, до сотни не сочтет без ошибки и не всегда, бывало, впадет ответит, когда у него спросят, которая у него правая рука и которая левая. Он так нехитро

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru смотрел большими своими серыми глазами, так простодушно развешивал губы и так смешно переплетал ногами, когда случилось ему бежать, что сельские девушки подсмеивали его исподтишка и шепотом говаривали про него: «Красен как маков цвет, а глуп как горелый пень». В селении прозвали его вислогубым красиком, и все это не вслух, а тайком от колдуна, потому что все боялись обидеть его в лице его приемыша.

И то, однако ж, многие начали смекать, что злой старик догадывается о насмешках поселяна над его нареченным сыном. В селении вдруг начал пропадать мелкий рогатый скот: у того из поселян не явится пары овец, у другого трех или четырех коз, у третьего пропадут все ягнята. Пастухи не раз видали, как из лесу вдруг выбежит большой-пребольшой волк, схватит одну или пару овец, стиснет им горло зубами, взбросит их к себе на спину – и был таков: мигом умчит их к лесу. Сколько ни кричи, ни тюкай – он и ухом не ведет; сколько ни трави собаками: они поплетутся прочь, поджав хвосты, и робко озираются назад. Крестьяне тотчас взяли догадку, что это не простой волк, а оборотень; вслед же за этою догадкой пришла к ним и другая: что этот оборотень не иной кто, как сам Ермолай Парфентьевич.

Делать было нечего. Все боялись колдуна, хотя, сказать правду, до сих пор он не делал еще никакого зла селению; но все-таки он был колдун. Жаловаться на него – у кого найдешь расправу, когда и сам священник отрекался заклясть его? Самим его доконать – грешно, хоть он и колдун; притом же эти дела так пахнут торговой казнью и ссылкой, что у всякого невольно руки опустятся. Да и кто знает, что после смерти не станет он приходить из могилы мертвецом и душить уже не овец, а людей, которые озлобили бы его преждевременным отправлением на тот свет? Как ни раскладывали крестьяне умом, сколько ни толковали на мирской сходке, а все дело не клеилось. Пришлось им стать в тупик, горевать, закусы губы, да молиться святым угодникам за себя и за стада свои.

В селении том жила красная девушка, Акулина Тимофеевна. Лицо у нее было, что наливное яблочко, очи соколиные, брови соболиные – словом, она уродилась со всеми достоинствами и приманками красавиц, о которых перешли к нам достоверные предания в старинных русских песнях и сказках. Одна она никогда не смеялась над простаком Артюшей, а напротив того еще заступалась за него между своими подругами и уверяла их, что он детина хоть куда. Лукавая девушка смекнула, что старик Ермолай очень богат и очень стар, что жить ему на свете оставалось недолго, и что после него единственным наследником его имени должен быть Артем Ермолаевич. Она так умильно поглядывала на Артема, так ласково говорила ему, встречаясь: «Здравствуй, добрый молодец!», что Артем, как ни был прост, а все заметил ее приветливость. Часто он, избочась и выступая гоголем, подходил к ней и заводил с нею речи – грех сказать: умные, а такие, которые, видно, нравились красавице, и на которые она охотно отвечала. Короче: Акулина Тимофеевна скоро заслужила всю доверенность нелюдима Артюши: он еще чаще стал подходить к ней, облизываясь и с глупым смехом выкрикивая:

– Здорово, Акуля, – отвечивал ей дружеский удар тяжелою своею ладонью по белому круглому плечу и таял пред нею..

Да, таял, в полном смысле слова, потому что щеки его делались еще краснее, глаза еще мутнее и глупее, а багровые губы никак уже не сходились между собою и становились час от часу толще, час от часу влажнее, как вишня, размокшая в вине. Девушка стала уже не шутя подумывать, как бы ей пристроиться; то есть, с помощью обручального кольца да честного венца, прибрать к рукам и Артема и будущие его пожитки.

К ней-то, наконец, смысленные крестьяне обратились с просьбою помочь их горю.

– Ты-де, Акулина Тимофеевна, в селе у нас умный человек; а нам вестимо, что благодетель твой Артем Ермолаевич с неба звезд не хватает, хоть и слывет сыном такого человека, у которого в седой бороде много художества. Порадей нам, а мы тебе за то чем по силам поклонимся. Одной только милости у тебя и просим: как бы досконально проведать, подлинной ли то волк душит наших овец или это – не в нашу меру будь сказано – Ермолай Парфентьевич оборотнем над нами потешается?

Акулина Тимофеевна молчала несколько времени, покачивая в раздумье головушкой: с одной стороны, боялась она прогневить колдуна, который знал всю подноготную; с другой стороны, манили ее подарки.. а кто к подаркам не лаком? Спросите у стряпчих, спросите у судей, спросите у того и другого (не хочу называть всех

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru поименно): всякий если не словами, так взглядом припомнит вам старую поговорку: кто богу не грешен, царю не виноват! И Акулина Тимофеевна была в этом смысле ежели не закоснелюю грешницей, то, по крайней мере, не совсем чиста совестью. Она подумала-подумала – и дала крестьянам обещание похлопотать об их деле.

На другой день, встретясь с Артемом, больше прежнего была она с ним приветлива и ласкова, и больше прежнего таял бедный Артем: щеки его так и пылали, губы так и пухли. Умильно потрепав его по щеке полненькими своими пальчиками, плутовка сказала ему:

– Артюша, светик мой! молвила бы я тебе словцо, да боюсь: старик твой нас подметит. Где он теперь?

– А кто его весть! Бродит по лесу словно леший, да, тово-вона, чай дерет лыка на зиму.

– Скажи, пожалуйста: ты ничего за ним не примечаешь?

– Вот-те бог, ничего.

– А люди и невесть что трубят про него: что будто бы он колдун, что бегаёт оборотнем по лесу да изводит овец в околотке.

– Полно, моя ненаглядная: инда мне жутко от твоих речей.

– Послушай меня, сокол ясный: ведь тебя не убудет, когда ты присмотришь за ним да скажешь мне после, правда ли, нет ли вся та молва, которая идет о нем по селу. Старик тебя любит, так на тебя и не вскинется.

– Не убудет меня? да что же мне прибудет?

– А то, что я еще больше стану любить тебя, выйду за тебя замуж, и тогда заживем припеваючи.

– Ой ли? да что же мне делать-то?

– А вот что: не поспи ты ночь да примечай, что старый твой станет кудесить. Куда он, туда и ты за ним; притаись где-нибудь в углу или за кустом и все высматривай. После расскажешь мне, что увидишь.

– Ахти! страшно! Да еще и ночью. А когда же спать-то буду?

– Выспишься после. Зато уж как женою твоею буду, ты, мой голубчик, будешь спать вволю. Тебя не пошлют тогда ни дрова рубить, ни воду таскать: все я за тебя; а ты себе, пожалуй, поваливайся на печи да покушывай готовое.

– Ладно! будь по-твоему: стану приглядывать за моим стариком. Да скажи, он мне бока-то не отлощит?

– Не бойся ничего: он не узнает; а какова не мера, так я сама принесу ему повинную и скажу, что тебя научала.

– Ну, то-то, смотри же! чур, не выдавать меня.

– И, статимо ли дело! прощай же, дружочек.

– Прощай, моя любушка!

При всей своей простоте, Артем не вовсе был трус: он уважал и боялся названного своего отца, а впрочем, по слабоумию ли, по врожденной ли отваге, не мог себе составить понятия о страхах сверхъестественных.

Может быть, и старик, воспитывая его в счастливом невежестве, старался удалять от него всякую мысль о колдунах, недобрых духах и обо всем тому подобном, чтобы не внушить ему каких-либо подозрений на свой счет и не заставить его замечать того, в чем нужно было от него таиться.

Наступила ночь. Артем, по обыкновению, лег рано в постель, укутался с головою;

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
но не спал и прислушивался, спит ли старик. С вечера было темно; старик ворочался в постели и бормотал что-то себе под нос; но когда взмог месяц, тогда Ермолай встал, оделся, взял с собою какую-то вещь из сундука, стоявшего у него в изголовье, и вышел из избы, не скрипнув дверь. Мигом Артем был тоже на ногах, накинул на себя балахон и вышел так же тихо. Притаившись в сених, он выглядывал, куда пошел старик, и, видя, что он отправился к лесу, пустился вслед за ним, но так, чтобы всегда быть в тени... Так-то и самый простодушный человек имеет на свою долю некоторый участок природной тонкости и употребляет его в дело, когда нужно ему провести другого, кто его посильнее или похитрее. Но довольно о тонкости простаков: посмотрим, что-то делает наш Артем.

Лепясь вдоль забора, прокрадываясь позадь кустов и, в случае нужды, ползучи по траве как ящерица, успел он пробраться за стариком в самую чашу леса. Середь этой чаши лежала поляна, а середь поляны стоял осиновый пень, вышиною почти вполочеловека. К нему-то пошел старый колдун, и вот что видел Артем из своей засады, которую служили ему самые близкие к поляне кусты орешника.

Лучи месяца упали на самый сруб осинового пня, и Артему казалось, что сруб этот белелся и светился как серебряный. Старик Ермолай трижды обошел тихо вокруг пня и при каждом обходе бормотал вполголоса такой заговор: «На море Океане на острове Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень; около того пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый. Месяц, месяц, золотые рожки! расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на зверя и на человека, чтоб они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли». Ночь была так тиха, что Артем ясно слышал каждое слово. После этого заговора старый колдун стал лицом к месяцу и, воткнув в самую сердцевину пня небольшой ножик с медным черенком, перекинул через него трижды таким образом, чтобы в третий раз упасть головою в ту сторону, откуда светил месяц. Едва кувырнулся он в третий раз, вдруг Артем видит: старика не стало, а наместо его очутился страшный серый волчище. Злой этот зверь поднял голову вверх, поглядел на месяц кровавыми своими глазами, обнюхал воздух во все четыре стороны, завыл грозным голосом и пустился бежать вон из лесу, так что скоро и след его простыл.

Во все это время Артем дрожал от страха как осиновый лист. Зубы его так часто и так крепко стучали одни о другие, что на них можно было истолочь четверик гречневой крупы; а губы его, впервые может быть от рождения, сошлись вместе, сжались и посинели. По уходе оборотня он, однако ж, хотя и не скоро, оправился и ободрился. Простота, говорят, хуже воровства: это не всегда правда. Умный человек на месте нашего Артема бежал бы без оглядки из лесу и другу и недругу заказал бы подмечать за колдунами; а наш Артем сделал если не умнее, то смелее, как мы сейчас увидим. Он подошел к пню, призадумался, почесал буйную свою голову – и после давай обходить около пня и твердить то, что слышал перед сим от старого колдуна. Мало этого: он стал лицом к месяцу, трижды кувырнулся через ножик с медным черенком и за третьим разом, глядь – вот он стоит на четвереньках, рыло у него вытянулось вперед, балахон сделался длиною, пушистою шерстью, а задние полы выросли в мохнатый хвост, который тащился как метла. Дивясь такой скорой перемене своего подобию и платья, он попробовал молвить слово – и что же? – вместо человеческого голоса завыл волком; попытался бежать – новое чудо! уже ноги его не цеплялись, как бывало прежде, друг за друга.

Новый оборотень не мог говорить, но не лишился способности рассуждать, то есть столько, сколько он обыкновенно рассуждал в человеческом своем виде. Мне, признаться, никогда не случалось слышать, чтобы оборотни в волчьей шкуре становились умнее прежнего. Вот наш Артем остановился и призадумался, как ему употребить в пользу и удовольствие новую свою личину? Тут ему пришла мысль, достойная того, в чьей голове она зародилась: он вспомнил, как часто молодые парни их селения над ним смеивались. «Давай-ка, – думал он, – посмеюсь и я над ними: пойду утром в селение и стану бросаться на всякого... как же эти удалцы будут меня бояться! Однако ж прежде попытаюсь-ка выспаться: в этой шубе мне будет и тепло и мягко даже на сырой траве...». Вздумано – сделано: наш Артем, или оборотень, забрался снова в кусты орешника, лег и заснул крепким сном.

Долго ли спал он, не знаю наверное; только солнце было уже очень высоко, когда он пробудился. Он встряхнулся, посмотрел на себя, и новый его наряд при дневном свете так показался ему забавен, что смех его пронял: он хотел захохотать – но вместо хохота раздался такой пронзительный, отрывистый волчий вой, что бедный Артем сам его испугался. Потом, опомнясь и видя, что он пугается собственного смеха, он захохотал еще сильнее прежнего, и еще громче и пронзительнее раздался

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
вой. Нечего делать: как ни смешно ему было, а поневоле должно было удерживаться, чтоб не оглушить самого себя. Тут он вспомнил о вчерашнем своем намерении – потешиться над своими сверстниками, молодыми сельскими парнями. Вот он и пошел к селению. Дорогою попадались ему крестьяне, ехавшие в поле на работу; каждый из них, завидя издали смелого, необыкновенной величины волка, никак не подозревал, что это был простак Артем; все думали, что то был точно оборотень, – только отец его, старый колдун Ермолай. Оттого каждый крестился, закрывал себе глаза руками и говорил: чур меня! чур меня! Это еще и больше веселило простодушного Артема, еще больше поджигало его идти в селение; никогда, никто его столько не боялся, как теперь: какая радость! Да то ли еще будет в селении? как все всполошатся, крикнут:

– Волк! – станут его травить собаками, уськать, тюкать, соберутся на него с копьями и рогатинами, а он и ухом не будет вести: его ни дубина, ни железо, ни пуля не возьмет, и собаки боятся... То-то потеха!

И в самом деле, все селение поднялось на серого забияку. Сперва встречные бежали от него, крестьянки поскорее заперли овец и коз своих в хлева, а сами запрятались в подушки: все знали, что то был не простой волк. Скоро, однако ж, нашлись удалцы, крикнули по селению, что один конец должен быть с старым колдуном, и повалили толпою: кто с дубиной, кто с топором, кто с засовом – обступили волка и давай нападать на него. Сначала он храбрился, бросался то на того, то на другого, щетинился, скалил зубы и щелкал ими; но наконец робость его одолела: он знал, что, в силу заговора, его не убьют и даже не наколотят ему боков; но могут ощипать на нем шерсть, оборвать хвост, и тогда – как он явится к строгому своему отцу в разодранном балахоне и с оторванными лапами? Беда!

Правда, не нашлось еще смельчака, который бы вышел с ним переведаться: все уськали, кричали только издали, а ни один не подавался вперед. Собак же и вовсе не могли скликать; они разбрелись по конурам и носов не выказывали. Зато люди все стояли в кругу и прорваться сквозь них никак нельзя было. Еще новое горе бедному нашему оборотню: он ничего не ел от самого вечера и желудок его громко жаловался на пустоту. Как быть? и кто поручится, что отец его уже не в селении и не узнает о его проказах? Ахти! вот до чего доводит безрассудство! он и забыл посмотреть, каким образом отец его получит свой человеческий вид! Ну, придется горюну Артему умереть с голоду или исчахнуть с тоски-кручины в волчьей коже... Он задрожал всеми четырьмя ногами, упал, свернулся в комок и уключил голову промеж передних лап.

Крестьяне рассуждали, что им делать с оборотнем: зарыть ли его живого в яму или связать и представить в волостное правление? В это время слух о трусости оборотня разнесся уже по селению, и женщины отважились показаться на улице. Одна девушка пришла даже к кругу, составленному крестьянами около мнимого волка: эта смелая девушка была Акулина Тимофевна. Она тотчас смекнула дело, просила крестьян расступиться, вошла в круг и повела такую умную речь:

– Добрые люди! не дразните врага, когда он сам, как видно, оставляет слово на мир. Смертью оборотня вы добра себе немного сделаете, а худа не оберетесь; в судах же, я слышала, так водится, что и оборотень с деньгами оправится почти всякого честного бедняка. Послушайте меня: разойдется с богом по домам, а этого оборотня я поведу к себе и ручаюсь вам, что вам же от того будет лучше.

Все крестьяне слушали в оба уха и дивились уму-разуму красной девицы. Никто из них не придумал умнее того, что она говорила: они послушались ее речей и расступились в разные стороны. Тут она выплела из косы своей цветную ленту и подошла к оборотню, который в это время потянулся и сам вытянул шею, как будто бы знал, что затевала девушка.

Акулина Тимофевна обвязала ему ленту вокруг шеи и повела его к себе в дом. По простоте и робости оборотня она тотчас отгадала, кто он таков. Введя его в пустую клетку, она накормила его, чем могла, и постлала ему в углу свежей соломы; потом начала его журить за безрассудную его неосторожность. Бедный Артем жалким и вместе смешным образом сморщил волчье свое рыло, слезы капали из мутно-красных его глаз, и он, верное бы, заревел как малый ребенок, если бы не побоялся завывать по-волчьи и снова взбудоражить всю деревню. Девушка заперла его замком в клетки и оставила его отдыхать и горевать.

Вечером Акулина Тимофевна пошла к старику Ермолаю, кинулась ему в ноги,
Страница 190

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru рассказала ему, что сама знала, и сняла всю вину на себя. Старый колдун уже знал обо всем, сердился на Артема и твердил: «Ништо ему, пусть-ка погуляет в волчьей коже!» Но просьбы и слезы печальной красавицы были так убедительны и красноречивы, что старик и сам почти от них растаял. Он заткнул за пояс известный уже нам ножик с медным черенком, взял жестяной фонарик под полу и пошел с девушкой. Вошедши в клеть, прежде всего порядком выдрал уши мнимому волку, который в это время делал такие кривлянья, каких ни зверю, ни человеку не удавалось никогда делать, и выл так звонко и пронзительно, что чуть не оглушил и старика, и девушку, и всю деревню. Вслед за сим наказанием колдун обошел трижды около оборотня и что-то шептал себе под нос; потом растянул его на все четыре лапы и колдовским своим ножиком прорезал у него кожу накрест, от затылка до хвоста и впоперек спины. Распоротый балахон упал на солому, и в тот же миг Артем вскочил на ноги, с открытым своим ртом, простодушным взглядом и очень, очень красными ушами. Отряхнувшись и потершись плечами о стену, он со всех ног повалился на землю перед нареченным своим отцом и, всхлипывая, кричал жалким голосом:

– Виноват, батюшка! прости.

Старик отечески потазал его снова, пожурил – да и простил.

Акулина Тимофевна очень полюбила старому Ермолаю: он заметил в ней природный ум и расчел в мыслях, что лучше всего дать такую умную жену его приемышу, который, после его смерти, живучи с нею, по крайней мере не растратит того, что старому сребролюбцу досталось такою дорогою ценою – то есть накопленных им за грехи свои червончиков и рублевичков.

Короче: дня через три вся деревня пировала на свадьбе Артема Ермолаевича с Акулиной Тимофевной; и хотя все знали, что старик Ермолай злой колдун, но от пьяной его браги и сладкого меду немногие отказывались. Скоро после того Ермолай продал свою избу и поле и перешел вместе с молодыми, названным сыном и невесткою, в какую-то дальнюю деревню, где дотеле и слыхом про него не слыхали. Сказывают, что он провел остальные годы своей жизни честно и смиренно, делал добро и помогал бедным, зато умер тихо и похоронен как добрый на кладбище с прочею усопшею братией. Сказывают также, что Артем, прожив несколько лет с умною и сметливою женою, сделался вполнину меньше прежнего прост и даже в степенных летах был выбран в сельские старосты. Каково он судил-рядил, не знаю; а только в деревне все в один голос трубили, что Акулина Тимофевна была чельшко изо всех умных баб.

Эпилог

Многие той веры, что после всякой сказки, басни или побасенки должно непременно следовать нравоучение; что всякое повествование должно иметь нравственную цель и что все печатное должно служить для общества самым спасительным антидотом от пороков. Как вы думаете об этом, любезные мои читатели, и какое нравоучение присудите мне прибрать к этой истинной или, по крайней мере, очень правдоподобной повести? Что до меня касается – я ничего не умел к ней придумать, кроме следующего наставления: что тот, у кого нет волчьей повадки, не должен наряжаться волком. Нравоучение близкое и ясное, и кажется – если, впрочем, самолюбие меня не обманывает, – оно ничем не хуже того, которое покойник Ломоносов, вечнолирической памяти, прибрал к своей басне «Волк и пастух».

Примечания

1

Печатается по изданию: Чулков М. Пересмешник, 3-е изд, с поправлениями. М., 1789. Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

2

Дидилия – славянская богиня деторождения; оную просили о плодородии детей, имела во многих городах храмы.

3

Белый дух: язычники верили, что с самого рождения приставляются к человеку два духа, один белый, а другой черный. Первый побуждает к доброму, а другой к злему.

4

У древних княжеских дворцов делались особенно большие крыльца, которые обыкновенно назывались красными, как нам то и Московский Кремлевский дворец доказывает.

5

Чернобог, или Чернобог – славяне признавали его богом злым, приносили ему кровавую жертву и делали ужасные заклинания, чтобы отворотить его гнев.

6

Перун – начальнейший славенский бог; он его признавали производителем грома, молнии, дождя, облаков и всех небесных действий; стан его вырезан был искусно из дерева, голову имел серебряную, уши золотые, ноги железные, в руках держал камень, украшенный рубинами и карбункулом, наподобие пылающего Перуна. Огонь горел перед ним непрестанно.

7

Сии животные у славен назывались полканами, что у греков кентавры.

8

Световид, или Святovid, или Святovich – бог солнца либо войны – имел храм в Ахроне, славенском городе, коего жители нарицались ругянами. Каждый год ругяне – как мужи, так и жены – приносили в храм подать по пенязю; кумир был огромной величины, сделан из дерева, о четырех лицах наподобие фонаря, и со всех сторон образ его видеть было можно; не имел бороды и был с завитыми кудрями, по обыкновению славян ругянских, в длинной одежде даже до ног, держал в правой руке рог из металла. Оный рог наполнял брадатый священник вином с великими и торжественными обрядами и так оставлял до утра. Поутру по умалению или неумалению вина гадатайствовал, будет или нет предбудущий год изобилен. Сей же идол левою рукою подпирался и имел на бедре великий и украшенный меч, и в стороне оной руки лежали узда и седло его коня; кумир стоял середь каплицы, находящейся посередине храма, завешенной со всех сторон красным и богато убранными завесами; один только жрец в наступивший год в день праздника входил в каплицу, удерживая дыхание; а когда хотел отдохнуть, то выбегал к дверям каплицы и, выставляя голову, дышал, дабы не осквернить божество дыханием смертным. Сему идолу посвящен был белый конь, у коего из гривы и из хвоста не позволялось ни единого выдернуть волоса, ниже сесть на него, кроме жреца, ибо народ верил, что Световид на нем ездил для поражения их неприятелей во время войны, во уверение чего предлагалось в стойле, что когда оставляли его вычищенного и привязанного, то находили часто поутру вспотевшего и замаранного, как будто кто на нем ездил ночью в дальний путь. От путешествия его предвещали счастливый и худой конец своих ратей, а для окончания гадатайства втыкали стоймя перед храмом шесть копий в землю по два в ряд одно подле другого на равном расстоянии, и ко всякой двойне привязывали одно копьё так высоко, как можно коню без прыгания перешагнуть; потом в установленный день сего действия жрец по прочтении долгих и торжественных молитв, взяв с великими обрядами коня за узду, переводил его через три оные поперечные копьё; нежели переступал все три правую ногою без помешательства с левою, то знак был добрый, а от помешательства худой. Из всех полученных корыстей давался идолу третья часть; кроме того, давалось еще для почести ему триста коней и триста человек с его стороны на войну, и оным всю добычу вручали жрецу, который все то в Световидово сокровище клал, откуда ни малейшей части не позволялось вынуть. На всякий год по собрании доходов приносили ему в жертву множество скота и плененных христиан, о коих утверждал жрец, что весьма их кровью идол услаждается; после оной жертвы приносили большой

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
круглый пирог, сделанный из муста, в котором мог вместиться человек; в оный
вшедши, жрец спрашивал громким голосом людей, видят ли его. Все отвечают
«нет», а он, оборотясь к идолу, молит его, чтоб в будущий год хотя мало его
увидели.

9

Славенский идолопоклонный закон позволял им входить в чужие храмы и приносить
всякую жертву, лишь бы тот кумир имел приличную жертве должность.

10

В то время было узаконение у греков, что женщина после бремени не прежде
очищалась, как через три года, и не входила прежде в храм.

11

Храмина сия наполнена была пеплом, и когда впускали туда осужденного, то
поднимали великую пыль мехами, которые проведены были под стеною, отчего он,
задохнувшись, умирал.

12

В древние времена было такое обыкновение, что новорожденным привешивали на шею
маленькие досканцы, на которых означалось имя младенца и его матери.

13

Дид, сын Лады, бог славенский веселия и любви. Он тот же, что Купидон.

14

Печатается по изданию: Альманах «Северные цветы» СПб 1832. Орфография и
пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные
примечания принадлежат автору.

15

Известно по истории, что в княжение Владимира I находилось множество греков при
его дворе. Скажем мимоходом, что мы не позволяли себе больших отступлений от
истории, но просим читателя не забыть, что повесть не летопись. Здесь вымысел
позволен. Относительно к басням: *Rien nest beau que le vrai, le vrai seul est
aimable* – принимается в другом значении (Пер.: Только истинное прекрасно,
любезна лишь истина. – франц.).

16

Болгары были магометанского исповедания, но не все, ибо император Михаил,
победив их, принудил принять христианскую веру (смотри Нестора). Они же разорили
Арианополь, носивший в древности имя основателя своего Ореста (и об этом
упоминает Нестор).

17

Конечно – Царь-девица.

18

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Конь бога Световида имел дар пророчества. Смотри Мифологию славян Г. Кайсарова.

19

Печатается по изданию: М. Н. Попов. Старинные диковинки, 1–2 части. М., 1793.
Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

20

Род старинной обуви, употреблявшейся на Востоке.

21

Сей город называется также Коростенем – в летоп. преп. Нест.

22

Печатается по изданию: Левшин В. А. Русские сказки, Часть 1. М., 1780.
Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

23

Сие имя простым народом испорчено и обращено в Алешу Поповича.

24

Печатается по изданию: Лёвшин В. А. Русские сказки, Часть 1. М., 1780.
Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

25

Первая примета богатырских коней, что оные ничего не едали, кроме пшеницы (прим. автора).

26

Зилант на болгарском языке значит дракон, или, по-славенски, смока. Сей крылатый змий жил близ города Казани, в горе, коя прозвана по имени его гора Зилантова, и ныне стоящий на оной монастырь именуется Зилантов. Поднесь еще показывают пещеру, где жило сие чудовище, коего изображение осталось в гербе Казанского царства, и память о нем вкоренена во всех тамошних жителей.

27

Сие боговещалище, или оракул, находилось близ пригородка Елабуги, при речке Тойме, впадающей тут же в Каму, которого поднесь еще видны каменные развалины, известные под именем Чертова городища. Боном жрецами был содержан обожаемый великий змий, которому людей давали на съедение, вместо жертвы.

28

Чернобог – то ж, что Плутон, или бог ада. Клятва им была ненарушима.

29

Чрез южный пуп земли, конечно, богатырь наш разумеет южный полюс.

30

Сии три пункта с того времени учинились общим правилом богатырей. Оные читали им при вступлении их во сие звание и обязывали сохранять под присягой. Из сего видно, что Добрыня первый подал повод к учреждению ордена богатырского, и Владимир был первый одного учредитель.

31

Узры – народ славянский, живший по берегам реки Яика, коя ныне именуется Урал.

32

Полкан – животное, имеющее конский стан и вместо шеи верхнюю половину человека.

33

Богатырские кости признавались по отменной толстоте своей, и богатырь, наезжающий оные без погребения, долженствовал их предать земле.

34

Тризны – поминовение усопших, по обычаю славянских идолопоклонников.

35

Сей курган, или холм, виден поднесь и находится верстах в трех от Оренбурга, в правой стороне, едучи к сему городу от Казани.

36

Золотая гривна значит цепь, которую носили на шее только монархи и те, коим за великие заслуги от оных был жалован сей знак отличия.

37

Зимцерла – богиня зари, или славенская Аврора.

38

Печатается по изданию: Невский альманах на 1830 год, СПб., 1829, с 408–413. Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

39

Печатается по изданию: Царское село на 1830 год, СПб., 1829, с 148–156. Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

40

Печатается по изданию: Русский альманах на 1832 и 1833 годы, СПб., 1832, с 329–356. Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам.

Сказания о русских витязях. К. Н. Батюшков, М. И. Попов batyushkov.ru
Все подстрочные примечания принадлежат автору.

41

Печатается по изданию: «Подснежник на 1829 год» – СПб., 1829. – с. 189–225.
Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

42

Святое братство (исп.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://batyushkov.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!